

ДЕЛО

Памяти
Владимира Ивановича Поветкина

1-2/2013

ГИМН ВЕЛИКОМУ НОВГОРОДУ

Слова и музыка В.И. Поветкина

Величавая
Наша Родина –
Богатырская
Сторона!

Где София,
Тут и Новгород,
Золотые
Купола.

Где Софии храм,
Тут наш Новгород,
Здесь поют-гудут
Колокола.

Господин Государь
Великий Новгород –
Гуслей звончатых
Кружева.

Ты в веках стоишь,
Нас от бед хранишь –
Не забудем
Никогда.

Ты в веках стоишь,
Красотой даришь –
И поют-гудут
Колокола.

Волнам Ильменя –
На утишенье,
Людам добрым –
На слух,

Как из грозных туч
Грянет солнца луч,
Пусть поют-гудут
Колокола.

Славен будь всегда,
Пресветлый Новгород!
Пусть гудут твои
Колокола!

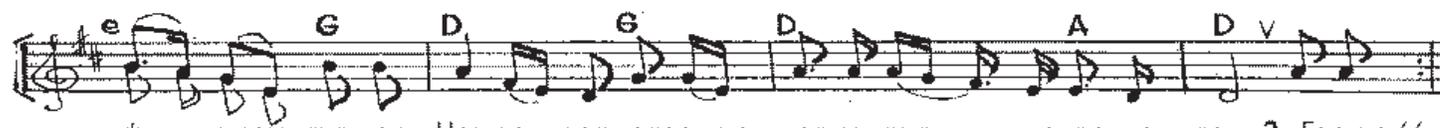
Славен будь всегда,
Великий Новгород!
Пусть гудут твои, поют-гудут
Колокола!

1. Ве - ли - ча - ва - я на - ша Ро - ди - на — бо - га - тыр - ска - я сто - ро - на! Где Со -
// - дин Го - су - дарь Ве - ли - кий Нов - го - род — Гу - слеи звон - ча - тых кру - же - ва. Ты в ве -
// Иль - ме - ня — на у - ти - ше - нье, лю - дам доб - рым — на слух. Как из

- фи - я, тут и Нов - го - род, зо - ло - ты - е ку - по - ла. Где Со -
- ках сто - ишь, нас от бед хра - нишь — не за - бу - дем ни - ког - да. Ты в ве -
гроз - ных туч гря - нет солн - ца луч, пусть по - ют - гу - дут ко - ло - ко - ла. Сла - вен

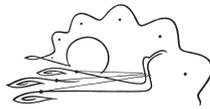

- фи - и храм, тут наш Нов - го - род, здесь по - ют - гу - дут ко - ло - ко - ла. 2. Гос - по //
- ках сто - ишь, кра - со - той да - ришь — и по - ют - гу - дут ко - ло - ко - ла. 3. Вол - нам //
будь всег - да, пре - свет - лый Нов - го - род! Пусть гу - дут тво - и ко - ло - ко - ла! Сла - вен

будь всег - да, Ве - ли - кий Нов - го - род! Пусть гу - дут тво - и, по - ют - гу - дут ко - ло - ко - ла!

ЧЕЛО

альманах

№ 1–2 [52–53] 2013

Издаётся с 1995 года

Новгородский
государственный университет
им. Ярослава Мудрого

«ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!»

«Я доволен своей работой лишь в одном смысле. А именно – она не будет вредна для людей, которые увидят её результаты. В XX веке обретают вторую жизнь вещи, жившие в X веке. Ходят слухи, и даже активно пропагандируется, что в старину люди были на низком уровне развития и не знали того, что знаем мы. А эти вещи говорят об особой одарённости, об особой человечности и об огромном знании законов природы, и об умении наших прародителей учитывать эти законы и пользоваться ими. И в вещах этих можно увидеть красоту и гармонию, присущую природе...»

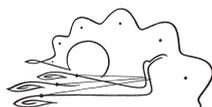
Письма В.И. Поветкина к матери
читайте на стр. 37

СОДЕРЖАНИЕ:

Страница редактора	3
слово	
С.Д. Малютин – Памяти Владимира Ивановича Поветкина	5
архив	
«...Жизнь распоряжается мною чаще, чем я ею» Из писем В.И. Поветкина С.Д. Малютину. 1969–2004 гг.	11
«Маэстро, – музыку!» Из писем В.И. Поветкина В.С. Мазурову. 1964–1967 гг.	22
горенка	
Г.Г. Ларская – «Он одухотворял всё, к чему прикасался» Из дневников Галины Ларской	23
«Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце...» Из писем В.И. Поветкина Г.Г. Ларской. 1968–1973 гг.	27
родники	
«Здравствуй, Мама!» Из новгородских писем В.И. Поветкина к матери – Марии Фёдоровне Байбаковой. 1969–1997 гг.	37
эхо	
Н.Н. Попова – «Полюбил Вас с первого Вашего слова»: История одного письма	69
новгород	
«Пишу этот дневник просто. Не ищи, читатель, в нём мудрых размышлений» Из дневников В.И. Поветкина. 1998–2008 гг.	73
перо	
Н.Н. Попова – О «Родниках»	106
В.И. Поветкин – О храбром Девгении – кириллицей обереженный сказ	108
Загадка гуслей-псалтиря	110
Гражданину России В.И. Далю – из ненастья XX века	112
На грани жизни и позора, или Летний солнцеворот в Новгороде	114
Вначале был гудочек	116
Из новгородской летописи гусленых словес	116

Благородная хардингфеле и топором тёсанные гусли	121
Не мороз ли цвет на яблонях побил? – то на пепле Новгород победный	123
По ниве и музы нароженье	125
Озарённая Кривополенова	129
Обретение Новгородской псалтыри	131
Зачем-то Балашову был нужен фольклор	138
О Лихачёве, Новгороде, гусях и молитве	141
Самоцветное наследие Симеона	145
<i>Л.А. Гаврилова –</i> Словесных дел мастер	152
мастера	
<i>А.А. Лукин –</i> Владимир свет Иванович! Вы приходили в этот мир. Зачем?	156
колокола	
«Дуют ветры» <i>муз. В.И. Поветкина, сл. А.В. Кольцова</i>	167

**Номер издан при финансовой поддержке
Департамента культуры и туризма Новгородской области,
ОАУ «Центр развития культуры „Решение”»,
Новгородского общества любителей древности,
Городского Центра культуры и досуга им. Н.Г. Васильева.**

Редакционная коллегия:

Барканова Е.В.
(главный редактор)
Бурьяк М.К.
Витушкин С.Ф.
Данько Т.А.
Дудкин В.В.
Коваленко Г.М.

Морылёва Н.И.
Петрова Л.А.
Савинова И.Д.
Секретарь Л.А.
Сигалова Т.Н.
Ядрышников В.А.
Ярыш В.И.

© В.И. Поветкин, 2013
© Авторы статей, 2013

СТРАНИЦА РЕДАКТОРА

*Никто не может избежать смерти,
но великими достижениями люди сооружают себе памятник,
который будет стоять до тех пор, пока не охладает солнце.*
Фабрициус (Голдшмид) Георг (1516–1571)

Много несправедливости видится в раннем уходе из жизни талантливых людей. Кажется, что их уникальность – это защита, но, увы, на самом деле это не так. Вот и тогда, в октябре 2010-го, ощущение беспомощности, бессилия – стало первой реакцией многих, кто столкнулся с потерей такого человека, каким был для нас Владимир Иванович Поветкин... Печальная новость, помню, застала нас в Витебске, когда группа Новгородского общества любителей древности, членом которого он тоже был, возвращалась домой: всю оставшуюся часть пути мы ехали молча, пытаясь осознать произошедшее.

Помимо того, что из жизни ушёл удивительно одарённый человек, ушёл из жизни просто человек со своим характером, темпераментом и разными качествами. У него были планы, идеи, отношения с разными людьми и этого всего в один миг не стало. Но не перечеркнуть «одним роковым мгновением» то многое, что осталось: его дела, работы, наследие, он сам в памяти многих близких и знакомых ему людей и даже тех, кто не знал его лично. Безусловно, во всём, что успел сделать Владимир Иванович, осталась частица его души.

Может, прозвучит излишне пафосно, хотя в данном случае только так, наверное, и можно сказать: в череде будней мы только стремимся, только иногда приближаемся к тому самоотверженному образу жизни, простому и одновременно высокому, когда всё существование без остатка посвящено служению другим, а Владимир Иванович именно так и жил, сгорая. *«Создав огромными усилиями свой музыкальный Центр, Владимир Иванович и сам был центром, или, переводя это слово на древнерусский язык, средоточием, вокруг которого в последние два-три десятилетия выстроилась Вселенная наших общих ценностей: от нежного и трепетного почитания матери до принципиального отстаивания интересов избранного дела и любимого города, беспримерной строгости к себе в работе»,* – так оценил роль В.И. Поветкина в нашей жизни историк и археолог, председатель Новгородского общества любителей древности Сергей Трояновский, разделяя с новгородцами боль утраты в первые дни.

Альманах «Чело» тоже обязан Владимиру Ивановичу своим рождением и неповторимым графическим оформлением. О том, что на свет появится посвящённый ему

специальный выпуск «Чела», мы не сомневались ни секунды, только вот его содержание – оказалось вопросом сложным. Публиковать воспоминания тех, с кем ему довелось работать, или тех, кто в разные периоды жизни был к нему близок? Давать оценку вклада Владимира Ивановича в изучение истории древнего города и Древнерусского государства? Рассматривать Поветкина как художника, мастера, музыканта, учёного, основателя Центра музыкальных древностей? Как быть объективным при отражении его непростой многогранной натуры? Какими словами передать её глубину? Ведь мы-то знаем, что сам Владимир Иванович всегда очень бережно подходил не только к тексту в целом, но и к каждому слову, тонко чувствовал их.

Подсказка пришла неожиданно из Центра музыкальных древностей: сохранились рукописные дневники В.И. Поветкина, письма, документы. Именно они стали основой содержания выпуска альманаха, посвящённого Владимиру Ивановичу Поветкину. Да и какие ещё слова могут сравниться с теми, что вышли из-под пера мастера, по ёмкости, силе воздействия при приближении к пониманию состояния его души, его помыслов?! Только рукописного наследия Владимира Ивановича хватит с лихвой ещё ни на одно издание... А ведь ещё остались его статьи, рисунки, скульптуры, многочисленные «деревяшки», как он называл их, музыкальные инструменты и многое-многое другое.

Коллектив редакции альманаха и редакционная коллегия благодарит новгородцев и курян, москвичей и петербуржцев, краеведов и учёных, археологов и реставраторов, преподавателей и музыкантов, фотографов и литераторов – всех, кто внёс свой вклад в издание выпуска, предоставив материалы и фотографии из личных архивов, поддержав финансирование номера.

Особую благодарность хотелось бы выразить директору Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина Наталье Николаевне Поповой и по праву предоставить ей возможность обратиться к Вам, уступив место на Странице редактора: ведь этот номер – наш совместный труд.

*Главный редактор
альманаха «Чело»
Е.В. Барканова*

От имени сотрудников Центра музыкальных древностей хочу поблагодарить всех, кто способствовал изданию этого выпуска. Особо хочу поблагодарить главного редактора Елену Владимировну Барканову, сотрудников редакции и технического исполнителя Элину Николаевну Белоножку, нашедших силы и возможность осуществить задуманное.

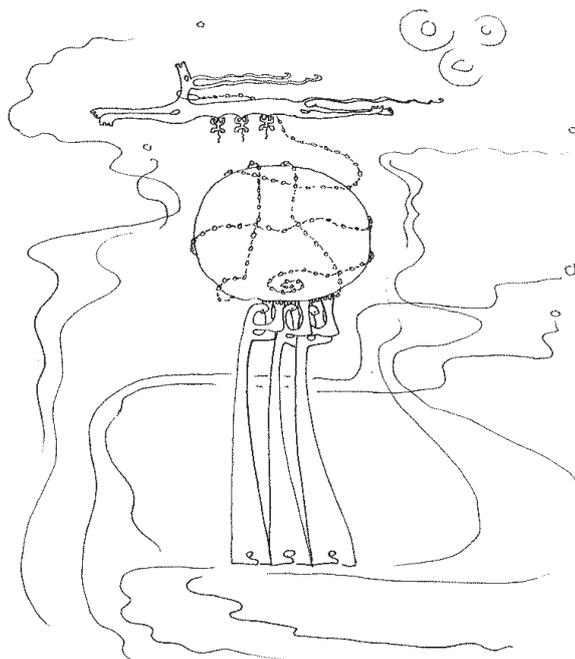
Выражаю признательность друзьям Владимира Ивановича – Сергею Дмитриевичу Малютину, Валерию Степановичу Мазурову и Галине Германовне Ларской, сохранившим письма В.И. Поветкина с далёких 1960-х годов и передавшим их в наш фонд, а также Елене Васильевне Холодовой, поделившейся с нами биографически-важным письмом.

С чувством глубокой благодарности хочу почтить память матери В.И. Поветкина Марии Фёдоровны Байбаковой – всегда и во всём поддерживавшей его и сохранившей письма сына, начиная с 1955 года. В альманахе публикуется часть новгородских писем, раскрывающих нам мысли и чаяния Владимира Ивановича, избранные страницы его дневников, позволившие нам узнать о работе В.И. Поветкина над реконструкциями музыкальных инструментов, берестяными грамотами, восковой книге, о жизни и работе Центра музыкальных древностей.

Хочу поблагодарить сотрудников и участников Центра музыкальных древностей за их бескорыстную помощь в подготовке публикуемых материалов. Особую благодарность хочу выразить замечательному человеку и талантливому архивисту Людмиле Васильевне Феединой, разделившей со мной нелёгкий труд прочтения, анализа и подготовки личных архивов В.И. Поветкина к публикации.

Надеюсь, материалы представленные здесь, помогут хоть немного понять этого удивительного человека, осознать глубину понимания им гармонии окружающего мира, творений древних мастеров, значения народной культуры, раскрывшей перед ним свою мудрость и красоту ещё в 1960-е годы на Курской земле. Фрагменты писем близким людям, избранные страницы дневников смогут приоткрыть то многообразие задач и проблем, которые пришлось решать В.И. Поветкину в его деятельности, выходящей за пределы и науки, и искусства. Думаю, эти документы будут способствовать лучшему пониманию всей сложности обстановки, сложившейся вокруг В.И. Поветкина, начиная с 1970-х годов и его последовательности и верности – несмотря ни на что – своему Пути, предначертанному ему Богом.

*Директор Центра музыкальных древностей
Владимира Ивановича Поветкина
Н.Н. Попова*

Орфография, пунктуация и стиль автора в публикуемых материалах сохранены.

В публикации используются рисунки В.И. Поветкина начала 1970-х годов и эмблема АНО «Центр культуры Поветкина В.И. „Музыкальные древности“». Рисунки, письма, дневники, музыкальные произведения В.И. Поветкина защищены законом об интеллектуальной собственности.

С.Д. Малютин

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ПОВЕТКИНА

Десятого октября 2010 года не стало моего земляка, моего старинного старшего друга — уникального мастера-универсала, художника, учёного, философа, реставратора, музыканта Владимира Ивановича Поветкина. Мне повезло близко знать Владимира Ивановича и на протяжении более сорока лет общаться с ним, переписываться, встречаться на Курской и Новгородской земле. Публикуемые письма Поветкина запечатали не только перипетии его жизненного пути, подробности очень непростого бытового устройства, взаимоотношений с властью предрержащими, но и его напряжённые духовно-эстетические поиски, нелёгкий путь к самому главному делу жизни, а ещё — его живой голос, явственно проступающий сквозь искусно вырисованный почерк одухотворённо летящих строчек, сквозь древнерусские буквы, которыми он непременно начинал и заканчивал свои письма. В этих письмах отразились не только мысли и воззрения Владимира Ивановича на чрезвычайно важные основы нравственной и духовной жизни нации, но и запечатлелся неповторимый, глубочайший мир этого уникального русского человека, соединившего в себе так много талантов своего народа.

Знаменитый академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, познакомившись с ним и с его воистину подвижническим трудом, писал в 1982 году: «Это своего рода явление... Поветкин обладает прямо-таки чудодейственной интуицией!». А другой не менее известный академик Валентин Лаврентьевич Янин, тесно работавший с Поветкиным в Новгородской археологической экспедиции на протяжении не одного десятка лет, считал, что его жизнь представляет собой «беспрецедентный подвиг».

Именно в Великом Новгороде его «чудодейственная интуиция» в сочетании с многогранным творческим

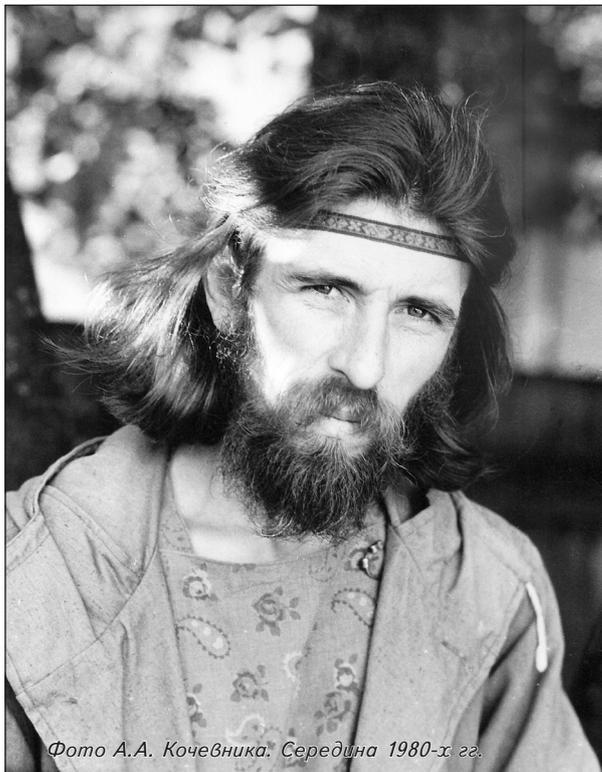

Фото А.А. Кочевника. Середина 1980-х гг.

даром позволили ему вернуть нам богатство и красоту уникального мира многовековой русской национальной культуры, в том числе культуры музыкальной. В 1978 году по кусочкам, по фрагментам, найденным в новгородской земле, он восстановил легендарные гусли XI века с надписью «СЛОВИША» и выработал методику реконструкции средневековых музыкальных инструментов. Но его не устраивала судьба восстановленных инструментов как молчаливых музейных экспонатов. Поветкин поставил перед собой почти фантастическую цель — вернуть инструментам голос, оживить древнюю

музыку. Для этого он создал из нового дерева модели инструментов, которые благодаря его исполнительскому мастерству, музыкальной интуиции, богатейшему культурно-историческому опыту звучали так, как могли звучать много веков назад.

Другой уникальный труд Владимира Ивановича был связан с восстановлением знаменитых новгородских берестяных грамот. По мнению многих его именитых коллег, только «золотые руки Поветкина позволили сохранить для науки сотни берестяных грамот», а ювелирная, «не имевшая места в мировой практике работа» по восстановлению древнейшей в Славянском мире книги начала XI века — Новгородской Псалтири — стала «подвигом реставрации»: ведь текст, написанный на воске, дошёл до нас в виде тысяч мелких обломков. Как справедливо написал один новгородский журналист, «за спасение только этого памятника памятник себе при жизни Владимир Поветкин вполне заслужил».

Но есть ещё один памятник, который почти в одиночку сотворил своими руками, своей целеустремлённой волей, своим могучим духом (но и своим безнадежно подорванным здоровьем!) Владимир

Иванович Поветкин. Многие годы обивал он пороги чиновников, чтобы пробить идею создания Центра музыкальных древностей

Дом М.Ф. Байбаковой в Мокве. 2009 г.

в Великом Новгороде, которому нет сегодня равного во всей Европе. А пробив, рвал жилы, выполняя непосильные строительные работы, обустроивал, облагораживал, наполнял стены смыслом и теплом многообразного, богатейшего вещественного и духовного мира русской народной культуры, собрав в этом храме-музее уникальную коллекцию звучащих реконструкций древнейших музыкальных инструментов и объединив в нём друзей и единомышленников со всего мира.

И хотя родился Владимир Иванович в Сталинградской области во время кровопролитной битвы — детство юность его прошли в моём родном городе Курске², родине его отца Ивана Петровича Поветкина. Здесь он учился в 29-ой школе; здесь в 1962-м году закончил художественно-графическое педагогическое училище (нынешний худграф Курского государственного университета), отсюда пошёл служить на флот³, по возвращении работал наладчиком на Курском заводе тракторных запчастей, потом художником в областной молодёжной газете «Молодая гвардия». Здесь с 1950-х годов, почти до своей кончины, жила его мама Мария Фёдоровна Байбакова, к которой он очень трепетно относился. В нашем городе осталось немало его друзей и коллег, с которыми он вместе рос и работал, не раз встречался во время своих приездов в Курск, созванивался и переписывался: друг детства, заслуженный художник России Валерий Мазуров и его жена искусствовед Фрида Мазурова, журналист Василий Воробьёв, поэты Алексей Шитиков и Вадим Корнеев, писатель Владимир Детков и архитектор Елена Холодова, учительница Варвара Сапожкова и многие другие. В последние годы он тесно сотрудничал с Курским музеем археологии, не раз выступал здесь с лекциями. Итогом этого сотрудничества стала его публикация в 2009 году в сборнике материалов, посвящённых 100-летию исследований древнего Гочевского археологического комплекса. Статья его — одновременно научная и поэтическая — называлась «С песнями глиняных птиц из края Курского в землю Новгородскую»... Курск он называл своей Отчиной⁴, Волгоградскую землю — Родиной⁵, а Великий Новгород, куда приехал в 1969 году, — своей Судьбой.

Публикации этих писем я хотел бы предпослать некоторые собственные заметки и воспоминания. В некоторых случаях в качестве дополнения к публикуемым письмам в приложениях цитируются отрывки из писем ко мне моих друзей и знакомых.

Я познакомился с Володей Поветкиным в 1968 году в редакции курской газеты «Молодая гвардия», где он только что начал работать художником и где я, тогда студент музыкального училища, печатался в качестве внештатного автора с различными материалами.

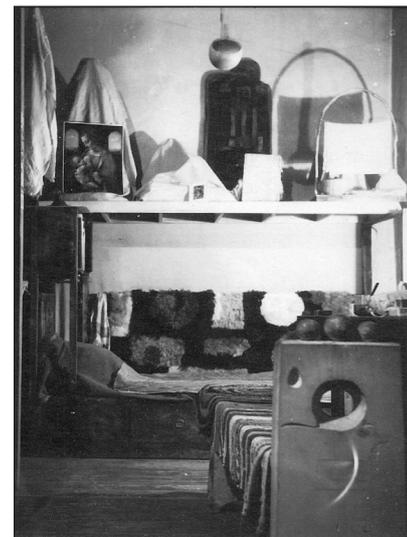
Как-то вечером, уже по окончании рабочего дня, я шёл по редакционному коридору к выходу и вдруг услышал из-за двери кабинета музыку. Это было какое-то классическое симфоническое произведение; меня это остановило. Надо сказать, что тогда, во второй половине 1960-х годов, слушание классической музыки становилось модным, в том числе и в молодёжной среде. Раскупались пластинки с произведениями Вивальди, Баха, Генделя, Малера с органной, клавишной и лютовоей музыкой, записи ансамбля «Мадригал», исполнявшего старинную западноевропейскую музыку, да и много чего ещё далёкого от пристрастий так называемой широкой публики. Однако далеко не все тогдашние журналисты отличались подобными музыкальными пристрастиями.

И вот в редакционной тишине я услышал неприличную для этих стен музыку и потому с нетерпеливым любопытством заглянул в кабинет. Там я увидел высококого худощавого юношу с очень необычным, почти аскетичным лицом, склонившегося над рисунком на столе и одновременного слушавшего музыку, звучащую с пластинки на простеньком проигрывателе (кажется, это был отечественный «Аккорд»). Позже, когда он поднял голову и посмотрел на меня, я запомнил очень выразительный, проникающий в самое сердце и в то же время удивительно добрый взгляд. Не помню, что я сказал или спросил и каким образом мы познакомились, но только невольное душевное сближение тогда и произошло, и тогда же я обрёл на долгие годы и десятилетия старшего друга. А

вскоре, через несколько дней, я уже ехал с Володей на автобусе к нему домой, а точнее — в маленький домик на дачном участке, располагавшемся тогда за чертой города, который он незадолго до этого построил с мамой, Марией Фёдоровной, из подручных материалов (в основном глины, перемешанной с хвоей) во время своих коротких армейских отпусков. Кстати, до этого она, изрядно поскитавшись по белу свету и по съёмным углам с маленьким Володей, жила тут же в холодном фургоне от машины⁶, вросшем в дачную землю.

Было уже поздно, да к тому же рано темнело, поэтому добирались мы почти в полной темноте. Если мне не изменяет память, в то

Мастерская В.И. Поветкина в Воротной башне Ярослава дворища. Середина 1970-х гг.

время на даче ещё не было света, поэтому мы сидели в маленькой комнатке⁷, освещаемой керосиновой лампой, а за стенкой, в крошечной кухне, трещали дрова в печке, сложенной его руками. Вот, кстати, и объяснение тому, почему он вынужден был слушать музыку исключительно на работе.

Вскоре вокруг Володи сложился круг друзей, очень разных и очень интересных людей – студентов, журналистов, начинающих поэтов и писателей, увлечённых литературой, серьёзной музыкой и древнерусским искусством (и среди них – талантливейшая писательница Таня Горбулина и журналист от Бога Саша Прозоров, тоже, к сожалению, уже ушедшие из жизни). Нередко мы собирались в литературном объединении при газете, обсуждали рукописи, новые книги и фильмы. Судил он всегда строго, по верхней планке, и к его авторитетному мнению многие прислушивались. Случались также увлекательные совместные прогулки по курским окрестностям и весёлые многолюдные вылазки на дачу, где его мама, Мария Фёдоровна, кормила нашу ораву вкусной жареной картошкой и овощами, сорванными с грядки...

В «Молодой гвардии» тогда работало немало увлечённых, талантливых журналистов. И газета вполне закономерно пользовалась популярностью в молодёжной среде. Здесь появлялись новые рубрики, полосы и разделы – литературные, спортивные, юмористические. Вместе с Василием Воробьёвым и Алексеем Шитиковым, работавшими тогда в газете, Володя плодотворно участвовал в создании рубрики «Родник», посвящённой родному краю, его заповедным уголкам, народным талантам. В моём домашнем архиве хранится газетный разворот с увлекательно им написанным (совместно с Шитиковым) и замечательно им же проиллюстрированным очерком о красивейшем месте на карте нашей области – суджанской Горнали. Сейчас там – восстановленный древний мужской монастырь. А рядом живописная гора Фагор (берущая, очевидно, своё название от евангельского Фавора), под которой течёт неспешно Псёл. Всё это Володя нарисовал тогда для газеты, обравив страницы традиционным орнаментом старинной курской вышивки...

Уехал Володя из Курска в 1969 году. Сначала в Ленинград, где до этого в 1967–1968 годах он отучился в Ленинградском художественно-графическом училище, а затем – в Новгород. Я не знаю подробностей того, где и как пришлось в первое время обитать Поветкину

на Новгородской земле (как-то он мне показывал окошко кельи – своего раннего пристанища в Юрьевом монастыре). Но знаю, что помещение в Воротной башне на Ярославовом дворище, где ему довелось потом жить, первоначально выделили для семьи его друга-художника, тоже курянина Владимира Фёдоровича Гребенникова. Поветкин помогал Гребенникову ремонтировать это помещение – белил, сложил печь, сделал замечательный стол, две лавки. Ремонт продолжался всю осень и начало зимы – с сентября по декабрь 1970-го года. Однако комната оказалась очень холодной, кроме электричества там никаких удобств не было, и потому переезжать сюда с беременной женой Светланой и маленькими детьми Гребенников отказался. Друзья упростили музейное начальство отдать это помещение под мастерскую Володе Поветкину. С большим трудом это удалось решить, да и то потому, что уже в то время оба – и Гребенников, и Поветкин, выполнявшие заказы для музея, – ценились за

Слева направо: Е.В. Холодова, В.П. Детков, В.С. Мазуров, В.И. Поветкин, С.Д. Малютин. Курск, 2008 г. Фото Ф.Д. Мазуровой

своё мастерство. (Потом, к сожалению, многое в отношении к ним со стороны местных музейных чиновников и функционеров из творческих союзов кардинально поменялось!)

Таким образом, Поветкин заселился в Воротную башню в начале 1971-го года. А в феврале и семья Гребенниковых после долгих мытарств наконец-то обрела своё жильё – получила квартиру на улице Герцена.

Первое письмо из Новгорода от моего друга датировано 17 декабря 1969 года. Здесь нет упоминания о его жилищных проблемах, которые когда-нибудь должны были разрешиться (если, конечно, изматывающую непрерывным холодом борьбу за выживание в Воротной башне можно назвать решением этих проблем!). Но, судя по этому письму, главной бедой тогда для него стало тяжелейшее душевное состояние: *«У меня изменений особых нет. И частично от материальных неурядиц настроение моё не излучших. Но есть самая страшная беда – опять хандра... и в 1000000 раз страшнее моей первой хандры...»*.

Думаю, что хандра эта была связана не только с личными проблемами, но и с напряжёнными поисками глубинного смысла творчества, смысла своего жизненного предназначения. До 1975 года, когда с Володей заключили официальный договор⁸ на реставрацию и реконструкцию археологических находок — деревянных предметов быта древних новгородцев, оставалось ещё долгих, чрезвычайно насыщенных и переломных пять лет! А до момента долгожданного, гениального и провидческого по воплощению и исполнению, возвращения нам звучащего мира древней русской культуры, «культуры великого молчания», как до этого было принято считать, — и того больше! В эти тяжёлые пять лет Поветкин, помимо сложнейших реставрационных работ, создал несколько собственных художественных шедевров — деревянных скульптур, глубоких по содержанию и изумительных по исполнению. Скульптур, отражающих душевный мир молодого Владимира Поветкина.

Нельзя не коснуться и ещё одного открытия, сделанного Поветкиным на основе новгородской археологии в середине 1970-х. Это возрождение им техники плетения из бересты, ремесла, столь популярного сегодня. Когда ему на реставрацию принесли небольшой фрагмент берестяного плетения, Поветкин, рассматривая его, путём экспериментов, добился нужного ему результата. С этого времени, помимо тёплых деревянных скульптур — «деревяшек», как называл их Володя, — его комнату стали украшать солнечные берестяные туеса, коробочки, сосуды, солонки. И, конечно же, делаясь своим открытием, он обучил азам этого ремесла многих своих гостей.

Уверен, что это Господь Бог подарил мне в моей ранней юности встречу с Володей Поветкиным и с его музыкальными пристрастиями. Тогда они были достаточно широки, потом — более избирательны. Именно от Поветкина в конце 60-х годов я услышал впервые о таких далёких друг от друга (не только географически) композиторах, как Вилла-Лобос и Кшиштоф Пендерецкий. В богатейшей коллекции пластинок Владимира Ивановича в то время были и «Бразильские бахианы» Вилла-Лобоса, которого он ценил за ярко проступающие и сохраняемые традиции бразильской народной музыки, и авангардистские сочинения Пендерецкого, в которых наряду со звуковым изобретательством присутствовало духовное начало (кажется, это были «Страсти по Луке»). А сколько замечательной музыки я услышал у Поветкина в его вечно холодной и вечно многолюдной комнате в Воротной башне Ярославова дворища! Именно здесь, в начале 70-х, меня пронзила, взяла в плен тревожащая душу мелодия «Концерта для гитары с оркестром» Хоакина Родриго. Именно здесь я узнал музыку латышского композитора Маргера Зариньша и уже позже, слушая подаренную мне Володей маленькую, чрезвычайно скромно оформленную пластинку, был очарован бесхитростными и животворными записями латышской народной инструментальной музыки ансамбля «Скандиниеки» (на пластинке они названы «фольклорной дружиной» «Скандиниеки» Латвийского этнографического музея под открытым

небом). С его замечательными исполнителями он познакомился весной 1982 года на фестивале в Ленинграде⁹, а уже в декабре того же года выступал вместе с ними в Латвии, о чём и сообщил мне в письме.

Благодаря Поветкину у меня появились редкие для того времени пластинки (подаренные им или купленные для меня), в том числе «Песни Белого моря» с записями старинных русских обрядовых, рекрутских, лирических песен в исполнении уникальной певицы и сказительницы из Онежского края Федоры Андреевны Митрофановой, а также красиво оформленное двухпластиночное издание «Традиционная свадьба Южной России» с записями женского ансамбля села Больше-Быкова Белгородской области.

Владимира Ивановича всегда отличало трепетное, бережно-любтивное отношение к народным исполнителям, потому что именно они (и он это не раз подчёркивал в разговорах о значимости и первородстве народной культуры) сохраняют и несут в себе древние духовные скрепы национальной культуры, животворящую идеологию и эстетику народной жизни. Со многими талантливыми исполнителями из разных уголков страны он был знаком, встречался, переписывался. Как-то, в конце 80-х годов, приехав в Курск, Владимир Иванович взял меня с собой в Белгород на фольклорный фестиваль, где познакомил с замечательной певицей, крестьянкой из села Подсереднее Алексеевского района Ольгой Ивановной Маничкиной¹⁰, которая приезжала на фестиваль со своим коллективом и которой Поветкин искренне восхищался. После этой поездки мне посчастливилось несколько лет переписываться с этой удивительно доброй, светлой, душевно и музыкально одарённой женщиной. О ней Владимир Иванович не раз тепло упоминает в своих письмах.

Благодаря Поветкину я понял с тех давних пор, что музыка — либо есть (и она является воплощением очищенной человеческой души и божественной гармонии), либо же её нет, и тогда она является лишь творением изощрённого ремесленничества, эгоистичного мастерства, после которого не остаётся ничего, кроме отголосков чего-то искусно произнесённого и пропетого.

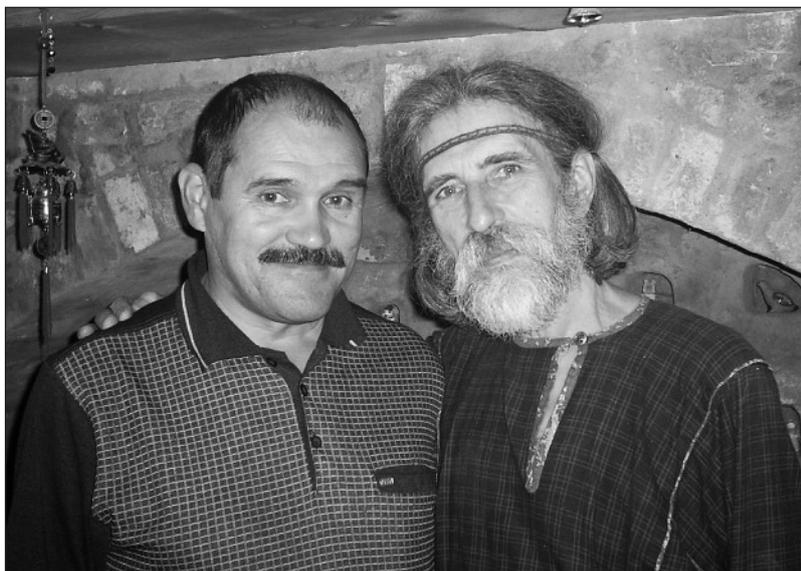
Когда я впервые услышал свиридовский «Маленький триптих», то был поражён в самое сердце — настолько эта музыка всколыхнула моё до поры до времени дремлющее сердце русского человека. Ладом, гармонией, проникающей в самую душу интонацией она соединила древнейшие крестьянские корни моих дедов и прадедов, живших в рязанских и сибирских землях... В моей жизни бывало немало таких же сильных музыкальных впечатлений. Некоторые из них были мимолётны, ошибочны, рождены сиюминутным настроением. И мне порой бывало стыдно признаться Поветкину, что я подобное люблю и приемлю... Но именно благодаря ему я всегда безоговорочно принимал на веру, на естественный вздох народную песню, бесхитростную и простую (а с точки зрения поверхностно-высокомерного взгляда профессионала-знатока — примитивную) мелодию — как нечто такое, без чего я — буду не полный, без чего я — придуманный и нарочитый. И когда впервые

(в далёком уже 1977 году), работая на кафедре литературы пединститута, я повёз своих студентов на фольклорную практику и услышал эти песни, ещё, к счастью, сохранившиеся в курских сёлах, я понял, что мы на самом деле потеряли в нашем стремлении быть широко цивилизованными и непременно сложными и успешными.

Поневоле вспоминается здесь известная фраза Антуана де Сент-Экзюпери из его «Письма генералу Х.»: «Стоит услышать крестьянскую песню XV века — и сразу понимаешь, куда мы скатились».

В письмах Поветкина не раз затрагивается кровотокая тема современного бытования русского традиционного народного искусства, почти повсеместно вытесняемого и заменяемого клубной самодеятельностью. Вторая столь же кровотокая для Поветкина тема — это

С.Д. Малютин и В.И. Поветкин.
Великий Новгород, 2008 г.

насаждаемые дружным хором музыковедов и музыкантов-профессионалов, в том числе т. н. «специалистами по народной музыке», представления о народном искусстве как искусстве примитивном, неполноценном, ограниченном. Вот и в недавно вышедших воспоминаниях о Поветкине я с горечью и недоумением прочитал о том, что Поветкин ради идеи «фольклорного движения», ради «примитивных для него» народных наигрышей пожертвовал своим уникальным авторским искусством, отказался от собственного музыкального творчества!

В подобных суждениях сосредоточена квинтэссенция непонимания не только первородства и величия традиционного народного искусства (для Поветкина это — «священные творения... народа»), но и личности Поветкина, и того главного, к чему он пришёл в результате долгих и мучительных поисков, и чему, в конечном итоге, посвятил всю свою жизнь. Словно отвечая на подобное, весьма распространённое в обществе и в музыкальной среде

непонимание, он пишет: «Если ты претендуешь на абсолютное авторство, то, идя по этой в высшей степени ответственной, преисполненной одиночества и чаще всего рискованной стезе, не навреди никому. И тем более, не причини обиды прошлому». И ещё: «Чем больше народную традицию изучаешь, тем безграничнее в ней ощущение творческой свободы».

Если внимательно прочитать его письма, то мы увидим, как глубоко трогало его это непонимание, как глубоко он переживал то, что исчезает среда бытования народного искусства, исчезают традиции, растворившись в жидком воздухе сегодняшней интернациональной цивилизации¹¹ («Звуки священные заменены звуками увеселительными» — из письма от 10 марта 1981 года). Исчезает тот симбиоз человека и земли, человека и природы, который передавался из поколения в поколение, с молоком матери и, прежде всего, в крестьянской среде (основном массиве нации), где каждый человек, от мала до велика, «способен был духом своим раствориться и в обществе, и в космосе» (из письма от 5 мая 1980 года). Не раз он сетовал на то, что мы, русские, забыли свой национальный костюм, в архаичных орнаментах и узорах которого зашифровано целое мироздание, мудрость веков! («А вообще я живу в рубахе с опояской, она моя защита, в ней ощущаю себя хозяином земли, по которой хожу...» — писал он мне 11 февраля 2002 года).

А какую мощную, воистину концептуальную статью написал Поветкин о жизненном и творческом подвиге другого великого новгородца — замечательного русского писателя — Дмитрия Михайловича Балашова, с которым был дружен многие годы! И назвал её с некоторым вызовом нам, забывающим свои корни и традиции: «Зачем-то Балашову был нужен фольклор». И другую замечательную статью написал — к 80-летию со дня рождения своего единомышленника: «Украсный мир Балашова». Впрочем, библиографию работ Владимира Ивановича можно прочитать на сайте «Центр музыкальных древностей В.И. Поветкина», открытым сотрудниками Центра в конце 2012 года.

Ну и, наконец, следует сказать о том, что Поветкин никогда не отказывался от собственного творчества: на каждой лекции по музыкальному инструментарию древних новгородцев, помимо народных наигрышей, звучали и его авторские композиции, которые зачастую он из скромности называл просто упражнениями или импровизациями, — но каждое его авторское высказывание словно рождалось и выпевалось из первооснов русского бытия, из богатейших возможностей русского народного инструментария (в одном из писем 1978 года он замечательно и ёмко это выразил: «Гусли традиционные звучат по Воле Божьей — иначе сказать я не могу»). Вот почему

он относился к собственному творчеству так, как относится любой безымянный носитель народных традиций, сохранивший в себе здоровое чувство слитности со всем миром, с каждым звуком и словом родной земли, не выпячивая своё личное «я»¹². В одной из статей Владимира Ивановича есть замечательный пример о современном пастухе, виртуозно играющем на рожке, который неожиданно признаётся: «Это не я. Это он сам играет».

Говоря о Поветкине, я всегда неизбежно вспоминаю другого своего великого земляка – композитора Георгия Васильевича Свиридова, выразившего традиции и дух своего народа в двух ипостасях – в Православных «Песнопениях и молитвах» и в произведениях, соединивших в себе древний лад, мелодику и слово. Судя по дневниковым записям, Свиридов ставил перед собой немислимую в современном искусстве задачу (как это перекликается с воззрениями Поветкина!): услышать, запечатлеть и бережно передать магию древнего крестьянского звука и слова, мелодику земли, питавшую многие

поколения русских людей и до сих пор ещё питающую нас. На этом пути, следуя заветам великого, многоголосого, безымянного народного искусства, Свиридов словно бы отказывается от авторства, становясь в ряд со своими такими же гениальными предшественниками. Он принципиально не приемлет эгоизм современного ему авторского композиторства, критически высказываясь о произведениях Губайдулиной, Шнитке, о многих сочинениях Шостаковича. Он предчувствует, что после него некому будет заступаться за русское традиционное искусство, сохранять то, что ещё можно сохранить в народной культуре и в душе своего соотечественника...

Но заступники были и, слава Богу, есть. Но самый первый и самый заметный среди них – наш великий соотечественник Владимир Иванович Поветкин. И сегодня только от нас зависит глубоко понять и сохранить его наследие, понять сердцем и душой то важное, о чём он говорит в своих письмах и статьях, закрепить в нашей памяти, примерить на себя, на сегодняшнюю нашу жизнь эти живые, горячие, мудрые, взыскующие слова...

г. Курск

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цитата из письма Д.С. Лихачёва, опубликованного в книге Бориса Рошина «Встречи» (Лениздат, 1985).

² В Курск М.Ф. Байбакова с 11-летним сыном Володей Поветкиным переселилась из Тамбовской области в 1954 году.

³ Проходил срочную службу с декабря 1962 года на Северном (Полярный, Мурманская область, 1963–1964) и Балтийском (Калининград, 1965–1966) флотах.

⁴ Отец, Иван Петрович Поветкин, был родом из Золотухинского района Курской области.

⁵ Мать, Мария Фёдоровна Байбакова, родом из Пролейского района Волгоградской (Сталинградской) области.

⁶ Жили в фургоне на дачном участке с 1961 года. Как писал В.И. Поветкин матери с флота 24.04.1963 г.: «Мы же не имеем даже адреса» – письма всегда были «до востребования». Мария Фёдоровна получила своё жильё в Курске только в 1971 году. Поветкин получил квартиру в Новгороде в 1977 году, куда переселился из Воротной башни Ярославова дворища в конце 1979 года.

⁷ Небольшой домик В.И. Поветкин с помощью Марии Фёдоровны построил во время флотского отпуска в 1964 году от безысходности – он прекрасно понимал, что такое жить зимой в фургоне. «Наш дом не так велик, как большинство, не так хорошо утеплён, но в нём для нас просторнее и теплее как никогда в жизни» (из письма матери с флота от 25.12.1964 г.).

⁸ Договор был заключён с Новгородским музеем в конце января 1975 года.

⁹ В апреле 1982 года в Ленинградской государственной консерватории проходил XV студенческий музыкальный фестиваль «Фольклор и современность». Во время фестиваля у В.И. Поветкина завязались тёплые дружеские отношения с музыкантами и фольклористами Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии, Марийской АССР.

¹⁰ Со знаменитой запевалой этнографического коллектива села Подсерднее Белгородской области Ольгой Ивановной Маничкиной В.И. Поветкин познакомился на этнографическом концерте в 1983 году. Она подарила ему белгородскую мужскую рубаху – первую в его жизни настоящую народную рубаху. В ней В.И. Поветкин участвовал в фольклорном празднике в Витославицах в 1984 году.

¹¹ «Об искусстве. Куда делась та простота в отношениях между людьми (раньше бывшими бедными)? Куда делась та любовь к народным песням? Почему больше не видно в деревнях скрипки, флейты, рожка и т. д.? Разве искусство должно развиваться и любиться только в консерватории и Академии. Всё больше теряется связь с природой, в то время как она источник почти всех душевных богатств» (из письма матери с флота от 02.04.1963 г.).

¹² Владимир Иванович так говорил о своей музыке: «Мне эту мелодику Бог послал».

Автор примечаний Н.Н. Попова

«...ЖИЗНЬ РАСПОРЯЖАЕТСЯ МНОЮ ЧАЩЕ, ЧЕМ Я ЕЮ»

Из писем В.И. Поветкина С.Д. Малютину. 1969–2004 гг.

1969

17 декабря

И помните, что люди (возможно) в материальном обеспечении сближаются, но в духовном развитии пропасть увеличивается катастрофически.

У меня изменений особых нет. И частично от материальных неурядиц настроение моё не из лучших. Но есть самая страшная беда – опять хандра и... в 1 000 000 раз страшнее моей первой хандры. Признаюсь – мне плохо, вернее сказать – жутко плохо... И если бы кто-то мог мне помочь, я бы непременно обратился, но может оттого и жутко, что никто-никто сейчас не в силах вывести меня из состояния транса. Только самому мне с собой надо совладать. Я стараюсь...

1970

30 января

Был в Вологде на свадьбе. Подарили мне сборник стихов (поэта Н. Рубцова – С.М.). Мне они очень понравились – вот и посылаю вам... Был у Астафьева... – хороший мужик! И вообще в Вологде сейчас, пожалуй, лучшая писательская группа. Кажется, Е. Носов² тоже собирается переселиться в Вологду... Я живу помаленьку. Ищу – не найду... хату.

Март

Я прошу тебя очень – купи Андрея Платонова экземпляров 10 (можно больше) и пришли ко мне сюда. Деньги я пришло сразу, как только буду обладать ими.

Ужасно рад. (Получил книгу Альбера Камю – С.М.). Спасибо... Дела мои неважные. Эскиз мой ждёт нового заказчика. Тут строится почта – возможно, там решат поместить панно по моему эскизу. А пока что это дело провалилось (в училище), и мне немного скушно, т. к. финансы неизвестно когда будут. Сейчас намечается, кажется, работа другая – надо рисовать огромный стенд-схему на Ярославовом дворище³. Завтра пойду к директору музея договариваться официально.

Апрель

Спасибо за Платонова. Только получил, и их (двух экз.) сразу не стало – пошли по назначению... Простите за задержку с ответом. Бегаю как угорелый и... никакого дела... Я перебираюсь на новое жильё – не знаю, надолго ли.

Октябрь

Дела нет – одна беготня, а время идёт не спеша и обгоняет. Ещё не взял никакого заказа. Ещё не устроился с жильём и пропиской. Может случиться катастрофа, но ни что так жалко не будет, как бесполезно потерянное время и силы.

Подарили мне книжку «Русские народные потешки – Ехала деревня мимо мужика». Стоит 23 копейки, а радости на 1000 рублей... Пока до свидания. «Пойду гору на лыко драть».

16 ноября

В защиту С. (Солженицына – С.М.) писали очень многие люди. Люди компетентные (более, нежели мы с тобой) в судьбе С., более компетентные во многих и многих событиях (которые нам, может быть, никогда не придётся узнать), люди умудрённые опытом гораздо более, чем мы, и не менее искренние, люди, которые по-настоящему болеют за построение справедливого общества. Так вот... – если иные из них «пробили головой стену», то сейчас им не приходится думать о занятии в «соседней камере».

Я защищал и защищаю ваши побуждения, но абсолютно не согласен с методом их выражения. Я уверен, что (вам) будет тошно вспоминать о том «героизме», который в те дни срывался с каждого вашего слова. Пройдёт время – ты поймёшь, почему я называю ваше поведение героизмом в кавычках.

Взрослый героизм заключается в том, что человеку не приходится искать случай, чтобы показать остальным людям свой героизм. Ты же пытаешься проявить героизм в вещах, которые тебе не по силам. И когда противоположная сторона тебя пожурила, а скорее пожалела,

понимая, насколько ты ещё слаб, – ты чувствуешь себя героём. Это получается игра в войну, т. е. детский героизм. Будь разумен и берись за дело, которое тебе по плечам. Тем более в наше, очень угрюмое и жестокое, время надо взвешивать обстановку, не обманывая самого себя.

Еду в командировку. В Публичной библиотеке (им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде – С.М.) буду делать копии миниатюр из Летописного Свода⁴. Пробуду там до Нового года.

Декабрь

Работа моя движется весьма медленно. Правда, я оправдываю свой долгий труд кропотливой работой. Сложная довольно задача сделать копии эти на совесть. Печально, что не по моей вине не приходится при всём моём старании сохранить размер оригинала. Здесь долго объяснять причины, но уж слишком часто люди в этом мире занимают не свои места. Представляю мир, в котором люди жили бы согласно добрым намерениям совести (собственной) – каждый был бы художником, ведь это так просто! Не было бы рассуждений о прекрасном и красивом. Люди стали РАССУЖДАТЬ и появились мудрецы, как только на свете появилась ГЛУПОСТЬ.

1971

Июль

Один юродивый сказал: «Нам, русским, не надобен хлеб. Мы друг друга едим и вдоволь сыты бываем». Около трёх веков прошло с тех пор, а ничто не изменилось.

«Каждый несёт свой крест». И хорош тот крест, который действительно твой.

15 августа

Долгое время был занят с эскизами на оформление гостиницы «Волхов»⁵, но вот опять и опять получилась дурацкая история. Директор фонда, так торопивший с этими эскизами, отказался их принять на рассмотрение художественного совета, т. к. – он говорит – не оформлен договор с заказчиком. Договор – который он сам и должен был оформлять, а не кто другой.

Ноябрь

Новгородский музей покупает кое-что из моих деревяшек – это хорошо. Только сейчас я смотрю на свои деревяшки как на плохо сделанные вещи. И временами стыдно сознавать *тот факт*, что их кто-то ценит.

Я сейчас несносно жадный на деревянные и хороший инструмент.

1972

13 марта

Делаем (с В. Гребенниковым – С.М.) второе панно в гостиницу «Волхов». Трудно что-либо конкретное сказать на этом голом листочке. Условия работы самые неблагоприятные – вот и всё.

Я тут приобрёл кусок бивня мамонта – с Колымы мужики привезли, говорят, что там этих бивней немного меньше, чем у нас деревьев, – тоже радость.

30 мая

Ещё не начинали делать витражи в гостинице. Копошусь с деревяшками дома. Всё это, как бы ни было

талантливо – прости за выражение – и как бы с душой ни делалось, сколько бы здоровья на это ни уходило, никому не нужно, а главное – я понимаю это и продолжаю делать и расходовать время.

В это лето я должен буду навестить свою Мать. Я буду показывать, как делать ковры. Очень жаль, что мы живём с ней в разных местах, но так уж складываются обстоятельства: я должен выполнить заказ в гостиницу, а потом меня ждёт работа в музее – на всё это требуется время – часть моей жизни и сил. Правда, и здесь мне осталось быть не долго, т. к. в этом архитектурном памятнике, где я живу (в *Воротной башне Гостиного Двора – С.М.*), будет (и проект утверждён) ресторан.⁶

Я только слегка организовал себе работу здесь, и вот уже надо расставаться. Что дальше покажет моя жизнь – право, не знаю.

Жизнь сложна, и если есть желание, её можно представлять себе ещё более сложной, но от нашего желания она может стать и необыкновенно простой и даже забавной (последнее я говорю без тени вульгарности).

Мы смотрим на вещь, и она скалит нам зубы, но проходит время, и жизнь поворачивает к нам эту вещь другой стороной – мы замечаем вместо оскаленных зубов поджатый хвост. И по отношению к этой вещи мы сами часто бываем таковы.

1973

Октябрь

Я буду работать в научных залах Публичной библиотеки в рукописном отделе.

22 октября

Начинаю делать копии миниатюр. Новостей много, но всё это жизненные дрязги, которые будут меня сопровождать всю жизнь, а ежели так, то это не новости, и трагично на них бумагу ни к чему.

1974

Март

Взялся восстановить кое-какие деревяшки для музея... Пока держусь.

8 декабря

Живу пока что на Ярославовом дворище. Потихоньку выселяют людей отсюда. Я должен быть готов к полному выселению.

1975

29 августа

Я по-прежнему занимаюсь реконструкцией археологического дерева. И всё время и силы уходят на эту работу.

Будешь работать в школе⁷ – ради Бога, пропагандируй народное творчество во всех видах. Это у нас самое дорогое и ценное. Никакие философские книги не заменят нам той мудрости, которая содержится в самых даже неприметных бытовых вещах крестьян. Почти все вещи, сделанные их руками, – творчество. Где творчество – там духовная свобода.

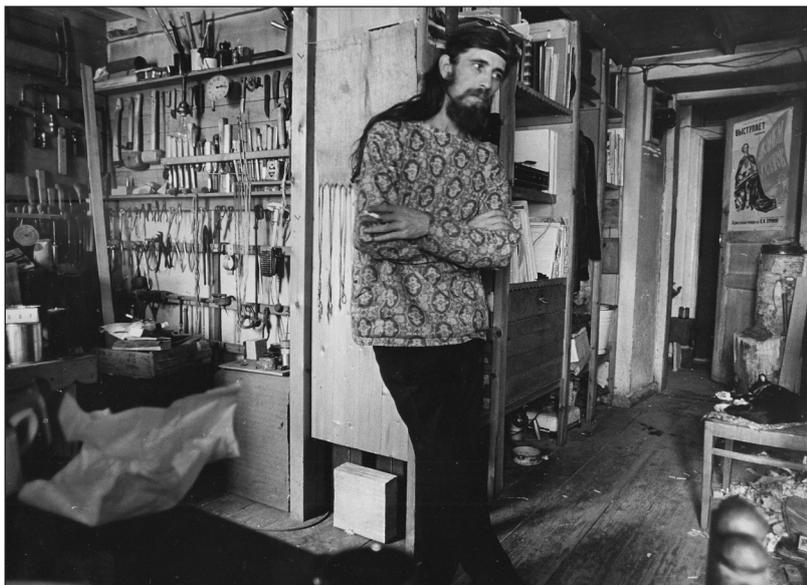
25 декабря

Письма – это такая малость на сегодняшний день для

общения... Что в них скажешь? Никаким словом я не смогу успокоить тебя, изменить словом обстановку вокруг тебя (также, как и вокруг себя) я не в состоянии тем более. Я лишь – кстати – с Новым Годом тебя и всё Семейство твоё – желаю тебе многих-многих сил для жизни в этом запутанном кругу. Не теряй самообладания.

Ещё не точно известно, что нас ждёт завтра. Можно, конечно, прогнозировать, но разве не бывало так, что небо было безоблачно вопреки прогнозам? Но я уверен, что силы нужны и для труда и для отдыха. А потому – будь силён. А вдруг завтра будет ещё хуже, чем мы предполагаем?

Мастерская В.И. Поветкина в Воротной башне Ярославова дворища.
2-я половина 1970-х гг.

1976

2 июня

Зима для меня обошлась трудновато: болел, не работал и сейчас болею.

Приложение

(о В.И. Поветкине из писем общих друзей):

Н.Г. Кузнецова (Кузьмичёва), ноябрь 1976 г.:

«Он сейчас живёт (по-моему, очень серьёзно и надолго) в мире музыки. Делает замысловатой формы гусли, но что-то не ладится, нет условий (очень холодно); сочиняет пьесы и ко всему этому у него проходят репетиции⁸. Собираются все, кто на чём может играть: гусли, баян, жалейка и пр. ...Он сам признаётся, что у него совершенно нет свободного времени».

1977

8 марта

Жизнь у меня – как бешеная скачка. У меня не остаётся времени, чтоб хоть один раз в сутки поест (иногда – конечно). Ночь – моё рабочее время. Но пока день пройдёт, пока я наобращаю внимание на всех приходящих ко мне людей, то ноги меня не держат. И если что-то удаётся

мне сделать – то это через огромные усилия.

Не поздравляю никого с Женским днём, но зато сделал три пряничные доски к 8 марта. Правда, я этот день не так понимаю, видимо, как толкуют его проповедники нынешние. Мне более всего нравится женщина у очага.

11 июня

Я получил квартиру...

29 октября

В скором времени по телевидению будет показываться фильм о Новгороде. В фильме слегка покажут мою мастерскую и в не лучшем виде применена моя музыка. Правда, в титрах не говорится о композиторе, но это на чьей-то совести...

Было бы хорошо, если бы Матушка моя посмотрела этот Фильм. Кроме тебя тут некому помочь. Если бы ты, найдя этот фильм в программах, предупредил её, а ещё лучше пригласил бы в гости на тот час... Фильм цветной, получасовой.

1978

20 мая

Сейчас занимаюсь археологическими гуслиями. А точнее сказать – изучаю и экспериментирую, делаю на разный манер народные гусли XIX века – таким образом, поближе подойду к археологическим XI века.

Вместе со мной кое-кто из ребят сделали себе гусли и очень довольны. У них (гуслей) звучание другое, нежели у усовершенствованных, т. е. тех, которые изготавливаются на фабрике для самодеятельных ансамблей. Для меня самого это открытие. Гусли традиционные звучат по Воле Божьей – иначе сказать я не могу. Если сможешь найти времечко – то зайди к Матушке моей, помоги ей разыскать на книжной полке книги по музыке. Я собираю сейчас в кучу весь материал, какой только можно.

Приложение

(о В.И. Поветкине из писем общих друзей):

В.Ф. Гребенников, февраль 1978 г.:

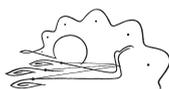
«У Володьки Поветкина уже давно гостит Мария Фёдоровна. Он занялся кружевами, «крестецкой строчкой». Изредка играет из своей музыки. Была у него длительная тоска и смута души, видно, это старая песня и не скоро проходящая. Сейчас вроде бы малость лучше у него».

В.Ф. Гребенников, 21 сентября 1978 г.:

«Он сейчас занят срочной работой – готовит статью по истории гуслей и проделанной им работе реконструкции и восстановления их».

В.Ф. Гребенников, декабрь 1978 г.:

«Володька по-прежнему занимается гуслиями музейными».

1979

11 января

Если сможешь, то поинтересуйся, какие в Курской области есть действующие ансамбли инструментальные и хороводные (народные) и как они официально называются. Мне нужно это для отчёта по Новгородским музыкальным инструментам. Мне важно знать, как обстоят дела с ансамблями именно сейчас, и в первую очередь с инструментальными – применяется ли в них скрипка, кукилы, жалейка и т. д. И не заглохла ли их деятельность в д. Будище Б.-Солдатского района, в с. Плехово и с. Чёрный Олех Суджанского района и др. местах.

13 апреля

13 марта 79 г. со мной и с Гребенниковым состоялся «разговор» в КГБ. На нас написан клеветнический донос... Пока я находился 5 часов в комитете, в мастерской моей совершена кража – исчезли книги, нужные для моей работы, а также много пластинок, дверь брошена, настежь открыта. Это ещё не всё. 19 марта меня опять увезли... и с угрозой предупредили, чтобы я не клеветал на КГБ в связи с воровством...

Итак, в итоге приходится ещё и ещё убедиться в том, что дело, которому я отдаюсь всем своим временем и здоровьем, оказывается не только не нужным никому, но по всей видимости для кого-то и опасным. Гусли, почти через тысячу лет вновь зазвучавшие, не нужны даже сегодняшним гуслирам. Для меня ясно, что за спинами завистников прячутся другие люди, для которых ожившие гусли страшнее всяких «воззваний».

Сказать об этом открыто они не смеют, но вот обвинить в антисоветизме – самый раз – в результате страдает именно дело восстановления древних народных русских инструментов. Я долгое время находился в трансе, а сейчас, коли работа начата, хотя бы для себя доведу её до конца. Восстановлены гусли XI, XII, XIII и XIV веков и гудочек XIV века. К девятиструнным гуслим XIII века делаю гусли, которых археологами не найдено, но которые могли быть при ансамблевой игре. В результате должен получиться набор инструментов для ансамбля средневековой новгородской музыки. Делаю, но понятия не имею сейчас, для чего и для кого... Сил нет пересказывать историю, с начала и до конца обидную и оскорбительную.

4 сентября

Обсуждать события, кажется, нет смысла. Всё понятно. Приходится лишь констатировать факты. В твоей жизни происшествия не сладки, да вот и здесь радости не много: 1-го сентября меня ещё ограбили. В милиции сказали, что и первое, и второе ограбления – дело одних рук.

В «Неделе», наверное, скоро будет сообщение о гуслиях. Видимо, в этом году буду закрутяться с работой в музее. Сейчас перебираюсь постепенно на квартиру. Здесь обитать, мягко говоря, становится в тягость.

Срочно надо делать спинку средневекового кресла и неолитический ковшик, найденный недалеко от Урала в торфяниках. Ковш сделан каменными орудиями во II-м тысячелетии до н. э. и очень красив. А сейчас оформляю известную тебе былинку о гуслиях⁹. Так что всесторонняя озабоченность...

Приложение

(о В.И. Поветкине из писем общих друзей):

В.Ф. Гребенников, июль 1979 г.:

«У Володьки сильно болит нога, иной раз ходит с большим трудом, еле-еле¹⁰. Занят гудками, сделал несколько штук, кое-что сочинил для них. Но, как и прежде, нет никаких изменений к его музыке и деятельности. Покровский тоже никак не отозвался до сих пор».

Мастерская В.И. Поветкина в Воротной башне Ярославова дворца. 1979 г. Фото С.Н. Дедюкова

1980

5 мая

Эту – прошедшую – зиму я не жил и не работал в мастерской. Только собрался было по теплу поработать да разобраться с материалом (зимой мне не позволяло здоровье), как вдруг стали отбирать у меня складские помещения вместе с их содержимым. Кое-что я перетащил в квартиру, а кое с чем придётся расстаться. Да и вообще висячее положение. В музее, в Новгороде, кажется, мои дела закончены. Сил не осталось, да и труды напрасны были: они не нашли себе продолжения в жизни. То, что я называл общественным занятием и отдавал годы, оказалось, по словам доброжелательных людей, моим только личным занятием. «Хочешь? И делай», «И у всех так». Тут можно долго говорить. Я понимаю, и, тем не менее, искренне удивляюсь – как же так? – ведь осталось разжёванное проглотить... Культурные люди Новгорода, похоже, не «проходили» в школах, что гусли для истории славян и новгородцев в частности есть столь же большая величина, как фрески, храмы, грамотность и привязанность к Земле...

Своеобразная любовь к старине у сотрудников музея выражается в том, что они готовы штабелями укладывать гусельные ящики – экспонаты, но их не интересует, как

эти ящики звучали и как они могут звучать сегодня. Последнее не запрограммировано. И это настораживает и навеивает страх и призывает к осторожности «умеющих жить», и они незаметно для себя обретают повадки иезуитов. И это те, которые кормятся хлебом науки, культуры! И это те, которым этот пай выдается в надежде, что они знают и о более чёрством и трудном хлебе! При всём том они относятся к людям добрым. Но даже они не могут представить себе – как это он, такой-сякой, в XX веке! самозабвенно расточает силы в «никуда». А между тем, именно крестьянин (частник) способен был духом своим раствориться и в обществе и в космосе.

Приходится с каждым днём констатировать – уж не титаны ли пронесли сквозь тысячелетия от каменных веков героическую мудрость народных сказаний, рождённых в союзе человека и земли и всего. Шутка ли сказать, что океан поэзии во всех формах её проявления не нуждался в так называемых образованных и беззапощных россиянах. Мне так жалко на себя смотреть, умеющего прочитать, но не умеющего помнить, а в результате, скорее всего, и не умеющего оценить, хоть я и пытаюсь это сделать со всем вниманием и искренностью. С горечью сознаю сегодня свой низкий уровень вежества.

5 мая

Объяснение к посланной в дар сопели

Сопель – реконструкция найденной в слоях рубежа XIV–XV вв. Точно такой же инструмент со временем должен попасть в музей. Одновременно скоро закончу друговую сопель – XI века, у которой четыре игровых отверстия и очень интересный звукоряд и тембр.

Для истории музыки в России это очень значимый факт, потому что документально зафиксирован самый ранний звукоряд народных инструментов, в частности пятиструнных гуслей, – XVIII века.

Интервальные соотношения в звукорядах, извлекаемых на этих сопелях, бесспорны, общая высота звучания в шкале общепринятого музыкального ряда колеблется в пределах \pm четверть тона, но последнее не имеет особого значения: более точных сведений на тему звукорядов ни современная, ни даже в самый «золотой» век наука не получила и не получит.

Но важнее всего, что сопель XI века – это народный инструмент, потерявшийся в музыкальной практике, и сравнительно с известными нам подобными дудками звучит как откровение. Причём, количество звуков, несмотря на малое число игровых отверстий (4), оказывается большим в сравнении, например, с дудкой-пыжаткой из Суджанского района Курской области (6 отверстий). В переловой музыкальной литературе эти сопели отмечаются как инструменты, имеющие всего лишь 3 и 4 отверстия...

Это – существенное для музыкальной культуры открытие, но не трудное для меня, тоже в ряду «незапрограммированных».

1981

10 марта

Как здоровье, так и обстановка не позволяют мне заниматься шумной столярной работой. Поэтому и приходится придумывать занятия скромные и тихие, как выпечка блинов. Производить что-либо прекрасное становится делом преступным или, в лучшем случае,

ненужным. Потребителя устраивают телевизионные и магнитофонные консервы: не до гуслей ему, где надо шевелить перстом; не до раздумий о том, что звуки священные заменены звуками увеселительными. По понятиям древних индусов, из звуков складывались элементы мироздания. Поэтому для них – индусов – *вина*¹¹ является предметом, равноценным иконе. Когда-то у славян гусли были в таком же почёте.

Сознавая всё это, нельзя не свалить вину на славян-русских. Отставание первоначальных человеческих святынь и, одновременно, национальных – есть борьба за личное здоровье и счастье. Потерять христианство в его позднем никоновском облике в некотором смысле не страшно и даже полезно, но разрушить окончательно дохристианскую традицию – т. е. оторвать скотоводов и земледельцев от зелёной природы – значит полностью смести с лица земли часть культурного человечества. Показателем этого выступают (например) восстановленные гудебные сосуды, в которых иные любители музыкальной старины видят не более, чем предметы, нет, даже не забыты, но «учёной» наживы.

Тут и подумаешь, стоит ли переводить доски для того лишь, чтобы испортить репутацию народного, любимого исторически и «любимого» сегодня инструмента. Очевиден диссонанс, образованный утратой языческого мировоззрения (незаметно лежавшего в основе народного взаимопонимания) и появлением забытых гудков, сопелей, гуслей. Так же обстоит дело с рукоделиями, ремёслами, но, в итоге, с взаимоотношениями. Что делать? – не знаю...

Приложение

(о В.И. Поветкине из писем общих друзей):

Писатель В.И. Белов, 28 октября 1981 г. (г. Вологда):

«Сергей Дмитриевич!

Благодарю за письмо и всё, что касается новгородцев. Я полностью согласен с Вашими мыслями и тревогами...

Однако ж, насчёт Поветкина. Нужно сделать что-то определённое (конкретное, как говорят пижоны и бюрократы). А что сделать? Я готов подписать бумагу в его поддержку и послать в любую контору. Ещё у меня есть возможность поговорить с министром культуры РСФСР Ю.С. Мелентьевым. Но опять нужна определённость (чего просить) и соответствующая бумага. (Инициативу в этих «бумагах» я не могу взять на себя, т. к. не знаю, что, как, почему).

Желаю Вам всего самого лучшего и жду Ваших (либо чьих-то других) вестей по поводу Владимира Ивановича».

В.Ф. Гребенников, 12 ноября 1981 г.:

«Сегодня Белов прислал весть Володьке, вот текст: "Владимир Иванович! (Ваш адрес я знаю через Малютину). Не пришлёт ли Вы мне описание (техническое) рожка и жалейки? Делаю сам, но не всё получается. Клянюсь Вашей семье и почту за честь дальнейшее знакомство. Белов".

Бог даст, будут они друзьями! Володька уехал на выступление в Ленинград. Было ему приглашение от ректора консерватории. Дня 3 до и дня 3 после концерта будут инструменты выставлены в консерватории. Что будет с того – увидим».

Художник Г.М. Сорокин, 21 декабря 1981 г. (г. Ленинград):

«Уже дважды Поветкин выступал в Ленинградской консерватории с демонстрацией игры на гусях, гудочке, жалейке, совместно с замечательным фольклорным ансамблем. Публика приняла его замечательно, и он заметно воспринял духом. Володя демонстрировал звучание гусель в Пушкинском Доме в присутствии Д.С. Лихачёва¹² и вручил Лихачёву гусельки на день его 75-летия».

В.Ф. Гребенников, 5 января 1982 г.:

«С Володькой так: было 2 концерта его в Ленинграде, последний – 11 декабря. Оба прошли с успехом и, кажется, сделали главное – дали ему самому прочность, необходимую для дальнейшей работы. Что сопровождало эти его выступления и чем это, каким добром т. е., возвернется и ему самому и делу – об этом надо говорить подробно и, наверное, не в письме».

Встречался Володька с Лихачёвым, и это, надо думать, будет не последним добрым знаком для дела, выявились и другие хорошие помощники. Ленинградское телевидение сделало запись у себя на студии выступления Володьки, так что, возможно, скоро это будет показано. Белову написали мы оба – и я, и Володька. Днями назад приезжал журналист из «Кругозора» и сделал запись Володькиной игры для того, чтобы в одном из номеров «Кругозора» вышла гибкая пластинка с его музыкой, и хотя звучания в ней всего 6,5 минут – но лиха беда начало! Направил этого журналиста Янин. Чем-то собирается помочь делу и Ленинградская консерватория».

Ленинградская государственная консерватория. 1982 г.

1983

10 января

Спасибо за книжечку о русской народной одежде!

Народная одежда представляется символом настоящей, не сиюминутно придуманной человеческой культуры. Ты спрашиваешь о киноклубе: «А нужно ли это?»

Лишь в общих чертах могу сказать, что нет объектов второстепенных. Тебе трудно, потому что и задачи, как представляю, у тебя трудные или даже очень трудные. Я, например, уверен, и двух слов не связал бы перед твоей публикой: завязал бы глаза – и дёрну, и не сомневался бы. Потому что у меня к этому нет сил. А надо бы.

Единственно о чём могу помечтать, так это о том, чтобы ты по возможности чаще показывал фильмы о жизни и творчестве (традиционном) народа и народов и растолковывал бы их. Молодёжь, при множестве её пороков, более, чем среднее поколение, способна осознать величие народного духа и народной эстетики. Способна, как ни удивительно, воспринять, реставрировать и реконструировать всё ценное, возникшее в древности и вскармливавшееся тысячелетиями скромного и неглупого труженика земли.

О песнях. Был в разъездах. В Ленинграде, Таллине, Риге и некоторых латвийских городках. Показывал

глубежные сосуды Новгорода. И сам слышал многое. Но больше всего песен. Песни – удивительные документы народной культуры и они же – разоблачители современных «гениальных творений» (не вдаюсь в подробности). В «К.П.» («Комсомольской правде» – С.М.) за 10 декабря 82 г. есть «Воспитанные памятью», где приведены прекрасные и необходимые (уже в начале века!) слова Е.Э. Линёвой: «Мне кажется, очень важно установить в народе тот взгляд, что помнить и петь старинные песни... в своём роде гражданская доблесть». Вот эту доблесть мне и довелось наблюдать в моих поездках. Особенно в Латвии, где в последнюю декаду старого года проходили праздники зимних святок. Этот древнейший ритуал, исполняемый ряжеными, не есть баловство или просто веселье – это культ жизнеутверждения со строгими правилами по-

ведения; с символикой удивительно красивой, но о которой мы не помним; с невероятно прекрасными песнопениями с кокле (гусями) и колокольчиками в момент сжигания венков, сплетавшихся девушками ещё в начале лета.

Они трудятся несмотря ни на что. С 21 декабря по 2 января я выступал вместе с ними («Скандиневками») в разных местах Латвии. Каждый день, иногда по 2–3 выступления. В масках и прочих убранствах – это тяжело. К концу многие заболели. Но были довольны. Они успевают очень многое. Бесплатно. Их ждут во многих местах – в детсадах, школах, предприятиях, им рады (за исключением немногих) в трамваях и автобусах. Они трудятся. Поэтому есть результаты.

Что касается трудностей, то у них их не меньше, чем у нас. Может быть – больше.

Для них сценой является сама жизнь. От зрителей они по возможности избавляются, вовлекая их в песню и в хоровод.

Такому движению необходимо помогать со всех возможных сторон. Это дело горожан: они должны опомниться и найти утерянные связи с землёй и наказами древних мудрецов.

20 мая

Как будто знаю, что для меня дорого, куда направить

стопы, чему своими усилиями способствовать, но силы мои – тью-тью! К тому же с каждым годом всё сильнее давит тупик одиночества. Об этом – просто не рассказать. Все годы наблюдаю, как иду по какому-то роковому пути, словно тоннелю, из которого ни повернуть назад, ни отклониться в сторону: иди, милый, до Конца и умничай, сколько утроба твоя вместит, да только забрезжит ли когда-нибудь перед тобой свет-просвет? – не тебе решать. Делать нечего. Иду. И иду, как ты сам знаешь, толково!..

Да! С Василием Ивановичем (*писатель В.И. Белов – С.М.*) встречался. Правда, недолго общались и даже несколько суетно, но, думаю, важен сам факт встречи. Она состоялась в Консерватории, где студенты, проникнутые любовью к нему на особом, небывалом подъёме своих самых здоровых сил озвучили одну из древнейших песен. Он воскликнул: «Да это же язычество!» Думается, что эта встреча не пройдёт бесследно не только для тех, кто был в это время в лаборатории народного муз. творчества, но и для него самого. Коротко, но на хорошем взводе прозвучали там и новгородские арх. инструменты: ансамбль состоял из двух сопелей – XI и XV вв., гудочка XII в. и традиционных крыловидных гуслей; играли инструментальный псковский наигрыш, записанный в фолькл. эксп. в 50-е годы.

Относительно приезда в Новгород он сказал, что очень бы хотел приехать, но пока не удаётся. Интересовался о том, как далеко и долго ли добираться до Новгорода, чем, как мне кажется, и позволил надеяться на

Латвия. 1983 г.

вероятность его приезда сюда. Из встречи я вынес, что его в очень многих местах ждут и чтоб кругом поспеть – надо разорваться.

6 сентября

Окончился археологический сезон 1983 г. «Музыкальных» находок из дерева не было. Двумя берестяными грамотами отмечены первый и последний дни раскопок. Занимаюсь по большей части сизифовым трудом. Всё без изменений. Как и в прошлом году, да и в прошлых годах также, был в конце сезона разговор с Яниным. Он собирается от университета составлять ходатайство об устройстве для меня в Новгороде мастерской. Приходится опять и опять ожидать и надеяться. Между тем бегут годы. И т. д.

6 октября

Втайне мечтал приехать, да тут какое-то шевеление по поводу мастерской. Дадут-нет – не знаю, а ждать и терять время надо. Ты говоришь: «Может, поможет публикация фотографии». Благотетели мои на подобное реагируют всегда неизменно, а на сей раз, кажется, активнее прежнего. Озлоблены – и их немножко жаль.

Обнадёжил Мать, что ты сможешь ей найти «Кругозор» – 8 выпуск, за август – 1983 г. Там тот же автор, что и в прошлогоднем выпуске поместил отрывки звучания инструментов. Фото – надо бы другое, но всё делалось, как и всегда, без моего ведома.

1984

22 марта

А не пора ли тебе собирать материал о быте курян? В своё время все ринулись за народными сокровищами на Север, считая, что в центре нечего искать уже. На самом деле это очень и очень не так.

О Севере писали, воспевали и Писахов, и Шергин, и Белов, и Чекалов и многие другие. Характерно, что все они этнографичны и в языке, и в вещах и обычаях. И как бы художественно они ни компоновали свои произведения, в последних всегда есть не бросающаяся в глаза, но незаметно очаровывающая документальность.

Может быть, мне мало доводилось читать, но сложилось впечатление, что о наших краях не писали так, например, как Шергин о Родной своей стране. У него сердечный подход к делу. Подход! А сердечность от глубокого знания Родной Природы, её духа, воплощённого в обыденных вещах, словах, движениях.

Знакомить русскую да и европейскую интеллигенцию с народом начал в прошлом веке Пушкин. Как бы энергично он бы сейчас поступил, когда бы увидел, как мало места занимает народ в нашем сознании! Написал ли бы «Евгения Онегина» и подобное?

8 сентября

Нашли обломки гуслей в слое начала XIII века. По ним восстановил ещё один в новгородской коллекции интересный инструмент. Сейчас готовлюсь к конференции «Новгороду

1125 лет» – состоится 25–27 сентября. Как-то мне удастся за 15 минут рассказать об инструментах... На конференцию приедет Д.С. Лихачёв с докладом «Новгородские элементы в «Слове о полку Игореве».

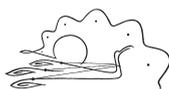
3 декабря

Как будто можно надеяться, что со временем удастся создать в Новгороде демонстрационный зал для восстановленных инструментов.

1985

7 сентября

Был археологический сезон, полный берестяных

грамот, которые я ещё и сейчас продолжаю рисовать. Для музыкального раздела нашли из деревянных лишь один колочек, возможно от гудочка.

С 30 сентября по 6 октября буду в Эрмитаже на семинаре реставраторов показывать инструменты и ставить вопрос о том, как «реконструированным» оригиналам гуслей в 1972–73 гг. вернуть документальное состояние. Эти инструменты, восстановленные под руководством Б.А. Колчина¹³, находятся в экспозициях музеев Москвы и Новгорода. Ими гордятся как национальным достоянием, не видя грубейших нарушений в реконструкции¹⁴.

Как видишь, на всякую ерунду уходят годы и годы. Как легко в своё время Колчину (и многим другим) удалось опубликовать изуродованные находки, и как непросто вернуть ситуацию назад. Кто этим должен заниматься? Кто-то из нас¹⁵.

Во всех наших фольклорных коллективах забиты «клинья». И виноваты не те, кто их забил, а мы сами.

Отдел истфака МГУ по реставрации и пропаганде древних музыкальных инструментов, для которого определено в Славенском конце место, пока не строится. И опять из-за моего одиночества. Много противников, которые имеют право слова и действий. Где же мы? И что теперь делать?

1987

9 мая

Собираю материал по инструментам. Из практика превратился в теоретика. Больше, кажется, ничего не остаётся. Одним пальцем стучу на печатной машинке. Очень медленно получаются статьи. Статьи, «порочащие» советское инструментоведение, которое часто видит русские инструменты, там, где их никто не избражал. Труд мой, который кое-кому не кажется столь наглядным и достойным моих способностей, я считаю своим долгом продолжать, так как кто-то же должен, наконец, и «черновую» работу выполнять; я же по воле судьбы к ней оказался ближе других, ближе не как штатный специалист, а гражданин. Сожалею лишь о том, что на меня время от времени наваливаются фантастические периоды лени, при которых задаю вопрос: «А куда? зачем? и т. д.» <...>

Вот-вот сезон раскопок, когда мне приходится быть особенно «грамотным»¹⁶. Правда, в связи с исследованиями А.А. Зализняка¹⁷, и сейчас кое-что привожу в порядок из находок 1950–60-х годов. Работка, кажется, не для таких «одарённых», как я. Что делать, жизнь распорядится мною чаще, чем я ею, но не могу скрыть удовольствия, что после моей «чёрной» работы некто другой в состоянии сделать верные заключения.

11 сентября

Завершился очередной сезон раскопок. Сiju с грамотами. <...> Предпоследняя грамота нынешнего лета – 689-я. В ней 16 строк; её ещё надо дорисовывать. Рисую медленно, устают глаза. <...>

Сам я намерен навестить её (*мать*) осенью, но пока не определил точного времени, так как передо мной горка «нелёгких» грамот из числа находок 1950–60 гг.

1996

22 апреля

Полтора месяца, оставив все «музыкальные» дела, готовлюсь к выставке С.И. Пустовойтова. Он, когда было построено наше здание, подарил Центру музыкальных древностей часть своих работ. Надо строгать рамы, стеклить их и т. д., делать специальные щиты для развески картин, белить, красить, штукатурить внутри здания

и снаружи – необъятное количество забот административных, ремонтных даже отчасти творческих. Всё надо успеть к 9 мая, когда будет отмечаться 75-летие Семёна Ивановича. В старые времена, наверное, таких людей причисляли к лику святых. Мне помогают. Сам бы я не решился сделать то, что, к счастью, удалось уже сделать. Но так много работы впереди! Сегодня вышел на улицу – до почтамта – зашёл попутно в магазин. Радость – купил замечательную книгу сказок, собранных на Терском берегу Д.М. Балашовым. Прихожу в Центр – а тут письмо с твоим адресом (почтальоны знают, что я не дома, а в Центре – все письма сюда несут). Вот и пригодилась книга – посылаю. Наверное, мои сотрудницы, а не я, подпишут бандероль.

В.И. Поветкин и Д.С. Лихачёв. Великий Новгород, 16 мая 1995 г.
Фото В. Ищенко

Мне надо – к доскам, стружкам, шпаклёвкам...

На бегу сочиняю глупости: «умный в город не пойдёт» (это надо говорить с лирически-философским видом, для задумчивых). Так вот, в устной традиции, и живу.

Между ремонтами, которые не прекращались с тех пор, как мы сюда вселились, у нас проходят порой значительные встречи, события, лекции. Прошлым летом собрал из кусочков грамоту – пришлось тоже всё «своё» отставить.

1999

20 мая

По приезде из Курска срочно занимался очередной выставкой в память о С.И. Пустовойтове. Почти всё успел сделать сам – и экспозицию, и рекламный щит, и даже

С.И. Пустовойтов.
Фото В.И. Поветкина. Начало 1990-х гг.

приглашения; подписал около 80-ти. Одно из них для тебя, хотя открытие уже состоялось – 9 мая, это день его рождения. Это четвёртая выставка-память. Нам подарили в день открытия 6 его работ и 13 писем – значит, положено начало для выставки 2000 года.

Спасибо за вечер возле его картин. Кстати, фото это, которое посылаем, будет включено в экспозицию выставки следующего года,

которая будет называться «Дарить, дарить, дарить». <...>

Если будет интересно, то у Варвары Викторовны¹⁸ посмотришь мою последнюю статью – о первопоселенцах Новгорода и их музыкальном инструментарии. В 7-й школе собирается своего рода филиал нашего Центра, и материалы, которые буду туда присылать, можно копировать всем, кому будет нужно.

У меня – ремонт здания и множество пустых забот.

2002

11 февраля

У меня одно событие за другим. Сил нет. Но обязан быть активным. С.И. Пустовойтов, Б.С. Романов, Д.С. Лихачёв, а теперь и Д.М. Балашов¹⁹ – зачем они умирают? Ведь все хлопоты по Дням их памяти сваливаются на меня, на наш Центр. Более десяти лет мы отдали благотворительной деятельности. А научная программа? На неё ни сил, ни мгновений. <...>

Вокруг имени Д.М. Балашова творится непонятное. В ноябре к дням его памяти мы сделали всё, что было в наших силах. Сборник Первых Всероссийских Балашовских Чтений ожидается через месяц. В нём и мой доклад, который пришлось читать с большим нервным напряжением, так как обстановочка в «творческих» кругах ещё та.

Кстати, напиши воспоминания о С.И. Пустовойтове, пришли, и я попытаюсь их опубликовать. Они нам в любом случае потребуются, например, к 7-й памятной дате после его ухода. Мечтаю к 9 мая соответственно прибратся в нашем зале.

Ты пишешь, что единомышленников нет. А у кого они есть? Единомыслие, да и то чаще в идеальных случаях, бывало в среде простых людей. Но их, объединявшихся непосильными трудами в поле и певших в сущности одну песню, постигла горькая участь. Мы их наследники, разъединённые многообразием «собственных» рассуждений,

поймём ли, что в их заветах, сказках, рукоделиях – основа и суть нашей жизни, красота и крепость. Мы, горожане, свободные от трудов по выращиванию хлеба, что мы сделали в защиту деревенских жителей, сообщающих нам поныне то, что веками или не записывалось вовсе, а чаще сознательно искажалось и хулилось? Если мы задумаемся над тем, что такое православие, то тем более мы должны пытаться понять те культурные основы, на которые оно, православие, наложилось не более как скатертью. Простые люди «чистым» православием никогда не жили, они его объединяли с исконными своими воззрениями на мир – в этом их мудрость.

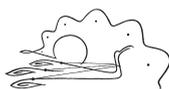
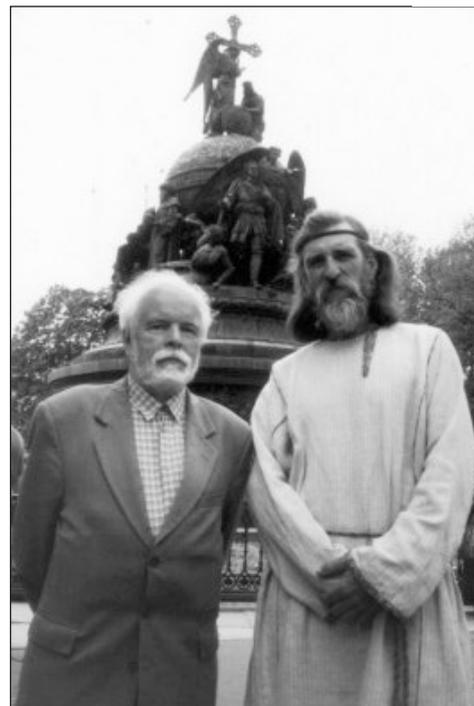
Вспоминаю наш приезд в Курск в 1999 году²⁰. А.Ф. Шитиков²¹: «Ну!.. С народной культурой у нас всё нормально! У нас Руднева²² была, записывала... А вот рукописи семнадцатого века лежат до сих пор неопубликованные...» Вот мы почти все так и рассуждаем. Наше родное для нас стало наукой на любителя. А была не наука, была сама жизнь. Кто, как не писатели, должны были бы знать родные песни? Увы.

К нам с Кольского полуострова в марте приедут участники Славянского хода²³, много детей. Организаторам я сказал, что к нам вход только в традиционной народной одежде. «О! Мы приедем в саамской одежде», – сообщает Н. Большакова²⁴. Она и некоторые другие – от русских и саамских родителей. «А остальные?» – спрашиваю. Ответить нечего, так как у русских своей одежды не имеется. Кстати, лекцию-концерт для них мы будем проводить 27 марта, то есть в день рождения моей Мамы. И им, я надеюсь, расскажу о Маме, благодаря которой в Великом Новгороде возник и существует Центр музыкальных древностей. Да! Так вот этот Славянский ход в американских и саамских одеждах должен через Великий Новгород достигнуть Болгарии и с гордостью сообщить примерно такое: «Вот мы какие, православные!!!» Главное, как уважаемые люди толкуют, быть «внутри», а не «снаружи».

А Гёте, между прочим, имел иное рассуждение: «То, что внутри, есть и внешнее».

Не правда ли, что я подвержен сильной насмешке со стороны судьбы? Я столько раз публично заявлял о величии устного народного поэтического слова, о многих достоинствах бесписьменной традиции в сравнении с письменной,

Д.М. Балашов и В.И. Поветкин
(на Празднике славянской письменности).
2000 г. Фото Н.Н. Поповой

находившейся под неусыпным оком со стороны Церкви. И вдруг мне же выпало отремонтировать древнейшую в славянском мире восковую Новгородскую Псалтирь. Вот оно, библейское лекарство, которое без письменности, как без воды, не впиталось бы в русскую землю. Конечно, я догадываюсь о значении изображённого слова, но при этом я не хочу плевать в тот источник, из которого мы черпали и черпаем, – подчас неосознанно, без благодарности, как само собой разумеющееся, – чистую воду.

Мой путь художника привёл к осознанию таких вещей. Как могу, я вживаюсь в идеалы, которыми жили наши прадеды. И поэтому я, наверное, менее одинок, нежели ты. При всём том, что мне в городе, в котором я прожил без малого тридцать три года, не к кому сходить в гости. В гости приходят ко мне, многие приходят, и передеваются в русские одежды, и преображаются. Мне же не пристало гостем приходиться туда, где меня желают видеть в межнациональном одеянии, как в «цивилизованных» странах. А вообще я живу в рубахе с опояской, она моя защита, в ней ощущаю себя хозяином земли, по которой хожу – важнейшее чувство! Тут уж не до одиночества. При всём нашем трагизме. <...>

Особенность писем – писать о себе.

24 декабря

От тебя первого узнал об уходе из жизни Е.И. Носова. Втайне надеялся как-нибудь с ним повидаться. Увы. Спасибо тебе за статьи о телепроблемах, а также за слово в адрес умолчавших о Носове центральных телеканалов. Я очень рад, что после таких статей к тебе начинают обращаться люди, поверившие в твои безбоязненные и разумные слова.

О Семёне Ивановиче Пустовойтове. Совсем не обязательно как-то философствовать о нём. Очень редко кто пишет о нём просто, вспоминая конкретную, скажем, встречу с ним. Дорого не обобщение о нём, а мелкие детали быта, общения с ним.

Конечно, за давностью лет, ты многое выпустил из памяти. Но вдруг что-то вспомнишь – не поленись – напиши. У меня иногда складывается впечатление, что мифологизирующих писателей нынче много, а писателей – чернорабочих почти нет. Как ни странно, но пока что не нашлось простого биографа, который бы, не мудрствуя, сделал жизнеописание художника. Здесь кое-кто мечтал о финансировании альбома или книги о Пустовойтове. Мэр Великого Новгорода А.В. Корсунов на моё

обращение по поводу издания альбома с произведениями С.И. Пустовойтова ответил согласием. Он был готов предоставить средства. Но текста к альбому не было. Биографического раздела я и сегодня не знаю. <...>

Центр должен до конца года заплатить 14 000 рублей налога на землю, на которой мы обитаем. На счету нашем нет денег, так как мы более десяти лет проводили лекции-концерты в основном бесплатно. Без меня этот вопрос не решить. Но вслед за ним очередь других неотложных дел. А я один. Сотрудницы мои далеко не во всём могут меня заменить.

В этом году получилось много открытий в музыкальной археологии. В конце января буду делать отчётный доклад²⁵.

Ко Вторым Балашовским Чтениям, 5–7 ноября, мы в нашем зале сделали выставку «Традиционные одежды русских людей». Представлены северные, западные и южные области России. Имеется и курский девичий наряд. На одном щите рубаха, которую в молодости носил Балашов, и его фотография в этой рубахе. Рубахи ему шила его мама.

2004

6 апреля

Здравствуй, Сергей!

Псылаю фото с опзданием почти в год. А также газету со статьёй к моему юбилею; в ней кое-какие недоразумения, но в целом доброжелательная. А также памятный листочек с первым художественным изображением гуслей XI века – это картинка из знакомой тебе моей рукописи 1979 года²⁶.

Спасибо тебе за участие в нашей суетной неустроенности. Хотя неустроенность, как понимаешь, не та, что нет угла. Уважающий себя че-

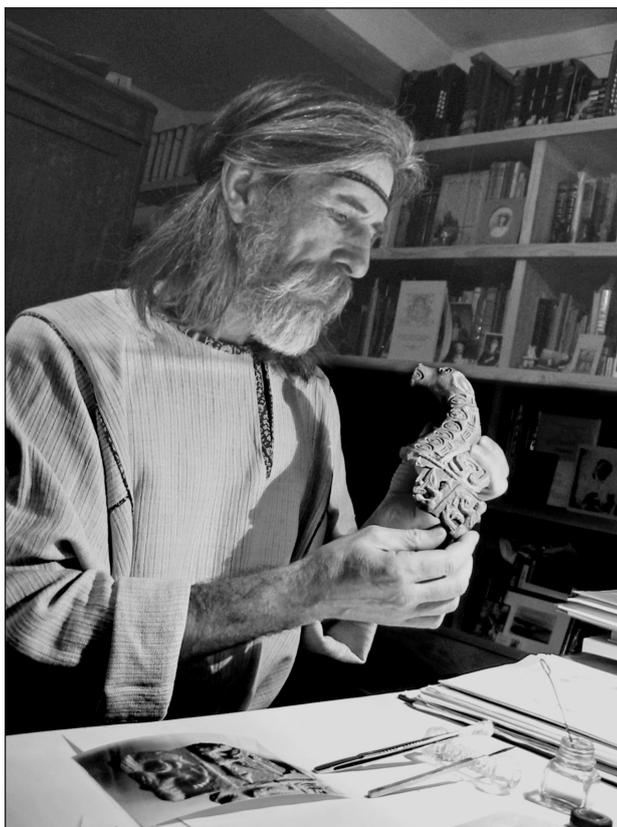
ловек всегда найдёт, на что пожаловаться. Словом, Спасибо, и всё.

Соберись летом в Новгород: увидишь раскопки.

6 сентября

Здравствуй, Сергей!

Благодарю за письмо в огромном конверте. Твоя статья о визите Президента России в Великий Новгород, по оценке В.Л. Янина, лучшая из опубликованных. Я тоже так считаю, поздравляю и благодарю за тёплые строки обо мне. Очень рад, что тебе присвоено звание Заслуженного работника культуры России. Пусть тебя не смущает, что его вешают нередко чиновникам, которые далеки от

В.И. Поветкин в Центре музыкальных древностей.
Фото А.А. Кочевника. 2004 г.

понимания того, чем они должны заниматься. Такова участь всех наград. Но ты ею можешь гордиться по праву. <...>

Сезон раскопок завершён. Как всегда есть и музыкальные древности. Буду писать отчёт к январской конференции.

В сентябре, 21–24 числа, намечена конференция в Старой Руссе. Пообещал участвовать. Но, возможно,

откажусь. И тогда, во второй половине сентября, наведаюсь в Курск. А то совсем потерял голову: ремонт, аварии в Центре музыкальных древностей, суета, и всему этому не видно конца. Слишком многое висит на мне. Таковы дела на нашем крохотном кусочке земли, где тебя не осудят за родной традиционный наряд, за родную песню. Таковы мы, русские, родные по крови, но едва ли не враждебные в области культуры. Но будем делать, кому что дано.

Публикацию подготовили С.Д. Малютин и М.Н. Попова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С.М. – комментарии Сергея Малютина.

² Е.И. Носов – советский писатель, курянин.

³ Стенд сине-белого цвета по эскизу В.И. Поветкина стоял на Ярославском дворце до 1990-х годов.

⁴ Копии миниатюр, сделанные для Новгородского музея в 1970-е годы, экспонируются в здании Присутственных мест Новгородского государственного объединённого музея-заповедника.

⁵ Два панно и три витража работы В.И. Поветкина и В.Ф. Гребенникова украсили холл новгородской гостиницы «Волхов» до реконструкции здания в 2000-х годах.

⁶ Этот проект не был реализован.

⁷ По окончании Курского государственного педагогического института в 1975 г. С.Д. Малютин был направлен по распределению в сельскую школу учителем русского языка и литературы.

⁸ На репетиции собирались музыканты – друзья и знакомые В.И. Поветкина. Исполняли сочинённые им произведения.

⁹ Рукописная книга «СЛОВО О ГУДЕБНЫХ СОСУДАХ к доброй памяти о безымянных творцах народной славянской музыки. Лета 1979 – Ярославле дворце». Текст и рисунки В.И. Поветкина. В 1993 году книга по договорённости временно была передана для публикации руководству Академии по ремонту музыкальных инструментов г. Мосс (Норвегия), куда В.И. Поветкин был приглашён для прочтения курса лекций. Публикация не состоялась, рукопись не возвращена.

¹⁰ Постоянный холод, простуды, нервные стрессы и переживания серьёзно подорвали здоровье В.И. Поветкина. Из Воротной башни он уходил на костылях, потом слёг – отнялись ноги. Когда поправился – заново стал учиться ходить.

¹¹ Ви́на – старинный индийский струнный музыкальный инструмент.

¹² Академик Д.С. Лихачёв поддержал В.И. Поветкина в его стремлении создать Центр музыкальных древностей, а в 1990 году взял на баланс возглавляемого им Советского фонда культуры только что построенное здание Центра, от которого все новгородские официальные структуры отказались.

¹³ Под руководством профессора МГУ, археолога Б.А. Колчина музыкальные мастера В.Г. Погодин и Н.Л. Кривонос провели работу по восстановлению внешнего вида древних новгородских музыкальных инструментов. К найденным археологическим обломкам музыкальных инструментов XII, XIII, XIV веков приклеили недостающие фрагменты и детали из современного дерева при помощи эпоксидной смолы, затонировав их под цвет археологического дерева.

¹⁴ В.И. Поветкин понимал значение этого первого опыта реконструкции, но, благодаря новейшим к тому времени археологическим открытиям, видел допущенные в реконструкциях Б.А. Колчина ошибки. В 1978 году по заказу Новгородского музея В.И. Поветкин сделал реконструкцию гуслей XI века с резной

надписью «СЛОВИША». При этом он не стал тонировать детали-дополнения из современного дерева. Кроме того, сделал три копии гуслей XI в. из цельного куска современного дерева и озвучил их (на склеенных реконструкциях это не было возможным, да и таковая цель не ставилась). В дальнейшем, познакомившись с реконструкциями В.И. Поветкина, Б.А. Колчин первый сказал о необходимости вернуть оригиналы к первоначальному виду и использовать методику реконструкции В.И. Поветкина.

¹⁵ Сложнейшую и кропотливую работу по отделению хрупких археологических фрагментов, приклеенных к современным дополнениям необратимым, недопустимым в реставрационной работе клеем, В.И. Поветкин провёл только в 2007 году, когда Новгородский музей обратится с просьбой привести археологические находки – обломки гуслей XII и XIV веков к первоначальному виду, удалив реконструктивные дополнения.

¹⁶ С 1978 года В.И. Поветкин выполнял работы по реставрации и прорисовке берестяных грамот, которые с 1951 года находят во время археологических раскопок в Великом Новгороде.

¹⁷ Академик, лингвист А.А. Зализняк включился в работу по изучению и расшифровке новгородских берестяных грамот в 1982 году.

¹⁸ В.В. Сапожкова – преподаватель курской общеобразовательной средней школы № 7, с которой В.И. Поветкина связывали дружеские отношения.

¹⁹ С художником С.И. Пустовойтовым, писателем Б.С. Романовым, академиком Д.С. Лихачёвым и писателем и фольклористом Д.М. Балашовым В.И. Поветкина связывали дружеские отношения.

²⁰ В конце марта 1999 года сотрудники Центра музыкальных древностей В.И. Поветкин, Н.Н. Попова и участница хора Центра С.Л. Васильева провели в Курске цикл лекций по музыкальной археологии древнего Новгорода.

²¹ А.Ф. Шитиков – курский поэт.

²² А.В. Руднева – заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор Московской государственной консерватории, фольклорист. В 1975 году в московском издательстве «Советский композитор» вышла её публикация «Курские танки и карагоды».

²³ Славянский ход – духовно-культурные и просветительские мероприятия, проводимые Мурманским отделением Союза писателей России с целью укрепления братских связей со славянскими странами ближнего и дальнего зарубежья.

²⁴ Н.П. Большакова – поэт и писатель, создатель Музея саамской литературы и письменности имени Октябрьны Вороновой (Мурманская область), участник Славянского хода.

²⁵ Доклад на ежегодной научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология».

²⁶ См. примечание 9.

Автор примечаний Н.Н. Попова.

«МАЕСТРО, – МУЗЫКУ!»

Из писем В.И. Поветкина В.С. Мазурову¹. 1964–1967 гг.

16.10.1964 – г. Полярный Мурманской области²

<...> Ну а я вначале никак не мог согласиться, что опять на службе. Встретили: «Братишка приехал! Здравствуй, Братан!». А сейчас: «Маэстро, – музыку!». Видишь как смешно?

Очень красивая осень. Вначале была возможность – рисовал. А сейчас всё светлое время суток уходит на службу.

Разрастается утка о трёх годах службы на флоте. Может быть, повезёт и мне.

Побольше рассказывай, чем занимаешься. Да о здоровье беспокойся – без него ничего не сделаешь. Ну об этом ты сам знаешь.

10.11.1964 – г. Полярный Мурманской области

<...> Сам я, как видишь, пишу редко. Если удаётся свободный час–два, так пытаюсь сбежать на этюд. А сейчас вот немного нездоровится – на мне была мокрая одежда, а я пошёл рисовать, ну и... захворал. Не жалею – этюд радостный. А хворь такая у меня быстро проходит и, как видишь, на ногах стою самостоятельно.

<...> Скоро станет совсем темно. А пока ещё бывают дни, когда солнце на несколько минут освещает воду, сопки, розовый снег, но зато как красиво!

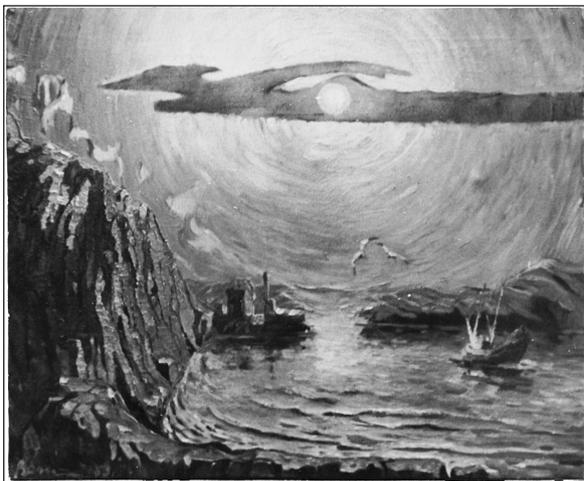

Северный флот. 1964 г.

02.09.1967 – Медвежий Стан³

Нахожусь в ВОХРе⁴ ... перерыв. Вчера был в училище⁵. Дали разрешение посещать занятия по свободному расписанию. Ленинград измучил дорогами.

<...> Ещё не рисовал. Все дни почти бегаю по заведениям, нами «управляющим». На ноги ещё не встал – летят финансы на всякие мелочи.

Картина В.И. Поветкина. Северный флот. 1964 г.

Публикацию подготовила Л.В. Федина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валерий Степанович Мазуров – Заслуженный художник России, г. Курск, друг В.И. Поветкина.

² Письмо написано после возвращения на флот из отпуска.

³ Посёлок Медвежий Стан Муриноского сельсовета Ленинградской области (в настоящее время входит в состав посёлка Мурино).

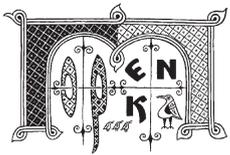
⁴ Работал в должности стрелка в отряде военизированной охраны воинской части (1967–1968 гг.). Б.А. Гольдштейн

рассказывает: «Как и многие студенты, в том числе и я, работали охранниками в воинской части. Охраняли военную базу. Это давало ленинградскую прописку и возможность учиться: сутки работаешь, трое отдыхаешь».

⁵ В 1967 г. поступил на 4 курс Ленинградского художественно-графического педагогического училища, которое закончил в июле 1968 г.

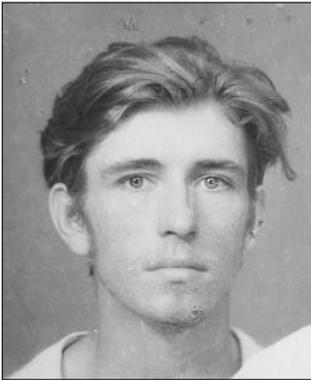
Автор примечаний Н.Н. Попова

Г.Г. Ларская

«ОН ОДУХОТВОРЯЛ ВСЁ, К ЧЕМУ ПРИКАСАЛСЯ»

В.И. Поветкин. 1967—68 гг.

Владимир Иванович Поветкин – художник, поэт, музыкант, скульптор, резчик по дереву, философ, гуслиар, композитор. Он мог построить дом, сделать мебель. Он одухотворял всё, к чему прикасался.

1968 год. Питер

Моя подруга Белла¹ пришла ко мне с художником Володей Поветкиным. Они с Беллой работали охранниками в каком-то учреждении. Володя – отрок с иконописным лицом, сдержанный до отрешённости, у него прямой и чистый взгляд. В нём спокойствие и холодноватость. Среди васильков во ржи, среди лесов и полей он был бы хорош. Город Володя не любит. Смертельно любит музыку. Он носит серебряное кольцо с якорем. Манера говорить и интонации у него провинциальные. Голос негромкий. На голове копна русых густых волос. Тонкая, хрупкая фигурка. Краснота и смуглота лица.

Володя Поветкин подарил мне древнеиндийскую книгу «Глиняная повозка».

Несколько дней у меня гостил Володя Поветкин. Он весь в себе, под внешним бесстрашием много мыслей и детское начало. Он молчалив, красиво ест, постоянно слушает музыку. Два раза мы были с ним в церкви. Он хорошо рисует карандашом. Такое впечатление, что он не нуждается в людях. Ко мне он не проявил ни тепла, ни доброты. Но он послушно делал всё, о чём я его просила, что было необходимо по хозяйству. Вместо слов мы с ним разговаривали глазами.

1971 год**7 июля**

Я приехала в Новгород, чтобы повидаться с Володей Поветкиным. На душе легко. Много света, неба, ветер. Влюбляюсь в Володю Поветкина, он очень красив, прям и светел. <...> Живу у его знакомой Эллы Тихоновой² и её мамы.

Володя мало спит, сон его был нарушен в армии. Он носит берет, когда он его снимает, то делается таким красивым, что глаз не оторвать. Он весь в себе. Иногда в нём мелькает детское.

Из дневников Галины Ларской

Я чувствую в нём чистоту и покой. Он молчалив, но не гнетуще. В нём нет суеты. У него прекрасное иконописное лицо древнего русского князя. Он полон созерцания. Меня он редко о чём-нибудь спрашивает. Из дерева он режет невероятной красоты тарелки, ложки, у него изысканный вкус, в куске дерева он уже видит своё будущее творение. Я люблю его красотой внешней, подозреваю большую красоту внутреннюю, чувствую в нём одухотворённость, но он далёк от меня. Он познакомил меня с семьёй своего друга Владимира Гребенникова, он тоже художник, очень энергичный человек, у него большая семья, чудесная жена Света, четверо детей.

Володя Поветкин часто провожает меня от Гребенниковых к Элле.

8 июля

Володя Гребенников естественен, мягок, добр, прост в общении.

10 июля

У Володи Поветкина много слушаем музыку, Моцарта «Реквием», «Кармину Бурану» Карла Орфа, 2-ю симфонию Густава Малера.

Горячее чувство вызывает Володя Гребенников. Его вопросы не иссякают. Он очень нравится мне. Он и Света, он и дети, он и Володя Поветкин... Подкупающая прямота и человечность.

14 июля

Плохо Володе Поветкину. Молчаливое шествие по ночному городу к Элле с Ярославова дворища, где живёт Володя. Так происходит три вечера подряд...

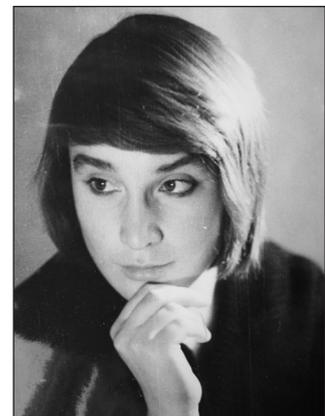
17 июля

После храма пришла к Володе Поветкину, принесла ему письма Дружининых о святом Фёдоре Стратилате. Когда он открыл мне дверь, то прямо взглянул в глаза, открыто, хотя он всегда таинственен мне. Когда прощались, он в глаза не глядел. Он говорит, что устал. Рассказ Андрея Платонова «Юшка» потряс его.

19 июля

Прощание с Новгородом. Володя Поветкин был

Г.Г. Ларская. 1960-е гг.

детски светел сегодня. У Гребенниковых разыгрывали «Теремок», Володя Поветкин – ёжик, Света – волк, малыши-двойняшки у нас с Володей Поветкиным на руках.

Володя Гребенников проводил нас немного, горячее дружеское прощание. Бог был рядом с нами в этот момент, я молилась о нём.

Рассказывая мне свою сказку о старике, ходившем за солнцем, Володя забыл обо всём. У него были детские интонации в голосе.

Володя Поветкин показал мне свои блокноты. Я глубоко уважаю данные ему дары. Он музыкален, в детстве слышал в себе внутреннюю музыку, он хорошо рисует, он резчик по дереву, из жести делает солнышки и дарит их многим людям, он пишет былины.

Он опять подарил мне много подарков. Он рассказывал мне о разных правителях, о людях, не знающих солнце. Простились мы быстро и просто. Он сказал мне:

«Пока. Передавай привет Лине и Олегу»³. Я: «Счастливо». И он, не оглянувшись, ушёл. Мы с ним очень разные.

Часто снится Володя Поветкин.

Москва

У меня были в гостях Володя Поветкин и Мила. <...> У Володи и его друга Володи Гребенникова в Новгороде большие неприятности. Молюсь за них.

Пришло письмо от Володи Поветкина. Удивляюсь сердцу своему – и этот человек любим мною.

Я получила письмо от Володи Поветкина и его мамы Марии Фёдоровны, они зовут меня в гости в Курск. Я испытала смутение, лихорадка почти напала на меня.

1972 год. Курск

25 июня

Еду в Курск. Меня провожали Лина и Олег – Володя Иванов, он очень изменился к лучшему. Родной.

Володя Поветкин встретил меня. Мама его очень красивая, статная, естественная, милая. Они похожи. Много прекрасной музыки слушаем с Володей. Володя удивителен. Марию Фёдоровну хочу звать «мамой». Масса клубники у неё на даче. Я хочу быть тихой, кроткой, молчаливой.

Лес, маленькое озеро. Читаю стихи. Любовь к Володиной маме. Слезы, когда о ней думаю. Хочу беречь её. Вечером плавали с Володей в озере. Мария Фёдоровна шутит, считается с мнением людей, говорит, впрочем, мало. Жизнь углубила в ней умение работать, дала ей возможность обрести терпение и мужество.

28 июня

Володю в жизни много преследовали оттого, что он не такой, как все. Мама его неустанно трудится. И Володя, и Мария Фёдоровна достойны восхищения. Оба

естественны, прямодушны, талантливы. Мария Фёдоровна возделывает сад.

Вечером вчера гуляли с Володей, читали друг другу стихи, Володя читал Мандельштама и Киплинга. На террасе ели клубнику с белым хлебом, пили воду. Мама в это время спала. Я отдыхаю подле неё, с ней легко, просто, хорошо. Она высокого роста, хорошего сложения, красива, в ней есть величие, что-то от осанки благородных индейцев. Даруй мне брата и друга в лице Володи, Господи.

29 июня

Володя работает рубанком, пилой, некрасивые доски превращает в стройные полки для книг. На всём, что он делает, печать одухотворённости лежит.

Мне хорошо здесь. Мои любимые рядом. Чем я могу облегчить их жизнь? Я немного готовлю еду. Читаю, делаю выписки из книг о музыке.

Никаких кривляний рядом с Володей и его мамой быть не может, так они гармоничны и естественны. Мария Фёдоровна, видимо, сильный человек. Володя и дерево – два естества, что крепче? Слияние художника с его творением. Володя – ребёнок. Красота обжигает сердце.

30 июня

Вчера приехали с дачи в город с Володиной мамой. На рынке нас настигла дикая гроза. По неровным улицам неслись реки воды. Сняв башмаки, я шла следом за Марией Фёдоровной. Благополучно добрались до дома. Она не позволяет мне тратить деньги на еду.

На стружках от Володиной столярной работы пишу детские стихи. У Володи от усталости голос делается всё глуше.

1 июля

Дважды была в храме. Близость святого Серафима Саровского, который родился в Курске.

Вечером хорошо говорили с Володей, он скорбит о своём знакомом Д. из Новгорода.

2 июля

Володя очень вынослив, у него крепкие руки. Весь день он строгаёт и пилит. В Новгороде он мало ел, мало спал. Чем больше наблюдаю его, тем больше он мне нравится. Молю Бога о нём! Какая красота лица, какая пластика тела. Он прекрасен за работой и когда слушает музыку. Он почти всегда спокоен. Иногда у него вспыхивают глаза, темнеют от внутреннего горения. Чем живёт внутренне этот удивительный человек? Он – Рихтер – в резании по дереву. Стихия дерева, музыки, ритма, пластика, солнца живёт в нём. Иногда он шутит.

У него синие чистые глубокие глаза, весь он ладный. Он сам себе шьёт одежду.

Мария Фёдоровна тащит на своих плечах те доски, которые Володя изготовил – и днём и ночью, и в сухую

В.И. Поветкин и В.Ф. Гребенников.
Новгород, 1970 г. Фото Э.Ф. Тихоновой

погоду, и в дождь. Мария Фёдоровна вяжет, умеет ткать ковры, красиво красит шерсть, шьёт себе платья, делает лестницы, работает на огороде. Часто молюсь о ней.

3 июля

Этот Володя – какое-то чудо! Он сказал мне, что когда он своими руками сделал первую вещь, он очень много узнал о людях. Он сказал, что надо делать вещи и не показывать никому, чтобы не впасть в гордость. Он говорит, что сейчас делают временные вещи.

Я вспоминаю Ахматову: «Ведь где-то есть простая жизнь...» – так мы и живём – просто. Это отраднo мне. Хочу летом что-то делать руками, надо научиться вязать, шить, вышивать.

Мне хорошо, тепло, просто с Володей. Слушали «Stabat Mater» Дворжака, произведения Ведела. «Покаяния двери отверзи ми». Тихо и сладко на душе.

Вечером гуляли с Володей по тихому Курску, по горам и лестницам шли. Кошки бегали, лягушки прыгали.

Сохрани нашу дружбу, Господи! Молитвенная музыка разгоняет мрак, утешает, смягчает. Разбираю пластинки.

Никому не хочу быть в тягость. Но Мария Фёдоровна и Володя меня кормят. Когда я попыталась что-то купить к столу из еды, она огорчилась, а вслед за ней и Володя. Объяснившись с Володей, я услышала от него, что существует круговая порука добра. Я сейчас принимаю добро от них, а потом подарю его другим людям.

6 июля

Володя делал печь своему другу Валерию...

8 июля

Володя учил меня ткать ковёр. Долго разговаривали. Мне трудно расставаться с ним – привыкла, оценила, полюбила. Его душа кажется мне выше, чище моей во много раз. Нельзя показывать свою грусть, надо быть ровной, простой, приветливой. Володя оказал на меня огромное влияние.

С глубокой грустью уезжала я от Володи и его мамы. Опять боль заполнила душу, боль разлуки, боль невозможности быть с ним. Володя провожал меня, звал приезжать в Новгород.

Боль постепенно прошла, остались радость, благодарность, любовь.

1978 год

От Тани Фёдоровой узнала о друге Володи Поветкина Гребенникове Володе. Его семья живёт на 70 рублей. Володю как художника не признают. Таня просила денег для его семьи. Работы Володи Гребенникова прекрасны.

Володя Поветкин имеет дочь Дашу от женщины-музыканта. Живёт он один, делает гусли. Киношники предложили ему сниматься в историческом фильме в роли гусяра, он отказался.

Июль

Мы ездили с Олей Сергеевой в Новгород на несколько дней. Видели Володю Поветкина. Его глаза чисты, прозрачны, прекрасны. Тихое естественное поведение. Он живет в мастерской на Ярославовом дворище. У него много музыкальных инструментов, он играл на гусях и пел, первый раз в жизни слушала, как он поёт. «Побудьте

ещё», – сказал он, когда мы с Олей собрались уходить.

У него много людей по вечерам, иногда они у него сидят всю ночь. Спит он днём. Он показал мне, как очищать бересту. Я нарезала из бересты тонкие ленты, постараюсь что-нибудь сплести. «Появляйтесь ещё», – сказал Володя. И очень ласково посмотрел на Олю.

На следующий день мы плели из бересты коробочки, подстаканник. Это весьма кропотливое занятие.

Володя чего только не сделал из бересты: начиная от огромных коробов и кончая крохотными солонками. Он учил играть меня на гусях. Он смотрел на меня скрытым святым взглядом, в котором чувствовалась праведная сила. Как отраднo смотреть в прекрасные глаза.

У него есть чувство юмора. Он проводил нас на улицу. Когда мы днём пришли к нему, на дверях для нас висела записка. Мы сели его ждать. Он появился через полчаса, изящно и легко двигаясь в плаще, в чёрной шапочке мастера. Он очень худой, впалые щеки, курит.

Мы вместе с ним на двух гусях играли и смотрели друг на друга. Как было хорошо! Звучание гуслей было замечательное.

Его лицо так красиво и благородно, что хочется всё время любоваться им. Я плела что-то и взглянула на Володю – он смотрел на меня, поймав мой взгляд, он тотчас отвел глаза.

Его друг Володя Гребенников умён, не говорит лишних слов, в лице видна глубокая внутренняя жизнь. Лида, у которой мы живём, сказала мне, что видела на груди у Володи Поветкина крест на шнурке. Я обрадовалась.

23 августа

Я опять в Новгороде с Олей Сергеевой. Чем больше видишь Володю Поветкина, тем больше начинаешь его любить. Это таинственный человек, живущий глубокой внутренней жизнью. Я спросила его: «Ты хочешь объездить весь мир?» Володя ответил: «Я его уже объездил». Я: «Как? Разве ты видел негров, цейлонцев, австралийцев?» Володя: «Да. Когда я сделал из бересты первую хлебницу, я увидел всё». <...>

Плету я из бересты плохо, грубо. А Володя одухотворяет всё, к чему он прикасается. Он много шутит. Он человек не от мира сего, он мало спит, мало ест, мало гуляет.

Оля спрашивает Володю: «А Вы крещены?» Володя говорит: «Нет. Я – безбожник, раз не крещен?». Оля: «Это не значит, что Вы безбожник. Вы в Бога верите?» Володя: «Я не люблю говорить на эту тему. Всё нам уже сказано».

25 августа

Под влиянием Володи во мне проснулась жажда труда. Доведение до совершенства дела, которое ты выполняешь, есть по-моему признак святости, ибо Бог совершенен. Володя в этот мой приезд был доверчивый...

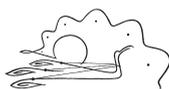
Я перечитала в Москве письма Володи ко мне, прикоснулась к его душе, письма его очень тёплые...

Последняя встреча с Володей на земле

1997 год

9 июля

Я в поездке от храма. Наш автобус прибыл в Новгород. Я спросила экскурсовода, знает ли она Владимира

Поветкина. Она сообщила мне адрес, где он работает. Я отправилась в путь.

Он директор Центра музыкальных древностей. Подойдя к двери Центра, я позвонила. Володя выглянул в окно, открыл мне дверь. «Ты меня узнаёшь?», – спросила я его. «Да. Сразу узнал. Ты хорошо выглядишь. Приятно тебя видеть», – сказал Володя.

Он поил меня чаем, потом включил пластинку с православным хором и на полчаса куда-то по делам ушёл. Вернувшись, он велел девушке-сотруднице Светлане Леонидовне накормить меня картошкой. Пока жарилась картошка, он повёл меня в зал, где многое сделано его руками резчика по дереву.

Володя час читал мне лекцию о старинных музыкальных инструментах, играл мне на каждом из них, играл

виртуозно. Он велел мне написать отзыв о выставке Пустовойтова и добавить следующее: «Прослушала лекцию Владимира Ивановича Поветкина...». «И адрес и телефон свой напиши», – сказал Володя. Он и девушка дали мне в дорогу еды. Я подарила им шоколад.

Володя пошёл меня провожать. Мы прошли с ним до половины моста через Волхов. Он сказал: «Дальше я не пойду». Мы встретили Люсю, она сказала: «Вы чем-то похожи». «Дай я обниму тебя», – сказала я Володе и обняла его в первый раз в жизни. «До свидания, солнышко», – сказала я ему. Прошло несколько минут. Необыкновенное чувство пронизало мою душу. Как будто душа Володи прикоснулась ко мне. Я с трудом слушала людей. Всё о Володе думала.

ПРИМЕЧАНИЯ

Рис. Г.Г. Ларской. 1972 г.

¹ Белла Анатольевна Гольдштейн (Усвяцова) – журналист, филолог, педагог, режиссёр-постановщик детских кукольных спектаклей. Друг В.И. Поветкина с 1967 года (прим. Н.Н. Поповой).

² Элла Фёдоровна Тихонова – одна из первых новгородских знакомых В.И. Поветкина, у неё он был прописан в 1970-е годы. 1970-й год Владимир Иванович провёл в поисках жилья, жил на разных квартирах, пока не поселился в Воротной башне Ярославова дворища. Девять лет она была его мастерской и домом, но прописки там не было. Только в 1977 году у Владимира Ивановича появились собственное жильё и постоянная прописка (прим. Н.Н. Поповой).

³ «Лина и Олег – мои московские друзья» (прим. Г.Г. Ларской).

«Я В ЭТОТ МИР ПРИШЁЛ, ЧТОБ ВИДЕТЬ СОЛНЦЕ...»

Из писем В.И. Поветкина Г.Г. Ларской. 1968–1973 гг.

18.11.1968 г. Курск

Здравствуй, Галя.

Ленинградцам, видно, сладко живётся, что некогда даже написать письмо... даже в столичный град Курск... даже мне – окружённому морозом, луной и воем собак.

Посылаю два конверта. В одном письмо, в другом список пластинок, когда-то купленных в Ленинграде (к ним кое-что прибавилось).

Покупай по возможности (противное слово – покупай, купил...) импортные пластинки.

Да, добавилось вот что: 1. Лютеранский хорал; 2. Рораты – чешские традиционные адвентные песни 16 века; 3. Яначек – «Хорал-кантата»; 4. Яначек¹ – «Лашские танцы» и др.; 5. Мартину – «Симфония № 4», «3 ричеркара»; 6. Мартину – «Соната № 2 для виолонч. и пиано», «три мадригала», «Соната № 1 для скрипки и пиано».

Из авторов, известных мне, покупай Яначека, Мартину (в первую очередь), Стравинского, Дворжака, Мендельсона. Покупай, в общем, на свой вкус – не ошибёшься. Если даже лишнее, что-либо пришлётся – ничего страшного – подарю кому-нибудь.

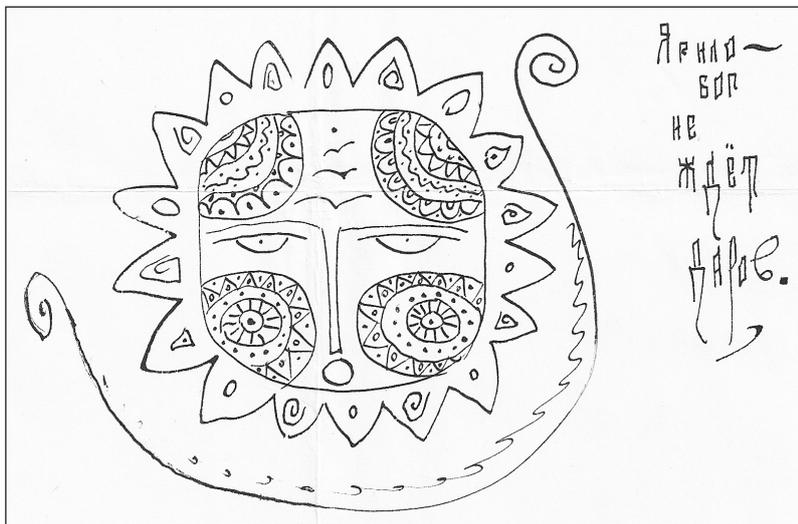
Вот три пластинки, которые я не смог купить в день отъезда: 1. (ты уже купила) Зайдлер² – «Вечерня». 2. Бриксы и Михна... 3. Дворжак «Симфония № 3–8». Две последние находятся в «Мелодии» на Калининском проспекте – метро «Арбат». А на Герцена-24 (тоже «Арбат») – было несколько пластинок Мартину и Яначека.

Стравинского у меня три пластинки: «Петрушка», «Жар-Птица», «Царь Эдип» (супрафон³).
Мендельсона: «Реформационная» № 5.
Концерт ми минор для скр. с орк.
Симф. № 3 «Шотландская».
«Сон в летнюю ночь».

Дворжака: Концерт для виолончели с орк. си минор.
Симфония № 9 (5) ми минор (из нового света),
Струнный квинтет ми бемоль мажор,
Исп: квартет имени Дворжака (супрафон).

Яначека и Мартину – перечислил.

Относительно Баха, Генделя, Вивальди – покупай импортное. Правда, последних двух у меня и в нашем исполнении мало... слишком. В общем, смотри – что посчитаешь нужным, то и покупай. Хотелось бы иметь «Реквием» Верди – импорт, дирижёр Тосканини.
У нас был разговор о музыке – вкусы примерно

одинаковые – старинная и современная музыка.

Начну сначала. Прежде всего, благодарен за письма Цветаевой. Читал некоторые строки матери – она в восторге.

Галя, если будет возможность, то в письмах иногда присылай по одному стихотворению... вот каких авторов: Уитмен, Пастернак, Цветаева, Киплинг, Рильке и др., которых я не помню или не знаю, т. к. я о них много слышу, но слишком мало читал, или совсем не читал.

В бумажках своих нашёл у себя Бальмонта – «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце...». Мне в поэзии мало что было по душе, но это... в нём мало лишних слов.

А Цветаеву, особенно после этих писем, мне жуть – как хочется почитать. Я с этой же просьбой обратился к Бэлке⁴ – обещала. <...>

В своей обители заниматься рисованием не могу. Опять ждать и ждать...

Завтра пойду в паспортный стол. Домовая книга у меня. Сейчас буду заполнять бумажки.

Взял на время череп – буду учиться пока хоть чему возможно.

Пиши, что нового у тебя, в Москве.

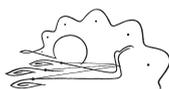
Если появится что-либо из литературы, сообщай – возможно на периферии будет легче найти.

Низко кланяюсь Герману и Лине... и Грише, если не уехал.

MCMLXVIII.XI.XVIII Влад.

13.12.1968 г. Курск

Все дни почти не сплю... – то моя личная бессонница, то бессонница, связанная с выполнением работы. А работаю сейчас в «Молодой Гвардии» – лит. газетка. Завтра

выйдут первые иллюстрации. Плохие. Мне противно на них будет посмотреть. Но что поделаешь – времени на размышление не дают. Сегодня дали задание – пять иллюстраций! – завтра носи готовое. Но ещё обиднее то, что надо угождать. Мало того – сумей, докажи правильность, «объясни смысл» готового... если спрашивают. Но чаще всего не спрашивают... – «Переделать»... – Вот... вкратце, о моей новой и необычной работе.

1. Смотрю на небо... 2. – Вижу себя плывущим... 3. – над дремучими лесами
4. – в вечном ожидании...
Вопроса.

<...> 7-го – Опять напролёт ночь – не спал (кстати – писал письмо тебе). Но ещё... я каждый день надоедаю окнам «До востр-я».

Дварионаса⁵ – не слышал. Моё солнце... прикидывается только печальным... Когда мой день рождения? – ты уже знаешь – но это – по паспорту, а фактически... мой день рождения – каждый новый день.

Хочу услышать «Кикимору» Лядова.

Сказку я писал – не сказку... а как способ выражения своей мысли в письме – как ответ на вопрос. Вовке⁶ я послал ту же сказку, но там она обращена не к Тебе (и не к нему) – если хочешь – попроси у него прочитать. И вот её можно судить – хороша или плоха. Хотя, Ты прочтёшь её и увидишь – только малейшее дополнение, т. к. (Тебе я её рассказывал без запинки) то, что я тогда писал, – в следующую ночь не рискнул убавить что-либо (лишь минимум). Но, когда будешь её читать – постарайся забыть то письмо. Я уверен – у Вовки – совершенно другое впечатление.

Относительно стихов... Ничего не высылай (хотя бы до тех пор, пока не прочитаю то, что уже есть), кроме того, что я просил в самом начале – по одному стихотворению в письме. Из «пяτικнижъя»... прочитал одну с горем пополам, т. к. времени не остаётся... абсолютно. Чувствую, что читать буду долго. «Карлсона» – ещё не начинал.

Ты задаёшь вопрос... «Что такое мир?» – Хотя бы даже высказывать по этому поводу... только мысли! – я не могу в письме. Да и что... рассуждать-то?.. крестьянин не рассуждает об этих вопросах, но он, и только Он... достоин называться существом, ближе всего стоящим к самой сути жизни. (Крестьянин лишь добродушно удивляется.)

25.12.1968 г. Курск

Здравствуй, Галя.

25 декабря. Занят. В редакции гонка... воображения. Освобожусь, вернее, надеюсь на проблески безделья

лишь в следующем году.

Письмо получил. Сейчас... на почтамите.

Отвечать надо бы длинным посланием, но... меня ждёт ещё одна (как будет дальше – не знаю) бессонная ночь. Готовимся к Новому Году... и у меня в голове буквицы да картинки. Ничего хорошего не получается, а если получается, то не могут нормально отпечатать.

Короче, отвечать постараюсь позже. А сейчас прошу тебя не сетовать на мою «лучшую в мире» лень.

День рождения... А ведь ты спрашивала об этом, когда я был у Вас... Мне право... не по себе.

Автобиография.

Я, Поветкин Владимир Иванович, уроженец Сталинградской области Быковского р-на Солдатско-Степного с/совета. Год рождения – 1943, месяц – февраль, день – 26.

С тех пор я появился на Земле. Проживу здесь ровно 113 лет. После чего, по программе моего первого прародителя, оберегающего в настоящее время огненные светила всех вселенных (в том числе и наше – Солнце), я покину Землю, и, в образе безымянного, холодного камня пронесусь мимо всех известных Звёзд и... разобьюсь о гигантскую бесконечность вдребезги! А потом... все мои дребезги соберёт выпускник Курского мединститута и отнесёт Кухниной⁷ (гражданка такая – вместо головы – глобус), которая к тому времени будет обладать лучшей коллекцией глупостей.

И так... С Новым годом!

Будь здорова! Крепко, крепко запечатываю конверт.

До свид. – Влад.

07.01.1969 г. Курск

Здравствуй, Галя.

Сегодня вечером получил удивительную бандерольку... спасибо. Новогоднее поздравление тоже получил... и отвечаю сейчас – шлю газету. <...> Но вообще-то... шлю свой плакат вместо поздравительной открытки.

<...> Посылаю измятый огрызок своего письма к Тебе – прошлогодний. Возможно, он дополнит мои старые каракули. А может и не дополнит, – так не огорчайся, потому что на этот вопрос (самый главный вопрос вообще) ответом служит жизнь.

Для примера скажу вот что: я сейчас знаю на сколько-то процентов твоё отношение к бытию, твои познания в этом вопросе и т. д. Но, задай я тебе вопрос: «Что есть жизнь, истина, смысл и т. п.», я боюсь, что знал бы меньше из тех процентов.

Так что, моя вина в том, что я кое-где пытался мутить

Фото Э.Ф. Тихоновой.
1970 г.

воду по этому вопросу. Но прощения не прошу – не в моём вкусе... т. к. Кухнина (гражданка такая) сушит сушки при луне. Видал онадысь... С Лешим... пьяная. Ухо разорвано, глобус, того и гляди, под мышкой понесёт, скатывается с плеч, на ногах сковородки и... жарит по Ленинской, а голос – как в самоварную трубу: «Я самая лучшая в мире Кухнина!» и, Лешего етому навуськивает... Всё остальное честь-по-честь... даже гвоздичку к изнанке приморозила – «Для аромата» – эдак заносчиво произносит и с Лешим в такт глазами хлопает.

Крепко-крепко тебя – целую бадейку клея истратил! – Запечатываю, преогромный конверт, и веди себя в дороге прилично. А уж в Москве... да тоже не бедокурь! Держи лишь нос морковкой... не споткнись... А это что такое? – ох это – я – Влад.

15.02.1969 г. Курск

Здравствуй, Галя.

<...> У меня всё по-старому. Опять поморозился. Был в командировке в Судже (Курская область). Искали народных умельцев для «Родника». В Судже, когда-то, я лишился отца. В памяти кое-что оставалось и, можешь ли представить – вспомнил, узнал. Но всё это чепуха! Меня поразили эти места необычайной красотой. Никогда бы не подумал, что в области может быть такой уголок, как Горналь. Во вторник выйдет номер с «Родником» – пришло. Правда самые острые и важные моменты зарезаны цензурой, но всё же этот номер лучше... чем про даярок.

Спасибо за письма и особенно за беспокойство по поводу бессонницы, которая, в общем-то, прошла. Сейчас 12:00, и мне – ужас – как спать хочется.

Всё время очень занят. Прихожу домой и валюсь с ног. Голова моя не работает, и я всё жду хорошей минуты, чтобы написать письмо. Да так вот, с прежней чугунной башкой и пишу, а то подумаешь, что я умер... А я живой и... Кухнина (гражданка такая) это может подтвердить. Мне уж и так никто не пишет, как только ты терпишь! моё

недобросовестное отношение к твоим письмам. Ты столько вопросов задаёшь, что мне и жизни не хватит, чтобы на них ответить. Приеду – поговорим. Но вообще, может и тогда не на всё дам ответ – я ведь, ко всем моим гениальным наклонностям, ещё и скромнен. Следовательно, на самые трудные вопросы я постесняюсь отвечать. Какую-то чепуху несусь. Ну не обессуди – действительно башка чугунная.

Поздравляю тебя с днём Советской Армии – это я надеюсь, что ты меня поздравил с международным Женским праздником. Напиши мне в письме следующем, как мне добираться к вам от Курского вокзала.

Приеду я вероятно в субботу, т. к. суббота и воскресенье – выходные дни. Только не знаю в какую.

Ну вот пока... До свидания – 15 февр. 69 г.

Неунывающий дачник.

Март 1969 г. Курск

Дорогая Галя...

Поздравляю Тебя с праздником.

Будь очень счастлива...

Март, 69 г.

Варфоломей⁸ – (неунывающий дачник).

13.03.1969 г. Курск

Здравствуй, Галя.

Стихи?... по одному в каждом письме – обязательно!

Я придумал вот что: если Тебе «Лубок» действительно не нужен, то пришли его Серёже Малютину. Это будет

сюрприз для него, т. к. я ничего ему об этом не скажу. Пусть для Тебя это не будет обидным, если даже он не узнает, кто ему сделал подарок. <...>

Кстати, в новогоднем номере в «Зарницах» его «Стол на троих».

Стихи твои, которые ты подарила перед отъездом, уже пошли по рукам.

Мать благодарна тебе. Сказала, что это самый серьёзный подарок... Передаёт Тебе привет.

Пластинку Новака «Депрохундис» я вручил в день приезда одному парню, вернее молодым супругам, заинтересовавшимся моими пластинками. У них тоже есть муз. фототека.

Больше ничего не помню, всё выветрилось... Я приехал – поднялся пыльный ураган, – лица людей покрылись слоем пыли. Вечером пошёл наконец-то снег, и осветлели улицы и дома. Герману⁹ – мой благодарный привет – он так хорошо устроил мой

отъезд на электричке... Красивая... ужасно! «Весна священная».

Предполагается организовать в редакции зал прослушивания с участием студентов муз. училища, которые будут исполнять произведения для органа на бояне. Я говорю – органа, т. к. большинство интересуется им. Ну, вот... пока... до свидания.

MCMLXIX.III.XIII. Влад.

P. S. И пожалуйста не хандри. Есть много вещей,

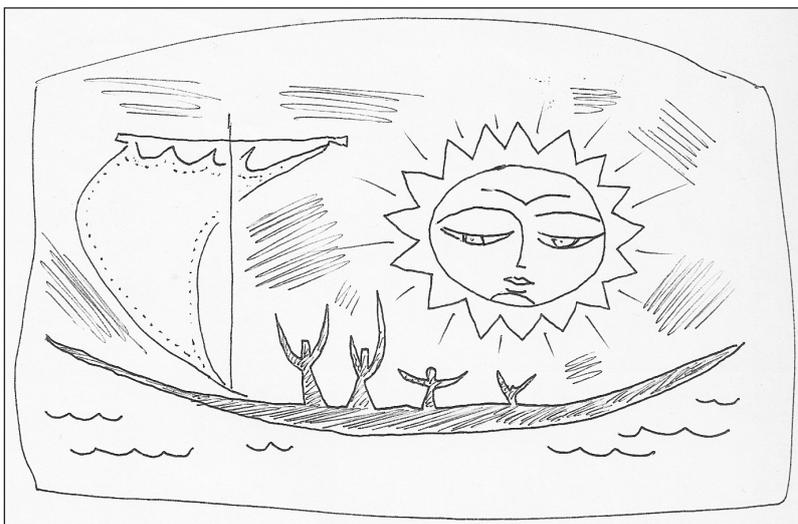
вызывающих печаль, но с другой стороны каждая из них таит в себе столько же улыбок, сколько и слёз.

20.03.1969 г. Курск

<...> Сегодня утром я сообщил своей матери эту печальную весть¹⁰, и выяснилось, что вчера она плакала – был день рождения её первого сына, моего брата, Александра¹¹, которого с нами нет и, вероятно, никогда не будет. Вот какие совпадения...

Лине передай наш тёплый привет, и пусть она не убивается слишком. Хотя такое пожелание трудно давать, т. к. мать моя без слёз – уж сколько лет прошло! – не может рассказывать о смерти матери.

Мне сейчас не по себе и не знаю, что говорить. Было время у меня, когда смерть считалась в порядке вещей, когда умирали совершенно здоровые парни и об этом существовали лишь холодные сообщения – влияние обстановки (служба). А сейчас я остро ощущаю её (Линину) боль.

Пожалуй, первый из подобных случаев, когда человеку не поможет ничем (кроме слова) – ничто не сможет заменить близкого человека. И тому, кто пытается как-то успокоить, трудно чувствовать боль скорбящего, но ещё тяжелее испытывать своё бессилие перед этим фактом, перед фактом, что он ни на один миг не сможет вернуть потерянного навсегда.

Больше я ни о чём сейчас не буду писать.

До свидания – Влад.

14.05.1969 г. Курск

<...> Виноват за долгое молчание... Немного о Каунасе: Был на венчании в костёле. На органе исполнялся «Свадебный марш» Баха. Встретили меня очень хорошо... – «Впервые встретили (увидели) такого русского...» У Ионаса¹² очень милая Милда. В Русском соборе (на Лайсвес аллее) – выставка витража и скульптуры... где-то сверху проигрываются органные и хоровые произведения. Что-то слышал – возможно даже... что-то из «Страстей...» Баха.

В этот собор приезжают лучшие органисты и дают концерты. Орган – второй, после того, что в Домском соборе. Зигмас и Сабина подарили мне большую, вишнёвого цвета свечу.

В Ленинграде был. Коротко видел Валерку

Горбунова¹³. Он передал тебе ответный привет. Но говорил я с ним очень мало!..

Мать передаёт тебе привет. Она весь отпуск проводит на огороде, т. е. – на даче, т. е. – дома. Вчера плакала. За много лет не может увидеть своих родных. Часто болеет.

Взорвали церковь у нас в Мокве¹⁴. Приезжал «Профессор»¹⁵. Водил его к развалинам. Понравились ему наши бугры и лесочки. И жалко было наступать на муравьёв... Я как и прежде, качаюсь на волнах в тумане.

İki pasimatymo – До свидания – Влад.

Viso gero! – всего хорошего, всего доброго.

MCMLXIX.VXIV – Варфоломей.

[конец мая – начало июня 1969 г. Курск]¹⁶

Здравствуй, Галя.

Прошу тебя, не обижайся, если молчу, ленюсь, как я выразился в прошлом письме. Кроме лени, я бегаю как угорелый, и опять настала пора коротких снов. Я спешу до отъезда сделать что-то дома, т. к. в эту весну дом чуть не провалился в погреб и т. д. ... много-много неурядиц и забот. И не знаю ещё, чем это кончится, т. к. уезжаю надолго.

Не сетуй. Такой уж я неразумный – могу болтать без умолку, могу молчать (правда, это стало гораздо реже, а впрочем... это скорее другая форма молчания, когда говоришь с людьми не о том).

Наконец-то в моём домике появился столик – осталось немножко закончить его, – и появился шкаф, в который войдёт много-много хаоса, который ещё покрыт многолетним слоем забвения.

Во мне нет суеты? Спасибо. Это похвально. Но причина в том, что я не боюсь что-то потерять – нечего. Правильнее, как я сам чувствую, – есть суета, огромная, но я могу (и то не

всегда) скрыть её. И это, не то – что театральность, нет – в этом есть огромный элемент естественности. Возможно, ошибаюсь. Но, всё же, в данный момент я смотрю (смотрю – анализировать) на себя со стороны. Спасибо за телефоны. Если я не пронесусь вихрем по Москве, то позвоню. И ещё, если есть желание – приезжай в гости (можешь не одна), и здесь сможешь пробыть с матерью моей сколько захочешь. Добраться так:

Вокзал: – трамвай № 4 – до последней остановки. Далее – прямо по дороге. <...>

До свидания. Привет всем.

21.09.1969 г. Новгород

Здравствуй, Галя.

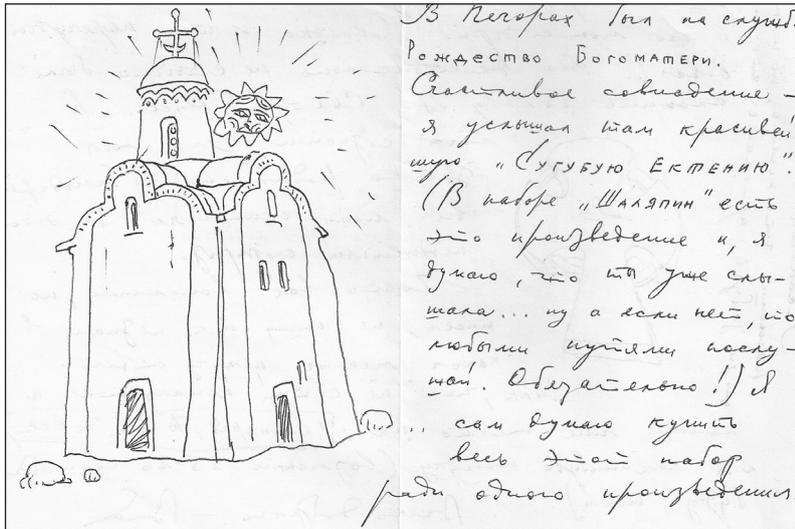
Ты меня проругала наверное 10 000 000 000 000 раз. Хотя были причины... но не отпираюсь – виноват, виноват.

Я в Новгороде. Сегодня вернулся из Пушкинских Гор... жаль, что не знаю твоих друзей – мог бы от них привет тебе передать. Был также в Печорах, в Изборске, и, разумеется, в Пскове. Доволен необычайно. Хотя в дороге я оказался разутый – шлёпанцы мои порвались – и болит моя буйная головушка, и что уже ночь в зените, я очень рад, что сообщаю эти новости в этом письме. В Печорах

был на службе – РОЖДЕСТВО БОГОМАТЕРИ. Счастлиное совпадение – я услышал там красивейшую «Сугубую Ектению». (В наборе «Шалыпин» есть это произведение и, я думаю, что ты уже слышала... ну а если нет, то любимы путями послушай. Обязательно!) Я сам думаю купить весь этот набор ради одного произведения. Лине расскажи, что я в Новгороде и... не знаю, высылала ли она в Ленинград пластинки. Я сейчас разлучён с почтой.

Уехал в Новгород на неделю, да вот уже более двух нахожусь здесь и неизвестно когда вернусь в Ленинград. Начал с Элей рисовать панно в Демянск. Несмотря на всю эту волокиту с устройством и ходом этой работы и несмотря на то, что в городе очень много культурных пьяниц и просто-напросто подонков, я рад, что увидел эти древние соборы и церкви. И тем более рад, что именно отсюда добрый случай меня перебросил – хотя и нена-

долго – в Псков и его монастыри. Сколько я там перечувствовал!.. Там действительно, не стыдно было сложить голову за Святую Русь... В моём сознании земля моя заново родилась. Я благодарен всем моим скитаниям за этот необычайный сюрприз.

Часто вас вспоминаю, но писем не пишу, т. к. не знаю, в каком месте получу ответ. Так что не сетуй, пожалуйста, а напиши мне письмо на: Ленинград, Д-65, до востр., а я как-нибудь получу (возможно 25–26 сентября буду там).

Всего доброго – Влад.
MCMMLXIX.IX.XXI.

Притиска на полях: Расскажи, как ты поживаешь, где была и что видела. Напиши, что хочешь, но напиши. Я соскучился по твоим письмам. И по традиции, не забудь прислать что-нибудь вроде «Я в этот мир пришёл... чтоб видеть солнце и синий круг...»

Фрагмент письма, хранившийся у Г. Ларской.

Без даты.

Меня интересуют основные философские принципы крупнейших существовавших и существующих религий. Если твоя память богата чем-то в этом смысле или сможешь добыть книги – помоги – это для меня очень важно.

10.10.1969 г. Новгород

Здравствуй, Галя.

В Ленинграде был. В числе многих писем получил

твоё. Рад, что отозвалась ты... И очень благодарен за огромную теплоту по отношению ко мне. Устраиваться буду в Новгороде – в фонде, надо только с пропиской уладить, с этой вечной проблемой блудных сынов. <...> Вофка просил меня найти молитвы «Отче наш» и «Господи, Владыко живота моего»... Я обращаюсь к тебе за помощью. Если не будет тебе в тягость, пришли, пожалуйста, ему... адрес, надеюсь, известен – Добролюбова – <...>, Шириков.

Ну и конечно мне присылай что-нибудь. Я слишком грубо выражаю свои мысли и, ради Бога, не сетуй. Голова моя с каждым днём разваливается и настроение не улучшается. Может потому и подействовало твоё письмо так на меня, что получил я его, когда белый свет казался чёрным... Не ругай, – я опять несу чепуху... «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце...» И мне пришли эти молитвы... Да! если сможешь найти что-нибудь про святого праотца

Иуду, тоже пришли. Живу я в Юрьевом монастыре около Новгорода.

В окно виден Георгиевский собор (1119 г), и в общем-то чувствую, а вернее, немножко в других обстоятельствах (я говорю об администрации), чувствовал бы себя более уютно и тепло, и спокойно. Ужасно тяжело жить, если чувствуешь, что кому-то мешаешь... и здесь, мне кажется, я бы постарался это исполнить.

Не ругай меня. Я успокоюсь... Не ругай... я напишу когда-нибудь чистое и светлое письмо. Ты получишь и поймёшь, что я хоть на миг был в своём уме. А сейчас... Не ругай.

г. Новгород, Юрьев монастырь, северная сторона, келья № 11, Петровой Ольге Михайловне (для Варфоломея).

Пока... до свидания.

Будь здорова и не расстраивайся

по пустякам так, как это делаю я.

Будь здорова. MCMMLXIX.XX. – Влад.

[Ноябрь 1969] г. Новгород

Здравствуй, дорогая Галка – Мама Галя...¹⁷

Я ничуть на тебя не в обиде. Напротив, я рад каждому твоему письму. А что молчал так долго – так прошу тебя быть уверенной, что рано или поздно я напишу и что, я обязательно жив и здоров. И что, как бы я не мучился, как бы ни было плохо – я жив. И как бы ни было мне хорошо – я рад твоему письму.

12 ноября еду в Курск. Буду у тебя. Поговорим на месте. А сейчас я прошу прощения за молчание. Хотя и трудно было со свободным временем и с хорошим настроением – я мог бы написать пару слов...

В Курск еду к матери. Она больна и боюсь – ей плохо сейчас. Пока до свидания.

До встречи. Влад.

19.12.1969 г. Новгород

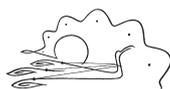
Я целыми днями повторяю без устали:

Только детские книги читать,

Только детские думы лелеять...¹⁸

и забываю написать тебе не только слово благодарности, но даже... забываю написать ответное письмо.

Что касается веры, милая Галка – я прошу тебя – давай поговорим, но только очень-очень откровенно, при

встрече. В письме об этом просто невозможно говорить – слишком сложно...

Я слышал, что скоро выйдет «Мастер и Маргарита» – если будет возможность купить – постарайся на мою долю.

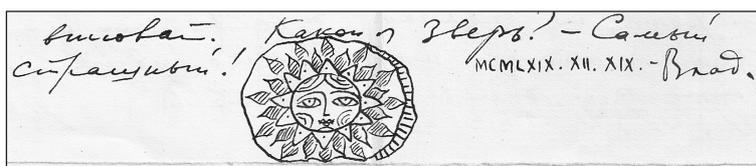
Очень понравились японские тристишия! Спасибо, спасибо. Если бы ты знала, как я в этой жизни нет-нет да и вспомню вас (Бэлку и тебя) за то, что в ваших письмах много стихов. И как это я придумал попросить вас присылать мне стихи?.. Ведь я всё чаще и чаще прихожу в восторг... или что-то узнаю новое или вспоминаю, или мне просто становится легче на душе... или... может это оттого, что сами письма, в которых присланы стихи самых разных авторов – сами письма такие тёплые? И то, и другое – верно. Спасибо.

Скоро Новый Год. Хочется ещё и ещё раз, как и в прошлом году, поздравить тебя с самым добрым праздником из всех праздников года. Из всех пожеланий я выбираю для тебя вот это: хочется, чтобы ты стала гораздо веселее, чем ты сейчас. Понимаешь? – Очень намного веселее... чем ты сейчас!

<...> Спроси у Ларисы насчёт пластинок – новых и она обещала Реквием Верди или 9-ю симф. Бетховена в зарубежном исполнении. Я даю тебе столько поручений, что прямо стыдно за то, что не считаюсь с твоим временем. Галя и ... ещё и ещё раз прошу Тебя – покупай иногда новые пластинки для меня <...> Пойми, что для меня это важно, очень важно (и не только для меня)! И больше я не могу к кому-либо другому обратиться. Я хочу, чтобы ты поверила в моё не слепое соби- рание пластинок и книжек.

Эх, Галка–Галка... трудно объяснить... Я живу с таким ощущением, будто скоро я расстанусь с этим миром, но всё-таки, чувства мои и знания где-то или кому-то будут нужны... опять непонятно...

Я по-прежнему ещё не прописан, и это сейчас главное, т. к. скоро заказ я выполню и надо будет решать этот вопрос – вопрос официального устройства в этой суматошной жизни.

Прости за такое несобранное письмо и может грубое – но поверь – грубость если есть – совершенно не специальная, и не принимай её на свой счёт. Ну, в общем ты напишешь и отругаешь меня – если я виноват. Какой я зверь? – Самый страшный!

МСМЛХІХ. XII. XIX. – Влад.

27.12.1969 г. Новгород

Здравствуй, Галя.

«Хочу найти я место, где сумел бы
Повеселиться, чтобы ночь скорей прошла!
Лишь вспомню я о доме – сердце стынет...»

Исикава Такубуку.

Получил твоё короткое и беспокойное письмо. Мне

стыдно. Стыдно за то, что от людей я требую внимания к себе, а сам... Мне Бэлка часто говорила, что я слишком много думаю о себе. Видно, она права... Прости, пожалуйста, если я приношу тебе печаль или ненужную заботу. Я и сам, кажется, жду – не дождусь времени, когда моя жизнь немного образуется, когда у меня будет возможность хоть не так поздно приносить... свои извинения.

Ты говоришь о моём приезде в Москву... Я разве проехал мимо твоего дома хоть раз, с тех пор, как был впервые... <...> Посылаю рисуночек. Это Георгиевский собор Юрьева монастыря – он из окна виден вот так. Часто вижу ночью... и рисунок сделан ночью. Часто думаю о том, как я себя буду чувствовать, если придётся покинуть это место. Будет плохо наверное. Редкие минуты я чувствую себя относительно спокойно. И это именно те минуты, когда я иду по берегу Волхова к Перыни. <...> В любое время эти места на меня действовали успокаивающе. Прогулки мои бывают ночью, когда никто не встретится на пути... Возвращаясь, я волей-неволей смотрю на Георг. собор. И... наверное, он заставляет меня набираться сил и немного мужества, чтобы держаться... Пиши, пожалуйста, мама-Галя чаще, как можно чаще. Ну, хоть что-нибудь придумывай, но пиши! Не дожидай моего ответа... Я говорю тебе, что мне жутко плохо бывает временами, а вернее... пиши... как сможешь... как будет время... и желание. И не забудь что-нибудь из стихов.

Ты говоришь о моём приезде в Москву... Спасибо за приглашение. Я не знаю, когда смогу приехать. Всё будет зависеть от моего устройства и от финансов. А так... я хоть сейчас! Правда, ты, наверное, грустна... Да! ведь я же говорил тебе об этом! И письмо, кажется, написал! Ну тогда – ещё раз – с праздником!

27 декабрь 69 г. – Влад.

Декабрь 1969 г. (открытка)

Милую Галку с самым добрым праздником Года – с первым его днём

поздравляю.

г. Новгород. Юрьев монастырь. Декабрь 1969 г.

Влад. Поветкин.

(Володе как-то приснился город весь в храмах. Ему было сказано во сне, что он будет жить в этом городе. Когда он первый раз побывал в Новгороде, он увидел, что этот город ему снился. – Г.Л.)

Март 1970 г. Новгород

Здравствуй, милая Галка.

В церкви 8 марта я не был. Жалею об этом. Хотя живо представляю, что там происходило. Элла Фёдоровна – без памяти от подарка твоего. Скоро получишь от неё письмо. <...> Ц. Франк¹⁹ – душа и космос – преследует на

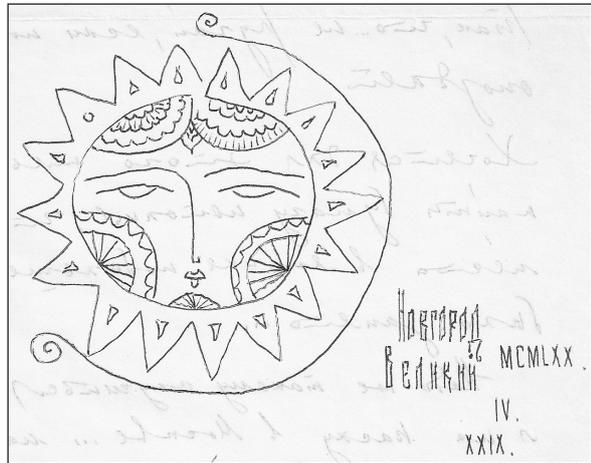

каждом шагу. Очень благодарен Вам за этот прекрасный подарок. Я слушаю – и мне хочется защитить всё доброе на свете. Защитить этого милого, доброго, красивого Цезаря Франка.

Будь здорова – Влад.

29.04.1970 г. Новгород

Здравствуй, Галка.

Здравствуй, именинница. Собрался я сегодня в Москву, чтобы вручить тебе сказки, но машина, на которой я должен был ехать, – раньше времени покинула Новгород. Так что... не ругай, если посылка опоздает. <...>

Надо же такому случиться – был бы я на Пасху в Москве... машина шла от книготорга в Москву на ярмарку. Но коли так получилось... так ты и не ругай меня за огромный и почти пустой ящик.

Всего тебе доброго...

Счастья, хлеба и Солнца.

Новгород Великий MCMLXXIV.XXIX.

[Декабрь 1970 г.] Ленинград

Здравствуй, Галя.

<...> моя первая командировка заканчивается – 16 декабря еду в Новгород (по плану на 3 дня). <...> Моя жизнь – сплошная суета – всё время трачу на работу. Бэлка обижается и за глаза называет «типом». <...> Вообще мне всё труднее писать о себе. Самое главное – я чувствую, да просто очень отчётливо вижу, что в моей жизни ничего существенного не происходит и, что ни вспомню – всё кажется – мелочи, о которых не стоит сообщать – бессмысленно. Не таким я представлял себя взрослым. Слишком огромную разницу вижу между собой и окружающими. Нет нигде пристанища для меня. Официальное устройство этой жизни мне противно. В любви, как я ни старался быть искренним и естественным – ничего не вышло...

Что касается религии, то во многом я принял её как философию даже до того, как узнал основные её принципы. Но я не могу вести себя так же как ты – в этом я не найду покоя. Прошу тебя не суди меня и не убеждай ни в чём, что касается религии. Всё, что мог, я выразил здесь. Кроме того, у меня есть чему поклоняться – это в какой-то степени меня и живит. Правда, это не поклонение – это постоянная память о добре. Но это ещё не значит, что сам я так добр, как помню – всё это много раз перепуталось с вариациями и степенями зла, зла, которое частично

порождено моей природой, частично официальным укладом жизни.

Но сейчас мне некогда посмотреть на небо. Мне лишь приходится бежать под ударами самозванцев-властителей и некогда смотреть вверх... И, несмотря на это, врождённое чувство говорит мне: «Не падай!». Мне некогда и поэтому я заканчиваю своё письмо.

Лину, Олега и Германа поздравь от моего имени с Новым годом – это хороший праздник. Всем, и тебе, желаю здоровья и счастья.

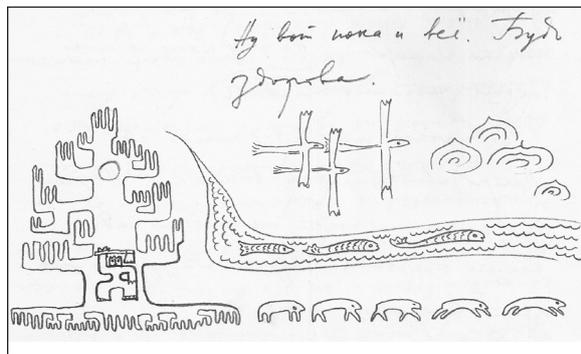
До свиданья – Влад.

[Май 1971 г.] Новгород

Здравствуй, Галя.

Извиняться за молчание не хочу, т. к. молчал намеренно. На эту тему не могу больше что-либо добавить.

В начале июня – 5–7 числа еду в Петрозаводск – там выставком. Не знаю, как потом позволят финансы, но надо как-то съездить в Курск. Возможно это будет в середине июня. Рад буду видеть тебя в Новгороде. Правда, у меня начинается опять период непоседливости, но ты действуй смелее – Тут, на месте увидишь, что к чему. Познакомишься с Гребенниковыми – для нашего времени это редкая семья. И если вдруг меня не будет в Новгороде, то

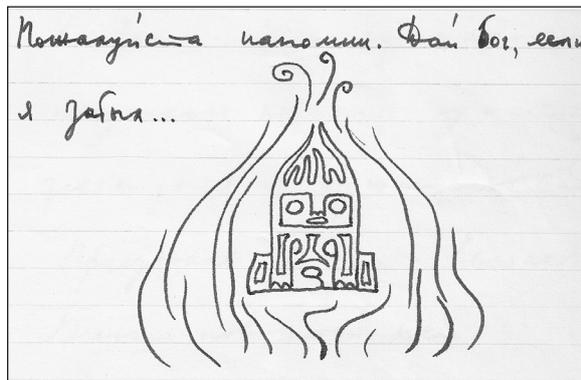

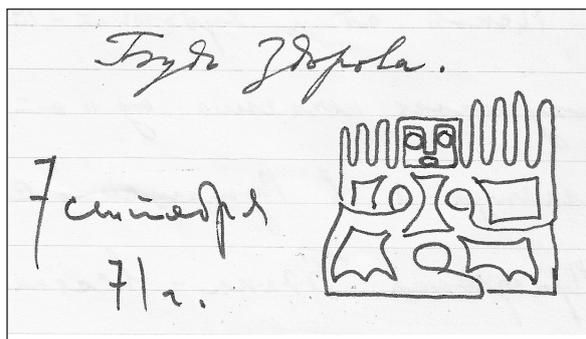
остановишься у них, как у меня. Они живут совсем рядом со мной – около главпочтамта. <...> Новостей особых нет. Книгу по философии почти ещё не читал. Но как только надо будет её прислать – ты немедленно сообщи мне. Ну вот пока и всё. Будь здорова.

07.09.1971 г. Новгород

Здравствуй, Мама Галя.

Спасибо за подарок – очень красивый свитер. Так неожиданно... А я нечаянно был в Михайловском. Меня забрал в Псков один художник – тоже получилось нечаянно

– ну и оттуда заглянул я в Пушкинский сад.

Приезжала Бэлка – весёлая. Больше новостей нет. Да! относительно ложки для Олега: не обещаю, но если вдруг сделаю – то ему. Слишком много у меня беготни, а дело на месте стоит.

Скоро зима, а у меня печка не горит... ну и так далее. Будь здорова.

Сказка – дело долгое – и может вообще не буду писать. <...>

Ноябрь 1971 г. Новгород

Здравствуй, Гая.

Я виноват перед тобой за этакую наглость... Мне, право, стыдно... и не только перед тобой – я чувствую, что обижаю многих людей – да это очевидно. Несмотря на то, что мало сплю (специально), дел у меня прибавляется и ни одно из них не двигается с места, т. к. приходится браться сразу за всё, а за что-то в отдельности взяться не позволяет обстановка. Некогда спать, некогда следить за внешним видом, некогда есть, часами могу сидеть и курить, но никаких сил нет для того, чтобы найти лист бумаги и перо. Каждый вечер встречаю с мыслями, что сейчас напишу письма и начинаю искать ручку и чернила, но заранее ишу не в том месте... – в руки попадает деревяшка, нож, топор – всё что угодно – и я начинаю резать деревяшки или просто «отсутствую» – так приходит утро и вечер и пробегает неделя – я спохватываюсь и спрашиваю у людей: «Какое сегодня число» – и круг начинается снова. Я стою мертвецом среди бесконечных живых мыслей и дел, угрожающих раздавить мою память. Это никуда не годится, но иным я уж не могу быть... вместе с тем понимая, как я не справедлив ко многим людям, даже к тем, которые потешаются надо мной.

<...> Пишу по пунктам, т. к. постоянно забываю.

<...> 3. Мать одно время была в плохом состоянии – и физическом и духовном – обидно за неё. Возможно, на днях поеду в Курск, чтобы привезти её проведать меня на Ярославом дворе.

<...> 4. Гребенниковы живы-здоровы – передают тебе привет.

5. Письмам твоим рад (несмотря на то, что не отвечаю). Пиши всё, что считаешь нужным. А некоторые наши расхождения естественны, и, следовательно, никто никого не должен принуждать. Вера многих людей фактически едина. Разница в форме. Но добро как дух присутствует даже в так называемых «злых людях», присутствует рядом со злом, в одном теле. И мне кажется – знай люди об этом факте, их легче было бы привести к чему-то относительно единому. Но вообще эти мои фразы голые, и их можно опровергнуть.

Но, право, я не хочу повторять тебе то, что ты сама прекрасно знаешь. Да и больно мне физически... для самого

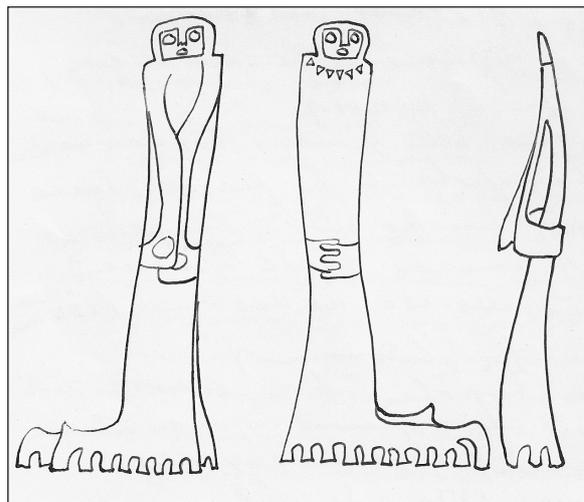
себя лишний раз повторять, повторять, повторять. Людей вообще лучше, наверное, не поучать, а произносить мысли, чтобы они звучали как бы в пространстве – чтобы не бить, как говорят, по самолюбию. Это, кажется, и есть Божественный принцип. Это – и искусство.

Ну, и в окончание скажу, что искусство не должно главенствовать над землепашеством, ибо они, как одинаково естественны, так и одинаково божественны. Болезнь поздних времён стало превозношение искусства (часто подделки) над тем, на чём оно рождается.

Это одна и та же скульптура с разных сторон – вернее схема скульптуры «Одиночество». Я её почти сделал, правда, в малом размере за неимением материала. Для меня это нечто новое. С одной стороны – неприступная красота, гордость и улыбчивость. С другой – отчаяние, холод, безысходность, муки. С одной стороны – фигура одиноко идёт, с другой – вся в напряжении, устремляется ввысь. С одной стороны – одиноко стоит, с другой как бы разговаривает с миром. Руки спереди временами напоминают гордое положение рук у актрис, временами это не руки, а пояс современной кокетки (не обязательно современной). Руки сзади – иногда кажутся заломлены в отчаянии, иногда – это какое-то тряпье на ветхом теле, иногда – это крылья. Жалко, что нет у меня возможности фотографировать. На рисунки более понятные много идёт времени. Но, вот я описал тебе – может, и наврал где-то, но кое-что всё-таки удалось.

До свидания. Будь здорова. А за одежду – спасибо – постараюсь износить, как и полагаюсь в таких случаях.

Новгород. 1971. Ноябрь. Влад.

19.11.1971 г. Новгород

<...> Поездка моя в Курск не осуществилась по местным причинам. Ожидаю свою Родимую, но что-то долго её нет. «Юшку» постараюсь прислать в скором времени.

Пообещал Лине прислать письмо, да всё никак не соберусь. Лене передай, пожалуйста, благодарность мою за заботу. Пластинки, если нельзя переслать – пусть ждут моего приезда.

Новгород покрылся снегом. В комнате моей посвежело, и надо теперь усидчиво резать деревяшки.

Хвостунья драгомышская (кошка моя) жива-здоровая и Вам того желает. Мало того, она желает, чтобы люди, так же как она, догоняли собственные хвосты. И почему –

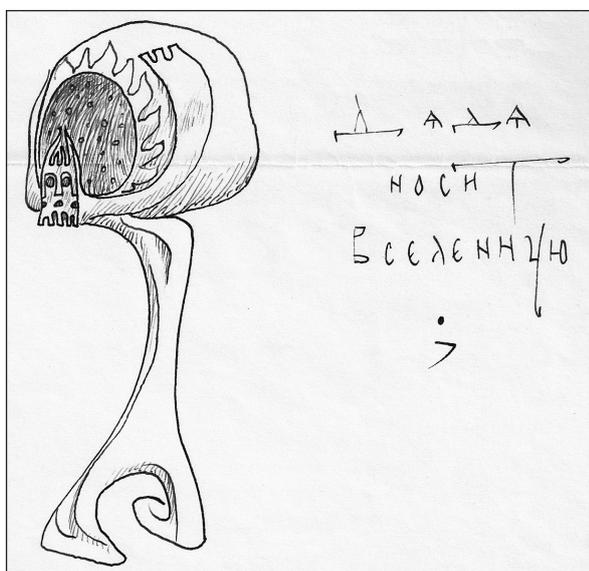

удивляется она – люди куда-то прячут свои хвосты. Гражданка Кухнина по-прежнему проводит время, не спит дни-ночи, – организует среди населения диспуты на тему – «Молчание – золото». Недавно Кухнина заходила – меня не застала – а Хвостунья заговорила с ней о хвостах. Вопрос так и остался нерешённым для бедняги – она долго и внимательно слушала молчание собеседницы, а в конце запротестовала: «Не может быть! У каждого человека должен быть ну, хотя бы маленький, но свой хвостик».

Как тебе живётся – работаете? Все ли здоровы? Пиши, я рад твоим письмам. Пиши, о чём хочется – другое дело, что я не во всяком случае способен рассуждать, но на это не стоит обижаться.

Ну вот и всё моё письмо.

*До свидания – Влад.
Новгород.
Ярославово дворце.
Ноября 19 дня 71 года.*

12.03.1972 г. Новгород

Здравствуй, Галя.

Признаю свою вину перед тобой. Моё молчание выглядит наглостью. При всей занятости и усталости, видимо, можно было написать это письмо раньше. Но тебе – спасибо за память. Дела мои, по коим пришлось ездить в Москву, внешне поправились. Подробности – устно. Сейчас мы делаем второе панно в гостиницу «Волхов». Своя работа – ни с места – всё лишь на бумаге. Кроме того – постоянное беспокойство из-за того, что скоро надо освобождать эту комнату – которую я мечтал сделать памятным узелком в своей жизни. Каждый миг сознавать, что я не успеваю и что это продолжается всю жизнь – тяжело. Но куда деваться, что делать – не знаю. Я рисую свой мир, не похожий на окружающий. И живу по законам этого рисованного мира, а мне спокойно бьют по голове другим законом, законом, записанным на бумаге. Мне не хочется его читать, и все говорят: «Твоя вина – не умеешь жить». Единственно утешает то, что и моей судьбе должно пройти по этой жизни.

Ну, что будет, то и будет. А пока – будь здорова. Мне подарили прекрасную книгу «Наука быть счастливым». Что-то забываю, но это как всегда.

До свидания – Влад.

25.05.1972 г. Новгород

Здравствуй, Галя.

Вот, я опять в своём репертуаре – молчу. Всё время помню, что надо послать тебе письмо и с вечера на вечер откладываю. У тебя в этом месяце день рождения, и, возможно, он уже прошёл, но поверь – я с самого начала месяца поздравлял тебя в уме и помнил. Только я всё время занят и отдаю своему занятию все силы. Чувствую себя усталым прямо с утра. Вот какие дела. Провинился перед всеми за молчание. Как твоё здоровье? Настроение?

А на меня не обижайся всерьёз – мне действительно стало как-то всё трудно.

Не съездишь ли ты в Курск к Матери моей. Будешь жить на даче или дома – где захочешь. Матери ты будешь только в радость. Я постараюсь съездить домой в это лето. Только когда – не знаю. (Тут волокита с работой). Дома буду показывать матери, как делать ковры. <...> От вокзала идёт трамвай № 2 и № 4. Но как добраться до дачи я вероятно уже рисовал тебе схему – если же нет – то скажи и я в следующем письме пришлю. Сейчас я просто очень усталый и голова тяжела. Ну, вот... утро... пойду на почту.

Будь здорова – Влад. 25 дня 5 месяца.

31.03.1971 г. от М.Ф. Байбаковой г. Курск

Здравствуй, Галя.

Прости за долгое молчание. И пишу я это не в оправдание, а просто для начала. Получила два письма твоих, большое спасибо за письма, за заботу обо мне и за то, что помнишь обо мне. Всех подробностей описать не могу, так как прошло много времени.

Основное это: теперь я получила квартиру. С частной квартиры от хозяйки выписалась и теперь прописалась в свою квартиру. И может быть, теперь моё горе уменьшится. <...>

Теперь, может быть, и настанет время – можно будет почитать книги, а то я очень давно уже читала книги, и чувствую, что уже разучилась писать, забыла русский язык – простите.

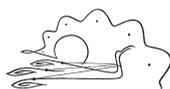
Теперь надо очень много написать писем всем, сообщить о запоздалой радости. Владимир мой сейчас пока в г. Новгороде, но скоро должен прибыть ко мне в Курск.

И ему пишу последнее время мало, не могла.

Сейчас у нас, как и вообще весна, а я нахожусь почти в дороге, на работу, в сад, в город на квартиру. Квартира ещё не обставлена, да и сразу обставить её нечем, прошу, не удивляйтесь, так уж в жизни сложилось.

А теперь постепенно будем, что сможем, в неё покупать. Не знаю, как писать – боюсь, не поймёшь меня правильно <...> А может быть и ты неплохо понимаешь жизнь и людей. Так вот я теперь добрых людей больше предпочитаю видеть в своём доме – или квартире, а все необходимые вещи со временем будут. Это само по себе разумеется. <...> Ожидаю Владимира к себе на помощь, много дел, касающихся только его рук, а я этой работы не смогу выполнить. Чтобы сделать, надо уметь. Галя, пиши, всё, что сможешь, меня не стесняйся, я очень рада твоим письмам.<...> У нас в Курске уже снега почти нет – скоро нужно будет мне работать в саду. По привычке мне кажется в саду жить лучше, а в квартире я ещё плохо сплю, а может быть потому, что ещё не улажено. И я её чувствую чужой.

Пока до свидания. Жду ответ. Мария Фёд.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яначек Леош (1854–1928), далее – Мартину Богуслав (1890–1959), Дворжак Антонин Леопольд (1841–1904), Бриксы Франтишек Ксавер (1732–1771), Михна Адам Вацлав (1600?–1676), Новак Витезслав (1870–1949) – чешские композиторы.

² Бруно Зайдлер-Винклер – дирижёр и пианист. Возможно, речь идёт об опере Дж. Верди «Сицилийская вечерня», возможно, Клаудио Монтеверди «Вечерня Блаженной Девы».

³ Supraphon – чешская звукозаписывающая промышленная компания.

⁴ «Белла Гольдштейн, моя питерская подруга. Она меня и познакомила с Володиёв осенью 1968 г.» (комм. Г.Ларской)

⁵ Дварионас Балис Доминико (1904–1972) – литовский композитор, дирижёр, пианист.

⁶ Владимир Леонидович Шириков – друг и сослуживец В.И. Поветкина, вологодский писатель.

⁷ Кухнина (ударение на «у») – выдуманный персонаж.

⁸ Варфоломей – так иногда подписывался В.И. Поветкин. Б.А. Гольдштейн рассказывала: «Не то, чтобы сам себя так называл, но подписывался так всегда. И в Питере, и потом. Ему это имя шло».

⁹ Брат Галины Ларской.

¹⁰ «О смерти матери моей подруги Лины». (комм. Г.Ларской)

¹¹ Александр Михайлович Куликов, сын Марии Фёдоровны от первого брака. Потерялся во время войны (около 1945 года).

¹² Ионас Павилионис – друг и сослуживец В.И. Поветкина.

¹³ Валерий Горбунов – художник, однокурсник В.И. Поветкина по Ленинградскому художественно-графическому педагогическому училищу.

¹⁴ Село Моква расположено в 5 км. от Курска, рядом с усадьбой Нелидовых. Недалеко находится садовый комплекс, где у М.Ф. Байбаковой был участок, на котором они с Владимиром Ивановичем построили домик.

¹⁵ Так В.И. Поветкин называл В.Л. Ширикова.

¹⁶ Здесь и далее в квадратных скобках даётся примерная дата, определённая по содержанию письма и другим источникам (в случае отсутствия авторской датировки).

¹⁷ «Мама Галя» меня называл питерский мой друг Гриша Ковалёв. Володя его знал, слышал и стал тоже иногда меня так называть». (комм. Г.Ларской)

¹⁸ Стихи Осипа Манделштама.

¹⁹ Цезарь Франк (1822–1890) – французский композитор, органист.

Автор примечаний Н.Н. Попова

Публикацию подготовили Г.Г. Ларская и Н.Н. Попова

«ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!..»

Из новгородских писем В.И. Поветкина к Маме — Марии Фёдоровне Байбаковой.
1969—1997 гг.

21.09.1969 г.

Здравствуй, Мама.

Прости за молчание. Я нахожусь в городе, который зовётся – Господин Великий Новгород!

Здесь я должен рисовать панно. Думал, что вернусь в Ленинград скоро, но обстоятельства сложились не так, как ожидал я. Подрамники не были готовы и вот только начинаю рисовать. Вероятно, деньги ты выслала, и я постараюсь их получить.. или напишу на почту, или съезжу сам. Не обижайся, я думал что скоро вернусь.. Но и не беспокойся обо мне. Я жив и здоров.

Сегодня вернулся из поездки по Псковской области и очень-очень доволен, т. к. всё в новом и новом наряде узнаю древнюю Русь. <...>

Постарайся дать ответ сразу, как получишь письмо. Посылку с пластинками я ещё не высылал.

Напиши, как твоя жизнь, как здоровье, что нового в Курске, пиши обо всём.

XXLIX.MCMLXIX. Твой Влад.

01.10.1969 г.

Здравствуй, Мама.

Я виноват за долгое молчание, но поверь, пожалуйста – так уж складываются обстоятельства, что неизвестно где буду я завтра...

Работа в Новгороде движется к окончанию. Третьего октября поеду в Ленинград, вышлю посылку с пластинками, которую, как я объяснял уже тебе раньше, отнесёшь в редакцию и там распечатаешь. Всем от меня передашь привет. В Новгород вернусь числа шестого, вероятно ненадолго. Нужно будет оформить уже почти готовую работу. Ионасу напишу что-нибудь...

Привет соседям... Ну вот пока и всё.

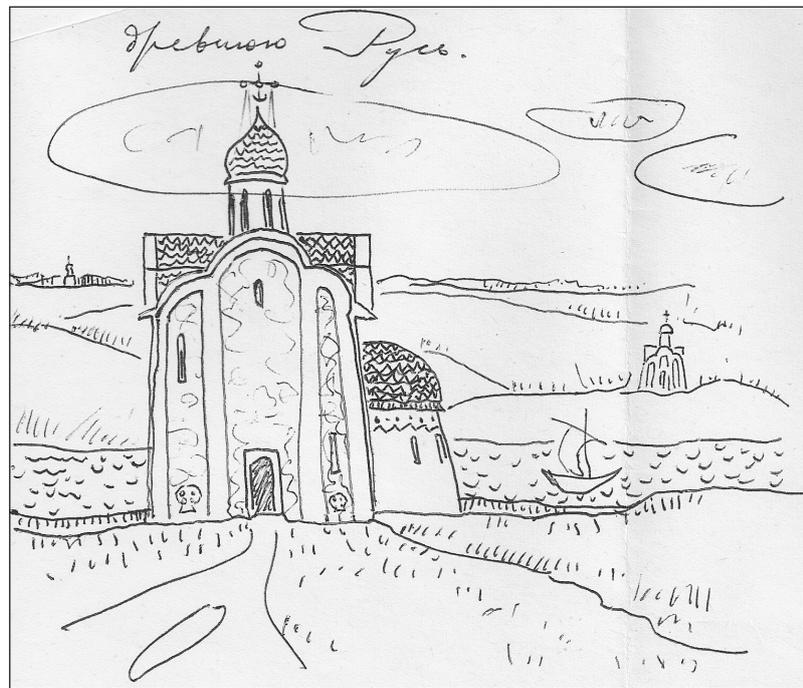
Жаль, что я не успел закончить основные дела по дому. Ну не ругайся на меня слишком сильно. Не ругайся на меня — непоседу... причины ты знаешь, а если не все, то всё равно догадываешься.

Будь здорова. Твой Влад. MCMLXIX.IX.I.
Новгород Великий.

07.10.1969 г.

Здравствуй, Мама.

Сегодня уезжаю в Новгород. Послал тебе бандероль с

книжками... Обратный адрес написал ошибочно, так, что ты не пиши по нему. А пиши: г. Новгород, Юрьев монастырь, Северная сторона, келья № 1, Петровой Ольге (Для Варфоломея)!. <...>

18.10.1969 г.

Здравствуй, дорогая Мама.

Письмо твоё из колхоза мог бы вполне не получить, т. к. в Ленинград, куда оно было адресовано, я попал совершенно случайно.

Очень обидно, что всё у нас так получается... <...>

Я тебе тысячу раз говорил осторожнее обращаться со своим здоровьем... А сейчас прошу тебя вот о чём. Если чувствуешь себя слишком плохо – пиши мне – я хоть ненадолго приеду к тебе. А уж потом буду поступать на работу.

Работать буду реставратором... Здесь в Новгороде. <...>

19.12.1969 г.

<...> Я очень сожалею, что наша жизнь никак не наладится. Я очень сожалею, что мои путешествия по белу свету не приносят мне ни малейшей удачи, ни единой минуты спокойствия. И я очень сожалею, что слишком мало людей на свете, желающих понять меня с лучшей стороны. <...>

Новый год... Сколько раз мы пишем друг другу новогодние поздравления и новогодние пожелания! И неужели оттого, что мы не писали бы вдруг эти пожелания

жизнь наша стала бы хуже? Да! Ты знаешь, действительно она была бы ещё хуже. А потому я опять и опять желаю тебе всего хорошего в новом году.

MCMLXIX.XII.XIX. Твой Влад.

Открытка (в этом же письме):

Дорогая Мама!

Поздравляю Тебя с самым добрым праздником всякого Нового Года – 1-м января.

С первым днём Нового 1970 года!

Будь здорова – Твой Влад. г. Новгород.

Юрьев Монастырь. Декабрь 1969 г.

1970 год

04.01.1970 г.

г. Новгород, 1-е поч. отд., до востребования –

г. Курск, Главпочтамт, до востребования².

Здравствуй, Мама.

Получил твою заботу. Всё хорошо, только половина яблочек и лука помёрзла. Но, в общем – я рад, что банки целы... и самое главное, рад, что ты сама, имея слишком много забот, успеваешь всё это собирать и высылать. Спасибо.

Я прописался³. Принимают на работу в худож. фонд. Сейчас ищу квартиру для жилья. <...>

Как ты встречала Новый Год? Представляю... Единственная радость была, если зашёл кто-нибудь в гости.

Ну не расстраивайся... – я тоже во время боя курантов выносил помойное ведро, – так что ты не одна и я не один.

Ну пока – до свидания.

Январь – 4-й, Год 70-й. Твой Влад.

30.01.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Вот я и вернулся в Новгород.

<...> На прощание мне подарили маленькую нагрудную иконку Николы Чудотворца и гусли (старинный музыкальный инструмент). Так что, сама понимаешь моё состояние.

Сейчас изо всех сил надо работать и одновременно искать жильё. Вот такие мои дела. Думаю, что всё-таки устроюсь как-то получше.

<...> Я, кажется, давно не писал тебе. Прости – все эти дни был в дорогах..., а сейчас мучительно трудно начинать работу, т. к. ещё не имею в ней никакого опыта. А кроме того, постоянная дума о неустроенности в смысле квартиры слишком сильно даёт о себе знать.

Как ты там поживаешь? Не заболела ли? Что-то тоже молчишь. Пиши.

До свидания – твой Влад.

30 январь, 70 год.

12.02.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Наконец-то... Я уж думал беда какая случилась – что не пишешь.

Дела мои кажется поправляются. Правда ещё квартиры не нашёл, но в скором времени – надеюсь найду что-нибудь. Просто все эти дни работал и некогда было искать. А сейчас, – хотя тоже надо работать – надеюсь, что выкручусь и найду какое-нибудь жильё. <...>

Если найдёшь времечко – свяжи мне берет. Я его уже никому не отдам. А этот берет носит человек у которого (зима сейчас) нет головного убора. Пришли мне,

пожалуйста, губную гармонику. В коробку, в которой она лежит, положи ваты, чтобы гармошка не стучала в почтовом ящике.

Постарайся следить за своим здоровьем. И пиши чаще, не делай таких перерывов между письмами. Иначе я подумаю, что у тебя беда и вынужден буду приехать, бросив здесь все неотложные дела.

Вот... До свидания. 12 февраля 70 г. – Твой Влад.

19.02.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за перевод. И спасибо, что рассказала о своём житье-бытье. Кажется никакая подлость людей меня не удивляет, и всё-таки я расстроен. Все события по поводу квартиры сообщай мне и все подробности рассказывай незамедлительно.

Я – жив, кажется здоров.

Береги себя. От Галки – привет. Она часто вспоминает о тебе, хотя и не видела ни разу.

Ну вот – до свидания.

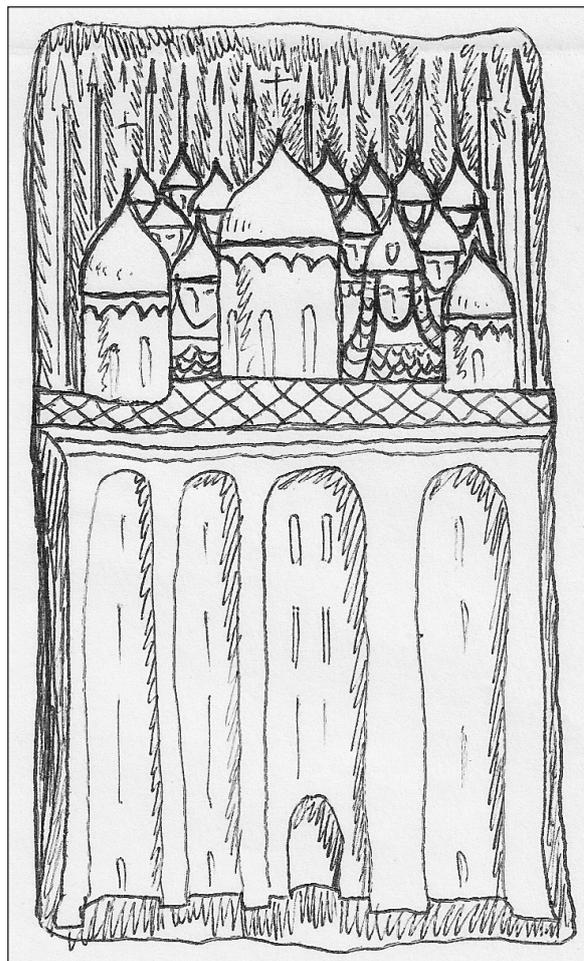
19 февраля 70 г. Твой Влад.

17.03.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Ты написала такое хорошее письмо, что я увидел и сороку, и солнце, и яблони, и наш уютный домик, и тебя. Спасибо.

Мне трудно здесь, но я чувствую, что надо оставаться здесь... В Курск у меня вообще никаких надежд на

работу. Трудно это объяснить. Какое-то внутреннее желание оставаться здесь удерживает меня. Да, кроме того, я ведь только-только начинаю работать, правда неудачно, но со временем образуется... Узнаю получше людей. Узнаю, кому можно довериться, а кому – нельзя и т. д. <...>

07.04.1970 г.

<...> Мои дела со временем наладятся. Сейчас сделал эскиз рекламного щита на Ярославово дворище и скоро начну делать копию Мстиславовой Грамоты XII века⁴. Настроение моё переменное. Временами только хочется забыться чтоб не видеть ни чужих ни своих бед.

Пока писать кончаю. Просто новостей – никаких, а сетовать на жизнь – устал.

Ты не обижайся на меня – неразумного... мне тоже временами тошно жить. Но я ничего ещё на этом свете не сделал... так что надо надеяться, что когда-то и над нами будет ясное небо (хотя я это с большой опаской пишу, и наверное чтобы успокоить самого себя). <...>

20.04.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Я виноват за столь долгое молчание. Слишком много забот – с одними расправиться – другие появляются.

Приступил к работе на Ярославовом дворище. Щит находится на улице, и руки быстро мёрзнут – дело медленно продвигается и... неудобств много. Никому дела нет до художника – «пусть делает, как хочет – лишь бы хорошо и в срок»...

Дома есть в моих принадлежностях по рисованию – может быть в ящиках или в диване – пульверизатор... Это распылитель – как для одеколона – с резино-

На глупцов тратить нервы – что же останется на действительно нужный момент?..

Привет передавай от меня всем нашим родным.

16.11.1970 г.

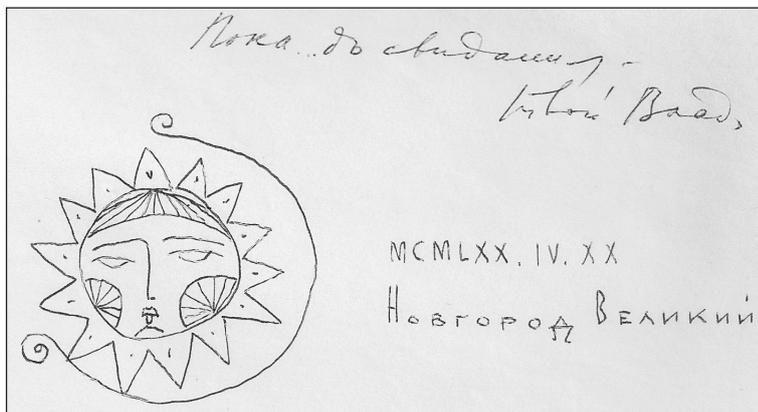
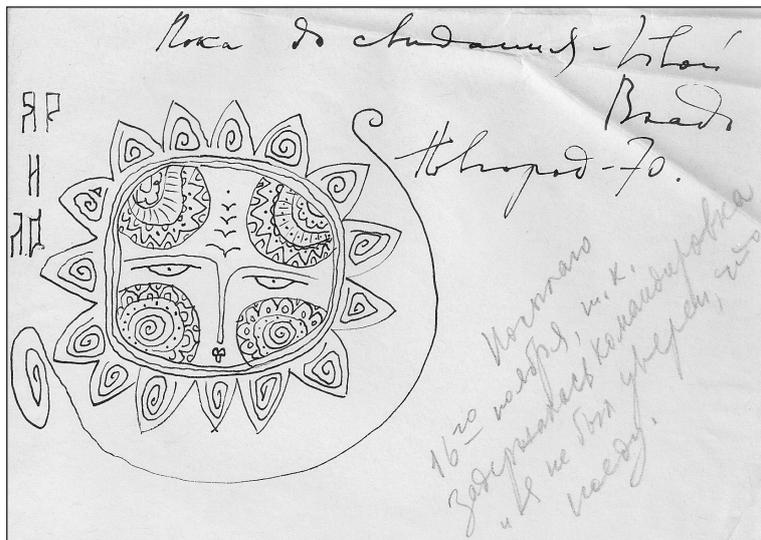
<...> После 7 ноября еду в командировку в Публичную библиотеку делать копии с миниатюр⁵ Летописного Свода. Пробуду там до Нового Года. <...>

03.12.1970 г. (№ 17) (Из командировки в г. Ленинград)

Здравствуй, Мама.

Как давно я не писал... Да и сейчас не знаю о чём говорить. Голова забита работой. Копии миниатюр – кропотливое занятие – к Новому году надо многое успеть и суметь. А до командировки я тоже был занят по горло.

Жизнь моя стоит на месте, но заботы требуют всё

вой грушей. Его надо прислать мне. Поищи пожалуйста и при возможности пришли. <...>

Я сейчас нахожусь в общежитии. Не знаю долго ли здесь продержусь. Живу на тех основаниях, что в качестве благодарности за занимаемую комнату, должен буду оформлять Красный уголок, Ленинскую комнату и т. п. этого училища.

Всё это неустойчиво, но другого выхода нет. <...>

Ты постарайся не расстраиваться, держи своё здоровье крепче.

более и более скорого разрешения.

Тебя прошу – не расстраивайся и не беспокойся – никто меня и не убьёт, и не отравит, и никакая хворь меня не возьмёт. Такая уж судьба моя – жив я... всегда!

Посылка пришла благополучно – варенье вручил Гребенниковым – хвалили. <...> Жить они будут на Ярославовом дворище. Сделал я им печку, стол, две скамейки – а остальное не успел – вот я здесь.

Работа движется очень медленно – ну так она и должна двигаться – даже если изо всех сил спешить. Вот я и тороплюсь.

<...> Я должен пробыть в Ленинграде до 15 декабря. Потом поеду в Новгород и пробыв там 3 дня должен получить новую командировку в Ленинград до Нового года. О дальнейших событиях сообщу.

Будь здорова – твой Влад.

05.12.1970 г.

Здравствуй, Мама.

Получил гостинцы – спасибо. Всё пришло благополучно. Сейчас посылаю письмо тебе и одновременно Сергею. <...>

Сегодня 5 декабря – библиотека не работает и я пока отдыхаю.

Люди яростно пропивают любимую Конституцию.

Больше новостей у меня нет никаких. Сделал три копии миниатюр. Очень медленная работа... Ну вот...

До свидания – твой Влад.

1971 год

[после 01.02.1971 г.]

<...> Ложки⁶, если будет возможность, положи под открытое небо на солнце и пусть они лежат минимум две недели. Большой можешь пользоваться сразу, но нельзя её применять при приготовлении варенья. Причина в том, что я их все проварил в подсолнечном масле. У меня нет хорошего лака для них и поэтому приходится все проваривать в масле. А можно было бы для варенья и для чая просто покрыть лаком. Может когда-нибудь сделаю, а пока пусть они радуют тебя своим видом. Уверяю тебя – таких ложек в Курске никто не имеет, да и вообще – никто, кроме нескольких Новгородцев, которым тоже сделал я. <...>

1972 год

03.01.1972 г.

<...> Наступил 72 год, а я почти ничего не сделал за это время. Каждый новый день труднее предыдущего. И основные трудности заключаются в отношениях с окружающими людьми. Люди с каждым новым днём меньше понимают друг друга. На кажущееся равенство материальное не стоит обращать острого внимания, т. к. беды заключены в духовном неравенстве. А такое неравенство будет существовать всегда, при любом обществе. Вина наша, что мы не можем приспособиться к этому положению, не можем давать отпор обидчикам, да и не желаем. Мы в душе считаем себя такими сильными, что способны подставить щеку под удар, но когда нас ударят – нам обидно, даже, если удар слаб. Я не в силах тебе что-либо подсказать как в этой жизни воевать. Я в этой жизни так же одинок, как и ты, если не больше.

О многом в письме не напишешь. Не напишешь,

потому что мы превращаемся в шпионов, в надзирателей для людей, может быть готовых делать для нас только добро. Но мы всё-таки будем судить и будем читать чужие мысли, чтобы в нужный момент продавать с выгодой, убить наповал, совершить любую подлость во славу собственного благополучия. Таким общество было всегда, как только оно касалось цивилизации.

Ты думаешь, что вот мол, не просила этаких рассуждений о всех сразу, рассказала ведь о своей беде...

– Через свои личные трагедии мы узнаём трагедии общества.

Поделиться мне не с кем, вот я и пишу всё это тебе.

Для себя я создал целый мир, но поделиться им с другими я не имею права по самым разным причинам. <...>

Будь здорова и не забывай писать. Что касается меня, то я переживу все беды – мне суждено жить – я обязан.

Твой Влад.

26.01.1972 г.

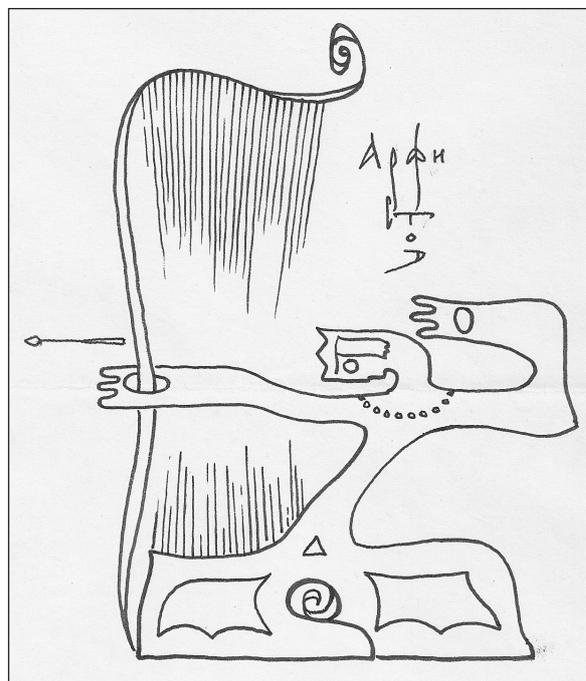
Здравствуй, Мама.

Пишу тебе письмо и, сообщая, что жив-здоров. Дела мои на прежнем месте или, в лучшем случае – еле двигаются.

Лампу паяльную ещё не проверил – всё не могу купить бензина. Стоят который день морозы.

Стоят который день морозы и люди говорят: «Скорей бы – лето...», а мне не хочется так говорить, т. к. время бежит и я, ничего не сделав, провожаю из своей жизни лето за летом.

Посылаю тебе рисунок «Арфист» – ещё маленькая находка достойная жить, а у меня ни сил ни возможности нет, чтобы исполнить всё это в материале.

*Вот и всё моё письмо. Будь здорова. Твой Влад.
Ярославово дворще 1972 г., январь.*

22.02.1972 г.

<...> Мы сделали одну стенку в гостинице «Волхов»

<...> Сейчас приступаем к выполнению второго панно на другую стенку.

Строгоаю деревяшки каждый день. <...>

01.03.1972 г.

<...> Возможно, если хватит сил, буду отправлять отсюда к тебе лишнее⁷, а ты постарайся не присылать посылок с вареньем, т. к. оно мне совсем не нужно в таком количестве.

Привет Сергею. Получил от него бандероль с деревом. Постараюсь в ближайшее время написать ему. <...>

31.03.1972 г.

Здравствуй, Мама.

Ты ждёшь письмо от меня, а я еле успел дать тебе телеграмму. 26 марта мы с утра до вечера, а вернее – до ночи монтировали второе панно в гостинице. Все предыдущие дни мы его в срочном порядке делали. А 27 марта в 9 часов утра я отправил телеграмму, и в 10 часов у нас принимали панно. Всё прошло благополучно – с оценкой 5. Теперь предстоит работа в гостинице по оформлению декоративных решёток и витражей.

Сейчас спешу (к шестому апреля) с оформлением деревяшек для показа выставочному – помнишь в прошлом году со мной заключили договор...

Работы в гостинице очень много. Дай Бог, в этом году закончить. После этой работы я обязан выполнить ряд работ для музея. Когда кончится работа в музее, тогда я подумаю, что делать дальше и как устраивать свою судьбу. Но то, что я сказал выше, я должен и обязан выполнить – на всё это заключены официальные договоры.

<...> Уж как-нибудь крепись – может, даст Бог, я как-нибудь вырвусь и покажу как делать ковры и ты будешь делать прекрасные вещи. Будешь делать ковры, которые можно будет показывать на выставках.

А сейчас, я попрошу тебя покрасить для меня шерстяных ниток и поскорее прислать. Я тут провожу один эксперимент.

Ты как-то красила в луковом соке – очень хорошие нитки. Пряжу скручивай слегка и потолще. Мне нужна будет пряжа разных цветов: белая, чёрная, жёлтая, красная, синяя, коричневая и т. д.

Если бы ты смогла сделать ярко-красную или оранжевую шерсть... Ты просто не представляешь какие красивые можно делать гобелены. Очень жаль, что мы далеко

друг от друга. Мне нужна твоя помощь в этой части необыкновенно. Но постарайся сама придумать что-нибудь по крашению шерсти.

Если сможешь достать пеньковых верёвочек, то их тоже можно окрашивать. Рогожу можно окрашивать. Из всего этого можно делать ковры, которые переживут десятки наших жизней.

Я тебе сказал о шерсти – если это долго, или нет возможности, то может быть можно купить на «Волокне» пряжи? В общем подумай, что можно сделать. Но вообще

имей в виду, что и в дальнейшем это будет надо. Я буду присылать тебе рисунки, а ты будешь по ним делать ковры. Возможности этого дела просто неограниченные. Много методов существует, многое можно придумать самим.

Ну вот, пока до свидания.

Твой Влад, 31 марта.

Ярославово дворцце.

07.04.1972 г.

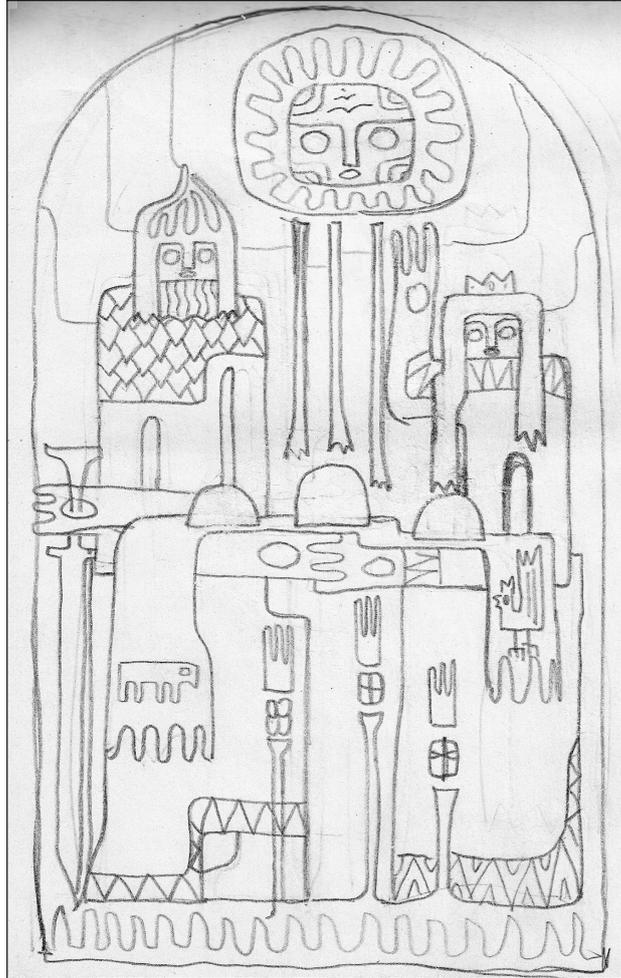
<...> Сегодня (7 апреля) работал у нас Выставком. Показывал я свою работу, которую закончил сегодня утром – еле успел. Договор, составленный в прошлом году в Петрозаводске, сегодня закрылся. Работа куплена, – пойдёт на зональную выставку. Правда, выставка ещё не скоро – лишь в 74 или 75 году – не помню – будет проходить в Вологде. <...>

А на следующей неделе поедем с Вовкой Гребенниковым в Псковскую область за стеклом для витражей и приступим к работе над витражами в той же гостинице «Волхов». Вот такие мои дела. <...>

25.05.1972 г.

<...> Я просил тебя и ещё прошу – не утруждай себя слишком. Всё не успеешь сделать. Я понимаю, что в труде заключается жизнь. Тебе, я думаю, легче понять, что надо рассчитывать хоть примерно свои силы, чтобы не задохнуться от скорости и тяжести. Я не ребёнок и тоже это понимаю. Но у меня специфика работы другая и даст Бог – я что-нибудь успею ещё. Хотя, я как художник, вижу всю трагедию положения современных людей искусства. Сейчас настоящий художник – это человек владеющий тайной письма, пытается её растолковать окружающим, а в ответ слышит: «Раз это нам не понятно – это нам не нужно. Мы пойдём лучше вперёд». Но вперёд... пастух гонит стадо.

Я не могу тебе всего рассказать – но уж слишком страшно мне за судьбу людей. Боюсь, что для всех нас

стало важно двигаться в так называемое «вперёд», вперёд ногами, но не пятками. Понимаешь ли ты меня? Мы уничтожаем на своём пути всё без остатка в угоду пастуху, который, так же как мы, дальше горизонта ничего не видит. Художник – это проповедник – он обязан сказать, что не всё надо сметать на своём пути, что за горизонтом ожидает нас пройденный нами путь, на котором нет ни одного плода, т. к. мы не оставили семечка.

Так вот в чём трагедия – стоит только рот раскрыть, или вынести таблички с буквами – в ответ тебе: – «Абстракционист» и т. д. <...>

05.08.1972 г.

Здравствуй, Мама.

Уже давно получил от тебя письмо. Спасибо.

Новости: 1. Закрытие договора оказалось недействительным⁸ – это значит, что моё блюдо с ложками не куплено.

2. Привезли цветного стекла – начнём делать витражи в гостинице.

3. Я кажется выздоровел и чувствую себя лучше.

4. Писем ни от кого не получал... Правда, и сам таковых не писал.

Идёт время... и я иду... и очень устал, хотя сознаю, что путь мой только начался.

Как ты там жива-здорова? Береги себя. Пиши чаще – не дожидай ответа. Обо мне не беспокойся – жив буду во все времена. Я пройду всё – на челе написано... Судьба.

Вот и всё моё послание на сегодня.

*Будь здорова – твой Влад.
Ярославово дворище, 1972,
августа, 5 дня.*

19.09.1972 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за письмо. Можешь поздравить нас с окончанием первого витража?

Что касается остальных двух, то неизвестно, будем ли мы их в этом году делать. Видимо завтра поедем в Псковскую область за цветным стеклом. Всё остальное зависит от согласия финансирующего заказчика.

На одном из витражей будет изображена «Садовница» – помнишь, я когда-то рисовал тебе дома? Так вот это та самая «садовница».

Обо мне не беспокойся – у меня всё будет в порядке.

Ты сама не торопись в своих заботах – береги силы. Береги силы – они ещё будут нужны. <...>

12.11.1972 г.

Здравствуй, Мама.

Что-то ты давно весточку не присылала. Как дела

твои? Как жизнь?

Я тут всё время был занят на работе. Окончили и смонтировали третий витраж. Сегодня будем выполнять мелкие доработки.

Здоровье моё – ничего. Настроение только не радостное. Устал.

Тут хотят послать мои деревяшки в Париж на выставку Русской деревянной скульптуры.

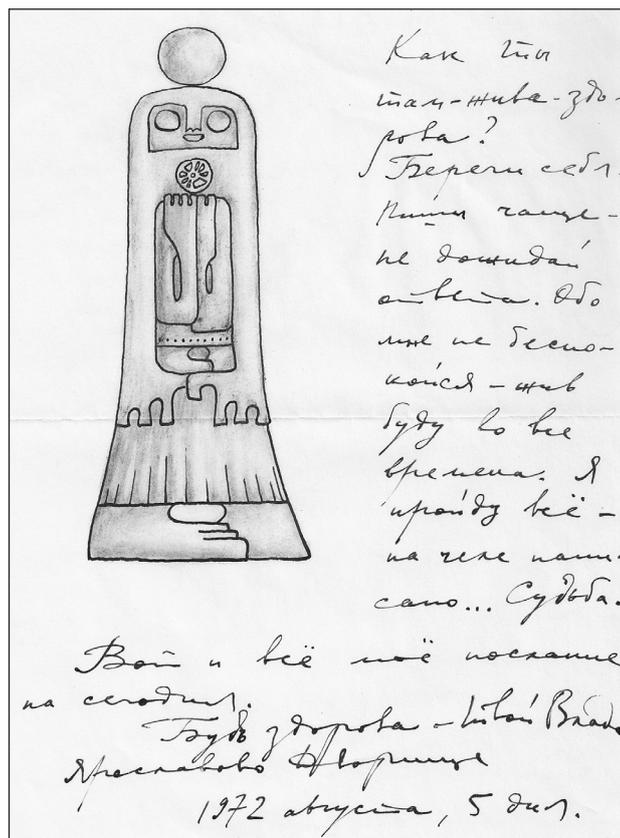
Не знаю, что из этих попыток получится. Это Новгородский музей старается. После Нового Года хотят купить ещё мои деревянные, а мне жалко расставаться – они для меня как дети.

Ну вот и все новости. Напиши мне письмо.

Здорова ли ты?

Твой Влад.

72, ноябрь, Ярославово дворище. Новгород.

1973 год

15.02.1973 г.

Здравствуй, Мама.

Получил от тебя одно письмо, и что-то ты долго молчишь. Уж не заболела ли ты? Правда, я сам ни одного письма после твоего отъезда не написал. Но мне казалось, что ты ещё должна была сообщить как дошли посылки.

Говорят, что работы мои в Париже. Выставка откроется в марте.

Я в основном сижу дома. Делаю инструмент. Пока можно печку топить, нагреваю железяки и начинаю ковать. Кое-что сделал. И слава Богу. В другом месте инструмент для меня не доступен. Только дома. Только сам. Ну и то хорошо. Здоровье – ничего.

А ты пиши. Не молчи так подолгу. И будь здорова – твой Влад.

Ярославово дворище. 73, февраль.

22.02.1973 г.

<...> Продолжаю делать деревяшку. У неё странное название – «Вековек». Работы очень много – в принципе я её только начинаю.

Много сделал эскизов – выполнить их – у меня не хватит жизни. Вот такие мои дела и мысли.

Здоровье – ничего – слава Богу.

Ну и ты будь здорова – твой Влад.

Ярославово дворище.

04.04.1973 г.

<...> Пока не забыл: шерсть спряди двух видов – если получится – и толстой и тонкой пряжи. И какая у тебя есть – золотистая и красная разных оттенков, тоже

пришли – может быть я настрою свой станок, да сделаю что-нибудь.

Относительно своего приезда ничего конкретного не могу сообщить тебе сейчас, т. к. обстановка у меня ухудшилась. Сейчас отставил свою деревяшку – «Вековка» и занимаюсь пустым, но необходимым делом.

Деревяшки мои действительно в Париже, но Новгород по этому поводу полон сплетен. Я стараюсь побольше сидеть дома и работать. Правда ослабел малость и быстро устаю. <...>

13.04.1973 г.

<...> Сегодня я испытал на своей шкуре ещё одну ложь – но больше я этого насилия над собой не допущу. Я спокоен. Я знаю, что мне делать и как делать. Лишь бы здоровье не подвело. Но здоровье в нужный момент у меня появится, и ещё не окончена жизнь – ещё будет сказано моё маленькое словцо.

Я говорю – маленькое словцо. Почему? – потому что надо строго рассчитывать свои силы на то, даже самое маленькое слово и, дай Бог, чтобы их хватило.

В предыдущем письме я не сообщил тебе, что из экспозиции Новгородского музея сняты мои деревянные работы. А сегодня я подавал работы на выставку, которая предназначена специально (на один день) для министра какого-то, или кого-то в этом роде. О работах пытались сказать плохо, но не смогли, и в конечном итоге без объяснений причин на выставку не приняли.

Я убеждён, что здесь решающую роль сыграл этот дядя. Больше на их растерзание не попадёт ни одной моей работы. Я убеждён также в том, что пройдёт время и эти деятели с такой же лицемерной физиономией будут говорить о моих работах хорошо. Но не в этом дело – мне наплевать на их мнение сегодняшнее и завтрашнее – мои работы не нуждаются в традиционных выставках. Мои работы – жизнь в жизни. А в этом случае их мнение бессильно. А возможности работать они меня не лишат, если даже путёвку в ад выдадут, мои возможности, возможности моего искусства безграничны, их можно применить в любом аспекте жизни, в любом мгновении существования живых.

Я спокоен и хочу, чтобы и ты была спокойна. Сообщаю тебе об этом лишь для того, чтобы ты была в курсе моих событий. Будь спокойна – вспомни, как почти с детства я говорил, что со мной ничего страшного не случится, а ежи и случится (это бывает со всеми) – я буду жив и здоров.

Временами мне кажется, что природа дала мне так

много сил с расчётом на их большой расход. Даже на прогулки мне приходится тратить гигантские усилия. С плохой памятью я вынужден каждый новый этап (даже если в прошлом ему были аналогии) преодолевать заново, т. к. я не помню, как преодолел прошлый – похожий на этот этап. Но в этом и моя сила. Методы, чувства и мысли приходят ко мне самым естественным путём.

Быть может в скором времени пошлю тебе посылку. <...>

Моё занятие «другим делом», о котором я сообщил тебе в прошлом письме окончено. Я опять принимаюсь за «Вековка». А занятие заключалось в том, что я готовил к этой выставке медные ковши и деревянные чумички, т. е. половники.

Сейчас надо выспаться – что-то не спал прошедшую ночь – бессонница.

Ещё раз напомню тебе – не расстраивайся – это право, пустяки – ты по-верь. <...>

10.05.1973 г.

<...> Вместо одной посылки, я послал две – итого семь. Это я считаю середины апреля. <...>

Но когда я смогу приехать, ещё не могу сказать. Работы с деревяшкой ещё очень много, кое-что не клеится и она медленно идёт – быстро устаю. Далее <...> причина моей задержки здесь в том, что как придут работы из Франции я должен буду их немедленно получить – не хочу их показывать досужим дядям. Апотом обстановка покажет как мне быть... – временами я боюсь хоть на один день оставить свою мастерскую без присмотра.

Судя по моим вот этим

сообщениям, ты, конечно, можешь представить, в какой обстановке я нахожусь. <...>

09.06.1973 г.

<...> Новостей у меня пока никаких нет. О работах своих ничего не знаю. Выставка в Париже окончилась.

Деревяшку свою продолжаю потихоньку мусолить – основная часть сделана.

Сделал хороший ткацкий гребень. <...>

25.07.1973 г.

<...> Новостей особых у меня нет. Делаю новую деревяшку.

Работы ещё не вернулись¹⁰ и ничего о них не знаю. Не знаю ни отзывов, ни результатов этой выставки. Вот так.

За четыре года самой добросовестной службы на флоте я десятилетиями нахожусь в опале, и неизвестно до каких пор это протянется. А иным людям это наруку.

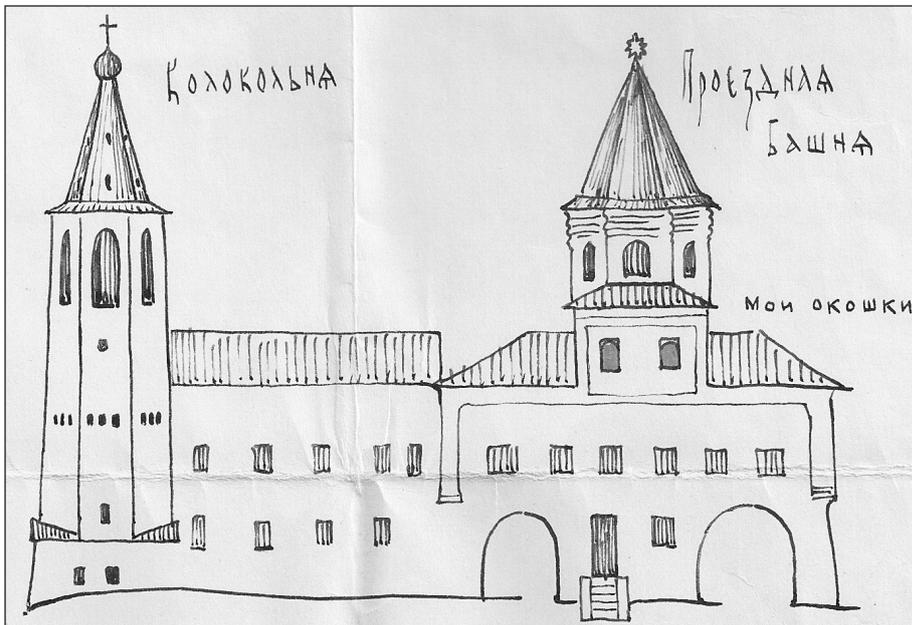
Деревянные скульптуры В.И. Поветкина.
1974 г. Фото В. Кокурникова

Пройдёт время и эти же негодия будут повторять и славить моё имя на всех углах и опять будут в выгоде.

Я стараюсь не слышать всех сплетен, которые обо мне сочиняются и которые с удовольствием собирает ДЯДЯ и выставляет их как факты.

Стараюсь всего этого не слышать и не знать – так нервы спокойнее. <...>

25.09.1973 г.

<...> Я окончил деревяшку (ещё одну) месяц назад.

Взял в Музее заказ на выполнение копий миниатюр, предстоит командировка или в Ленинград или в Москву. Я знал, что как только возьму заказ, так начнутся сложности... и они начались – директор худ. фонда не даёт командировочных денег. <...>

02.12.1973 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за письмо – я получил его в тот же день, как оно пришло в Ленинград. Но с ответом задержался, т. к. приключилась бегодня... и вот я опять в Новгороде. Правда, 5 декабря опять поеду в Ленинград и пробуду там, вероятно, до Нового Года. <...>

Положение моё ещё ухудшилось здесь. Жаловаться некому. Расстроен, но силы пока ещё и ещё есть... и то хорошо. Физически чувствую себя перемененно – и хорошо, и плохо. Да и то хорошо. Хоть так! <...>

16.12.1973 г.

<...> Скоро должен буду ехать в Новгород. Ещё несколько дней – и я закончу разворот из Псалтыри XIV века. Надо успеть к Худ. Совету, иначе подведу и Музей, и себя. <...>

1974 год

27.01.1974 г.

<...> ...я в ближайшее время соберу здесь кое-какие вещи, без которых я обойдусь.

Вероятно, к лету я соберусь с силами, чтобы расстаться с Новгородом¹¹. <...>

15.02.1974 г.

<...> Отправил тебе шесть посылок. <...>

Сделал экспонат для музея – древний боевой лук.

Новостей особых нет. Сообщи, когда ты закончишь работу.

Я постепенно уменьшаю количество своих вещей. В скором времени должен собрать ещё несколько посылок.

Ты уж меня не ругай. Но что делать? – другого выхода нет. <...>

Здоровье моё стало лучше – а было худо. Это от нервной обстановки, сложившейся вокруг меня. Судьба. <...>

20.02.1974 г.

<...> Я, видимо, должен буду съездить в Ленинград и сделать копии миниатюр. Когда я поеду – трудно сказать. Ещё многое в обстановке не прояснилось. О конкретных изменениях я буду сообщать тебе. А сейчас – моя задача избавиться от лишнего барахла и оставить только необходимые инструменты и материалы.

Есть желание каким-то образом израсходовать основные материалы – тяжёлые брёвна вяза – они засохшие на корню и уже скоро год, как сохнут у меня. Быть может, если удастся, я устроюсь временно на работу сторожем¹². Но это пока не известно. <...>

06.03.1974 г.

<...> Колочу ящики, да отправляю потихоньку лишние вещи. Они, конечно, не лишние, но другого выхода нет. Оставлю здесь минимум инструментов да материалы. При возможности думаю ещё поработать здесь. Материалов много, и очень жаль будет, если они пропадут – я их, можно сказать, выращивал и оберегал вот уже три года. И несмотря на сложившуюся вокруг меня нетерпимую атмосферу, я, как художник, обязан сделать всё возможное, что только в моих силах. Видно уж судьба моя такая. Я понимаю, что многое могу сочинить, сконструировать и своими же руками сделать, но видно это многим поперёк глотки становится. Очень жаль. <...>

15.03.1974 г.

<...> Взялся восстанавливать кое-какие деревянные для музея. Времени не хватает абсолютно ни на что. А работа сложная и долгая. <...>

Отправил тебе восемь посылок <...> – наверное уже все полностью получила. <...>

05.04.1974 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за письмо, а то я тревожился – всё ли у Тебя там в порядке. <...>

В моих делах перемен нет. Реставрирую археологическое дерево для музея.

Тебе мои старые пожелания – чтобы не бегала слишком много и не расстраивалась по пустякам. Береги себя.
Твой Влад. Яросл. Дв. 1974, 5 дня.

28.06.1974 г.

Здравствуй, Мама.

Письмо твоё получил – спасибо. Ну вот и хорошо, что ты решила окончить эту, так называемую работу. Это не работа, а варварское издевательство.

Я знаю, что дома ты найдёшь кучу дел, но заранее, прошу тебя – не торопись – и это будет, если хочешь знать – мудро.

Моя жизнь проходит по-прежнему. Делаю деревяшку. Здоровье – переменное, но в целом – Слава Богу.

Пиши почаще, не дожидаясь ответа. Я тут основные силы расходую на деревяшку и когда устаю, то думаю, что лучше я завтра, на свежую голову напишу письмо <...> да так со дня на день и откладываю.

Если летом приедешь – буду рад. Так что рассчитывай как Тебе удобнее.

Будь здорова – Твой Влад. 1974 июня, 28 дня.

31.07.1974 г.

<...> Дела мои – почти на одном месте... Знаю, что надо перебираться к тебе, но столько ещё недоделанного у меня здесь... И вот разрываюсь на части, а потому и работа идёт слишком медленно. И настроение некудышное... <...>

12.09.1974 г.

<...> А мои дела в письмах не описать. Выяснилось, что в КГБ я уже не стою на учёте, и что все мерзости в данный момент исходят от других – частных лиц.

Одна из мерзостей – анонимное письмо, пришедшее на мой адрес, как бы из УВД.

Другая – в Вологде проходит Зональная выставка – моей работы там нет и в каталоге моей фамилии нет. Так что, обо мне помнят и не забывают. Ну и множество других подобных новостей чуть-чуть поменьше размером, в целом, которые можно обозначить как клевету.

Отреставрировал несколько археологических изделий из дерева – заказчики остались довольны очень.

Вероятно, в скором времени поеду в Ленинград делать копии миниатюр для экспозиции музея.

Здоровье моё – слава Богу – только усталость от нервного напряжения. <...>

12.11.1974 г.

<...> Было бы хорошо, если бы ты смогла до 20 ноября навестить меня. Надо переправить кое-какие вещи с Тобой. А если не сможешь – то срочно дай ответ – я буду посылать посылки. У меня тут ожидается переселение, и я собираю вещи в кучу. <...>

[из дневника В.И. Поветкина 24.02.03]

Таисия Алексеевна Смирнова в 1970-х годах возглавляла музей и по устной договорённости с ней я жил без прописки на Ярославском дворце.

Идеологи её поджимали и она вынуждена была несколько раз просить меня освободить помещение. Я, как договаривались, по первому её требованию начинал освобождать. И когда многое уже бывало отправлено в посылках в Курск, кто-нибудь приходил из музея, а чаще это была Л.И. Петрова, и говорил: «Оставайся, нам нужны

твои золотые руки. Оставайся: вроде вопрос улажен...» И в таком роде. Раза четыре мои вещи ездили в посылках взад-вперёд – Новгород – Курск, Курск – Новгород.

Из Обкома партии ей звонили и не рекомендовали заключить со мной договор. А когда она попыталась его сделать каким-то обходным путём, ей позвонили и сказали: «Ведь мы Вас предупреждали». Словом, благодаря ей я стал новгородцем.

1975 год

11.01.1975 г.

<...> Сейчас музей¹³ будет заключать со мной договор (официальный) на реставрацию и реконструкцию археологического дерева. О результатах сообщу, как только решится этот вопрос. <...>

(01).02.1975 г.

Я заключил договор с музеем на реставрацию археологического дерева. На днях приступаю к работе.

01.03.1975 г.

Здравствуй, Мама.

Ради Бога извини за не скорый ответ. Спасибо Тебе за подарки и поздравления. Рубашку я ещё не мерил, но судя по тому, как она сшита – она мне очень нравится, и можешь не сомневаться – буду носить с удовольствием. Спасибо.

У меня тут очень горячие дни были, и я никаких сил не имел на письма. А тебе собирался каждый вечер написать, но работа с деревяшкой поглощала все мои силы. <...>

А сегодня – 1 марта – я окончил деревяшку, которую начал полтора года назад¹⁴.

Ты говоришь, чтобы я бросил это занятие своё искусствами. Мне больно слышать от тебя это. Это не просто занятие искусством – это отношение к труду. Такое же отношение, как и твоё на производстве. Но разве все твои беды на работе не происходили именно от отношения к работе, от добросовестного отношения? И разве ко мне по этой причине будут иначе относиться? Ведь мои беды именно ту имеют почву, что и Твои.

А произведения мои – мои дети и любовь моя, и жизнь. Я мечтал о настоящей, человеческой жизни, но видно – не судьба. Временами кажется, что силы мои совсем иссякли. Каждый год я сильно болею... В каждый год я переживаю столько физической и душевной боли, сколько на иного человека не приходится в десятилетие.

Я понимаю, что ты желаешь мне добра и лишь по этой причине так говоришь. Но не говори больше – я в руках судьбы. <...>

Я и сам всё время больно чувствую расстояние, разделяющее нас. При всём желании приехать к тебе, хоть на один день, ничего не получилось. Вот и сейчас – я окончил работу с деревяшкой – а уж давно надо было начать реставрацию деревянных археологических изделий. И как только я хоть часть из них сделаю – обязательно навещу Тебя. А если у тебя сейчас позволит здоровье и будет желание приехать ко мне хоть на недельку, или сколько сможешь – я буду благодарен Тебе.

Что касается моего выезда из Новгорода, то быть может, меня в этом году просто выгонят отсюда.

Умоляю Тебя – не сердись на меня. Мне и стыдно, и

грустно, и обидно, что вот так получается.

И ещё прошу Тебя – Береги здоровье – мне нужны будут и силы твои, и помощь твоя, и понимание Твоё.

Будь здорова – твой Влад. Яросл. Дв. 1 марта.

17.03.1975 г.

<...> Я просто не знаю, чем тебе помочь. Плюнь ты на все эти сплетни, не интересуйся ими – будет легче – по себе знаю.

Я занимаюсь реставрацией и реконструкцией арх. дерева. Потихоньку дело идёт. Что касается оплаты, ты не беспокойся – всё будет нормально.

Кроме врагов у меня и друзья есть <...> А кроме того, и официальные органы несколько иначе стали относиться ко мне.

Я делаю вещи, которых не спрячешь – а это основное доказательство в мою защиту.

Люди приезжают ко мне из самых разных городов, чтобы посмотреть на деревяшки, и не было ещё человека, который сказал бы, что они плохи.

<...> Да и руки мои здесь нужны. <...> Я не могу сейчас бросить здесь всё, за что потерял здоровье, быть может, всей жизни. <...>

Ты обижаешься, что у меня беды во многом похожи на твои? Могу сказать тебе, что мои беды неизмеримо больше твоих – лишь в силу молодости своей, в силу природного – от тебя! – жизнелюбия, я выдержал их, и готов отстаивать свои духовные принципы, чего бы мне это не стоило. <...>

17.04.1975 г.

<...> Если соберёшься приехать ко мне, то в любое время приезжай, приезжай, когда Тебе удобнее и можешь не предупреждать.

А если у рубашки рукава короткие, то, может быть, можно придумать какие-нибудь мужицкие кружева чёрные строгие. Правда, в этом случае и подол и горлышко надо снабдить чем-то вроде кружев. Так что, смотри сама. А белая льняная просто замечательная. Надевал, носил и очень рад. Спасибо. <...>

Моя работа потихоньку движется. 15 предметов уже сдал в Музей – довольны.

Да! А ниточка твоя шерстяная, окрашенная при помощи яблоневого сока, красива. Только я не знаю пойдёт ли мне этот цвет... Но сама по себе очень красивого цвета.

У меня всё-таки есть желание сделать ковёр... Когда только я им займусь... И если бы ты помогла мне крашевыми нитками как ты их умеешь окрашивать?... <...>

15.06.1975 г.

<...> Очень устаю со своей дурацкой работой. Да и

здоровье моё никудашнее стало. Так, что одно к одному. Каждый день вспоминаю о Тебе, и каждый день ругаю себя за долгое молчание. <...>

Я со своими руками – только помехой людям. Лишний оказываюсь. Вот... хоть ложись да помирай. Ни света впереди, ни радости.

Работу мою оценивают люди, которые абсолютно не представляют чего она стоит. Официальных расценок на мою работу нет, а оценивается она на усмотрение художественного совета, состоящего из трёх человек. Среди них нет ни одного, который хотя бы в малой степени представил количество труда и внимательности с моей стороны, вложенных в каждую реконструируемую вещь. Они оценивают и из «вежливости» спрашивают – доволен ли я.

Я знаю, что работа стоит гораздо больше, но мне стыдно об этом говорить... Тем более людям, которые меня незаслуженно выгнали из худ. фонда. Я занимаюсь этой работой потому, что знаю – никто за неё не возьмётся, да и не сделает так. Многие думают, что я знаю особые секреты как что делать. А секрет весь – в труде, и осторожности, и старательности, и внимательности.

Я доволен своей работой лишь в одном смысле. А именно – она не будет вредна для людей, которые увидят её результаты. В XX веке обретают вторую жизнь вещи, жившие в X веке. Ходят слухи, и даже активно пропагандируется, что в старину

люди были на низком уровне развития и не знали того, что мы знаем. А эти вещи говорят об особой одарённости, об особой человечности и об огромном знании законов природы, и об умении наших прародителей учитывать эти законы и пользоваться ими. И в вещах этих можно увидеть красоту и гармонию, присущую природе.

Вот почему мне с одной стороны тяжело переживать невежество худ. совета, а с другой стороны не тяжело – так как я отдаю дань предкам своим старательным и настоящим трудом. <...>

17.10.1975 г.

Здравствуй, Мама.

Я опять огорчил Тебя своим молчанием... Яблоки дошли прекрасно... и очень вкусные.

У меня здесь объявилась ещё срочная работа – я делаю сейчас дудки-жалейки для Новгородского ансамбля «Садко». Заработался и приболел, но – слава Богу – полегчало. Я на время отставил работу с арх. деревом, т. к. жалейки нужны срочно – чтобы коллектив ансамбля успел подготовиться к выступлению. А корзиночка из корешков – которую я при Тебе начинал – получилась очень красивая – её можно носить на ремне. А рубашка чёрная с кружевами – просто сокровище – спасибо.

Выставка работ В.И. Поветкина. 1970-е гг.

Как у Тебя здоровье? Всё ли поправилось с твоей расстройкой? Как настроение?

Я сейчас опять продолжу работу – кажется отпустило. Ну вот и всё пока.

Будь здорова – Твой Влад. Октябрь 75 г.

16.11.1975 г.

<...> Я тут тоже заработался, еле-еле собрался написать Тебе. Жив я и здоров – только уставать стал быстро.

Сделал жалейки для муз. училища и для ансамбля «Садко». «Товарищи» из ансамбля «Садко» и спасибо не сказали – хотя за работу я с ними и копейки не взял. А музык. руководитель, которому я их вручил, стал демонстрировать всем, как он усовершенствовал жалейки. Вот до какой наглости доходят люди, когда к ним идёшь с добрым сердцем.

А в муз. училище кажется, будет исполняться весной танец «В степи». И будет в нём партия жалеек.

А звенящий шарик большой, который висит среди других над столом, просят на исполнение муз. произв. Мусоргского «В монастыре». Исполнение состоится зимой.

Вот такие дела мои. <...>

25.12.1975 г.

<...> Я, насколько хватает сил занимаюсь своим делом. Правда посетителей у меня много и на работу времени остаётся мало.

Что-то надо с этим делать, а что? – пока не придумал. Вот пока и всё моё письмо.

Не унывай. Твой Влад.

1976 год

22.01.1976 г.

Михаил Никанорович¹⁵ и Елена¹⁶ из Москвы просили передать Тебе наилучшие Новогодние пожелания. Так что – Будь здорова и поменьше суетись. Не торопись и – всё успеется.

В моей жизни особых изменений нет. Я почти ничего не делаю по работе сейчас, так как основные силы уходят на борьбу с дымом и холодом.

А работы много и не знаю, когда буду успевать.

Вот такие дела. <...>

23.02.1976 г.

<...> Сам я сильно болел – сейчас как будто поправляюсь. Заботятся обо мне Гребенниковы. Не знаю что и делал бы я без их помощи... И извещения на посылки, и письма твои получала Светлана на почтамте. Яблоки очень вкусные – прямо удивительно, как сохранили они свой вкус. Спасибо. <...>

Письмо М.Ф. Байбаковой к В.И. Поветкину от 17.04.76 г.

«Крепись, питайся и выбирай время на отдых. Ты очень ослаб – и ничего не получится, если ещё так будешь жить и умирать не спеши, успеем, там будем обязательно, а пока прошу, создай так, что бы я за тебя не волновалась, а то и я волнуюсь и болею, потому не могу работать».

25.04.1976 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо! Получил. Рубашка очень нравится. Ношу её.

А на поезд я успел. Ты в таких случаях не переживай, так как особой беды не было бы если бы на следующий день уехал.

Я потихоньку принимаюсь за работу.

Людей у меня бывает много – скучать не приходится. И на работу времени остаётся мало и сил остаётся мало. Но с этим надо мириться.

Здоровье – нормально. Летом будет получше.

Не переживай – я ещё повоюю.

Будь здорова. Твой Влад. Яросл. Дв. 1976 г.

Христос Воскрес!

02.06.1976 г.

Я тут работал, а сейчас приболел малость – простудился.

Работа моя вызвала споры¹⁷ и сейчас отказываюсь её показывать на худ. совет. Буду ждать археологов из Москвы, которые скажут своё мнение, и тогда будет ясно, как поступать.

Ты прости меня за молчание – засуетился я тут. <...>

А сейчас мне срочно надо приниматься за новый экспонат. Я в этом году ещё ничего не сдавал худ. совету. Вот такие – неважные наши дела. <...>

16.10.1976 г.

Здравствуй, Мама.

Я провинился перед Тобой. Каждый день думал о письме – и уставал настолько, что откладывал на завтра. И дождался, что еле-еле нашёл письменные принадлежности. Чернила высохли, и пришлось разводить заново.

За всё лето и осень я не написал никому ни единого слова.

От Тебя я получал письмо и две посылки – спасибо за заботу.

Скамейку археологическую музей забрал. Так что деньги у меня сейчас есть.

Мечтаю съездить в Курск, но сейчас не могу бросить своё жильё – каждый день неприятные новости – много хулиганья развелось и то окна бьют, то того и гляди залезут в мастерскую.

Не знаю когда, но вроде собираются дать мне жильё.

А сейчас – и особенно до Нового Года – я должен реставрировать археологическое дерево.

Уж прости меня за такую неустроенную жизнь.

Как всегда у меня бывает много людей. Сейчас проходят репетиции. Намечается выступление нашего маленького ансамбля.

А ещё я делаю Гусли¹⁸. Сейчас покрываю их лаком. Процедура эта долгая, т. к. из-за низкой температуры в комнате моей лак плохо сохнет. Но очень рад, что лак получился – я сделал его сам из янтаря. Способ приготовления довольно сложен, и для многих на сегодняшний день – загадочен.

На улице прямо-таки Зима. Листья не осыпались ещё, а уже снег и мороз – и который день!

До свидания – Твой Влад. 1976 октября – Яросл. Дв.

03.11.1976 г.

<...> Я жив-здоров. Скоро закончу гусли. Лак медленно, но высыхает.

Особых новостей нет. В Новгороде холодно и голодно. В Курске – надо полагать – не лучше.

Как ты там успеваешь во все концы? Здорова ли? Пишешь тоже редко.

Моя комната полнится музыкальными инструментами. Кажется, дело пошло лучше – репетиции проходят более организованно. Мы играем вот такие произведения: «Былину», «Славу», «Дуют ветры», «Луговую» и «Базар дураков»¹⁹.

Вот я и занят..., что еле-еле концы с концами свожу. <...>

02.12.1976 г.

<...> Я, кажется, опять приболел. И опять мне сопутствуют неудачи. – Много дней мы репетировали и приготовили хороший концерт для колоколов, гуслей и дудок. Намечалось сделать сувенирную пластинку, посвящённую Новгородским гуслим. Да опять власти решили всё без нашей помощи. Моя фамилия им явно не нравится. Что бы я ни начал делать – всё подлежит уничтожению. Эти люди потеряли границы совести и здравого смысла.

Сам я потерял кучу времени на все приготовления. Беспокоил людей, чтобы они регулярно посещали репетиции. Сделал гусли – звучат очень красиво, – сделал конструкцию для развешивания колоколов. Отставил и без того срочную работу по реконструкции арх. дерева. И вот – финал. Вот какие мои радости... <...>

12.12.1976 г.

<...> Ты меня родила для того, чтобы я трудился – и я тружусь – да только труд мой не нужен людям.

Бог наградил меня многими способностями и... швырнул в это звериное общество. Не ругай меня.

Вспомни и свою жизнь, когда желания твои не совпадали с возможностями, когда и ты была бессильна изменить события, когда и ты видела надвигающуюся беду и не могла ни одолеть её, ни уйти от неё. Вот так и сейчас – ни ты, ни я не можем что-либо изменить. Остаётся лишь терпеливо ждать и надеяться, что всё будет хорошо. И никогда не говори такого слова как «чужие» – это очень плохое слово! И им вообще лучше не пользоваться.

<...> Будь поспокойнее. Будь поспокойнее.

Быть может, мои защитники, обещающие прийти ко мне через века – придут завтра... Придут завтра! и не будем мы так одиноки, и не будем так разбросаны по свету. <...>

17.12.1976 г.

Здравствуй, Мама.

Получил от Тебя два письма и драгоценную посылку. Спасибо. Свитер очень красив и фартук хороший. Вышивку на фартуке можно было сделать скромнее и мельче. Можно одними красными нитками. Что касается шитья из лоскутиков, то я не возражаю, но только мне кажется, ты о себе не заботишься, а меня одела в меха и тёплые свитеры.

Я не болею сейчас.

Делаю новый музыкальный инструмент. Он родственен гуслим²⁰.

Я должен был написать это письмо сразу, но сразу я даже твоих писем не мог прочитать. Прочитал лишь ночью. Много людей у меня и каждому надо уделить внимание – вот и не остаётся времени на себя.

Не суди строго. Не всех людей, посещающих меня можно выгнать. Есть и такие, но больше людей бывает у меня добродушных.

Думаю, если люди перестанут бывать у меня, лучше не станет.

Ну вот – тороплюсь отправить письмо, т. к. уже задержался с ответом.

Скоро праздник.

Поздравляю Тебя с Новым Годом. Желаю хорошего здоровья, хлеба и тепла.

Твой Влад. Яр. Дв. 1976, декабрь.

1977 год

26.01.1977 г.

<...> А у меня тут редко бывает возможность остаться одному и заняться кухонными делами.

<...> При людях я не занимаюсь приготовлением пищи, а когда настаёт ночь, – я спешу заняться работой.

Ты уж не сердись на мой особый уклад жизни.

В.И. Поветкин, Е.Л. Казанцев, В.Ф. Гребенников

Гнать людей от себя я не имею права. У меня достаточно врагов, – так ведь должны же быть у меня и друзья.

Я в эту зиму печь не топлю, и хотя и холодно, но чувствую себя лучше, чем в прошлую зиму. <...>

08.03.1977 г.

<...> Сейчас 5 часов утра 8 марта. Я к этому дню сделал три пряничные доски. Пряники получаются очень красивые – ты таких не видела – В скором времени постараюсь прислать тебе в посылке.

Твои подарки получил как раз в день рождения – спасибо. У меня было очень много народу в этот день... и до утра. Меня мои гости попросили на час удалиться из дому. А когда я вернулся, то стол был заставлен пирогами и тортами, и свечами.

Девочки исполнили на гуслих и бубне один из моих танцев (они разучили его тайком от меня специально ко

дно рождения, и выпечные изделия тоже сами делали).

Как ни старался я скрыть свой день рождения – бесполезно. Но – Слава Богу – меня поздравили от чистого сердца.

Сергей Малютин зайдёт к тебе за фотографиями с моих работ – он хочет показать их студентам. – Пусть покажет.

У меня работы непочатый край – когда что делать – ума не приложу. <...>

02.05.1977 г.

<...> Я эти дни был связан с оформлением бумаг в связи с получением квартиры.

Сегодня мне вручили ключи. Завтра пойду в домоуправление по поводу прописки.

Квартира в 2-этажном доме рядом с базаром. Место очень хорошее – самый тихий и красивый уголок Новгорода. Рядом Волхов и близко с моей мастерской на Ярослав. Дв. Есть все удобства кроме ванны. <...>

На Ярославовом двореце я буду работать до тех пор, пока конкретно не начнутся здесь реставрационные работы.

Если надумаешь приехать ко мне, то захвати с собой ящик с цитрой и с дудочками. Или если Сергей Малютин соберётся ко мне, то если он сможет, пусть привезёт.

Ты смотри сама... пока можно не торопиться. Я должен сначала сделать там мебель и всякие полки и шкафы.

Как ты там жива-здоровая? Не утруждай себя сильно – всего не переделаешь.

Когда встретимся – то как-то решим вопрос, где нам жить. И ты устала от такой жизни и я тоже.

Посылаю вырезку из газеты «Неделя», где упоминается о моей работе (статью написал Валентин Лаврентьевич Янин)²¹.

15.05.1977 г.

Здравствуй, Мама.

Получил от Тебя поздравление к 9 мая – спасибо. От 2 мая я посылаю Тебе письмо, в котором сообщал, что получил ключи от квартиры. <...>

Строгою в мастерской доски, чтобы сделать из них мебель и всё необходимое для жилья. Так что, если приедешь, то скорее всего застанешь меня в мастерской на двореце. Днём я часто сплю, так что кликни меня...

Но сейчас с поездкой решай сама. У меня только начинается строгание досок, и ещё там нет ни стола, ни кровати.

Я в любое время рад буду Твоему приезду, но сейчас видимо, не надо торопиться тебе. Когда я сделаю основу, тогда понадобится на месте уже твоя помощь и подсказка.

Вот пока и всё. Жду от тебя письма. Как здоровье твоё? Не напрягай свои силы слишком.

До свидания – Твой Влад. 15 мая 77 г. Яр. Дв.

11.06.1977 г.

Здравствуй, Мама.

Сегодня 11 июня. Отправил посылку с задержкой, т. к. сразу не мог её оформить в должном виде.

Спасибо Тебе за помощь.

Беспокоюсь за тебя – ты перед дорогой не отдохнула и пожалел, что не поехал с Тобой до Ленинграда.

Нельзя так выбиваться из сил.

Напиши – всё ли в порядке дома. Жду твоего письма.

Будь здорова. Твой Влад. 11 июня 77 г. Яр. Дв.

26.08.1977 г.

Здравствуй, Мама.

Получил от Тебя три посылки с фруктами. Археологов угощал грушами – просили передать спасибо и передавали привет. Груши им очень понравились. Мне тоже очень понравились – Спасибо. Но Ты, наверное, забыла что обещала прислать в первую очередь. Я думал, что в посылке будут колокольчики – а ты и не догадалась. Ты бы посмотрела – они в разных, наверное, ящиках, да и прислала бы – а?

*Всего хорошего Тебе. Твой Влад.
26 августа 77 года. Ярослав. Дв.*

14.10.1977 г.

<...> Получил станочек и колокольчики – где-то в ящиках ещё должен быть колокольчик – он с трещинами – если найдёшь – пришли, пожалуйста.

Постельные принадлежности я отнёс на квартиру. Видимо, тебе самой с ними надо будет разбираться.

Я пока работаю и живу в мастерской. На квартире ещё почти ничего не успел сделать. <...>

29.10.1977 г.

Здравствуй, Мама.

Может быть ты в отъезде, но может быть и нет... Дело в том, что в скором времени по центральному телевидению будут показывать фильм о Новгороде, в котором есть моя музыка, да и мою мастерскую немножко покажут.

Я попросил Сергея Малютина, чтобы он сообщил тебе, когда будет этот фильм. Это надо следить за программами в газетах. И попросил его также, чтобы он пригласил Тебя к себе домой, т. к. у них есть телевизор.

Новостей особых у меня нет. Переделал в мастерской печку – думаю, что зимой понадобится. На квартире я ещё не живу и не знаю, когда сумею перебраться. Мастерскую бросать без присмотра нельзя.

Как здоровье твоё? И не молчи так долго.

*Всего хорошего Тебе. – Твой Влад.
29 октября 77 г. Яр. Дв.*

17.11.1977 г.

<...> Получил от Тебя гору посылок – спасибо за угощения и за заботу. Но только ты опять увлеклась и задалась много хлопот и для себя самой, и для меня. Сегодня, к примеру, я обнаружил на квартире целую чашку с салом, которое ты аккуратно засолила и надеялась, что я его вскоре израсходую...

Ты думаешь, что только и знаю, что стою у плиты и кашеварю. <...> ...да только у меня по большей части заботы-то не бабы, а мужицкие, да и не слон я, чтобы поесть все эти запасы. <...>

Новостей никаких нет. Телефильм о Новгороде не знаю, шёл или ещё будет идти.

Хорошо было бы, если бы ты посмотрела, там и моя мастерская есть, и физиономия моя худая, и в плохом произведении моя музыка. <...>

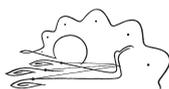
1978 год

20.05.1978 г.

Здравствуй, Мама.

Уже давно получил от Тебя письмо и посылку, а с ответом, как всегда запаздываю.

Всё время отдаю работе с археологическими гуслими.

В Москву и Ленинград ещё не ездил и не знаю когда оберусь.

Приезжал Ерджаник²² – велел передавать Тебе привет. Я вручил ему Твои пряники, а досочку я так и не успел к его приезду сделать – хоть разорвись... <...>

Спасибо за книги. Только это не все книги. На книжной полке есть большой немецкий альбом-книга, с многими иллюстрациями муз. инструментов. И покопайся получше – я всего не помню, но должно быть несколько книг, посвящённых музыке.

6-го мая была небольшая передача по Новгородскому радио о моей работе.

Вчера получил приглашение выступить на фольклорном празднике в заповеднике деревянного зодчества.

Праздник состоится 5 июня.

Успевай только поворачивайся. А недавно записывали мою игру в Никольском соборе для ещё одного документального фильма о Новгороде.

Народу у меня как всегда много – поскучать некогда.

Сейчас здесь тёплые дни. Дай Бог, чтобы и у Тебя было тепло.

*Будь здорова – Твой Влад.
20 мая – 78 г. Яр. Дв.*

18.06.1978 г.

Здравствуй, Мама.

Получил посылку с книгами и письмо – спасибо.

У меня была горячая пора и поэтому сразу не ответил.

4-го июня с Инной²³ выступали на фольклорном празднике в заповеднике деревянного зодчества. Посылаю газету с фотографией.

Я занимаюсь археологическими гуслиями. Работы много и сейчас только начальная стадия.

А книги ещё есть. Я просил Сергея Малютина чтобы он зашёл к Тебе и помог разыскать всё, что касается музыкальных инструментов. Есть ещё альбом-книга на немецком языке чуть потоньше той, какую ты прислала. И другие есть. Что касается книжечек просто о музыке, то их не надо.

Как у Тебя там дела? Как здоровье? Не спеши слишком – всех дел не переделаешь.

*Ну вот, пока всё. Будь здорова –
Твой Влад. Яр. Двор. 18 июня 78 г.*

23.07.1978 г.

<...> Спасибо за письмо и три посылки с инструментами и книгами.

Каждую ночь собирался написать Тебе, да вот опять просрочил.

Тебе передают привет Валентин Лаврентьевич Янин и Михаил Никонорович Кислов. 22-го июля отмечали 75-летие Кислова.

Я продолжаю работу над гуслиями XI века. Многих материалов нету, и поэтому работа движется медленно.

Пиши почаще хоть Ты. Как у тебя дела на даче? Постарайся делать только необходимое. Не расхрудай силы понапрасну. <...>

01.09.1978 г.

<...> Сегодня была у меня в мастерской комиссия по приёмке гуслей XI века. Были Стас Орлов, Б.А. Колчин, Елена Рыбина и В.Л. Янин – от археологии и от музея – Элиса Гордиенко и Людмила Петрова.

Реконструкция принята на отлично.

Продемонстрировал звучание (правда, неполностью, т. к. не все диаметры струн имеются на гусях) инструмента, сделанного из нового материала и... все вопросы по реконструкции доказаны.

Прочитал былинку о происхождении гуслей (былинку написал совсем недавно), которую Янин намеревается опубликовать.

Играл им на традиционных русских гусях XIX века – инструменте, который я тоже восстановил в связи с изучением вопроса об археологических гусях.

Жаль, что Ты не сможешь услышать этот поистине волшебный инструмент, которым в старые времена исцеляли больных – я его на днях сдаю вместе с арх. гуслиями в музей.

Теперь мне надо писать статью, посвящённую этим гуслиям XI века с надписью «Словиша». Пока что учёные расшифровывают это слово как «Соловей».

И другой вопрос связан с окончательной настройкой гуслей и установлением звукоряда. Тут остановка за струнами – мне нужна бронзовая проволока диаметром 0,3; 0,4; 0,6; и 0,7 мм.

Сообщаю Тебе об этом – вдруг кто-нибудь из Твоих знакомых сможет помочь. <...>

Так что в моей работе сделан важный этап, но окончание ещё впереди.

Но вот сегодня у меня особый день, а точнее сказать – ночь. Звучит национальная Болгарская музыка – музыка славянская и родная русскому духу – и я имею право отдохнуть и написать Тебе письмо. <...>

Гусли, которые я восстановил, будут известны всему миру как самый древний инструмент, найденный на русской земле. <...>

Из письма М.Ф. Байбаковой В.И. Поветкину

от 20.09.1978 г.

«...Очень рада за тебя, что в твоей жизни выдало счастье – покой, возможность хоть чуть отдохнуть. И пусть моя забота послужит хоть маленькой, но помощью, чтобы ты смог закончить работу полностью над археологическими гуслиями. И желаю здоровья-сил для дальнейшей жизни-работы».

04.10.1978 г.

<...> Спасибо за письмо и огромное спасибо за посылку с проволокой. Всем, кто помогал её найти, передай от меня большое спасибо. Правда, пока ещё не все размеры есть, но дело сдвинулось с места. <...> Моя работа ещё продолжается, и сейчас у меня в мастерской находятся гусли XIV века, которые мне предстоит реставрировать и восстанавливать их звучание. А для всяких экспериментов нужно много проволоки.

Я рад, что меня помнят и, прошу тебя, – передай всем знакомым от меня поклон.

Гусли XI века сейчас находятся в экспозиции Новгородского музея. А инструменты, сделанные по образцу восстановленных, находятся у меня, и с ними тоже надо немало потрудиться. Один из них пойдёт в Новгородский музей, другой – в музей им. Глинки в Москве, и третий останется у меня для дальнейших проверок. В принципе они уже готовы – остановка за этими двумя размерами струн.

Сейчас делаю «отчёт по реконструкции гуслей XI века», который, когда закончу – отправлю в Москву для публикации. <...>

07.12.1978 г.

<...> Сейчас продолжаю работу с гуслиями XIV века и вообще занимаюсь музыкальным вопросом средневекового Новгорода.

На днях появилась книга, которую посылаю тебе. На 53 стр. упоминается и обо мне.

Посылаю ещё фото. Снимок сделан в заповеднике деревянного зодчества, где мы с Инной выступали, а этот ансамбль гуслиаров из Холма исполнял мою песню «Дуют ветры». Руководитель этого ансамбля (рядом с Инной) попросил сфотографироваться и недавно привёз эту фотографию. Он говорит, что летом они исполняли «Дуют ветры» в Минске на конкурсе и комиссии эта песня понравилась.

Зато Новгородские культурные организации помалкивают о моём существовании. С московской телестудии приезжали специально в Новгород по вопросу гуслей, а им ответили, что в Новгороде гуслиаров нет. <...>

1979 год

21.02.1979 г.

Здравствуй, Мама.

Получил уже давно и письмо от Тебя, и посылку с письмом и гостинцами. Спасибо. Я со дня на день откладывал ответ, да опять запаздываю.

Здоровье моё поправилось.

Новостей особых нет. Я занимаюсь ещё с «отчётом» по музыкальным инструментам Древнего Новгорода.

С гуслиями XIV века пока ещё вопрос не решён, но скоро, видимо, прояснится, так как приезжал Валентин Лаврентьевич Янин и пообещал, по возвращении в Москву, заняться им вплотную.

Да! В гостях у меня был ансамбль под руководством Д. Покровского²⁴. Очень жаль, что тебя не было в это время. Они исполняли древние народные русские песни, каких ни ты ни я не слышали. Былина про Илью Муромца, которую они пели на четыре голоса, могла существовать ещё во времена Киевской Руси. Года полтора-два назад они выступали в Курске. Сергей Малютин разговаривал с ними...

Я им подарил гудочек XIV века (на котором я играл при помощи смычка – ты должна помнить) и можно надеяться, что новгородский инструмент зазвучит вместе с их древними песнями.

Вообще они намерены поддерживать со мной связь.

*Пока – до свидания. Будь здорова –
Твой Влад. 21 февраля 1979 г. Яросл. Дворище.*

14.03.1979 г.

Здравствуй, Мама.

Извини, что не сразу ответил – делал гусли XIII века.

<...> Чувствую себя нормально. Нога болит только.

Береги себя. Не работай до изнеможения. Слышишь? <...>

11.07.1979 г.

Здравствуй, Мама.

Получил от Тебя письмо, которое уже давно ожидаю. Ты до этого присылала короткое письмо, в котором сообщала о намерении приехать в Новгород, или в случае, если поездка не состоится – прислать сразу письмо. Вот я и ожидал. Потому не сразу ответил на предыдущее...

Я жив и потихоньку завершаю работу над древними новгородскими музыкальными инструментами. Практические вопросы реконструкции в основном решены и сейчас по каждому инструменту надо делать отчёты – тоже дело волокитное и к концу лета желательно успеть закончить.

Мечтаю съездить к Тебе, да обстановка складывается здесь так, что из мастерской не выйти. Весной планировали дать мне новое помещение для мастерской, да опять отсрочка. А здесь туристы и хулиганы досаждают. <...>

Время сейчас трудное, будет ещё труднее и бесвестнее. Береги себя. Прости за короткое письмо –

Твой Влад. 11 июля 79 г.

Яросл. Дворище.

04.09.1979 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за заботу и гостинцы. Получил три посылки и письмо. Сразу ответить не мог – каждодневная суета и множество неожиданных мероприя-

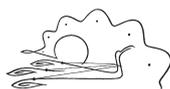
тий, связанных с работой. Археологи передавали Тебе привет и спасибо за угощение.

Мне предстоит в ближайшие времена реконструировать спинку средневекового кресла, а затем, восстановить ковшик, сделанный во II тысячелетии до нашей эры. Ковшик найден в торфяниках близ Урала. Сделан он был ещё каменными орудиями, но очень красив.

Видимо, когда сделаю эти вещи и ещё кое-что по мелочам – буду свободнее. Быть может, и вообще прекращу работу в таких условиях. В эту зиму намереваюсь перебраться на квартиру и хотя бы ночевать там и делать все мелкие работы... Прошедшая зима особенно плохо отразилась на моём здоровье. Кроме того, в мастерской в марте

*В.И. Поветкин в мастерской на Ярославовом дворище.
1979 г. Фото С.Н. Дедюкова*

и совсем недавно – 1-го сентября совершены ограбления. Вообще событий много и о них смогу рассказать устно.

С приездом ко мне не суетись. Выбирай такое время, когда на железных дорогах поменьше будет народу. Никаких тяжестей с собой не набирай.

В газете «Неделя», вероятно в ближайшее время будет сообщено о моих гусях. Газета выходит один раз в неделю – наверное, по понедельникам.

*Будь здорова. Твой Влад.
4 сентября – Яросл. Дв.*

09.10.1979 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за гостинцы и за письмо. Получил три посылки с яблоками – угощал всех, кого мог. Письмо намеревался написать раньше, да всё ожидал лучшего настроения. Настроение не улучшилось и пишу как есть.

Работа моя остановилась. Даже запланированный на этот год минимум я вынужден отставить, так как, нога моя отказывается ходить и нуждается в серьёзном лечении. Девять лет пребывания в этой башне и постоянная нервотрёпка сделали своё дело.

К зиме должен суметь перебраться на квартиру.

Родным передавай от меня поклон.

*Будь здорова – Твой Влад.
Яр. Дв. 9 октября – 1979 г.*

1980 год

29.01.1980 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо Тебе за заботу.

Получил тёплую обувь и угощения. Сам ходил на почту и сам принёс на квартиру. Ноги мои, конечно, не в лучшем состоянии, но и не так плохо сейчас как было. Надеюсь, что со временем одолею эту напасть. Надо только суметь успокоиться и расслабиться. Почти всё время обитаю дома и лишь ненадолго выхожу погулять или по мере надобности посещаю продовольственные магазины. Серьёзной работой заниматься пока не могу. Да и о какой работе может идти речь, если моё рабочее место в мастерской практически разрушено, а на квартире оно ещё не организовано, а точнее, его здесь и организовывать бессмысленно. Так что и в смысле работы я вышел из строя, наверное, надолго. Деньги у меня есть, так как музей выплачивает мне постепенно за сделанные гусли и гудки. А как будет дальше – время покажет.

*Пока до свидания. Береги себя – Твой Влад.
29 января 80 г. ул. Боровицкая.*

18.02.1980 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за заботу и, особенно, за мятную травку – самая вкусная. Новостей особых у меня нет. Стараюсь выздороветь. Правда, временами кажется, будто болезнь застряла поперёк спины и ни взад, ни вперёд. Очень не торопится расстаться со мной эта хворь. Я был в мастерской, пытался кое-что по работе начать делать, да, видимо, и часу не выдержал – ушёл, и правильно сделал, так как после этого посещения ноги мои с прежней силой заболели и я с трудом добирался до магазина. Почти всё время нахожусь дома и занимаюсь реконструкторской работой, так сказать, в письменном виде. Сделал свирели XI и XV веков (их-то я и сверлил в мастерской) и полученные данные связываю с материалом о гусях. Очень доволен, что осмелился по фотографиям восстановить эти свирели – результаты превзошли ожидания.

А ты так сильно не хлопочи – посылки присылаешь так часто... будто я вовсе недвижим. Береги своё здоровье как только сумеешь. Я тебе об этом ещё тут говорил.

Мне необходимо надо закончить некоторые работы, которые я должен! сделать для музея и для археологии. А потом уже можно будет решать вопросы личного благоустройства. Вот пока и всё письмо.

*Будь здорова – Твой Влад.
18 февраля 1980 г.*

13.03.1980 г.

Здравствуй, Мама.

Давно собирался написать Тебе письмо, да со дня на день откладывал. Пытаюсь кое-что делать по работе, да так быстро устаю, что на письма сил не остаётся.

Числа 7–8 марта было обострение моего радикулита, и похоже, что это связано с очень активным солнцем.

В эти дни всё здесь таяло – прямо как майский день среди зимы. А я уж перепугался – думал, что опять началось с новой силой.

Строгою понемножку доски и по вечерам выхожу на улицу, на прогулку. Но вообще моё настроение, – наверное, как и у Тебя, – невесёлое.

Тут уж и не знаешь, которая боль сильнее – физическая или душевная.

Работу, которую надо делать для музея, я ещё не начинал – вероятно смогу ею заняться когда станет теплее, чтобы основную её шумную часть сделать в мастерской. Да и материал находится там же, а сейчас мне его по такому холоду не найти будет.

*В.И. Поветкин у себя дома со скульптурой
«Праматерь Наневов».
1981 г. Фото А.А. Кочевника*

А доски строгаю больше для того, чтобы двигаться – лишь видимость работы. Уснуть могу чаще всего днём. Ночью одолевают всякие раздумья и тревоги, и становится жарко и не уснуть. И лишь когда в мире – сутолока, когда тарыхтят железяки и ревут моторы, и дом деревянный содрогается от проезжающих мимо автобусов, когда соседка грохает входной дверью, когда с нижнего этажа доносится попмузыка, а за боковой стеной звучат партийные гимны – это время моего, подчас очень крепкого, сна. Да и то – слава Богу.

Береги себя – Твой Влад. 13 марта 1980 г.

P.S. В прошлом году в этот день – 13 марта – нас держали в КГБ. С тех пор меня болезнь моя и не отпускает. Никому ни пожаловаться, ни объяснить, ни наказать преступников в масках.

27.03.1980 г.

Здравствуй, дорогая Мама.

К юбилею Твоему отправляю это письмецо. День твоего рождения приходится на такое время года, когда всё в Природе обретает новые силы: то, что было сильно, становится сильнее, то, что было изранено – заживает и наполняется живительными соками земли.

Также и Твой дух пусть воспрянет, и силы Твои не иссякнут пусть, а прибавятся, как по законам Природы весной зацветают деревья и травы.

*Многого Тебе здоровья и тепла – Твой Влад.
К 27 марта 1980 г.
Новгород – Нутная.*

29.04.1980 г.

Здравствуй, Мама.

Опять я замешкался с письмом. Из Твоего письма я не понял, когда ты вернёшься из поездки.

Вкратце сообщу Тебе, что я потихоньку двигаюсь. Пью лекарство, перетаскиваю во двор разные материалы из мастерской. Больше мастерской у меня не будет, и если что-либо придётся делать, то дома.

Пока писать не буду. Дождусь Твоего письма. Ты же постарайся написать сразу, как только приедешь, чтобы я не волновался.

Будь здорова – Твой Влад. 29 апреля 80 г. – Нутная.

18.05.1980 г.

<...> Я перетаскиваю из мастерской всё, что можно хоть как-то разместить в квартире.

В поясище «кол», но я самостоятельно ходил в музей и обратно... Слава Богу(!), что так.

А с мастерской хлопот много, да и в квартире – хуже, чем на свалке – ничего не найти, всё надо сортировать и ставить на определённые места. Так что работу свою по реконструкции, которую ещё в прошлом году должен был сделать, я не начинал и пока ещё даже не определить примерно, когда смогу приняться за неё, да и примусь ли вообще.

Погода у нас здесь переменчивая, больше холодная и дождливая. На деревьях только прорезаются листочки. А иным так мало было солнца, что у них только почки набухли. <...>

29.07.1980 г.

<...> Живу на Боровичской. Мастерской у меня больше нет. Работаю сейчас с археологической экспедицией. Хожу. Правда, день на день не приходится. Да что теперь об этом говорить... У Тебя здоровье не лучше. <...>

17.08.1980 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за заботу. Все угощения, приготовленные Тобой, дошли в полной сохранности и всё очень вкусно. Спасибо.

Но, прошу Тебя очень, не хлопочи слишком много с посылками. Того, что прислала, мне хватит на целый год.

Может быть в этом году удастся приехать в Курск. А если будут какие-нибудь здесь осложнения, то сообщу Тебе и тогда может ты соберёшься в Новгород. Сейчас пока я не могу конкретно говорить на эту тему, т.к. ещё не перенесены вещи из мастерской, кроме того ко мне обращается музей с просьбой реставрировать две иконы – работа сложная и долгая. В сентябре

намереваются приехать в гости Сергей с Татьяной.

А сейчас я работаю с археологической экспедицией. Так что событий предстоящих много и как я сумею их увязать с поездкой, время покажет.

Здоровье моё переменное и в этом смысле тоже трудно сказать – что будет завтра.

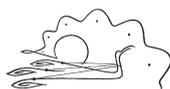
Раньше октября месяца в любом случае я не смогу приехать. А что касается Твоего приезда в Новгород, то ты можешь приезжать в любое время, как позволят обстоятельства – я буду только рад.

Гребенниковы передали Тебе спасибо за угощение.

*До свидания – Твой Влад.
Нутная – 17 августа.*

*М.Ф. Байбакова и В.И. Поветкин.
Новгород. 1981 г. Фото С.Н. Дедюкова*

1981 год

27.03.1981 г.

Дорогая Мама!

Поздравляю Тебя с днём Твоего рождения. Прошу Тебя очень – не суетись и не слишком расстраивайся в этой жизни. Желая Тебе тепла и здоровья и многих сил. Но не расходи это богатство на излишние хлопоты, дабы оставалось время и на доброе жизнерадостное настроение и на любованье жизнью Природы и плодами рук твоих.

К 27 марта 1981 года – Твой Влад.

22.06.1981 г.

<...> Сейчас ясно, что в это лето приехать не смогу, так как начался археологический сезон. Я буду должен в экспедиции делать прориси берестяных грамот. Михаил Никонорович Кислов поручил это дело мне, так как сам он в этом году не приедет в Новгород.

В июле – 15 числа – приедет в гости ко мне Ионас из Каунаса, а чуть позже собирается сюда Сергей Малютин. <...>

Ногу мою время от времени прихватывает, но в целом, конечно, лучше, чем было. И слава Богу! Вот пока и всё письмо моё.

Не расстраивайся и не суетись по всякому поводу. Береги здоровье и радуйся драгоценным подаркам, какие даёт кусочек земли, обработанный Твоими терпеливыми руками. Радуйся сейчас, ибо времена становятся хуже и хуже. Природа отчаянно борется за наше здоровье. Лишь ей можно доверять и угождать. На человеческие глупости не стоит тратить нервы. Береги здоровье! Распределяй силы на самое необходимое. Не торопись! <...>

13.08.1981 г.

<...> Летом я был занят и сейчас занимаюсь в арх. экспедиции. Так что приехать всё равно не было возможности.

Осенью, вероятно, придётся посетить Ленинград с гуслиями. Кое-кто заинтересовался. Но об этом ещё рано писать. Но в целом пока изменений нет в моей жизни – одна сутолока. <...>

17.09.1981 г.

Здравствуй, Мама.

Спасибо за гостинцы. Всё получил и еле-еле успевал угощать грушами и яблоками многих знакомых. С мятой завариваю чай. Спасибо – Ты её очень хорошо посушила. Всего получил четыре посылки.

Я не мог сразу ответить, как об этом Ты просила в письме, так как была неуправка с суетными делами.

Вчера отправил документы в МГУ для поступления на работу старшим инженером в Новгородской археологической экспедиции.

Приезжали ко мне из Москвы со студии «Научфильм» и сымали небольшой сюжет об археологических гусях, гудках, сопелях.

В фильме будут демонстрировать и игру мою на гусях и сопели. Если всё будет нормально складываться, то фильм, или точнее – киножурнал «Наука и техника», должен выйти на экраны месяца через два-три.

Мне предстоит в ближайшее время составлять два текста об инструментах. Так что о себе и подумать некогда. Но здоровье у меня как будто стало получше. Иногда

прихватывает конечно, но не то, что было.

Приезжал Сергей Малютин в гости. А мне всё никак не вырваться в Курск... До ноября мне надо активно будет трудиться.

Вот пока и всё письмо.

Может, что-нибудь забываю, но спешу отправить хотя бы эту весточку, а то и так задержался с ответом.

Будь здорова. 1981 г. 17 сентября – Твой Влад.

01.10.1981 г.

<...> Ко мне ещё раз приехали из Гос. архива фонозаписей²⁵ для записывания на магнитную плёнку гусли и другие муз. инструменты. Так что хлопот не убавляется.

Я к таким неожиданным записям не готов и трудноавато бывает собраться... <...>

28.10.1981 г.

<...> Уже писал Тебе, что приезжали из Ленинграда записывать гусли и сопель. Вот посылаю сообщение по этому поводу, напечатанное в «Новгородской Правде» за 9 октября 1981 г.²⁶

14 ноября должен буду демонстрировать звучание древних инструментов в Ленинградской консерватории на «фольклорном вечере». Потом, вероятно, предстоят подобные же мероприятия. Тяжело, но мне никуда от этого не деться. Кроме меня пока никто не может в нужном свете представить древние новгородские музыкальные инструменты. <...>

23.11.1981 г.

Здравствуй, Мама.

Дней десять был в Ленинграде. Показывал реконструированные гусли и сопели.

Посылаю программу концерта²⁷, в котором впервые, официально было продемонстрировано звучание древних народных инструментов.

В зале, как Ты понимаешь, было немало людей, которым звучание народных инструментов не по вкусу. Однако, гораздо большему числу слушавших гусли и сопели понравились. Из консерватории будут командировать ко мне студентов для передачи им опыта игры на восстановленных гусях. Самому мне также придётся ездить чаще в Ленинград. Одиннадцатого декабря ещё буду участвовать в концерте народной музыки. Ехать придётся в первых числах декабря для репетиций.

Вернувшись из Ленинграда получил две посылки от Тебя. Спасибо за заботу. Получил много писем, в одном из которых Елена Рыбина сообщает, что меня зачислили на работу старшим инженером в археологическую экспедицию. Так что теперь я живу в Новгороде, но работаю в Москве в МГУ, а концерты даю в Ленинграде.

Тороплюсь отправить это письмо, так как предстоит ответить на кучу писем и срочно заняться подготовкой к поездке.

Ты бы лучше писем присылала побольше, а не посылок. Когда ты успеваешь их заколачивать?..

Жду вестей от Тебя. Здорова ли?

Твой Влад. 23 ноября 1981 г.

02.12.1981 г.

<...> Собираюсь примерно на неделю в Ленинград. Говорил уже, что буду демонстрировать в консерватории реконструированные древние инструменты.

Мне важно сдать давно проделанную работу. Потом

буду вправе заниматься другим делом.

Из Москвы сообщили, что меня зачислили на работу. И об этом уже писал... <...>

1982 год

27.01.1982 г.

<...> В конце 81 года сделал важное дело. Представил в звучании с официальной сцены в Ленинградской консерватории реконструированные гусли, гудок, сопели. Кажется, у меня будут ученики.

Наверное, уже писал, что принят старшим инженером на работу в арх. экспедицию. Надо как-то организовывать мастерскую. <...>

03.09.1982 г.

В.И. Поветкин в фольклорной экспедиции в Холмском районе Новгородской области. 1983 г. Фото А.А. Кочевника

<...> Весной был в Риге. Играл там на реконструированных гуслиях, гудке, сопели. Очень доволен, что побывал и увидел как живут латыши. Ко мне были внимательны и ухаживали как за куклой. Я угостил фольклорный коллектив «Скандиниеки» пряниками, которые ты пекала зимой. Спасибо тебе от них и от меня. <...>

29.09.1982 г.

<...> У меня могут быть неожиданные поездки из Новгорода. Поэтому, на всякий случай, если приедешь, то ключ есть у Гребенниковых. 22 октября точно предстоит поездка в Таллин (Эстония). Буду демонстрировать там, в музее театра и музыки, реконструированные инструменты. <...>

1983 год

08.01.1983 г.

<...> После того, как 10 ноября мы расстались на

вокзале в Ленинграде, я всё время был в командировках. Раз три был в Ленинграде, опять был в Таллине (Эстония) и дважды посетил Ригу (Латвия). Дольше всего был в Латвии, где участвовал во многих выступлениях. <...> Скоро, вероятно, опять мне предстоит поездка. <...>

24.03.1983 г.

<...> С мастерской вопрос остаётся на неизменном уровне. Поэтому буду пытаться что-то делать дома. <...>

16.05.1983 г.

<...> Тебя из письма в письмо прошу беречь себя, а Ты меры не знаешь. Потом и получаются неприятные истории. Оцени обстановку и условия, в каких мы оказались, и не берись за непосильную работу. Будь аккуратна.

Земля с солнцем и всем живым – это рай, это радость и счастье. Что будет там, потом – мы не знаем. Так будь благоразумна сегодня. <...>

30.07.1983 г.

<...> Очень жаль, что Ты не бережешься. Ведь видишь, как получается: я собираюсь приехать, да уж который раз не удаётся. Ведь знаешь, что помощников рядом нет. Будь благоразумна. Пощади своё здоровье, хотя бы ради того, чтобы и моя душа не разрывалась в постоянной тревоге за Тебя. Постарайся взвешивать и выбирать дела действительно необходимые. <...>

05.09.1983 г.

<...> Было много гостей, суеты. Сейчас проводил археологов, которые просили передать Тебе спасибо за прекрасно приго-

товленные вишни. И от меня – тоже спасибо! <...>

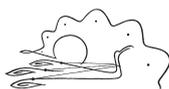
Работа моя движется очень медленно. Мастерской не дают и неизвестно – дадут ли вообще когда-нибудь. Но как будто от Университета намерены прислать на Новгородский Обком ходатайство. Что из этого выйдет – посмотрим. <...>

05.10.1983 г.

<...> Здесь, как будто, решается вопрос о мастерской для продолжения моей работы с инструментами. Дадут или нет – не знаю, но отлучаться опять никуда нельзя. Надо ждать.

Давно собирался отправить Тебе вырезку из газеты, да за суетой и письма не написать. Наверное, Сергей Тебя уже познакомил с этой газетой²⁸. На всякий случай посылаю.

Передай Сергею, что в восьмом выпуске «Кругозора» опять будут какие-то записи звучания моих гуслей. Может быть, он и для Тебя найдёт экземпляр. <...>

13.11.1983 г.

<...> У меня – никаких изменений. Мастерской пока не дают. <...>

Здоровье бывает по-разному. Летом было плохо, а сейчас – ничего.

Сочувствую Тебе, береги здоровье и силы. Нам никто не поможет, особенно, когда мы одиноки. И мне не так просто оставить дом один. <...>

1984 год

14.03.1984 г.

<...> Прости за долгое моё молчание. Суета. Спокойных минут мало. <...> Много был в разъездах. И ещё предстоят путешествия, вероятно, в Литву, в Вологду, в Ленинград. Дома потихоньку копаюсь с инструментами.

Новгородский Горисполком прислал ответ: в течение 1984 года будут изыскивать возможность представления помещения для мастерской. <...>

22.03.1984 г.

<...> Занимайся своими делами. Но знай меру. Береги себя, а значит и меня.

У меня, как я уже Тебе писал, предстоят поездки в Вологду, Литву и другие города. Но в какие дни я пока и сам не знаю. Пока ещё не было официальных приглашений. <...>

Да! Ольга Ивановна Маничкина из Белгородской области прислала мне старинную мужскую рубашку с вышивкой и пояс!

*В конверт вложена
открытка с текстом:*

«Дорогая мама!

С добрым днём Твоего
Рождения! Пресветлого над
Тобой Солнышка!

27 марта 1984 г.

Твой Влад.

*За работой над изготовлением лирообразных гуслей.
1984 г. Фото А.И. Овчинникова.*

03.07.1984 г.

<...> Доехал до Ленинграда сегодня в 11 часов дня.

А в 12:05 поехал автобусом в Новгород, через четыре часа был на археологической базе. За моё отсутствие нашли три берестяных грамоты и ещё некоторые предметы с надписями, которые я уже начал рисовать для публикации. Так что, всё хорошо. <...>

13.07.1984 г.

<...> Забыл сказать: 22 июля по 2-й программе телевидения будут показывать Новгород, археологов и мою квартиру. В какое время дня будет передача эта, не знаю, но программа называется «Монитор». Скажи Сергею об этом и он подскажет Тебе. <...>

07.09.1984 г.

<...> Очень напряжённый был прошедший сезон раскопок.

На твой вопрос смогу ли я приехать в Курск в ближайшее время пока ответить не могу, так как работа продолжается. Я не успеваю отвечать на письма, идущие ко мне от разных музеев и организаций. <...> Будь благоразумна. Учти мои замечания и пожелания, и просьбы. Сердце моё разрывается от боли за Тебя, когда я вижу, что Ты бесцеремонно тратишь силы на ненужные дела. Будь благоразумна. Здоровья Тебе и бодрости духа. <...>

11.10.1984 г.

<...> Посылаю вырезку из газеты²⁹ – это впервые в «Новгородской правде» пишется доброжелательно. <...>

1985 год

11.01.1985 г.

Здравствуй, Мама!

Кланяюсь Тебе в Новом Году и желаю доброго здоровья. Спасибо за письмо. Съездил в Москву, кажется, с пользой для дела. После показа инструментов на открытии выставки «Открытие Древнего Новгорода» в Гос. Ист. Музее ко мне обратился министр культуры РСФСР с тем, чтобы на следующий день я продемонстрировал древние гудки и гусли в Министерстве культуры. Что и состоялось. На прощание он обещал содействовать устройству в Новгороде мастерской и демонстрационного зала. А между тем с 7 января в Новгороде при горисполкоме создана студия народного прикладного искусства, руководителем которой назначили меня. Это очень важный шаг, который ускорит нахождение соответствующего помещения.

*Вот пока и всё.
Будь здорова. Твой Влад.*

23.03.1985 г.

<...> У меня тут свои хлопоты, в которых ты не в силах помочь. Занимайся теми делами, к которым у тебя сердце лежит. Но знай меру. Ни от кого не зависит благополучное состояние твоего здоровья и всех твоих дел, кроме как от тебя самой. Не надейся ни на чью помощь! У тебя собственных сил очень много. Надо только их распределить разумно. Мои дела с организацией в Новгороде мастерской и демонстрационного зала народных муз. инструментов пока находятся в известном тебе состоянии. <...>

02.07.1985 г.

<...> Напиши, пожалуйста, ходила ли Ты к главному. Всё время думаю о Тебе. Как Ты там? <...>

10.08.1985 г.

<...> У меня очень много работы. В этом году

небывалое число берестяных грамот. Не успеваю реставрировать и прорисовывать. Скоро утро. Надо успеть дорисовать очередную грамоту.

В журнале «Студенческий меридиан» № 6 за 1985 год напечатана статья Б.А. Рощина «Гусли – мысли мои...». Попроси Сергея, может быть, ему удастся купить. У меня есть, но выслать тебе всё никак не соберусь. <...>

17.08.1985 г.

<...> Получил ещё две посылки. Спасибо. Всё дошло хорошо. Угостил студентов в археологической экспедиции. Передавали Тебе доброго здоровья.

На меня свалилось много работы. Не успеваю. Поэтому коротко пишу Тебе. Извини, пожалуйста.

Опять понаехали гости. Дом мой полон. Улучил минутку для того, чтобы поскорее Тебе ответить: иначе волноваться будешь. <...>

02.09.1985 г.

<...> Получил четыре посылки с книгами и пластинками. Спасибо.

Археологический сезон 1985 года окончен. Сотрудники экспедиции разъехались. Но у меня продолжается работа с берестяными грамотами. Их в этом году найдено очень много; и в Новгороде, и в Старой Руссе, и в других городах. С каждой из найденных грамот мне надо сделать прорисовки на бумаге. А прежде этого многие из них необходимо реставрировать.

В конце сентября – командировка в Ленинград. Пробуду там дней 10. <...> Кое-что из книг пришлось очень кстати. Ещё раз спасибо Тебе. <...>

21.09.1985 г.

<...> Ты беспокоишься о приезде. Раньше середины октября нет смысла приезжать. С 29 сентября по 6 октября буду в командировке в Ленинграде. А после этого, думаю, и дороги не так будут загружены.

Сейчас готовлюсь к докладу, который предстоит читать в Эрмитаже 5 октября. <...>

28.09.1985 г.

<...> Завтра утром поеду в Ленинград на неделю. Мне надо быть в Эрмитаже на Всесоюзном семинаре реставраторов. 5 октября буду читать доклад о реконструкции древних музыкальных инструментов.

По возвращении предстоит другая, давно начатая работа, которую надо успеть сделать к Новому Году. А к марту-месяцу – ещё одна неотложная. Вот в таком ритме я живу. <...>

16.12.1985 г.

<...> Недавно вернулся из командировки. Был в

Ленинграде, Вильнюсе и Каунасе. Был на могиле Ионаса. Прекрасная земля, в которой он похоронен. Бескрайнее небо вокруг. И ему бы ещё жить да жить.

24 декабря опять надо ехать в Ленинград. Там в Эрмитаже в этот день состоится открытие экспозиции, посвящённой 800-летию «Слова о Полку Игореве». На открытии будут его читать, мне предстоит играть на гуслях. <...>

1986 год

22.03.1986 г.

Дорогая Мама!

Поздравляю Тебя с Днём Рождения и желаю Тебе всего самого доброго: хорошего настроения, много сил и ласкового Солнца.

У меня полно работы. Опять не удалось съездить в Курск. Хотя бываю в командировках. И сейчас собираюсь в Москву: 26 марта там надо будет показывать инструменты и рассказывать о них.

В апреле, в середине месяца поеду в Ленинград дня на 3–4.

*До свидания. Твой Влад.
22 марта 1986 г.*

24.08.1986 г.

<...> Работы у меня очень много. Не успеваю. Заниматься приходится в первую очередь берестяными грамотами: реставрирую их и рисую их на бумаге для публикации в книгах. Расшифровки грамот делают В.Л. Янин и А.А. Зализняк, они их и публикуют.

Жизнь моя получается во всех отношениях сложной. Но думаю, что ты к этому уже привыкла.

Хочу, чтобы твои заботы в саду были не только тебе на радость, но и на пользу твоему здоровью. Будь благоразумна хотя бы ради меня. Ты видишь, что судьба не во всём к нам благосклонна. Мне даже навесить

тебя – не так-то просто. <...>

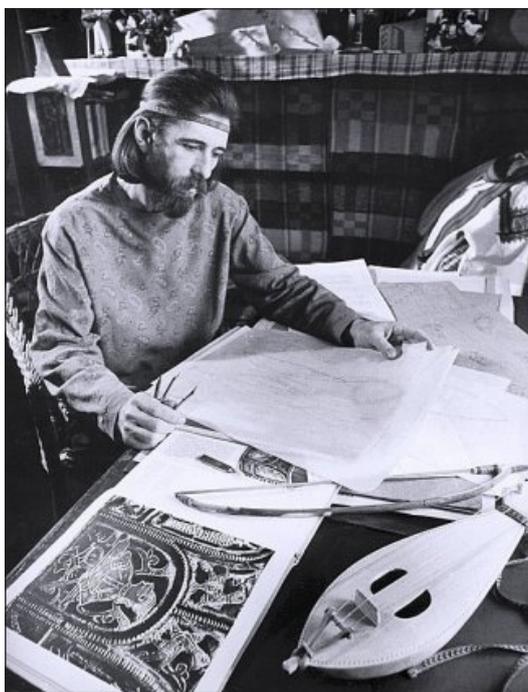
16.10.1986 г.

<...> В «Огоньке» № 39 сообщается, что вопрос о создании «Муз. центра» решён положительно. Однако это очередное недоразумение – «воз и ныне там». <...>

1987 год

10.03.1987 г.

<...> Я вот только сегодня – 9 марта, точнее, в ночь на 10 число несколько освободился от своих бумажек. Но завтра, наверное, вновь надо будет печатать, выискивать неточности и опять печатать. Настроение моё, как Ты знаешь, особенно хорошим не может быть, но стараюсь держаться. <...> У нас, кажется, зима на исходе. Скоро и Ты заколготишься с садом-огородом. Прошу Тебя,

Работа над статьёй. 1984 г.

не суетись чрезмерно. Здоровье ещё очень будет нужно. Береги себя. <...>

29.03.1987 г.

<...> В апреле, не знаю, какого числа, ожидается по телевидению фильм, снимавшийся осенью у меня дома. Фильм про мою «забастовку». <...>

21.05.1987 г.

<...> У меня много работы, с которой не управляюсь. А через несколько дней начнётся археологический сезон. Тогда будет ещё труднее. <...>

Наверное, и другие присланные тобой ткани будут ожидать твоих рук. Мне не до них. <...>

Возле дома стало красиво: выросла зелёная трава, которую никто не топчет. Кое-что посеял на грядках. Но ухаживать некогда. И посмотреть будет некогда.

Сейчас реставрирую и рисую грамоты, 2 шт., найденные ещё в 1956 году. <...>

11.07.1987 г.

Здравствуй, Мама!

Получил от Тебя горестные письма. Сожалею, что не имею возможности приехать, навестить Тебя. Скопилось много работы, которую я долгое время не выполнял; мне не советовали пока рисовать грамоты, так как от перенапряжения заболели глаза. Сейчас раскачиваюсь, кое-что нарисовал из находок нынешнего сезона.

Посылку постараюсь собрать Тебе в скором времени. Береги себя. Понимаешь, надеюсь, как нам стало трудно.

*До свидания – твой Влад
11 июля 1987 г.*

07.09.1987 г.

<...> У нас окончился сезон раскопок. Но у меня остаётся много работы. Часть этой работы необходимо сделать в ближайшее время. Потом я, может быть, смогу навестить тебя и на месте решим что делать.

У нас всё лето были дожди и холодно. Воды кругом – как в половодье весной. Сегодня тепло и солнечно. Осень на носу, а точнее, зима. <...>

19.10.1987 г.

<...> Извини за долгое молчание. Надеюсь, что смогу вскоре приехать. Однако у меня неуправка и по домашнему хозяйству, и по работе. Кое-что удалось сделать. Но меня давно ждут в Москве для приведения в порядок берестяных грамот, хранящихся с 1950-х годов в Гос. Историческом Музее. <...>

26.11.1987 г.

Здравствуй, Мама!

Я давно уже дома. Был в Ленинграде. А в Москву не ездил, так как в связи с ремонтом в Историческом Музее доступ к интересующим нас грамотам прекратился на неопределённый срок.

Минувшей осенью я плодотворно потрудился. Недавно отправил в Москву ещё три прориси «тяжёлых» грамот. В начале декабря придет Елена Александровна Рыбина, возможно с очередными поручениями. <...>

22.12.1987 г.

Здравствуй, Мама!

Давно посылал Тебе письмо, а от Тебя – никаких

вестей. Тревожусь: жива ли, здорова ли?

В Москву командировка моя отложилась на неопределённое время. Хватает работы и в Новгороде. Правда, предстоит поездка в Ленинград, примерно числа 10 января 1988 г. на несколько дней. <...>

1988 год

12.06.1988 г.

Здравствуй, Мама!

Долго ожидал от Тебя ответа. Наконец получил одно, а вскоре и другое Твои письма. Спасибо. А то уже чего только не передумал.

В конце мая в Новгороде проходили Дни славянской письменности. Я, как Ты знаешь, участвовал в конференции с докладом о музыкальной инструментальной культуре древнего Новгорода. В связи с музыкальными проблемами ко мне обращались многие из гостей, приехавших на праздник. Кое-кто скоро приедет вновь, в ближайшие дни разговоры и кое-какая работа продолжатся.

Вместе с тем с начала июня работает наша археологическая экспедиция. Из музыкальных находок прибавился колокол – деталь от гуслей XV века. Найдена и первая в этом сезоне берестяная грамота. Итого – 691-я. Так что я имею возможность прилагать усилия в разных направлениях. И грядки у меня надо полоть и поливать. И бельё давно замочено ... И на письма надо многим отвечать. И с гостями общаться. Тебе многие передают привет. Сергея Малюткина в мае не было. Но он присылал письмо.

Выкладывают стены «Муз. центра», но когда закончится строительство, сказать трудно.

Игру на гуслях записывали в этом году на радио и для кино. В связи с 1000-летием принятия христианства на Руси в Новгороде было много гостей, создалась ситуация, при которой я согласился прикоснуться к инструментам <...> Написал в этом году и несколько статей для журналов и сборников – все они о наших древних музыкальных инструментах. Из Финляндии прислали книги, в одной из которых опубликованы таблицы, нарисованные мною десять лет назад для статьи в «Новгородском сборнике...» – 1982 г.³⁰ – это очень приятно. Но грустно, что наши материалы пользуются все, кроме нас самих.

У нас было очень жарко. Сейчас прохладно, даже иногда холодновато.

Больно за то, что в вашем доме хулиганы ломают почтовые ящики, больно, что этим причиняют Тебе боль. К сожалению, не представляю, чем тут можно помочь. Подобное безобразие – на каждом шагу. Это и есть одно из наших страшных поражений.

*Крестись – Твой Влад.
Новгород, 12 июня 1988 г.*

28.09.1988 г.

<...> У меня собралось очень много работы. Минувший сезон раскопок был богат и берестяными грамотами, и музыкальными находками. И с теми, и с другими мне надо успевать заниматься.

«Музыкальный центр» строится медленно. Кое-какие необходимые работы по реконструкции инструментов делаю дома...

Недавно занимался ткачеством поясов с бранным узором. Для них нужны тонкие льняные нитки в сочетании с крашенными шерстяными – чаще красными, а также другими оттенками.

Тебя очень прошу, не нагромождай себя в дорогу вещами. Вещей на свете много, а здоровья у людей стало меньше. Не рискуй без повода, не причиняй мне этим боль.

Возможно, в феврале–марте у меня будет длительная командировка. Было бы хорошо, если бы ты, когда я уеду, жила в Новгороде. <...>

18.10.1988 г.

<...> Пишу письмо из Ленинграда. У меня сейчас период поездок сюда по разным делам. В Новгороде смогу быть лишь по субботам и воскресеньям. <...> ... если соберёшься в Новгород, то приезжай или в конечные дни недели, чтобы меня застать, или же во второй половине ноября, когда, как я надеюсь, разъезды мои закончатся. <...>

Я сейчас у Рошчиных³¹. Наташа и Борис шлют Тебе привет. Скоро пойду в Эрмитаж. Там – Нина (Григорьевна) Герасимова³². Она тоже всегда вспоминает Тебя. В Эрмитаже мне надо позаниматься в библиотеке, пока не истёк срок годности моего читательского билета. <...>

1989 год

24.01.1989 г.

<...> Письмо пишу из Ленинграда. Предстоят ещё поездки и в Ленинград, и в Москву. А в апреле и мае предстоит поездка в Германию. <...>

13.02.1989 г.

<...> Занимаюсь по большей части грамотами. Бываю в поездках. А визит в Германию планируется на середину апреля, если удастся на это время купить билет. Пробуду там, видимо, около полтора месяца или меньше. В остальном жизнь моя без изменений. <...>

21.03.1989 г.

<...> Часто в разъездах. Вот сейчас на несколько дней еду в Ленинград. А в начале апреля – в Москву, и оттуда до конца мая в ФРГ. Ничего, кажется, не успеваю. Годы летят. <...>

08.04.1989 г.

Здравствуй, Мама!

Нахожусь в Москве. Сегодня в 18:35 поездом отправляюсь в Германию – городок называется Штоках, это близ Франкфурта-на-Майне. Все бумаги оформлены и билет на руках. Возвращаться буду в конце мая, самое позднее – в начале июня, так как в Новгороде уже начнётся сезон археологических раскопок. В поездку беру с собой несколько музыкальных инструментов, рассказывать о которых буду в школах искусств и вообще там, где меня об

этом попросят.

Тебе ещё раз спасибо за заботу. Спасибо за полотенце-ко с кружевами; оно со мной.

Дома у меня я всё уладил. Там будут поливать цветы, ухаживать за грядками, изымать из почтового ящика почту.

Клянюсь тебе с самыми хорошими пожеланиями: будь здорова и спокойна.

8 апреля 1989 г. – Твой Влад. Москва.

11.04.1989 г.

Здравствуй, Мама!

Я благополучно добрался до города, называемого здесь

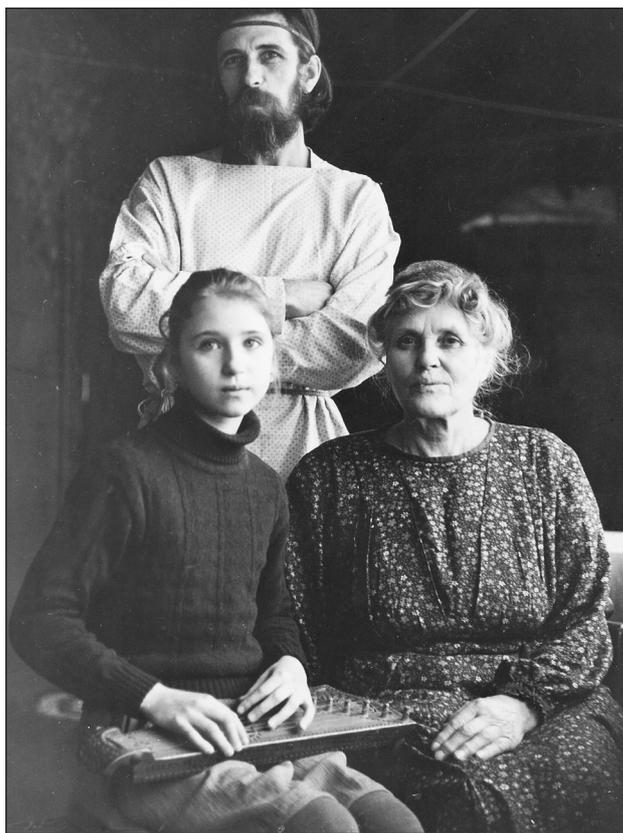
– Штоках и буду жить в одном из его посёлков. Но по пути сюда делал остановку во Фрайбурге, где в одной из школ показывал наши гусли и играл на них. Мне предстоит выступать в различных местах. Многие восхищены и сопелями, и гудком, и гуслиями. Всего я привёз сюда пять инструментов. Всё ещё впереди. А пока расскажу о первых впечатлениях.

Очень тепло. Земля цветёт и благоухает. На все голоса поют птицы. Большинство домов одно- или двухэтажные с прилегающими к ним хозяйственными участками. Почти у всех имеются автомобили. Ритм жизни весьма ускоренный, разнообразный: на дорогах, которые безукоризненно чистые и ровные, можно увидеть и элегантные автомобили, и велосипедиста, и двухэтажный автобус, и всадника на коне, и всевозможную сельскохозяйственную технику на колёсах. В ма-

газинах изобилие продуктов, необходимых для здоровой жизни. Недостатка, кажется, ни в чём нет. Все здесь трудятся чётко и добросовестно – отсюда высокий уровень благосостояния. Таков частный образ жизни, не допускающий того, чтобы люди ходили друг у друга на головах, как это придумали у нас в высотных домах. Земля здесь любима человеком, и потому она приносит сполна все свои плоды. Каждое дерево, каждая веточка, кажется, обласканы жителями этого очень красивого края. Взбирался сегодня на высоченный холм, поросший буком, соснами, елями и другими деревьями и с высокой кручи разглядывал посёлок с его множеством извилистых заасфальтированных дорожек, с его костёлом, который время от времени оглашает округу звоном колоколов. Земля, наверное, рада здешним обитателям. Дай, Бог.

Клянюсь тебе низко, так как знаю, что и твоим заботам наша истерзанная земля радуется. – Твой Владимир.

11 апреля 1989 г.
Германия. Штоках.

В.И. Поветкин с матерью и дочерью Дарьей

25.05.1989 г.

Здравствуй, Мама!

Скоро домой. Встречался в Германии с многими интересными людьми. Посетил музеи и библиотеки. Приобрёл кое-какие нужные для новгородского музыкального центра книги и материалы. Кое-что получил в подарок.

В Новгороде уже начался сезон археологических раскопок. Я приеду в самый разгар работ, когда сразу же, по видимому, займусь берестяными грамотами. Хотя и с музыкальными инструментами непочатый край забот. <...>

Фрайбург. 25 мая 1989 г.

02.06.1989 г.

Здравствуй, Мама!

Я благополучно вернулся из Германии. Пишу тебе из Москвы. Сегодня отправляюсь в Новгород. < ... >

В Новгороде начался археологический сезон. Предстоит много работы.

Впечатлений о Германии очень много. Встречался с самыми разными людьми. Был во многих городах и деревнях. Немцы восхищены нашими древними муз. инструментами, и особенно гуслиями.

Посылаю кое-какие копии из газет, где кратко рассказывается о характере моих выступлений, приводятся сведения из моей биографии. Одно из последних выступлений было в городе Билефельде. Я рассказывал о своей работе, истории музыкальных инструментов, знакомил с их звучанием. Это было в протестантском храме Матфея. После того, как отзвучали гусли, хозяин храма (настоятель) поблагодарил меня, сказав, что встреча и знакомство с древними музыкальными инструментами позволили ему по-новому взглянуть на значение музыки в истории людей.

«Знаменательно то, – сказал он, – что этот человек родился в Сталинграде в страшное, трагическое время, знаменательно и то, что теперь он выступает с прекрасной музыкой в Германии».

Вообще характерно то, что немцы до сих пор сохраняют в себе чувство вины за прошлую войну, они искренне мечтают о мире на земле. Они желают всем нам перемен к лучшему, лелеют эту свою надежду.

*Кланяюсь Тебе – Твой Влад.
2 июня 1989 г. Москва.*

04.08.1989 г.

<...> У меня сейчас много работы; середина сезона археологических раскопок. Да, в начале июня тоже получил от Тебя письмо. Спасибо. Сейчас ты пишешь о том, чтобы в октябре нам собраться в Новгороде. Конечно, я буду рад повидаться с Павлом Фёдоровичем³³ и вообще с родными. Будем надеяться, что Бог поможет нам. Все мы, к сожа-

лению, так разбросаны. Передавай от меня всем родным привет. Береги себя. Что-то надо придумывать с Твоим переездом в Новгород. Мне отсюда не выбраться. Работа держит. В октябре поговорим.

*До встречи – Твой Влад.
4 августа 1989 – Новгород.*

19.09.1989 г.

<...> У меня особых новостей нет. Сажу дома и занимаюсь подготовкой музыкальных материалов для публикации. Работа продвигается трудно, медленно. И потому письмо Тебе откладывал со дня на день. Вот, отставил в сторону печатание на машинке и пишу хотя бы короткое письмо.

Вот и осень. Дрозды облёвывают рябину. На моих грядках выросла морковка. А кабачки не уродились в этом году. Ко мне иногда в гости приходит Дарья. Она сочиняет музыку. Очень худенькая. <...>

24.10.1989 г.

*В.И. Поветкин в фольклорной экспедиции.
1990 гг. Фото В.И. Ярыша*

<...> У меня особых перемен нет. Занимаюсь потихоньку своими делами. Помещение для «Музык. центра» ещё не готово. <...>

12.12.1989 г.

<...> У меня особых новостей нет. Занимаюсь со статьями по музыкальным инструментам. А для меня – это дело медленное. Да иначе не поступишь. Вроде бы надо. <...>

1990 год

11.01.1990 г.

<...> Сейчас проходит период передачи в наше распоряжение помещения для музыкального центра³⁴. Приходится бегать по разным конторам и оформлять множество бумаг, портить нервы и, как всегда, терять попусту время. <...>

23.03.1990 г.

Здравствуй, Мама!

Вот и Весна пришла. По древнему календарю после 21 марта начинался Новый год. Начинались полевые работы. Наверное, и у Тебя началась пора активных хлопот в саду. Вот в такие дни Ты родилась. В такие дни начинается и Твой Новый год. Пусть он будет не хуже других. Пусть будут хлеб и тепло, и здоровье. Пусть всё будет хорошо. Посылаю это письмо к 27 марта 1990 г. – Твой Влад.

18.05.1990 г.

Здравствуй, Мама!

Всё, что ты посылала, я давно получил. Занавеску сразу же повесили на одно из окон в мастерской. <...>

У меня много хлопот. В мае был в командировке. Впервые летал на самолёте. Видел сверху прекрасный новгородский край. Встречался с людьми, которые в 20–30-х годах играли на гусях. Записал их рассказы и игру (я брал с собой свои гусли) на магнитофон, который в прошлом году я привёз из Германии.

В конце мая – начале июня в Новгороде состоятся мероприятия, посвящённые изучению и пропаганде народных культурных традиций. Среди них и конференция на международном уровне, в которой должен буду принимать участие и я; расскажу об археологических инструментах и музыкальном центре, о наших музыкальных заботах. Времени на подготовку доклада осталось очень мало. <...>

11.07.1990 г.

Здравствуй, Мама!

Я получил от Тебя все посылки и письма. К сожалению, собрать сейчас посылку для Тебя я не могу. Извини, пожалуйста. У меня срочная работа. Был в этнографических экспедициях, то есть ездил по некоторым районам Новгородской области, встречался с людьми старшего поколения, которые рассказывали о жизни 20–30-х годов и о том, на каких музыкальных инструментах они играли. Теперь все записи, сделанные на магнитофон, надо расшифровывать и приводить в порядок все экспедиционные материалы. Потом предстоит срочно делать некоторые музыкальные инструменты³⁵. Параллельно со всем этим, как ты знаешь, много хлопот относительно приведения в порядок помещения музыкального центра.

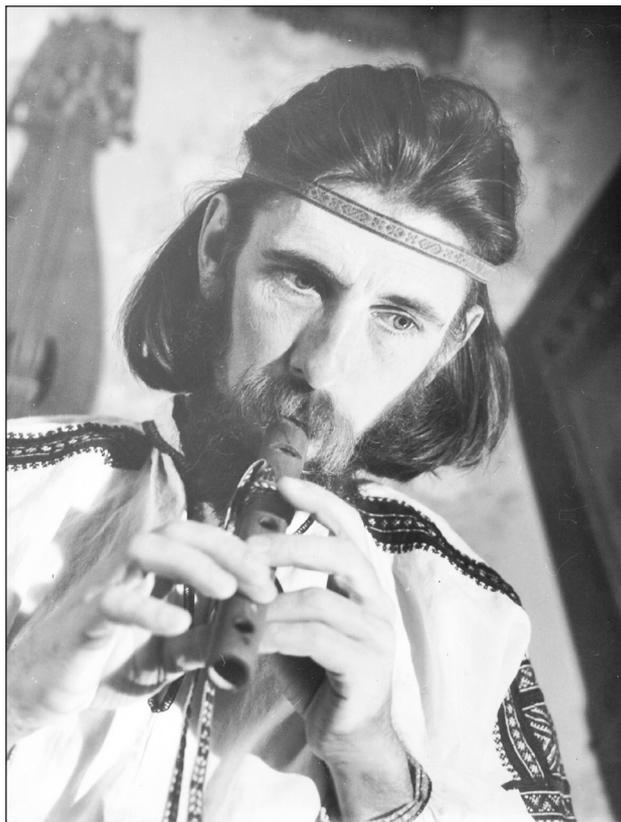
Как только появится у меня возможность, я соберу к отправке всё, что Ты просила.

Из прошедших событий, связанных с моей работой,

сообщу тебе, что доклад мой на II Европейской конференции ИОФ был воспринят хорошо. Это было 2 июня. А 29 мая в рамках Всероссийского фестиваля народной музыки «Садко» состоялся благотворительный концерт, средства от которого были перечислены на наш музыкальный центр. Отношение местных властей к идее создания музыкального центра постепенно становится более объективным и положительным. Есть, конечно, и те, которые злобствуют. Ну, не без них.

Не переживай, что я задерживаю Твою работу по изготовлению занавесок для «Центра». Времени ещё в запасе есть. Мы ещё не сделали в «Центре» главного. А занавески очень хороши, особенно с цветочками на коричневом поле.

Будь здорова – Твой Влад. 11 июня 1990 г. Новгород.

*Фото А.И. Овчинникова.
Середина 1980-х гг.*

21.10.1990 г.

Здравствуй, Мама!

Всё, что Ты посылаешь, я получаю. Не волнуйся, пожалуйста. И бумага, и картон, и картины, и одеяло, и дорожки, утюг, и самовар, и многое другое – всё здесь. Извини, пожалуйста, что не успеваю сразу написать ответ.

У меня особых изменений нет. Много пустой суеты, а до нормального дела руки не доходят. Завтра, т. е. 22 октября поеду в экспедицию по Новгородской области. Это будет моя третья инструментально-музыкальная экспедиция, задачей которой является в первую очередь выявление следов гусельной традиции. Люди твоего возраста и старше кое-что вспоминают из 1920–1930-х годов, когда их отцы и деды звонили на гусях.

Вот пока и всё.

Будь здорова –

Твой Влад.

21 октября 1990 г.

16.11.1990 г.

<...> Я возвратился из поездки в Новгородскую область. Получил опять кучу посылок от Тебя. <...> С 19 ноября я опять буду в экспедиции по районам Новгородского края. Это необходимая часть работы музыкального центра. Пока живы люди, способные рассказать о 1920-х годах, с ними надо встретиться и записать их воспоминания. Когда вернусь из экспедиции, сообщу тебе. <...>

07.12.1990 г.

<...> Недавно я вернулся из экспедиции по Новгородской области. Получил всё, что Ты прислала. Спасибо. <...>

Твои занавески очень украшают окна в мастерской. Многим они нравятся.

Сейчас обрабатываю материалы состоявшихся в этом году экспедиций. Это кропотливая работа. Уходит много сил и времени. <...>

1991 год

26.03.1991 г.

<...> В моей работе изменений особых нет. Почти полностью смастерил стол в крестьянской традиции, который найдёт со временем место экспозиции. <...>

30.06.1991 г.

<...> После твоего отъезда я был в нескольких экспедициях. Перестраиваем наше помещение музыкального центра. Параллельно проводим творческие встречи с гостями местными и приезжими. Ещё очень долго придётся заниматься с бумагами и прочими второстепенными делами. <...>

23.08.1991 г.

<...> Жизнь моя проходит примерно в известном Тебе русле. Много пустой суеты. Перестраиваем здание музыкального центра, точнее, его помещения. Кажется, запаслись необходимыми материалами для создания экспозиции. Всё очень дорого. Но потихоньку карабкаемся.

Лето пролетело, и скоро всем нам станет холодно и, похоже, голодно. Как-то надо пережить. Береги себя. И прости, если иногда опаздываю с письмом.

Твой Влад. 23 августа 1991 г. Новгород.

05.11.1991 г.

Здравствуй, Мама!

Долгожданное письмо от Тебя я получил. Спасибо. Похоже, что настало время грустных писем. Но будем держаться. О посылках не беспокойся. Постарайся себя беречь. А я тоже как-нибудь ...

Пишу, как видишь, на бланке музыкального центра. Постепенно ремонтируем здание и одновременно приходится проводить лекции-концерты для различных организаций в Новгороде или приезжих гостей. Мы являемся самостоятельной организацией. В археологической экспедиции я больше не числюсь, хотя и сотрудничаю. Возглавляю наш «Центр» и одновременно строгаю доски, выпрямляю гвозди и берегу ради дела всякую мелочь.

Надо бы нам почаще писать письма.

*Береги себя – Твой Влад.
5 ноября 1991 г.*

28.11.1991 г.

Здравствуй, Мама!

Спасибо за Твоё прекрасное письмо. Спасибо за Твою тревогу и заботу о музыкальном центре. И всё же

собранные тобой две тысячи рублей не присылай для центра. Нас эти деньги не выручат. А тебе они потребуются для жизни. Постарайся сберечь себя в это трудное время. Не расходуй силы на вещи второстепенные. <...>

Сегодня, кстати, юбилей Д.С. Лихачёва, которому когда-то мы с тобой готовили печатные пряники. Ему нынче 85.

1992 год

05.02.1992 г.

<...> Работаю в «Центре» изо всех сил. Вот сейчас в Зале сняли гипсовый потолок. Будем делать заново в соответствии с программой «Центра».

Сделал тут как-то пояс с браным узором. И вспоминал спряденные Тобой шерстяные нитки и их прекрасный цвет, которого Ты умела добиться, добавляя то ли луковые шкурки, то ли кору яблони. Жаль, что у меня сейчас таких прекрасных ниток не имеется. Может быть, при случае Ты что-нибудь придумаешь?

В моей бороде прибавилось серебра, и я становлюсь парнем что надо. <...>

09.11.1992 г.

<...> Я всё время на работе, хотя и сажу бывает дома за печатной машинкой.

12 ноября буду читать доклад на конференции. А к январю надо готовить следующий. У меня всё это получается очень медленно, с переделками. Но другим этого не поручишь. В итоге и работы по устройству экспозиционного зала в «Центре» тоже очень затягиваются. Вообще хлопот хватает. <...>

Лекция В.И. Поветкина. Фото В. Ищенко. 1993 г.

11.11.1992 г.

Работы – непечатый край. Завтра, видимо, буду читать доклад. Но сейчас уже готовлюсь к январской конференции. Меня приглашают на фестивали в разные концы России, но от всего такого приходится отказываться ради создания в Новгороде Центра музыкальных древностей. <...>

1993 год

16.02.1993 г.

<...> В апреле предстоит поездка в Германию.

А осенью – в Норвегию, где буду читать курс лекций для студентов школы музыкальных мастеров. Нашей работой интересуется всё большее число людей – историков и музыковедов из разных стран. Мне никуда не хочется уезжать, хотя бы и ненадолго, но приходится откладывать все здешние заботы и ехать: может быть, удастся за счёт деловых контактов как-то подкрепить в финансовом отношении наш «Центр». В общем, суеты хватает. 5 марта надо будет выступать в Вильнюсе (Литва)³⁶. А ещё раньше придётся выдержать день моего пятидесятилетия. Поздравлять не с чем; вся работа впереди.

Ну, будем дальше жить. <...>

22.03.1993 г.

<...> Лидия Михайловна Почтовская³⁷ недавно послала Тебе письмо, в котором рассказала кое-что о моём 50-летию. Вспоминали Тебя и подымали тост за Твоё здоровье. Гостей было много – человек 70. Были и представители новгородской власти.

В «Центре» сейчас ведутся штукатурные и побелочные работы. Я едва успеваю строгать и монтировать деревянные конструкции. <...>

10.05.1993 г.

Здравствуй, Мама!

Сегодня уже 10 мая. С опозданием, но всё же поздравляю Тебя с Днём Победы.

В 1965 году на флоте я надевал медаль, посвящённую 20-летию Победы. Вчера я второй раз был с медалью, той самой. Прикрепил её к традиционной рубашке, которую Ты мне сшила, прикрепил в знак памяти о тех, кто защищал нашу землю и Отчизну.

Предполагалось, что в апреле я поеду в Германию. Сам я не ездил. Но очень рад, что там побывал и уже вернулся Сергей Кузьмичёв³⁸.

У меня непочатый край работы. Помощников, понимающих идею Центра музыкальных древностей, очень мало. Даже на сотрудников не всегда можно положиться. Бывает как-то одиноко. Наверное, в жизни надо всего повидать, всё прочувствовать и пережить спокойно. Я же бурно переживаю всё до мелочей.

Посадил кое-что на грядках возле дома. Весна нынче красивая: и солнце, и дождик.

Как Твои дела? Постарайся написать, не откладывая в долгий ящик.

Пусть всё будет хорошо.

Новгород, 10 мая 1993 г. – Твой Влад.

22.11.1993 г.

<...> Две недели я занимался со студентами в музыкальной Академии в Моссе. Посылаю лист из газеты «Провинциал»³⁹, где Ты прочитаешь о моей поездке подробнее.

В «Центре» всё идёт своим обычным чередом. Давно не строгал досок. Вот сейчас приступил. Жизни, кажется, не хватит. <...>

1994 год

09.02.1994 г.

<...> У нас прошла археологическая конференция, на которой я прочитал доклад о музыкальных древностях, обнаруженных в сезон раскопок 1993 г.

26 января, в день начала конференции, к нам в «Центр»

нагрянул посадник Новгорода (так по-древнему именуется глава администрации города) и подарил телевизор. В тот же день были гости из Швеции и Германии – представители городов Ганзейского союза, и им наша администрация представила программу Центра на соискание международной премии. Всё это факты неожиданные и, кажется, говорят о признании Центра. Ну, что будет – время покажет. А пока что я строгою доски, брусья, доски, доски, доски – и конца им края нет. <...>

22.09.1994 г.

<...> Вскоре после Твоего отъезда из Новгорода мы ездили в Крестцы. Это там находится знаменитая фабрика «Крестецкая строчка». В 1978 году Ты делала небольшой кусочек ткани с продёргиванием нитей, он у меня дома висит над кроватью. Так вот, узор на нём характерный для крестецкой строчки. Мы были и выступали на этой фабрике. А перед поездкой туда я написал записку⁴⁰, копию которой я посылаю Тебе. В ней и твоё имя упомянуто. <...>

1995 год

11.01.1995 г.

<...> Материал, присланный Тобой, ситец и прочее, частично израсходовал девочкам на сарафаны. У нас несколько групп маленьких девочек и мальчиков, которым на занятия надо приходиться в традиционной одежде. Недавно они впервые в своей жизни пели рождественские колядки. А 15-го января для них и их родителей в «Центре» запланирована лекция-концерт о древних новгородских музыкальных инструментах. <...>

27.01.1995 г.

<...> Спасибо за заботу и за доброе слово. Правда, Ты кое-что лишнее присылаешь. И деньги тоже. В работе нашего «Центра» они сейчас роли не сыграют. А мне лично достаточно того, что я получаю ежемесячно. Мои потребности также малы, как и Твои. Вокруг немало людей бедствующих. И я, как могу, стараюсь их поддержать. Но я уже не раз убедился в том, что давать кому-либо деньги, то есть дарить – дело очень непростое.

Горжусь Тобой и восхищаюсь. Но и тревожусь: Ты, кажется, крайне мало оставляешь себе. Тревожусь до боли. <...>

21.03.1995 г.

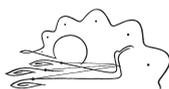
<...> У меня работы не убавилось. В последнее время приходится больше заниматься с бумагами: то научные статьи, то газетные публикации – всё надо. Иногда читаю лекции по музыкальной культуре. Строгать надо, но не успеваю. На реконструкторскую работу, непосредственно связанную с инструментами, времени и вовсе не остаётся. Хотя в минувший сезон раскопок состоялись необыкновенные открытия. <...>

Завтра 22 марта. В «Центре» соберутся ребяташки. Со свистульками, с песнями, подбрасывая печёных жаворонков, пойдём на взгорок закликать Весну. Нечто такое Ты видела у нас в прошлом году.

В эти дни выпадает снежок. Но быстро тает. Вот и ещё год минул. <...>

21.04.1995 г.

<...> По своей работе я почти ничего не успеваю.

С осени сижу за печатной машинкой, и конца-края не видно... А надо срочно заниматься с брёвнами и досками. Вот-вот начнётся новый сезон раскопок. Иногда проводим в «Центре» лекции-концерты. Кстати, 17 мая буду читать доклад на конференции, посвящённой Дням славянской письменности и культуры. У нас в «Центре» соберутся многие учёные. Ожидается и Д.С. Лихачёв. А как будет – увидим.

Дни летят. И годы. Отзывайся почаще. И береги себя. <...>

12.07.1995 г.

<...> Конференция, про которую я Тебе писал, состоялась. Был у нас в «Центре» Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Сказал, что ему понравилось⁴¹, и обещал летом ещё приехать. Ему в этом году исполняется 90 лет. <...>

13.09.1995 г.

Здравствуй, Мама!

Спасибо за письма, присланные Тобой в это лето. Мы редко подаём о себе вести. Знаю, что Ты всё время переживаешь за меня: здоров ли? всё ли ладится по работе?

Я всё время помню о Тебе. О себе думаю как о блудном сыне. Но исправить прожитое невозможно. Каждый новый день приносит новые хлопоты, и всякую мелочь надо решать неотложно. Дело, которому надо отдавать много сил, в действительности еле движется. <...>

Мне в ближайшее время надо подготовить ответственные научные статьи. Из-за них в «Центре» ничего почти не делается.

Из мужиков я, считай, остался в «Центре» один. <...>

Иногда меня навещать стала Дарья⁴². Учится в музыкальном училище. Худенькая и высокая.

Посылаю лист с оттиском фотографии, сделанной несколько лет назад. <...>

И Тебе кланяюсь с пожеланием доброго здоровья –

Твой Влад. 13 сентября 1995 г.

07.11.1995 г.

<...> Спасибо Тебе, дорогая, за заботу и любовь ко мне и к «Центру». Я веду переговоры с администрацией Новгорода и надеюсь, что программа наша будет поддерживаться лучше, чем это было до сих пор. Что касается наших сотрудников, то их отношение к «Центру» во многом диктуется степенью понимания основной нашей идеи, а также их личным или семейным материальным благополучием. Их можно понять: ведь не все, как мы с Тобой, способны видеть в создании «Центра» смысл жизни. <...>

1996 год

30.07.1996 г.

<...> Выставка работ Семёна Ивановича⁴³ открыта у нас с 8 мая. Было много посетителей. Пролито много слёз: у него много друзей было. А сегодня, пожалуй, прибавилось.

Сегодня приходил Сергей Борисович Мантейфель⁴⁴, поэт, который написал о Семёне Ивановиче много стихов. Он рассказал, что 27 июля 1996 г. ему приснился Семён Иванович, после чего он написал свои ощущения и переживания в стихах и подарил мне. <...>

На обороте этого листа – оттиск недавней статьи⁴⁵ про наш «Центр». <...>

29.10.1996 г.

Здравствуй, Мама!

Письмо Твоё давно получил. И каждый день собираюсь написать Тебе. Но вот и второе от Тебя письмо. Спасибо.

Было много разных событий, в которых я или один, или вместе с сотрудниками нашего «Центра» должен был участвовать. Например, в конце августа в Новгороде проходил VI международный конгресс славянской археологии. 27 числа я читал научный доклад. И в тот же день для участников Конгресса мы проводили лекцию о музыкальной культуре Древнего Новгорода. В сентябре были Дни памяти Александра Невского. У нас в «Центре» было человек двести – собирались специалисты по русскому кулачному бою. Была Конференция, и были удивительные пляски съехавшихся с разных концов России добрых молодцев – кулачников.

Наш «Центр» многим нравится. Много желающих услышать наши лекции – и детские сады, и школы, и гимназии, и специалисты математики, физики, истории и многие другие⁴⁶.

С неделю кружилась голова. Сейчас полегчало. Хлопот не початый край. Каждый день и каждую ночь думаю о Тебе и тревожусь. Береги себя. Мне из этого колеса не вырваться. Мне даже ночевать приходится здесь, в Центре, вместо сторожа.

Вместе с письмом Твоим получил и вот это⁴⁷, копию которого высылаю Тебе на память. Оставь его у себя – хочешь радуйся, хочешь – плачь. Конечно, этот орден – знак внимания ко мне. Но я знаю другое: «Центр» находится в бедственном положении. И, строго говоря, тут не орденами надо поправлять дело.

Но будем жить дальше. Прости своего ненормального сына. Я знаю, что должен плюнуть здесь на всё и хотя бы навещать Тебя. Увы. Я – сторож –

Твой Влад. Новгород. 29 октября 1996 г.

29.11.1996 г.

<...> 28 ноября Дмитрию Сергеевичу Лихачёву исполнилось 90 лет. Мы написали ему поздравительное письмо от всех соиздателей Центра музыкальных древностей, значит, и от Тебя.

Ровно месяц тому назад отправил Тебе письмо, в котором сообщал о награждении меня Орденом святого Константина Великого. Орден вручили 4 ноября в областной Администрации Новгорода. <...>

У меня здесь полно хлопот: я и директор, и сторож... Приглашают во все концы света, но мне от «Центра» – никуда. <...>

1997 год

21.03.1997 г.

Здравствуй, Мама!

От Тебя получил уже два письма. А сам вот только собрался с ответом. Прости.

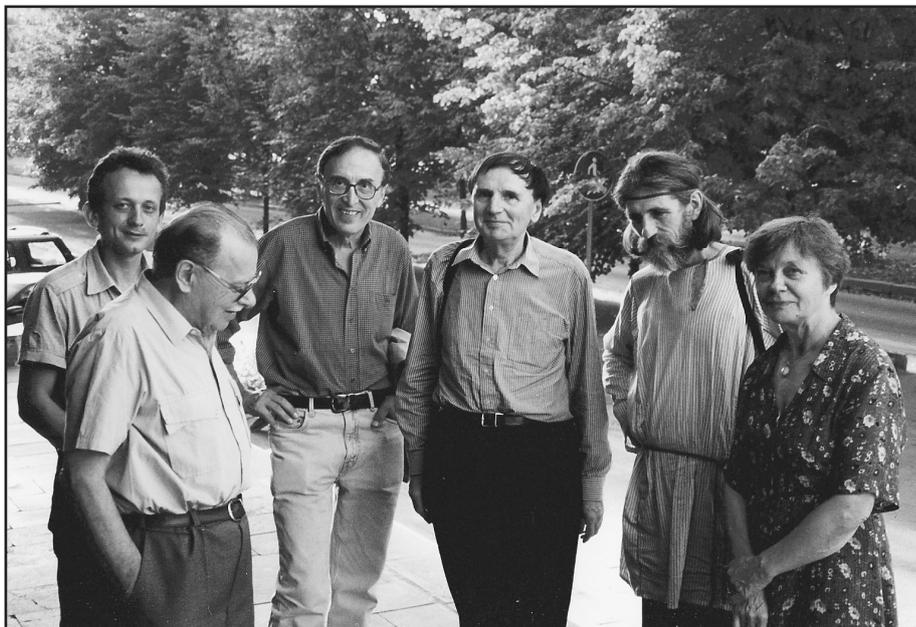
Прямо вот в эти дни у меня намечалась поездка в Тунис (Африка). Она отложена на середину апреля. От Ордена Константина Великого меня включили в представительную делегацию. Это будет Миссия Памяти в Бизерту. Бизерта – это город-порт в Средиземном море, где в 1924 году прекратил своё существование Российский Императорский флот – 33 корабля. Сейчас там на Русском

кладбище покоятся более 5 тысяч русских моряков. Там будет торжественно-траурная церемония, панихида в храме Александра Невского, на Русском кладбище, затем опускание венка на воду, где более четырёх лет на плаву жили русские моряки и где с кораблей были спущены Андреевские флаги, а корабли по решению французского правительства были пущены на слом.

Об этом факте мы только сейчас узнаём. Поскольку там предстоят встречи с русскими людьми, давно оказав-

Тебе письмо. И следующее – вот только собрался. Жив-здор. Там, что могли – сделали. Осветили четыре Андреевских флагов на все Российские флота, на могилы русских моряков я рассыпал горсть новгородской земли XIII века, то есть той земли, по которой ходил Александр Невский – великий князь новгородский. Рассказывал о музыкальной культуре древнего Новгорода, о гусях, играл на гусях в нескольких городах Туниса, правда, коротко. Гусли восхищают всех.

Слева направо: В.Л. Янин, А.А. Гиппиус, Ремо Факкани (Италия), А.А. Зализняк, В.И. Поветкин, Е.А. Рыбина. 1998 г.

Посылаю Тебе одну из фотографий, сделанных во время посещения Туниса. Это улочка в древнем городе Суссе, узкая, но по таким улочкам ездят на мотоциклах.

Жили мы в гостиницах на берегу Средиземного моря. На озеро Бизерту улетают на зимовку наши птицы, которых ежегодно 22 марта мы закликаем, чтобы они на крыльях своих принесли нам Весну.

Доброго Тебе здоровья.

Твой Владимир.

1997 мая, 15 дня.

Новгород.

Надпись на фотографии (В.И. Поветкин в г. Суссе, Тунис).

Узкие улочки характерны для городов Туниса. Волей судьбы я оказался

шимися за пределами России, то меня попросили взять с собой гусли и рассказать о наших музыкальных древностях.

В Центре музыкальных древностей, как всегда, непочатый край забот. Пока держись. Постарайся писать мне почаще.

Надеюсь, что письмо моё успеет прийти к Дню Твоего Рождения. Желаю Тебе доброго здоровья и успехов во всех Твоих делах. Береги себя и ради того красивого уголка, где Ты общаешься с Землёй, и ради того, чтобы Центр в Новгороде не разрушался, а только бы утверждался.

С Новым Годом^{48!} – Твой Влад.

Новгород, 21 марта 1997 г.

15.05.1997 г.

Здравствуй, Мама!

6 мая вернулся из Туниса в Новгород. И сразу же занялся подготовкой к открытию нового варианта выставки памяти Пустовойтова Семёна Ивановича; многое до моего отъезда в Тунис было сделано, но многое ещё требовалось успеть к 8 мая.

8 мая в 13:30 состоялось открытие выставки «Набат и благовест», было много друзей Семёна Ивановича, много воспоминаний о нём, почтили минутой молчания. <...>

В последующие дни – поток посетителей, занятия, лекции, суета по хозяйству.

Получил от Тебя письмо. Спасибо.

Перед вылетом из Санкт-Петербурга в Тунис написал

на одной из них.

В традиционном для арабов платке меня называли здесь: «Али-Баба». Восхищались моей рубахой и здоровались: «Салам алейкум!»

Тунис – 25 апреля – 5 мая 1997 г.

15.06.1997 г.

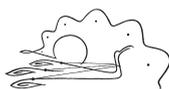
Здравствуй, Мама!

Сегодня Троица. Всегда в этот день вспоминаю моё детство в Тамбовской области, где на Троицу в каждом доме всё бывало усыпано чабуром, то есть чабрецом, или Богородичной травкой. Поэтому и здесь, в Центре, в зале, где мы создали новую выставку работ Семёна Ивановича, я украсил травами, цветами и берёзовыми ветками.

Посылаю заметку из газеты «Новгородские ведомости» за 10 июня 1997 г., в которой вот такое сообщение⁴⁹. Вчера, 14 июня мне по этому случаю вручили удостоверение и значок. Вчера был День города – многих награждали. Звание Почётный гражданин г. Новгорода присвоено Людмиле Ивановне Петровой, – с которой я в 1970-х годах создавал экспозицию Исторического отдела в Новгородском музее, – а также Дмитрию Михайловичу Балашову – известному писателю.

Я от награждения культурнее не стал, но ответственности прибавилось. Не всё так просто. <...> Но будем жить дальше.

Крепись. Не утруждайся чересчур – Твой Влад. 15 июня 1997 г. Великий Новгород.

07.07.1997 г.

<...> Сегодня ночью праздновали Ивана Купала –azole реки жгли костёр и пели обрядовые купальские песни. Человек 30 – все в традиционных одеждах. Вспоминаю, как в Тамбовской обл. в такой день обливали все друг друга водой. <...>

22.09.1997 г.

<...> Наконец-то собрался написать Тебе письмо, причём не из Новгорода, а из Москвы, где я оказался на один-два дня в командировке. Сегодня, то есть 22 сентября, в 15:30 надо будет участвовать в пресс-конференции в Центральном доме журналиста. Возможно, придётся кое-что показывать из наших древних музыкальных инструментов. <...>

Посылаю Тебе вид Новгорода, обещанную открытку, подписанную автором проекта реставрации церкви Филиппа Апостола и Николая Чудотворца.

Надпись на открытке:

Байбаковой Марии Фёдоровне – маме замечательного сына – от автора проекта реставрации этой новгородской церкви. 4 августа 1997 г. Кузьмина Нинель Николаевна.

14.11.1997 г.

Здравствуй, Мама!

Очень долго ожидал от Тебя вестей. Насилу дождался. Несколько дней назад получил от Тебя письмо. Спасибо.

У меня полно хлопот по Центру. Ремонтирую здание, помещения. Настилаю полы, перекладываю кое-где даже стены. Ведь нам досталось такое здание, в котором с самого начала всё-всё-всё надо переделывать и приспособлять к нашей программе.

Весь я в грязи, глине и пыли вынужден, бывает,

срочно мыться и с тяжёлыми, усталыми руками играть на гуслях и других инструментах, выступать с докладами перед публикой. А затем вновь мешать раствор для кладки стен, строгать, пилить, ремонтировать отопление, электропроводку, газовую плиту и многое другое. А главным делом заниматься некогда. И всё думаю: жива ли Ты, здорова ли? Дай Бог Тебе сил и долгих лет – может быть, и я тогда что-либо успею.

Пиши мне о Родных и о своём детстве.

Новгород Великий, 14 ноября 1997 г. Твой Влад.

13.12.1997 г.

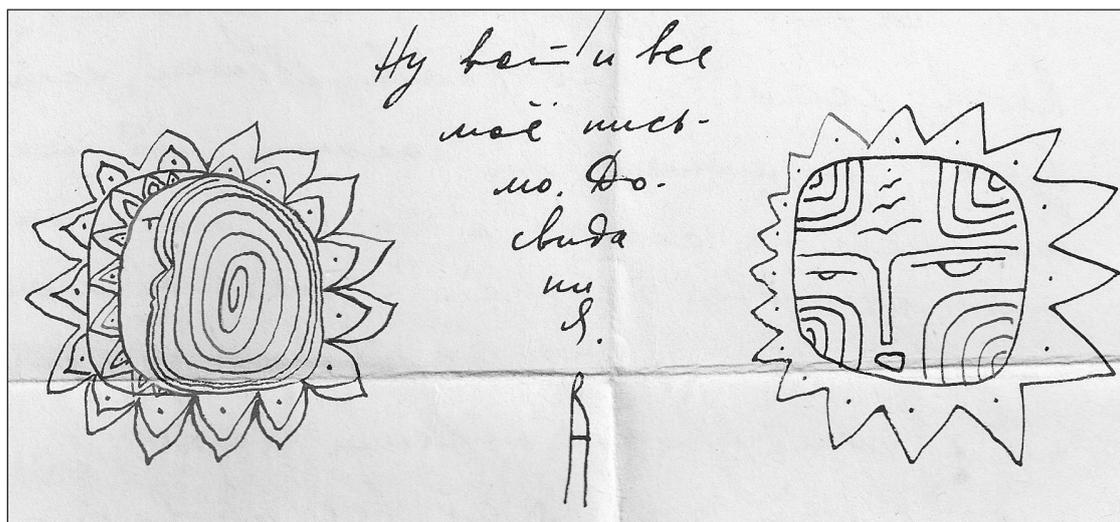
<...> 5 декабря я вновь неожиданно всего лишь на один день был в Москве. От Ордена Константина Великого был приглашён на открытие Византийского клуба. По возвращении стараюсь поспеть в бесчисленных, во многом суетных делах. Занимаюсь ремонтом здания, читаю лекции, участвую в различных городских событиях. <...>

Одну разрушавшуюся стенку в Центре я укрепил так, что она превратилась в некое произведение искусства, в городок с населяющими его игрушками и небольшими фигурками воинов, музыкантов, мужиков и баб, медведей, калик перехожих... Вчера даже по новгородскому телевидению показывали. <...>

Береги себя. Сейчас скользко на дорогах. Будь аккуратна.

С наступающим Новым 1998 годом! Годы превращаются в минуты. Но надо успевать всё же ощущать их прелесть. Ты очень точно сказала, что мы сами всё построили, чтобы без конца быть в работе, и через работу получать интерес и радость жизни. Спасибо Тебе. <...>

(Нашему городу возвращается древнее его название – Новгород Великий в отличие от Нижнего Новгорода и других).

Публикацию подготовили Н.Н. Попова и Л.В. Федина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зимой 1969–1970 гг. В.И. Поветкин жил у друзей в Юрьевом монастыре.

² Все письма и посылки были «до востребования» до 1971 года. Марии Фёдоровне дали квартиру в 1971 году, а у Владимира Ивановича собственное жильё появилось в мае 1977 года.

³ По месту прописки В.И. Поветкин не жил.

⁴ По заказу Новгородского музея-заповедника.

⁵ Все копии с миниатюр В.И. Поветкин делал по заказу Новгородского музея-заповедника.

⁶ Деревянные ложки, сделанные В.И. Поветкиным.

⁷ Вероятно, это первый раз, когда его попросили освободить Воротную башню, и он начинает отсылать вещи домой в Курск.

⁸ Речь об этом договоре идёт в письме от 07.04.1972 г.

⁹ Витражи для гостиницы «Волхов».

¹⁰ Из Парижа.

¹¹ В 1970-е годы В.И. Поветкину и его другу В.Ф. Гребенникову со стороны властных структур в городе были созданы невыносимые условия для жизни и работы. Несколько раз его просили освободить Воротную башню. Поэтому в очередной раз он отсылал вещи в Курск.

¹² В.И. Поветкина, уволенного в январе 1972 года из Новгородских художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР, нигде не брали на работу. После того, как руководитель археологической экспедиции, профессор МГУ В.Л. Янин устроил В.И. Поветкина работать сторожем на археологической базе, жизнь В.И. Поветкина во многом изменилась. Это помогло Владимиру Ивановичу и морально, и материально. Но, прежде всего, это избавило его от ярлыка «тунеядца».

¹³ Новгородский государственный объединённый музей-заповедник.

¹⁴ Одна из сложнейших деревянных скульптур – «Праматерь напевов».

¹⁵ М.Н. Кислов – Заведующий лабораторией (1953–1983 гг.) исторического факультета МГУ. Занимался реставрацией берестяных грамот до 1978 года.

¹⁶ Е.А. Рыбина – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Исторического факультета МГУ. Участвует в работе Новгородской археологической экспедиции с 1962 года.

¹⁷ При реконструкции деревянных предметов В.И. Поветкин светлым оставил то, что дополнял к оригиналу. Музейные работники просили светлое, новое дерево затонировать под оригинал, но Владимир Иванович не согласился. В дальнейшем В.Л. Янин поддержал его методику реставрации.

¹⁸ Когда В.И. Поветкин познакомился со студентами и преподавателями новгородского музыкального училища, он познакомился и с концертными усовершенствованными гусями. На их основе он сделал два прекрасных в звучании и художественном отношении инструмента.

¹⁹ Названия музыкальных произведений В.И. Поветкина.

²⁰ В этом музыкальном инструменте В.И. Поветкин соединил вместе концертные гусли и балалайку.

²¹ Газета «Неделя» № 15, 11–17 апр. 1977, статья «Корабль Садко» – на вопрос инженера И. Красикова (Иркутск) отвечает член-корреспондент АН СССР, руководитель Новгородской археологической экспедиции В. Янин: «...Вместе с новгородским археологами работает местный художник-реставратор В. Поветкин – человек необычайного таланта и выдумки. В его руках всевозможная утварь, предметы быта, детали зданий, столетиями пролежавшие в земле, вновь оживают, приобретают свой первоначальный вид».

²² Е.А. Татевосян – друг В.И. Поветкина из Армении. Подарил ему армянский народный духовой музыкальный инструмент – дудук.

²³ И.В. Кузнецова – выпускница Новгородского областного музыкального училища по классу домры, одна из активных участниц

небольшого инструментального ансамбля, собиравшегося в мастерской В.И. Поветкина в 1976 году.

²⁴ Д.В. Покровский (1944–1996) – советский музыкант, артист, педагог, исследователь русского фольклора, лауреат Государственной премии СССР (1988). В 1973 году он создал экспериментальный ансамбль народной музыки при Фольклорной комиссии Союза композиторов СССР. Впоследствии ансамбль известен как «Ансамбль Дмитрия Покровского».

²⁵ Фонограммархив Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом).

²⁶ Статья кандидата искусствоведения С.В. Фролова «Для Пушкинского Дома».

²⁷ Программа 1-го концерта «Ранние формы русской музыки» второго абонемента «Традиции древнерусской музыкальной культуры», 13 ноября 1981 года.

²⁸ Заметка «Звучат гусли» из газеты «Советская Россия» за 4 сентября 1983 г. с фотографией В.И. Поветкина в его квартире на ул. Нутной и подписью: «Владимир Поветкин – сотрудник археологической экспедиции истфака МГУ, живёт и работает в Новгороде. Он реставрирует музыкальные инструменты, остатки которых находят археологи. И в его руках вновь звучат гусли, в чью волшебную силу верили наши предки...» (Фото Э. Жигайлова)

²⁹ Статья Л.М. Хановой «Гусли, дошедшие сквозь века» из газеты «Новгородская правда» за 13 сентября 1984 г.

³⁰ Статья В.И. Поветкина «Новгородские гусли и гудки: Опыт комплексного исследования» в сборнике «Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода» (Москва, 1982).

³¹ Писатель Рошин Борис Алексеевич (Наталья – его жена). В своей книге «Встречи» (1985) в очерке «Гусли – мысли мои...» он рассказывает о В.И. Поветкине. Здесь же он публикует часто цитируемый теперь отзыв академика Д.С. Лихачёва о работе В.И. Поветкина (приводим отзыв в сокращении):

«На Западе, да и до недавнего времени в Советском Союзе, представления о культуре Древней Руси были как о культуре "молчаливой". Один американский специалист по культуре и литературе Древней Руси так прямо и пишет о ней, как о "культуре великого молчания". Признавались и признаются в ней только "немые" искусства – живопись (иконопись, фрески, мозаика, миниатюры) и архитектура. <...> О наличии обильной, богатой инструментальной музыки мы даже не догадывались до сих пор. Существование в Древней Руси инструментальной музыки, открытой работами В.И. Поветкина, принципиально важно, так как инструментальная музыка могла быть только светской.»

В чём суть открытия В.И. Поветкина? На миниатюрах, фресках (в частности, в Мелетове Псковской области) изображались инструменты (гусли, гудки и пр.), упоминались инструменты и в различного рода документах и литературных произведениях. Однако все предполагали, что звучание этих инструментов было довольно бедным, примитивным. <...> В.И. Поветкин предложил, сохраняя максимально бережно все археологические находки и ни в коем случае не производя на них опыта реконструкций <...> реконструировать на основе всех данных и из нового дерева <...> звучащие инструменты. Благодаря поразительной музыкальной интуиции это ему в полной мере удалось. <...>

В.И. Поветкин – это не просто поразительно одарённый реставратор музыкальных инструментов, это своего рода явление.

В человеческом существе многое не разгадано, многое ещё требует изучения. В.И. Поветкин обладает прямо-таки чудодейственной интуицией. Напомню, что на интуиции стоит человеческая культура – на ней строятся все искусства, в

значительной мере науки (особенно такая, как математика), практическая деятельность и пр. Если кто-нибудь из музыкантов, воспитанных на современных музыкальных знаниях, будет сомневаться в правильности догадок В.И. Поветкина в области древнерусской музыки, то сомневаться в творческом таланте В.И. Поветкина нет никаких оснований: слушать его – значит проникать в особый мир – мир, близкий Древней Руси и народному творчеству.

Было бы чрезвычайно важно (в Новгороде ли, или в другом крупном городе <...>) устроить небольшой музей или раздел в музее <...> где посетители могли бы увидеть консервированные остатки инструментов, снимки с древних изображений инструментов и где можно было бы прослушать <...> игру на этих инструментах В.И. Поветкина. <...>

А в Новгороде необходимо во что бы то ни стало создать для В.И. Поветкина все необходимые условия для его работы по реконструкции музыкальных инструментов и опытов игры на них.

Придёт время, и хотя бы многие в Новгороде или нет сейчас, но работой В.И. Поветкина, его музыкальными композициями, Новгород будет гордиться. Пусть же ни нам, ни новгородцам не будет стыдно перед нашими потомками.

Академик Лихачёв

³² Н.Г. Герасимова – заведующая лабораторией химических исследований Государственного Эрмитажа (с 1967 г.).

³³ П.Ф. Байбаков – младший брат матери В.И. Поветкина.

³⁴ Здание будущего Центра музыкальных древностей.

³⁵ Для деревенских жителей Новгородской области, помнивших игру на гусях, В.И. Поветкин в 1990-м году сделал и подарил действующие гусли. Чтобы эти музыкальные инструменты не приняли за этнографические, В.И. Поветкин сделал на них надпись – древнерусское буквенное обозначение года.

³⁶ Об этой поездке была написана статья Н.Н. Поповой «Гусли, канклес и Казюкас» и опубликована в газете «Провинциал» № 11 (74) от 24–30 марта 1994 г.

³⁷ Л.М. Почтовская – в середине 1980-х годов заведующая Комитетом культуры г. Новгорода – поддерживала идею В.И. Поветкина о необходимости создания Центра древних музыкальных инструментов. С 1990 по 1994 г. – заведующая библиотекой Центра музыкальных древностей. Начинала формирование

библиотеки Центра, участвовала в решении многих организационных вопросов, принимала участие в деятельности хора Центра музыкальных древностей.

³⁸ С.Г. Кузьмичёв – в 1980-х годах участвовал в создании организации «Центр музыкальных древностей», заместитель директора Центра (1990–1996 гг.). Многие работы по переустройству здания Центра музыкальных древностей в соответствии с программой Центра были начаты В.И. Поветкиным совместно с С.Г. Кузьмичёвым.

³⁹ Статья В.И. Поветкина «Благородная Хардингфеле и топором тёсанные гусли. (На международном семинаре музыкальных мастеров в Норвегии)» в еженедельной газете Северо-Запада России «Провинциал» № 46, ноябрь 1993 г.

⁴⁰ Статья В.И. Поветкина «Заиграйте, гусли-мысли!» в газете «Крестцы» от 13 апреля 1994 г.

⁴¹ Отзыв академика Д.С. Лихачёва в Гостевой книге Центра музыкальных древностей: «Замечательная школа В.И. Поветкина сыграл и будет играть в нужное время нужное большое значение в восстановлении русской духовности. Спасибо от всех русских людей. Д.С. Лихачёв. 16/V/1995 г. Новгород Великий».

⁴² Дарья – дочь В.И. Поветкина.

⁴³ Первая выставка памяти Почётного гражданина Великого Новгорода, художника С.И. Пустовойтова «Огонь воспоминаний».

⁴⁴ С.Б. Мантейфель – поэт, реставратор, художник, друг С.И. Пустовойтова.

⁴⁵ Статья В.С. Трояновского «Дыханье старины новгородской» из газеты «Гудок» от 06.07.1996 г.

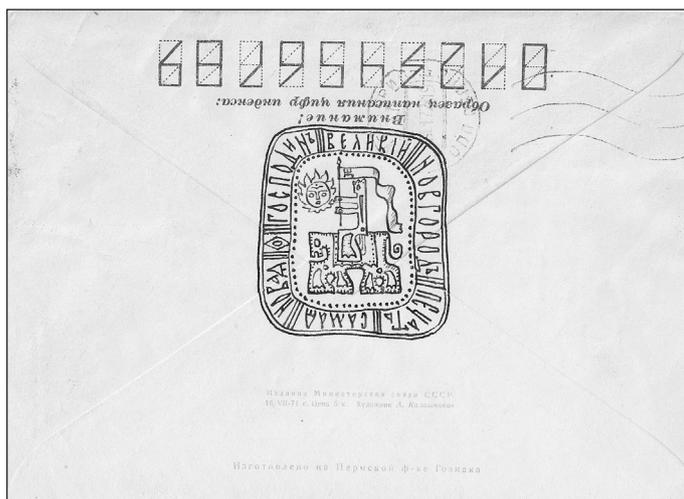
⁴⁶ С отзывами посетителей о работе В.И. Поветкина, а с 1991 года и Центра музыкальных древностей, можно ознакомиться в Гостевой книге, которая ведётся с 1984 года.

⁴⁷ Письмо председателя Исполнительного совета Российского отделения Международного Ордена (Союза) св. Константина Великого – писателя С.М. Власова о решении Коллегии представить к награждению орденом св. Константина Великого В.И. Поветкина.

⁴⁸ «С Новым (личным) Годом!» – так В.И. Поветкин поздравлял всех с днём рождения.

⁴⁹ Заметка о присвоении В.И. Поветкину звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Автор примечаний Н.Н. Попова

Н.Н. Попова

«ПОЛЮБИЛ ВАС С ПЕРВОГО ВАШЕГО СЛОВА»

История одного письма

В феврале 1999 года Владимиру Ивановичу пришло очень хорошее письмо от незнакомой молодой женщины, архитектора из Курска. Она занималась исследованием курских усадеб и изучала в то время усадьбу Нелидовых, расположенную в Мокве, близ Курска. Ей рассказали о В.И. Поветкине, который в годы обучения в курском художественно-графическом училище часто рисовал тогда ещё не взорванную Спасскую церковь. Вот что об этом он пишет 4 марта 1999 года в письме к матери:

«Из Курска получил замечательную книгу «Усадьбы Курской губернии». Её написала и сопроводила множеством фотографий одарённая исследовательница, архитектор, молодая женщина – Елена Васильевна Холодова¹. Подарив её мне, она интересуется той Спасской церковью, которую взорвали в Мокве в 1969 году. Она хочет составить архитектурный план этой церкви и спрашивает, не осталось ли у меня с той поры рисунков. Рисунков нет, раздарил. Но у меня с ней должна состояться встреча и обсуждение этого вопроса. Ирония судьбы в том, что из обломка этого храма, из купольной изогнутой стропилы в 1983 году я сделал гусли. Они сейчас на выставке «Поющее дерево»². Ирония судьбы и в том, что незадолго до взрыва рядом с Моквой в хуторе Зубковском родилась девочка, которая став архитектором, через тридцать лет напишет в Новгород письмо с очень неточным адресом, и оно всё же дойдёт до меня. Когда Ты ходила все эти годы в сад, то могла с нею встречаться. Но теперь, возможно, вы познакомитесь. Я написал ей, что мог. И вот теперь и она ждёт мой фотопортрет для книги-энциклопедии «Курский край».

Владимир Иванович был восхищён работой Елены Васильевны и говорил, что, прочитав

Е.В. Холодова. 2001 г.

присланное письмо – сразу влюбился в неё. В ответ он ей послал замечательное, как он говорил, «любовное письмо». В дальнейшем, когда мы побывали в Курске, и Владимир Иванович с ней познакомился, их дружеские отношения ещё больше укрепились.

«Здравствуйте, Елена Васильевна!

Полюбил Вас с первого Вашего слова.

Горжусь, восхищаюсь и благодарю судьбу, которая подарила мне счастье получить Ваше замечательное послание и быть отныне знакомым с Вами, помнить и тревожиться о Вас как о родственной душе.

Чуть было не отправил Вам альбом о Великом Новгороде. Но в дни январской археологической конференции, встретившись с академиком В.Л. Яниным, показал ему Вашу работу³, после чего он с удовольствием в упомянутом альбоме сделал для Вас

родственную надпись. И теперь с чувством исполненного долга посылаю его Вам. Одновременно приглашаю Вас и Ваших друзей в гости – Новгород стоит того, чтобы каждый русский человек ощутил его как колыбель нашей большой родной истории.

На Ваш вопрос о Спасской церкви в Мокве, к сожалению, не могу ответить с пользой для начатого Вами дела. И это при всём том, что мне немало довелось увидеть, прочувствовать в краю, в котором Вы родились, а для меня он стал знаменующим к удивительным открытиям и началам. Если Вы и почерпнёте нечто из моего рассказа, то разве что для романтического послесловия к Вашему трудному исследованию.

О себе. Моя мама – Байбакова Мария Фёдоровна – придумала родить меня в 1943 феврале под Сталинградом. Вот где моя родина по материнской линии. Курская земля – это отчизна или родина по отцу, с которым из-за его винопития мама в Судже разошлась, хотя и

любила его. Мне было года четыре – запомнил его смеющимся. Родив меня, да и прежде, мама в полном смысле скиталась; война разбросала её братьев и сестёр, они нашлись через 19 лет. Её шея была моим первым жилищем; я писался, просыпался и видел всё новые незнакомые местности, дороги, ночь и утро, грязь и туманы нашей Южной России – вплоть до Краснодара.

Курск знаем как жители самых разных его концов, улиц и переулков, начиная от 2-й Цветовской в Рышкове до Тускарной возле Кировского моста, даже в знаменитой «шестёрке» на Красной площади обитали – в 1949 г. Знание это особенное, так как долгое хождение по квартирам – почти то же, что хождение по мукам. В 1961 году вышел идиотский указ о том, что квартиранты, платившие хозяевам в течение года, обретают право дальше проживать не платя. Преследовалась гуманная цель сближения людей. Преследовалась (!) Мы тут же очутились за порогом.

Даже по нынешним временам не всякий поверит в то, что для нас тогда оказался раем прохудившийся фургон от полуторки на садовом участке – совсем близко от Моквы, о которой, кроме её названия, я ещё ничего не знал. Каким-то чудом мама очень дёшево купила этот участок у семьи военных, кажется, уезжавших. Сейчас это место под глубокой тенью садов. А тогда было поле на огромной горбушке земли с былинками – саженцами яблонь, груш, вишен... Птички на них свивали гнёздышки явно на показ человеку, не боясь его, участвуя в общей миссии благоустройства. Помню, спустя три года приехал в отпуск с Северного флота. Мы с мамой прямо из дров, торопясь, начали строить домик. И одна птичка, подсаживаясь поближе, то и дело выговаривала: «Быстрее – быстрее – быстрее...» Чем и в самом деле прибавляла нам сил и задора. Но вернусь к началу. Наше жилище, фургон, открытое всем ветрам, снегам и ласковому солнышку, хорошо виделось с дороги, ведущей из Моквы в город.

Дорога дорога. Для многих. И для мамы моей, которая поныне связывает с ней свою судьбу. И для меня, добравшегося по ней в художественно-графическое училище, а позднее – в редакцию «Молодой Гвардии». И для Вас, спешившей по этой дороге в школу. Нынче она – в лоске асфальта значительно укоротилась. Но была – как Владимирка! С бесчисленными тропинками, кружовно в неё вплетавшимися и невероятно разбухавшими при дожде, она тянулась и тянулась – до трамвайного поворота на ул. Энгельса, и за отсутствием позднее выросших по бокам её домов, посёлков, она казалась нескончаемой – горе путнику, если его настигало ненастье.

Учился в училище плохо. Как только преподаватели

терпели! Старался лишь в одном: хотел быть художником. Дожил до осознания, что подлинный художник – это дворник, терпеливо убирающий мусор и стремящийся уберечь лицо Матери-Земли в красоте. А в те дни искал готовые интересные глазу сюжеты. Время от времени, копируя других, воображал себя «оригиналом», «гением». Но поскольку был обыкновенным шалопаем, то не жалел времени на дурашливость, на игры в мяч и во что угодно, забирался на деревья, более походя на обезьяну. При этом не расставался с рисовальной папкой.

Однажды в мае 1962 года, бродя в лесочке, что неподалёку от нашего садового обиталища, взобравшись на дерево, размечтался: увидеть бы храм, не стиснутый городскими строениями, а в окружении полей или, скажем, деревьев, то есть в большой связи с естественной природой. И вдруг, отведя в сторону ветку, увидел то, что было выше всякого моего воображения: низина с прячущимися

среди разнотравья и ракитника ручейками, а за нею на крутом возвышении – ряды яблонь, аллея высоченных свечеобразных тополей, проступающие кое-где крыши хозяйственных и иных строений, ещё выше – силуэты могучих дубов, правее – храм с подступающими к нему соснами, вязами, мелкими кустарниками и дорожками.

Этот добротный выстроенный храм отличался от других курских соборов и церквей. Он был сдержанно наряден, светел, как айсберг, и воспринимался весь целиком. В его облике сочеталось и нечто таинственное, и печально-благородное, и торжественное. Не помню, в тот ли день приблизился к нему, или же на следующий, но только тут уже был поражён другим. Его входы, один из боковых и главный, были

распахнуты, двери повреждены, кто-то в него входил, выходил удовлетворяя любопытство зеваки. По грохоту изнутри, по звону битых стёкол было ясно, что подростки превращали его в основательную мишень для своей «боевигости». Позднее, когда были порушены междуэтажные перекрытия – тут уж, наверное, помогали взрослые – и громить, казалось, было нечего, озорники, добравшись до крыши, вырывали и сбрасывали жестяные листы кровли. Встревоженные летучие мыши с неземным писком кружились под куполом и по всему храму, разбивались об ослепительно белые, освещённые солнцем стены, падали вниз в кучи дерьма, хлама, в столбы пыли. Апофеоз поругания храма в сущности состоялся задолго до его взрыва. Грустно и стыдно хотя бы только за то, что я всему такому был очевидцем, а значит, хочешь не хочешь – участником. Но, оказавшись впервые возле главного входа, я ничего не предвидел.

Мною, как и другими, овладело любопытство.

Спасская церковь в Мокве. 1960-е гг.

Большие деревянные ступени повели в верхнюю летнюю церковь с хорами, с точёными балясинами перил. Ещё улавливалось тепло недавно горевших лампад, дыхание священника и прихожан, ещё вчера чья-то заботливая рука создавала уют. Но на широких чистых половицах уже лежал и другой след – след мертвящего запустения. Валялись обрывки бумаг, книг и обломки икон, сравнительно поздних, писавшихся масляными красками на маленьких и покрупнее, сантиметров до 60-ти высотой, досках, гладких, без ковчега. Одну из уцелевших икон с образом какой-то святой перенёс в своё жилище. Вскоре подарил её однокурснику Анатолию Солопову, уезжавшему по окончании училища в Мичуринск.

В нижней, зимней, церкви было мрачно, нагажено, место уже было труднопроходимым от начавшихся погромов. Запомнился сквозной колодец в перекрытии между летней и зимней церковью, близко к алтарю. Его внутренний периметр был примерно 100х50 см. В верхнем пред алтаре он возвышался в виде некоего стола без крыши, с бортиками. Очень вероятно даже, что таких колодцев было два, выполнявших роль отдушин для зимней церкви. За ними было алтарное возвышение, кажется, с порогами по бокам. Основу перекрытий между верхними и нижними этажами составляли могучие брусья; из какого дерева – не помню. Роскошной я эту церковь не представлял себе, но покоряла аккуратность, надёжность, с какой её построили когда-то. От местных жителей услышал, будто бы граф построил эту церковь из любви к жене, а она в соответствии со своим вкусом мечтала, чтобы это была уменьшенная копия какого-то римского храма.

С первого дня, как увидел, рисовал Спасскую церковь. Рисунки карандашом, пастелью выходили не сказать, чтобы удачные. Раздаривал их. Иной раз людям не знакомым прямо там в Мокве. Один рисунок-набросок сохранился до 1968 г. Но и его подарил Ирине Борисовне Степановой. По мужу у неё сейчас, вероятно, другая фамилия, которой не ведаю. Вряд ли у неё этот набросок уцелел. Но вдруг повезёт. Попытайтесь узнать с помощью Владимира Павловича Деткова, который является давним знакомым семьи Степановых.

Коль скоро Вы повергли меня в воспоминания, то расскажу попутно одну историю, приключившуюся со мной всё в том же 1962 году. Не интересная архитектору, она, тем не менее, напомнит о нравах той поры. Она полна самых невероятных и смешных деталей, но сокращу её до схемы.

С детства у меня не было музыкальных инструментов. В 1959 г. получил в подарок от однокурсницы крошечную немецкую губную гармошку с надписью «В. Поветкину от С. Лесных». Гармошка, как и рисовальная папка, всегда была при мне и время от времени я выдувал из неё «оркестровые» аккорды. Однажды рисовал Спасскую церковь. День был ласковый. Какая-то полная дама ласково таково выпрашивала, отчего это я тут рисую, и отчего у меня такая длинная шевелюра, и отчего это я тут зачистил... Подходил ещё кто-то. Остановилась девушка, тоже по добром. Очарованный приветливостью дня, подарил ей рисунок. А сам вспомнил, что губная моя гармошка должна хорошо звучать в стенах храма. Так и оказалось. Пока упивался красотой её звучания, в храм вошли трое или четверо, как-то странно посмотрели на меня, и женщина постарше, обращаясь к остальным: «Пойдём-пойдём-пойдём» – вслед за её шепотом раздался топот убегающих ног.

Я ничего не понял, но снаружи прикрыли вход и кто-то сказал, что вызовут милицию. Я продолжал слушать свой «оркестр». Приехали. «Прочесали» все углы, но найти не могли, хотя я их видел. Я стоял, прижавшись к стене, на балке междуэтажного перекрытия в помещении, в котором полы были полностью выломаны. Кстати, благодаря этому случаю и запомнил устройство перекрытий. Подождал, пока не показалось, что все вошли в здание и ищут меня. Это было подходящим моментом для прыжка из окна. «Вот он! Летит! Ловите его!» – визжала полная, та самая, ласковая дама. Через несколько минут я возглавлял процессию милиционеров, играя маршеобразную мелодию на малютке-гармошке. Сопровождавший толкал меня в спину: «Не играй!» Это был начальник 4-го отделения милиции, которого местная шпана знала по кличке «Джага» и очень его боялась. Я этого тогда не знал. «Не играй» – он вновь толкнул. «По какому праву вы его толкаете?» – донёсся из толпы голосок девушки, которой я подарил рисунок. Воодушевлённый такой поддержкой, я остановился, достал из кармана толстенный, похожий на дуло пистолета автокарандаш и в упор нацелился в Джагу. Он отшатнулся. Довольный достигнутым эффектом, ехал потом в «козелке» вместе с пьяным помощником Джаги, которого тошнило на полный вперёд и фамилия которого была – Дураков. В отделении Джага вернул мне все мои принадлежности, папку рисовальную, документы, даже автокарандаш, кроме гармошки, и сказал:

– Иди.

– Не уйду, пока не вернёте гармошку: она мне подарена, а я воспитан беречь подарки.

– Не уйдёшь? – встряхнул он меня за волосы.

– Не уйду.

– Ну, сейчас я тебе пятнадцать суток сделаю. Позовите Дуракова! – распорядился он и добавил. – А ты культурный (нецензурные слова)!: ни разу не матюгнулся!

Судья стыдливо себе под нос читал вымышленное обвинение, затем спросил:

– А чего ты там играл?

– Там громко раздавалось.

– Пятнадцать суток! – смачно объявил он.

Я при этом улыбался, доводя всех, кто был в отделении, до остервенения. Они не знали, что мне любопытно было посмотреть, что делается в курской тюрьме. С тех пор в шутку иногда сообщаю, что был в своей жизни в двух лагерях – в Артеке и в Курске... О Джаге позже слышал: он насолил многим, его за злоупотребление властью сажали на 15 лет, выпустили досрочно, так как у него обнаружилась справка о психической неполноценности.

Ну и схема! Извините, пожалуйста, но трактат ещё не завершён.

За четыре года службы на Северном и Балтийском флотах трижды побывал в отпуске – значит, навещал Мокву. Впоследствии через меня многие мои друзья узнавали для себя этот чудесный край с церковью, купающейся в лесном зелёном море.

9 мая 1969 года я пришёл в гости к семье глубоко чтимых мною художников Андреевых. Ирэна Ивановна и Константин Владимирович в один голос спросили: «Ну как? Ты видел, что церковь взорвали?» Спрашиваю: «Какую?» – «Ту, что возле тебя». Меня отбросило к двери. «Да не волнуйся! Она ведь поздняя, художественной ценности не представляет». В то время так рассуждали едва ли не все художники. Я мог согласиться, что она не имеет

художественной ценности, ибо на каждом из нас лежала печать лукавого времени, но не мог согласиться с тем, что её надо взорвать.

Всеми средствами – автобусом, трамваем, бегом – спешил. Лелеял надежду, что, может быть, ещё не взорвали. И если не взорвали, то остановлю взрыв, став под стеной. Прибежал – к руинам, оставались стоять исполинами порталы. И вновь вспомнилось мастерство строителей.

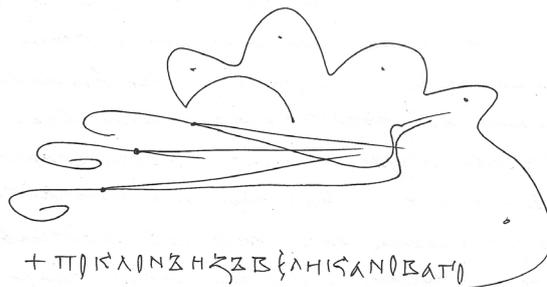
Сам не знал, для чего, но вытащил из груд кирпича два обломка строительных изогнутых брусев, ещё только что составлявших купол храма, и отнёс их к нашему маленькому домику.

Как художника меня мучили бесчисленные вопросы. Где ответы? Судьба уже в августе 1969 года занесла меня в Великий Новгород. Ну и попал в жернова! Одни люди всеми силами удерживали здесь меня и говорили: «Не уезжай! Нам нужны твои руки». Другие – любыми способами выталкивали вон, вплоть до использования силовых структур. Было время, когда глава местного КГБ рассуждал: «В Новгороде у нас два врага – Поветкин и Гребенников». (Гребенников Владимир Фёдорович, художник мирового класса – он тоже из Курска). И вот, промчались годы, десятилетия. И как бы ни были мне дороги курские холмы и поля, мать-старушка, обитающая всё в том же домике возле Моквы, я должен оставаться в этом болотистом крае, судьба мне приказала помнить о Курске, но оставаться тружеником Славенского конца Великого Новгорода.

Да что ж это я? В 1982 году, навестив маму мою в Курске, обтесал я брусью, что из купола Спасской церкви, и привёз в Новгород – сделал гусли с сеером из девяти струн. В настоящее время они находятся на выставке, именуемой «Поющее дерево». Живописцы, скульпторы, фотографы, самые разные мастера договорились не объявлять своих фамилий и названий работ, то есть не себя показывать, а всё внимание посетителей, гостей обратить на великое дерево жизни, поющее в бесчисленных превращениях. Из действующих непосредственно музыкальных инструментов представлены лишь только гусли. Восхитительно: сначала дерево пело, живя в лесу; затем оно пело в хоре деревянных пружин, удерживавших плавные своды купола; а теперь оно поёт в легендарных гуслиях. Вот он, образ моей Родины, пресветлый её Храм! Совсем близко.

Завершилось моё неожиданно долгое письмо. Доволен, что в ходе его вспомнил кое-что такое, о чём, казалось, навсегда забыл. И пусть это воспоминание бесполезно Вам как специалисту, но по-человечески оно важно. Ведь разве могли думать тогда те, которые взрывали Спасскую церковь, что в тот же самый миг Судьба уже скручивала длинные во времени и отмеряла первые тридцатилетние нити своего браного ткачества.

Посвящаю это письмо-воспоминание лично Вам, Елена Васильевна, младенцу – девочке – девушке – женщине, родившейся во славу и на украшение чудесному Курскому краю».

+ П П К Л И О Н З Н З З Б Е Л Н И С А Н О В А Т О
 П Р А А В О П Р Е С Л А В Е Н З П О Р О Д З В О
 К О У Р С К З В В О Л О Д И М Ф Р А И С О
 В А Л Ф Н Т Н Н Е А А К О В А С И Л Ь В Н О
 А А К О А О Ч Е Р Н В А Ш Е Н И С О С В Е Т З
 С Л Е Н Е . А А А Н Б О Г О В А М О Х Л Е Б А
 А А Р А А О С Т Е . А Н О Н Е Ц А Л Е Т А
 Ж А Ч У Ф . Ф . Ф В Р А Л А
 . . . А Н

P.S. Да, а губную гармошку, подаренную Светланой Лесных, ему тогда вернули. Она была с ним на флоте, в Ленинграде. И здесь, в Новгороде, многие из гостей помнят игру Владимира Ивановича на губной гармошке, подаренной «В. Поветкину от С. Лесных».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Елена Васильевна Холодова – член Союза архитекторов России, г. Курск.

² Выставка проходила в Центре музыкальных древностей в 1999 г.

³ Книгу Холодовой Е.В. «Усадьбы Курской губернии. Историко-архитектурные очерки» (Курск, 1997).

«ПИШУ ЭТОТ ДНЕВНИК ПРОСТО. НЕ ИЩИ, ЧИТАТЕЛЬ, В НЁМ МУДРЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ»

Из дневников В.И. Поветкина. 1998–2008 гг.

Том 1.

(01.04.1998 г. – 07.04.2001 г.)

11 апреля 1998 г. Снял со щитов и стен в зале акварели С.И. Пустовойтова¹ – выставка продлилась почти год. Надо готовить к 8 мая или к 9-му новую выставку – третью.

13 апреля 1998 г. <...> Ёлкин Сергей² поёт высоким голосом, очень похоже, как в деревнях в Мошенском, Хвойнинском и других районах я слышал в 1990–91 гг. Он житель тех мест, уловил от рождения ритмы и напевы. И на гармонии играет то, чему в городе не научишься. <...>

[17 июня 1998 г.] Было много всего за время, прошедшее с апреля. Открыли 3-ю выставку памяти С.И. Пустовойтова. Были депутаты Госдумы у нас в Центре. Была и Дементьева Наталья Леонидовна – новый министр культуры. 12 июня – лекция-воспоминание в связи с 20-летием реконструкции Гуслей XI века с надписью «СЛОВИША» <...> 12 июня на лекции состоялось первое озвучивание однострунного смычкового муз. инструмента, именовавшегося в X веке, вероятнее всего, гуслиями. Гости восприняли хорошо, удивлялись, откуда берётся звук. Журналисты, кажется, не придали этому факту значение: требуется лет 20 теперь для осознания этого события. <...>

23 апреля 1999 г. <...> Прошёл очередной сезон археологич. раскопок. Найдено 8 колков струнных муз. инстру-ов XI–XII вв. Но открытие 92 берестяных грамот, их реставрация и разглядывание – всё это потребовало от меня многих сил. Ничем, кроме грамот, не занимался.

В конце сентября – начале октября 1998 г. были в Дании <...>. Несколько лекций провели в Роскильде в связи с его 1000-летием. В Копенгагене в музее музыкальной культуры состоялся симпозиум, посвящённый музыкальным открытиям в Великом Новгороде.

Осенью занимался пристройкой к зданию Центра.

В.И. Поветкин и С.Б. Мантейфель. 1998 г.

Почти всё, что было сделано прежде – несколько венцов на гараже и несколько оставалось на земле – всё пропало. Купили и привезли из лесу новый лес. <...>

До снегопадов и сильных морозов тесал брёвна. Часть их осталась вновь зимовать на земле. Многого могу сделать один, никого не тревожа, но тяжести – неодолимые. Похоже на Сизифов труд.

31 января было открытие «выставки» в нашем Центре под названием «Поющее дерево». Не выставка, а убранство – без объявления авторов, без этикеток – всё во имя образа поющего дерева,

которое поёт нам от рождения до смерти. Скульптуры, живопись, графика, фотографии, тексты, и лишь один музыкальный инструмент – гусли, сделанные в 1983 г. из обломка купольной стропилы Спасской церкви в Мокве под Курском, взорванной в 1969 г.

От Е.В. Холодовой получил в январе 1999 г. книгу «Усадьбы Курской губернии». Она спрашивает рисунки взорванной церкви и воспоминания. Рисунки раздарил. А из воспоминаний – сообщил, что в Новгороде имеются гусли – дерево которых сначала пело в лесу, потом отзывалось церковному хору, а теперь способствует звучанию струн.

На днях С.В. Пахомова³ просила озвучить эти гусли. Я вспомнил «Звоны звонные». И вот, минуту назад она сообщила, что этот наигрыш, возникший в 1978 г. в пору первых попыток игры на традиционных гуслиях, утверждён в качестве позывных к предстоящему празднованию 1140-летия Великого Новгорода. <...>

26 марта – 1 апреля мы были в Курске. Наталья Николаевна и Светлана Леонидовна⁴ увидели красоты Курской земли, холмы и просторы. А я вновь уловил неповторимый запах весенней земли-рожищи. Здесь, в Новгороде, весенняя земля иначе пахнет. Мы выступали и встречались в нескольких учреждениях... <...>

16 марта 2000 г. Сколотил полки, переставляю мебель, разбираю книжные, бумажные, вещевые завалы, борюсь с протеканиями воды в разных помещениях Центра, но более всего в пристройке, которая всю зиму без крыши. Собираю бумажки, на которых записана всякая всячина, одна из них: «В мои лета не должно сметь своё суждение иметь», «Смелый убежит, но не уступит» – это другая. <...>

Минул археологический сезон 1999 года. Музыкальные древности – в Ст. Руссе и Торжке, на Троицком-ХП раскопе и новом Добрынине раскопе. На последнем – (боцманский) корабельный свисток XIII в.

Надо делать специальный материал о сигнальных корабельных инструментах древнего Новгорода.

А пока что в конце января был прочитан доклад об открытиях муз. древностей. Янин⁵ сказал: «Блестящий доклад». Но перед докладом я очень сомневался: не покажется ли он слишком романтичным?

С «мужиками» разучили казачью песню – «Когда мы были на войне» под гармонь 1914 года, теперь в шутку говорим, что это песня донских казачек «Как дамы были на войне». Осилили, кажется, и почти гимн «Ты Россия, Матушка Россия» – богатство, которое всегда при тебе... И защита!

12 марта – Масленица. Костёр на кострище возле Центра, на макушках кольев внутри костра – старые валенки и опорки, троицкие берёзки и купальские венки и недоодевшие после масленичного застолья блины. Сделали фото, что получилось – скоро увидим. <...>

В 1992 году был в Севастополе. На алыче – двое ребятшек жуют незрелые фрукты. Это Смолин Тимофей Валерьевич и его приятель – Денис. Тимофей постарше, подарил монеты, я послал на его адрес потом письмо и фотографии – в знак благодарности за то, что своим добрым отношением ко мне скрасили тот холодноватый май и моё одиночество в первый день приезда. <...> С приятелем они были моими первыми экскурсоводами. Спасибо вам. Вы теперь выросли и в лицо, наверное, уже не узнаю вас, разве что по неизменно вашему доброму нраву. <...>

А ездил туда в связи с конференцией в Херсонесе – читал доклад «С гусями сквозь народы и времена». <...>

22 марта 2000 г. Закликанье птиц. Небо так было заволочено тучами, что, казалось, никакими песнями и звуками глиняных свистулек не вызвать солнца. Но вот уже в который раз в такой праздник происходит чудо. Мы пришли, неумолчно свистя от дверей Центра, к полянке возле Тарасовца. Пропели по нескольку раз «Жаворонок, жаворонок, вот твой брат...», «Летел кулик» и другие песни, подбрасывая одновременно в небо печёных из теста «жаворонок», налепили на ивовых кустах «снегирей», украсили их также бумажными разноцветными птичками, насажали на ветви и вкусных «жаворонок» – булочек, часть из которых сами съели. Перефотографировал всё, что

было возможно, даже «жаворонок», брошенного на воду и быстро поплывшего. Это был последний снимок. На прощание Наталья Николаевна запела весеннюю песню, слышанную ею в Полесье: «На вулице, на широкай, Лёли рано ж(ы), на широ... У!» В песне всего двадцать четыре запевы. И с каждым новым запеком в небе вдалеке, почти над горизонтом крохотный голубой просвет стал увеличиваться, приближаться, тучи всё более и более метались, освобождая место для солнечного блеска. К последнему запеку, который, как и предыдущие, мы сопровождали припевом и возгласом – «У!», солнце над нами воссияло в

Сороки. 22 марта 2000 г. Фото В.И. Поветкина

полную силу. Как жаль, что не было запасной фотоплёнки. Но, не было, так не было. Важно то, что в очередной праздник закликания птиц, а значит и весны с солнечным теплом, небо откликнулось на чарующие наши напевы и возгласы. Кто и когда подсказал человеку именно в этот день петь именно такие песни? Мы возвращались полные восторга. А над нами между тем вновь раскинулось необъятное пасмурное небо. Под старейшим новгородским дубом – ему лет 500–600 – как и в прошлом году, мы собрались с песнями. И вновь сквозь тяжёлые тучи пробилось солнце. Вот такие совпадения – это понынешнему, а в прошлом так не думали – верили в магию песенных обращений к миру. <...>

Да, сегодня же была Оля Шадурская⁶ – золотошвейка, принесла ещё два очелья для сорок «золотоломок». Замечательная мастерица и обаятельная женщина, как и всё их семейство – муж Владимир и сынок Павел, которому год и три месяца. Дай Вам Бог радости и здоровья.

И откуда это у так называемого невежественного русского народа столь прекрасные головные уборы? А название-то! – «Золотоломка».

26 марта 2000 г. <...> О нашем Центре тоже начинают думать хорошо лишь тогда, когда посетят нас, пообщаются с нами, увидят подлинные свидетельства русской культурной истории – и другой «рекламой» мы не хотим пользоваться. Хотя нет-нет, а и услышишь упрёк: «О вас ведь нет никакой рекламы». Как мы крепко попались на крючок средств массовой информации! <...> То, о чём пытаемся рассказать на наших лекциях мы, меньше всего предназначено для сцены или экрана.

Мы призываем не к пустой, а тем более не к вульгарной праздности. Мы бы хотели способствовать видению, восхищённому любованию человека окружающим миром через внимательное наше современное утруждение. Мы оказались оторваны от родных традиций, и чтобы их понять, оценить как великий опыт мудрого бытия, бытия, преисполненного красоты или устремлённости к красоте, нам необходимо потрудиться, необходимо преодолеть барьер между привычной с некоторых пор концертной развлекательной традицией и традицией обрядовой народной, настроить наши органы зрения, слуха и все ощущения на восприятие того, что ещё и сегодня для некоторых сельских старожиллов остаётся естественным. Первый практический шаг – это попытка сшить своими руками традиционный наряд, но не для сцены, а для жизни, и хотя бы по праздникам народного календаря его надевать. Правильно сшитый сарафан, рубаха обязывают соответственно двигаться, петь, говорить, размышлять и творить не с позиций временщика, а с уверенностью хозяина, берегущего лик Земли-матери.

В.И. Поветкин с мамой. Конец 1950-х гг.

27 марта 2000 г. День рождения моей Мамы – Байбаковой Марии Фёдоровны. Её пафос в преодолении любых трудностей придаёт мне сил. Написал в этом году ей письмо о том, что пристройка к Центру осталась в зиму без крыши, написал, оправдывая свой не приезд к ней в Курск. А она прислала 2000 рублей для того, чтобы я нанял кран или рабочих и покрыл бы с ними крышу. <...> Написал ей письмо ко дню рождения, сказал, что будем в её честь песни петь. Пели, но народу в этот день в Центре, то есть участников хора, почти не было. Хорошо, что часов в 17:00 подошла Светлана Леонидовна Васильева, как раз на лекцию для участников «Славянского хода» из Оленегорска Мурманской обл. Вместе с Натальей Николаевной они во время лекции и представляли хор. <...>

Я вспоминал о наших путешествиях с Мамой моей в южных краях, точнее, это были её нищенские скитания со мною – младенцем на шее (в прямом смысле) в Сталинградской, Ростовской, Донецкой областях, в Краснодаре, в Харьковской области, Курской, Тамбовской, затем вновь в Курске. Дороги, дороги, дороги – и везде мы были

лишними и обязанными, беззащитными. Прежде всего она. Понятно, что жизнь никому не давалась гладко, но материны испытания всегда чувствительнее, ближе. В молодости она была красива лицом и бывало, что за красоту ей подавали кусок хлеба – в войну и после войны. В Ростове на вокзале меня у неё украла хулиганка – мать еле её догнала. Мать бросалась под поезд, и мне кажется, что я этот случай помню, хотя в тот момент не осознавал её намерений. Переходя как-то длинный, почти бесконечный мост, я видел, как работали плотники – они тесали брёвна, а за их спиной далеко внизу бескрайняя вода – с тех пор словно бы получил основной урок держания в руках топора. А мать, как потом узнал, панически боялась переходить мосты и вообще боялась воды, так как в юности в Волге её затянуло в воронку, и её вытаскивали люди, взявшись цепью за руки. В детстве, в отрочестве она представлялась мне самой красивой, фигурой она точь-в-точь была схожа с изображениями на античных вазах. С отцом моим, Поветкиным Иваном Петровичем – Курская земля – его родина – она развелась, когда мне было года четыре.

Это было в Судже Курской области. Во время их разногласий я некоторое время обитал у оседлых цыган. Как-то просыпаюсь – а вокруг меня, спавшего на полу посреди горницы, кружатся пляшущие цыганки, – подола их цветастых платьев до сих пор перед глазами, – накурено, на высокой кровати цыган с гитарой. Глядеть, лёжа на полу, снизу – впечатление удивительное, неизгладимое в памяти. Мать любила отца, но как ни старалась уберечь отца для сына, не вышло. Развелись – пил. Пропивал всё, вплоть до детских моих галлош. Профессионал бухгалтер. Он заказывал в подвальчиках музыкантов – гитару, скрипку, гармонь – оплачивал их и безудержно плясал, угощая всех и забывая о голодных жене и сыне. У меня нет прилежания к бухгалтерскому делу, равно как нет смелости, да и одарённости в плясках.

Не случайно, я внешне больше похож не на отца, а на деда – Поветкина Петра Козьмича, который умер в 1937 году. <...> Отец, как рассказывают, умер в 1985 году в Братске, где он заканчивал свой трудовой стаж в должности бухгалтерского инспектора по Братской области. Мои дед и бабушка по материнской линии были специалистами по всем, наверное, видам рукоделия. Когда дочери подрастали лет до десяти – Варвара, Раиса и Мария, будущая моя мама – он спрашивал: «Чему тебя учить, выбирай – вышивке, тканию ковров, шитью мужской или женской одежды, нижней или верхней». Он знал и умел делать, как говорится, всё. Жизнь на хуторе в степи в многокилометровых расстояниях от других хуторов обязывала людей быть разносторонне умелыми и одарёнными.

Первая их дочь – Варвара Фёдоровна года за дватри до кончины своей прислала из Волгограда для меня фото 1916 года, на котором изображена она в возрасте 1 года, а рядом, Фёдор Максимович и Прасковья Ивановна. На заднем плане родной его брат, который, по рассказу моей мамы, умер на её глазах от голода во времена

коллективизации. У них в семье было также три сына – Михаил, Николай и Павел. Сейчас в живых осталась только моя мама. Ей 80 лет. А я вот тут. Горе-общественник.

Сегодня, в ночь с **13 на 14 января 2001 года** добрался до этой тетради. С 30 марта 2000 г. много утекло воды. Кое-как покрыл крышу на пристройке. В основном – один. Молил Бога о помощи.

На раскопках⁷ были ранние слои, поэтому надеялся, что грамот не будет, и смогу заниматься делами Центра. Но 13 июля нашли восковую книгу – Новгородскую Псалтырь первой четверти XI века.

В июле–августе съездили в восьмером в Швецию на Готланд в город Висби. По приезде вплотную начал заниматься починкой Псалтыри. Днями и ночами почти до Нового года собирал обломки воска. <...>

А 2 и 3 октября участвовал в межрегиональном семинаре «Проблемы выявления, сохранения и преемственности духовного наследия». Была лекция-концерт в Центре. Представительница ЮНЕСКО Айкава Норико сказала: *«Я такого нигде и никогда не видела, здесь всё в такой хорошей мере!»*. Жанцанноров Нацаг – композитор, президент национального Центра культурного наследия Монголии – сказал: *«У вас большое будущее»*. Но вообще неожиданно попал в неловкую ситуацию: оказывается, наше выступление на лекции оценивалось на предмет «Провозглашения шедевров устного и нематериального наследия человечества». И что-то было неясное во всей этой истории: чего добивались представители Министерства культуры РФ, Российского Дома народного творчества, Комитета культуры, кино и туризма администрации Новгородской области? Соревнование между «фольклорными» коллективами из разных краёв России, Монголии, Алтая – вещь недопустимая.

26 января 2001 г. <...> 26-го же января из Иерусалима звонила Бэлла Анатольевна Гольдштейн, сообщила свой телефон <...> рассказала, что полтора месяца назад, нагруженный туристическими рюкзаками, выходя из электрички, от инфаркта умер Леонид Усвяцов – человек, у которого в Ленинграде на ул. Плеханова в трудные дни я находил себе приют, дверь его коммунальной квартиры всегда была открыта; он подарил мне старинный футанок, который сохранился с тех самых начальных 1970-х годов в целости и сохранности. Как-то в первой половине или середине 1970-х он был у меня в гостях на Ярославовом дворище. Посмотрев на мои деревянные скульптуры, спросил: «Володя, ты скоро умрёшь?» Это была такая своего рода похвала; дескать, для славы осталось только помереть. Я в шутку ответил: «Я бессмертен».

В 70-х поток гостей был непрерывным; приходилось почти круглосуточно то открывать, то закрывать, занавешивать скульптуры. В какой-то день решил убрать все работы. Убрал, но поток людей сменился на любителей послушать балалаечную, а потом гусельную музыку. Стоит потянуть ниточку, как за одним воспоминанием цепляется другое. <...>

29 января 2001 г. <...> Нынче любят пожаловаться на минувшее, на силовые, идеологические структуры коммунистов те, которые от них не страдали. Я не хочу оказываться в их числе. И когда журналисты про меня пишут, затрагивая события 1970-х годов, запросто упоминая

КГБ, мне противно; они не знают, чем на самом деле это оборачивалось для меня.

7–8 февраля 2001 г. <...> В завершение склеились два обломочка из числа «Фоновых», возможно, со второй таблички⁸. Конечно, обо всём не написать. Сколько было «путешествий» у каждого такого обломочка, прежде, чем он определился в своём местоположении. Сколько крепких слов приходило на помощь, чтобы справиться с непослушным невесомым тем или другим восковым кусочком! Я представил себе отчёт о восстановлении ПСАЛТЫРИ, написанный вот хотя бы в таких отнюдь не полных подробностях. Читать его – медленно терять чувство юмора.

Разгорячённый успехом, часов в 7 утра вышел на улицу. Новое снежное покрывало лежало на ветвях яблонь, рябин и ёлочек. Всё изливало из себя внутренний свет. Сказочное утро. И жалко было убирать с дорожек вокруг Центра снежный покров. Но не убирать нельзя, иначе наши гости потеряют к нам дорогу. Единственное, что в моих силах – это по возможности убрать красиво, выявляя гармонию человеческого уюта, не слишком противореча природной величественной ясности всех её, природы, погодных перемен. Примечая красоту, переживая её, нуждаясь в ней, наконец, поддерживая её, человек начинает себя чувствовать – где бы он ни очутился – хозяином, ответственным за гармонию всего. Нынче странно слышать рассуждения, будто беспорядок в России оттого, что нет частной собственности.

Природа окутала красотой всю Землю и всю космическую её колыбель. Вот частная собственность, которую каждый должен беречь вне зависимости от участка земли, который он огородил плетнём или чугунной литой решёткой. Весь необъятный мир, куда бы не забросила судьба – вот моя частная собственность, и твоя, и каждого. <...>

16 февраля 2001 г. В 4 часа 38 минут прогремел гром, полил дождь, вскоре перемешанный со снегом. Угрожающе гроыхает кровля, под порывами ветра идут, грядут перемены в мире.

Книгой не занимаюсь. Решил отдохнуть и глазами, и постоянным напряжением внимания. Спи сколько хочешь. Но как ни старался, не заснул. От валерьянки проку мало. Ну хоть небесные гусли не проспал, и то хорошо. Кажись, поутихло. <...>

17 февраля 2001 г. Видел во сне деревенские гусли «окоптелые». <...> Снимали сюжет для РЕН-ТВ «Новости». Сегодня после 11:00 буду им позировать на Ярославовом дворище, где в 1970-е годы прошли первые опыты по восстановлению гуслей. Я жил в башне Гостиного двора и не представлял себе, что буду обитать в каком-то ином месте. И вот уже больше двадцати лет как там меня нет. <...>

Сидел над восковой рукописью. Ощущение полной беспомощности и неверия, что ещё что-то смогу обнаружить. И когда вдруг хотя бы незначительную крошку нахожу, то испытываю неопысуемое волнение, чувство победы, подарка свыше. <...>

18 февраля 2001 г. Большую часть дня сортировал самые мелкие кусочки воска, так называемый «песок». Мельчайшие песчинки начал ссыпать в отдельную коробочку, не подсчитывая, а те, что покрупнее, в другую.

Последних пока что насобирал 300 штук, перебрал их, среди них могут быть те, что с едва приметными следами линий или букв, но вряд ли они найдут себе применение. А те, на которых следы отчётливы, разложил на лабораторном стекле. Конечно, и эти в большинстве не найдут своего места, но нет-нет, пусть крайне редко, но и они приносятся.

Несколько часов до полуночи пытался заниматься сбorkой. Всё пустую. Ни одного обломочка, ни единой песчинки! Перебирать «песок» ещё предстоит – это лишь начало.

19 февраля 2001 г. Так пошло время новой ночи. И в полном неудовлетворении, в изнеможении в какой-то час уже собрался накрывать стёклами восковые таблицы, чтобы успокоить себя сном, как вдруг одному обломочку нашлось место: на 4-й табличке в пятой снизу строке. <...> С каждым из этих обломочков убито неисчислимое время. И вот, чудо свершилось. Воодушевлённый на новый поиск, я в сотый или тысячный раз взглянул на крохотный обломочек, и почувствовал, что он может приклеиться к крупному плавающему «островку», некогда сложенному из трёх кусочков и на котором всё же неясными оставались следы буквы. <...>

Итак, к 9 утра было подклеено на 4-й и 2-й таблицах 12 кусочков, среди которых был «островок», состоявший из трёх склеенных ранее кусочков. В 10:00 лёг, спал урывками, видел несколько снов, слышал сквозь сон хождение сотрудников по Центру, шумы на улице. Встал в 15:00. Пишу. Вот Зализняк-то⁹ будет сам не свой от радости.

Сам же я в очередной раз сию беспомощный перед сотнями островков, песчинок, с упрёком смотрящих на меня с лабораторного стекла. Думаю, что таких прорывов, как в минувшую ночь, не было и, тем более, не будет. А всё началось с ничтожного обломочка!

20 февраля 2001 г. <...> В 9:30 разбудил телефон. И весь последующий день просидел над книгой. Приклеивал, отклеивал, и вновь всё то же. На это не жалко времени, так как с большей надёжностью видишь: подходит или нет. Мельчайшие кусочки, которые невозможно удерживать в руках из-за их хрупкости и которые за гигантскими пальцами не видны, оказалось удобнее прихватывать клеем, а затем подправлять рабочей лопаточкой, осторожно прилаживать к нужному месту таблицы. Когда клей слегка схватится, можно перевернуть таблицу и, если кусочек удачно найден, то есть подходит к проверяемому месту, тогда место стыка можно надёжно склеить. Но сегодня, проснувшись, я ничего не приклеил, а сотрудникам вечером сказал: «Сегодня у меня не клеится». <...>

25 февраля 2001 г. На Софийской площади, на помосте с испорченными микрофонами мы, как могли, спели масленичные песни, парни из клуба «Рать» совершили своеобразный подвиг, так как, будучи в кольчугах, сражаться на скользком, промороженном помосте, очень рискованно. Слава Богу, обошлось малой кровью.

Потом с песнями мы прошли вокруг, вдоль стен кремля. Я ушёл в Центр раньше других. Сидел урывками с восковой книгой, всё безуспешно. <...>

Сегодня возле кремля один мужчина подошёл и говорит: «Вы поёте прямо как в деревне». Я ответил: «Для нас это высшая похвала». А сам этот мужчина из простых, вероятно, бережёт в памяти своё детство, прошедшее в деревне. <...>

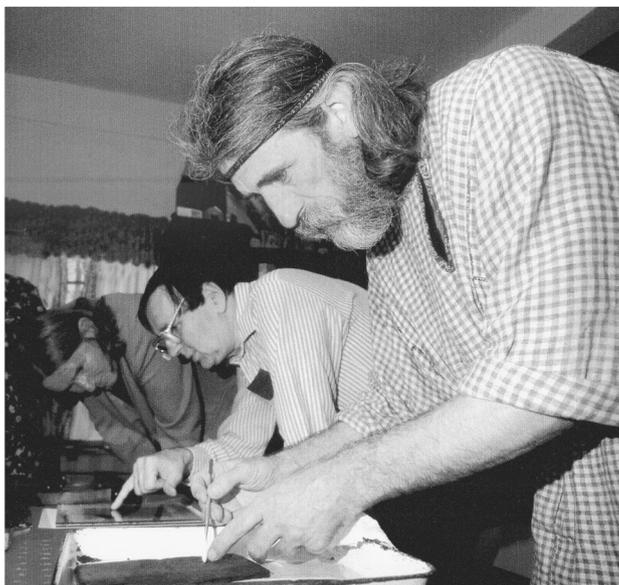
26 февраля 2001 г. Вот и начался мой очередной год жизни. В этот день, сколько помню, всегда было солнечно. Вот и нынче морозно, солнечно, птички чивкают, словно капель закликают. С утра начались поздравления. День предстоит хлопотный, суетный, его надо пережить, не придираясь к излишней торжественности, церемонности, «откровенности».

Но уже завтра будет легче. Кстати, завтра день рождения Константина Великого, которого мы должны почитать не только за официальное признание Христианства, но и за призыв к всеобщей веротерпимости. Последнее, к сожалению, нынешними православными не очень-то осознаётся. <...>

8 марта 2001 г. Этот «наш международный» женский день мы в Центре давно не отмечаем. Слишком он политический. Женщина в любой день должна быть красивой, счастливой и женственной. В марте по народной традиции девушки собирались на проталинах, на взгорьях и пели веснянки. Этот праздник настоящий. В марте – закликанье птиц, Весны. Женщины участвовали в Миротворении. А нынче их то и дело подталкивают быть амазонками «высокой политики» и одновременно не терять сексопривлекательности. И как они, бедные, вцепились в это 8 марта! Особенно городские! Недавно видел фильм, американский, необычно содержательный, в котором героиня говорит: «Вы, городские, вы тёплые, как вода из-под грязной посуды, вы не можете быть чисто холодными или чисто горячими».

Город в России – показатель нашего безумства. Мы даже не тёплые, мы – тёпленькие. Горожане, занимающиеся народной традицией, и те сегодня ощущают неловкость: они и 8 марта хотят «отметить», и православный пост соблюсти, и веснянки пропеть. Можно ли тут быть сным – холодным или горячим? <...>

16 марта 2001 г. Приснился Д.С. Лихачёв: мы

За работой с восковой книгой. 2000 г. Фото А.И. Орлова

о чём-то договорились и он назначил встречу на «завтра в одиннадцать часов, обязательно», но по прошествии какого-то времени я спохватился и к крайнему расстройству своему обнаружил, что уже одиннадцать. Такой сон.

Получил неожиданное письмо от Б.А. Рощина. Это он в 1982 году обратился к Д.С. Лихачёву за отзывом о моей работе по восст. музык. INSTR., а потом опубликовал его в своей книге «Встречи» в очерке «Гусли-мысли мои». <...>

25 марта 2001 г. Написал письмо Маме. Строгал доски, приколачивал как основу для деревянной облицовки стен в нижнем коридоре. Очередная «мелочь», которая начинает пожирать силы и время. Какая уж тут книга?..

1 апреля 2001 г. <...> Сегодня книга от меня отдыхает. Но завтра, возможно, буду проверять один кусочек на правильность его приклейки.

3 апреля 2001 г. Просидел до 4-х ночи¹⁰. Увы, ни кучочка. Сплю.

В 6 утра заиграл гимн: забыл выключить радио. Пришлось вставать. Заснул вновь, и приснилось, будто я в огромном концертном зале представляю музыку, в основе которой не механические и математические элементы, а естественные, мягкие человеческие интонации. Музыка сопровождалась на экране зрительным рядом. Заключительный аккорд насыщенный, но не громкий поначалу, постепенно окрасился гудком, типа заводской трубы, а в конце превратился в грохот компрессора, заработавшего около 9 утра за окном. Проснулся, некоторые ласковые вздохи, услышанные в этом музыкальном сне, ещё оставались во мне. Такие сны стали редкостью. Когда-то в снах я играл и на органе, и слышал гусли-самогуды, и управлял хором – и всегда слышал чудную незнакомую музыку. Вот и сегодня. Спасибо... <...>

7 апреля 2001 г. Благовещение. Девушка косы не плетёт, птица гнезда не вьёт. А некий В. Суховаров на нашей вербе свилтаки «гнездышко» и почти пропел: «Здравствуй, Володя».

«Бизнесмены» в образе паломников и паломниц чередой к неповинному дереву. В прошлом году в такой же день кто-то из них едва ли не убили, выпав из «гнезда». Да вот и сейчас: тот же Суховаров, второй раз на дню взбравшись на вербу, наломав веток, свалился и, сидя на скамейке, вытираясь от грязи, пропитым голосом оценил этот случай: «Господь наказал». С товарищем они, пошатываясь, понесли букетик веточек на рынок. А наломанные большие ветви они от расстройства не стали подбирать. Подобрали их мы, принесли в наш зал и украсили стены к предстоящей лекции-концерту для участников конференции по «Развитию городов Балтийского региона».

Девушки наши вернулись. Они пели веснянки и слышали голоса гусей, водивших хороводы в лугах. Наталья Николаевна говорит, что гусиные голоса удивительно схожи с весенними песнями – вот откуда манера народного пения.

Уважаемый Андрей Анатольевич¹¹! Понимаю, что вот такой мой дневник Вам как кость в горле. Но в своё оправдание могу сказать одно: дневник был начат в 1998 году, с большими перерывами я в нём отмечал для себя всякую всячину, что-то где-то услышанное, прочитанное – для памяти, что бы иногда им пользоваться, не обременяя пустую голову. С появлением восковой книги, хотя и не с самого начала работы по её восстановлению, я сообразил делать записки по поводу изменений и дополнений в собираемых табличках. Чистые записки для Вас, конечно, были бы более удобными. Однако я вспоминаю напутствие к этим записям, сделанное П.Г. Гайдуковым¹². «*Пиши как можно больше, кому нужно будет, тот прочтает*». У меня свои заботы и тревоги, не всегда понятные для других. Занимаясь книгой, очень часто в мыслях улетаю то к вопросам реконструкции музыкальных инструментов, то к ремонту здания, то к Маме, старенькой, тихо, но стойко переносящей в Курске своё одиночество. Далеко не всё серьёзное попадает на эти страницы. Чаще видна моя «дурасливость». Но, как мне кажется, собравшийся здесь опыт записок отражает хотя бы вкратце и общую обстановку, в которой проходила работа. Отчасти, вероятно, из-за моего характера бывает трудно отделить

Строительство деревянной пристройки к Центру. 1998 г.

работу от не работы. Мои записки – это моё обитание, в котором Вы можете выловить то, что имеет отношение к восковой рукописи. Пусть Ваш зоркий глаз примечает в этих строках не худость мою, а скромную попытку быть полезным в деле, в котором, строго говоря, я и не имею права на участие.

**С искренним почтением – Ваш
Влад. Поветкин
в Великом Новгороде**

де

;

Благовещение 2001 г. Эта книга окончена. Надо заводить другую.

Том 2.

(08.04.2001 г. – 13.08.2001 г.)

8 апреля 2001 г. Вербное воскресенье. От нашей вербы остались одни сучки. И взрослые, и подростки

потеряли голову; возле церкви веточка – рубль.

В 22:10 по «Славии»¹³ показывали запись выступления Елисея Бабанова¹⁴ на XXXII фестивале «Русская музыка». Играет он на фортепиано виртуозно. В его облике нет напряжения, он словно ангел парит над клавиатурой, никаких «артистических» выпадов. Он играл и «Блестящий дивертисмент» М.И. Глинки вместе с камерным новгородским оркестром «Camerata Anima»; готовился к нему... два дня. <...>

В этот же день к вечеру пересаживал кустарники и деревца вокруг нашего здания.

Кто смел, тот и смёл...

12 апреля 2001 г. <...> Сорок лет назад, когда я учился в Курском художественно-графическом педучилище на 3 курсе, во время урока искусствования кто-то заглянул в аудиторию и воскликнул: «Человек в космосе!». Преподаватель, Анна Васильевна Анохина, обычно строгая, вдруг прекратила занятия. Мы вышли на улицу и наблюдали в небе движущуюся звёздочку, в которой находился Юрий Алексеевич Гагарин. Редкий случай, при котором наши восхищение, гордость и праздничность не были лукавыми. <...>

17 апреля 2001 г. Вторник. Надо срочно подготовить список публикаций Д.М. Балашова по народной культуре – для обоснования текста на мемориальной доске, где должно быть сказано, что он не только писатель и историк, но и выдающийся исследователь народной культуры. Это нужно к ближайшему заседанию городской Думы.

Заканчиваю подготовку к фотографированию книги. В 19:00 начало. Делаю копию последних нескольких страниц дневника. Это уже новая тетрадь, её начальные страницы.

Шерсть от личного качества...

Забыл записать, что в ночь на 17-е апреля вновь видел во сне Д.С. Лихачёва: мне по его просьбе предстояло у него дома играть на гуслях, но в последний момент выяснилось, что надо выступить с речью перед публикой. А о чём говорить? – подумал я. И сам себя успокоил: да о том, о чём ты всегда откровенно рассказываешь на лекциях. Смелее! Вспоминаю, как в 1982 году мне впервые предстояло читать доклад, и я спросил у Дмитрия Сергеевича совета: меня тревожила паническая моя скованность, забывчивость перед публикой. Это было у него дома в Ленинграде в присутствии гостей. Мы пили чай. Он сказал мне: «Вы найдите в зале кого-либо с добрым взглядом на Вас и рассказывайте будто бы только ему, а слышать будут все». А потом, чуть отведя меня от гостей, негромко: «Вы помолитесь перед выступлением». В то время такой совет был крайней редкостью. Да и нынче такое мало кто посоветует. <...>

1 мая 2001 г. Вторник. Девушки мыли окна в зале и других помещениях Центра. Для меня день прошёл в суете, в отвлечениях на мелочи; за всеми надо следить, подсказывать, предупреждать. Но всё же основную часть акварелей оформил в рамы, определил места, на которых они будут закреплены. Вечером был на своей квартире, там полностью разгромлен сарай. Пришлось всё, что стнило, всё негодное выламывать, доламывать и выбрасывать на свалку. Сарай надо срочно приводить в порядок

– вот ещё забота. Услышал за день много неприятностей, так много, что отупел. Но записывать не стану: пусть сплетни и слабости людские в конкретности своей не попадают ни в письма, ни в какие искусства, ни в мою память. Надо успевать с подготовкой убранства Центра: открытие «выставки» 9 мая в 17 часов. А книга псалмов? – пусть она полегит неприкаянно.

9 мая 2001 г. Среда. С утра до 17:00 как заведённый готовился к приходу гостей на вечер памяти С.И. Пустовойтова. <...>

Зал был полный. Вспоминали о Пустовойтове. Я рассказал о чудесной находке видеокассеты с записью «Экскурсии С.И. Пустовойтова по своим акварелям». В 1993 году, когда нам удалось убедить администрацию Новгорода в необходимости присвоения Семёну Ивановичу звания Почётного гражданина Новгорода, мы с молодыми художниками и друзьями Пустовойтова собрались у нас в зале на застолье с пирогами и ждали его прихода. Два раза ездили к нему домой: никто не открыл. Все были в недоумении, так как он твёрдо обещал прийти.

Представляя этот вечер как идеальный для того, чтобы попросить его показать свои работы и снять на видеокамеру, я был во всеоружии. Но, увы, моё разочарование длилось несколько лет. Несколько раз рассказывал я с огорчением, что никто его не снимал в кино, почти не записан его голос, очень мало фотографий. И вот в 2001-ом году среди моих любительских ученических съёмок вдруг обнаружился сюжет, о котором я совершенно забыл: вот как сильно на меня действовала несостоявшаяся съёмка во время того вечера, когда мы собрались было чествовать Семёна Ивановича. Оказалось, что подобный случай с рассказом Семёна Ивановича о своих работах я уже снял, хотя он, как я считал, был пробный, подготовительный, с сокращениями, ибо я не был уверен, что у меня что-то получится и также не знал, хватит ли плёнки на всё, что мог сказать и показать Пустовойтов.

И вот, сегодня впервые мы все увидели этот неумело снятый сюжет. Как ни странно, но волей судьбы этот сюжет останется самым ярким документом о художнике и человеке Пустовойтове. Словно по заказу он был одет в традиционную русскую рубаху. Показывая одну за другой акварели Софье Ивановне Кирилловой, старшей учительнице, новгородке, живущей рядом с Центром, он рассуждал на самые неожиданные темы и словами вырисовывал подчас не менее яркие образы, чем в живописи.

15 мая 2001 г. Вторник. Написал, наконец-то, Маме письмо. День израсходован на мелочи. Вечером, когда люди обычно отдыхают, взялся разбирать обрушившуюся часть западной стенки нашего здания. Это тот участок, где кладка стены в значительной мере повисла, не совпав с плитой фундамента.

18 мая 2001 г. Пятница. <...> Вечером собрались девушки. Пели на улице возле парадного входа. Все мы водили хороводы. Потом вспоминали игру – путаницу: взявшись за руки и образовав круг, все затем, не размыкая рук, начинали перемещаться, подлезая под чьи-либо руки или, наоборот, перешагивая, словом запутывались в невообразимую кучу тел, обвитых руками – куда там Лаокоон! Один должен был распутывать. Всё это очень смешно; но и как мудро!

22 мая 2001 г. Вторник. Сочинял текст к столу с фотографиями праздника письменности в Новгороде в 1988 г.¹⁵ <...> От Мамы получил, наконец-то, письмо. Вспоминает военные времена под Сталинградом: от истощения и испуга после бомбёжки её тело до пояса опухло, посинело и даже местами почернело. В такой обстановке родила меня, выходила.

24 мая 2001 г. Четверг. В 12:30 у памятника Тысячелетию России началась торжественная церемония открытия в четырнадцатый раз проводимых в Новгороде Дней славянской письменности с возложением венков к фигурам Кирилла и Мефодия. Был молебен. Дети пели гимн Кириллу и Мефодию. В речах ни словом не обмолвились о Б.С. Романове. <...>

Попытался встретиться с отцом Анатолием¹⁶, но не удалось: его обступили прихожане, а я постеснялся, и теперь не знаю, когда представится случай вручить ему фотографии с прошлого празднования Кирилла и Мефодия. Возле Софии одна знакомая журналистка атаковала, не дав возможности что-либо ответить: «А что-то, Володя, я не вижу тебя в храме... Или у тебя свой храм? Тебе-то надо, надо быть там...» – и влилась в толпу, образовавшуюся у западных, «сигунских» ворот. Давно ли она проповедовала безбожие! – а поди ж ты, как уверовала: опять я неправильный. <...>

27 мая 2001 г. Воскресенье. Проснулся с воспоминанием окончания сна: бегу по порожкам очень длинного сводчатого коридора, бегу не один, а взявшись за руку с Настей, девочкой из нашего хора; будто бы это часть какой-то игры. Постепенно ноги мои не касаются порожков, лечу. «Я умею и вот так» – говорю Насте, и взлетаю под потолок. Старому хрычу – младенческие сны. Расту, вишь. <...>

15 июня 2001 г. Пятница. Весь день занимался отмокской: носил битый кирпич, щебёнку, месил раствор... Всё болит, руки, как свинцовые плети, и вдруг Светлана Леонидовна просит поиграть на гусях; она готовит поздравительную магнитофонную запись <...>. Вот бы с такими руками кто-нибудь из профессиональных пианистов или скрипачей поиграл. Я побренчал. Конечно, плохо. В записи получилось рвано. С.Л. говорит, что хорошо. Жаль.

17 июня 2001 г. Воскресенье. <...> Пишу этот дневник просто. Не ищи, читатель, в нём мудрых размышлений. Мне не до возвышенностей. Пусть обыденные мелочи рассказывают потом, как возник и жил наш маленький дом и маленький, обижаемый прохожими кусочек земли. Здесь никто не осудит тебя за твой родной наряд, за твои песни, за обычаи и лучшие нравы твоих предков.

Сегодня берёзку нашу вновь, как и в прошлом году,

обломали: кто-то в бане без берёзового веника вымыться не может. Берёзка красивая. Но красотой своей не каждого остановит от посягательств.

Уже три часа ночи нового числа. Надо уснуть. Но что-то тревожит. Усну ли?

25 июня 2001 г. Понедельник. С утра был на топонимической комиссии. Возвращаясь, посмотрел на Троицкий–XIII раскоп. Верхние слои. Найдена глиняная свистулька. Был на базе в камеральной лаборатории и зарисовал эту свистульку с отбитой головой животного или птицы. Очистил её от грязи, и она очень чисто зазвучала на четыре голоса, т. к. два игровых отверстия оказались разные по величине. Хорошев¹⁷ сказал, что Янин с Рыбиной¹⁸ приедут 29 июня. Вечером показывал музыкальные инструменты археологам из Дании и Литвы. У одной девочки из Литвы типичное лицо с чистотой, идущей из глубины веков.

27 июля 2001 г. Пятница. Всю ночь не спал. Не мог уснуть и днём, вплоть до начала лекции-концерта, иначе археологической пятницы, побаливал живот, раскалывалась головушка от тупой боли, знобило. Но, лекцию-концерт осилили. Студентов было мало, но приходили люди, приезжие и местные, которым мы сообщили о том, что у нас сегодня будет рассказ о музыке древних новгородцев. Был Олег Фёдорович Очин с семейством. Десять лет назад, когда он был председателем Горсовета, именно он посоветовал создать и возглавить смешанное товарищество – Центр музыкальных древностей. Он в конце вечера выступил с очень добрыми словами в наш адрес.

Сейчас зарываюсь в постель. Надо отдохнуть перед завтрашним приездом А.А. Зализняка.

Рушане тыжились-тыжились, сопели-сопели, и нашли-таки тыжика от сопели. В слое XI века!¹⁹

28 июля 2001 г. Суббота. Оказывается, у меня была температура – и в предыдущие дни, и сегодня. К полудню она уменьшилась до 37,5°. Часа два среди дня спал и проснулся мокрый. После этого всем рассказываю, как я лечился градусником. В четыре часа дня был у Янина–Рыбиной. А у них – Носовы²⁰ и Зализняк. Ели-пили до шести. Потом с Андреем Анатольевичем собрались у меня, он смотрел обранные страницы. <...>

2 августа 2001 г. Четверг. Мы в Торжке. Много полуразрушенных церквей XVIII–XIX вв. Они были построены на месте древних храмов – XII века и несколько более поздних. В прошлом веке, точнее, в XIX и в начале XX века город был интересен и местностью, и постройками и, надо полагать, был ухожен. <...>

А.А. Зализняк и В.И. Поветкин за просмотром берестяных грамот. Июль 1998 г.

3 августа 2001 г. Пятница. <...> П.Д. Малыгин²¹ проводил для нас экскурсию по Торжку, по его древностям. Потом в музее была пресс-конференция, посвящённая археологическим открытиям в Торжке за последний период. Выступали В.Л. Янин, потом я, наконец, П.Д. Малыгин. Подписали письмо к министру культуры с обращением о поддержке археологических исследований в Торжке.

К отъезду успели посетить школу золотшвейного искусства, затем музей золотного шитья при фабрике. <...>

Вечером прибыли в Новгород. Привезли зажатую между двух больших стёкол торжокскую грамоту № 17. В скором времени посмотреть её пришли А.А. Зализняк, Изабелла²² (языковед из Швейцарии), потом Янин–Рыбина²³. Как всегда, это было оживлённое обсуждение читаемого нового текста. С сожалением сейчас думаешь, что всё это надо было записать на диктофон: так много шуток, неожиданных поворотов в рассуждениях. Но думать надо было вовремя, и записывать тогда же.

6 августа 2001 г. Понедельник. С 10 часов утра занимался с грамотой. Время от времени снимаю верхнее стекло, переворачиваю и сухой стороной укладываю вновь на грамоту. Испарину на стекле промокаю полотенцем. Потом переворачиваю грамоту и то же самое проделываю с другим стеклом. Так, постепенно из бересты выходит влага. Кое-где увеличивающиеся трещины подклеиваю.

В 12:00 приходил Сергей Дубовицкий²⁴, с микрофоном, я рассказывал ему о поездке в Торжок, о реставрации 17-й торжокской грамоты, о нашем общем русском небрежении к земле, по которой ходим, на которой живём. Великие наши помыслы проверяются нашим отношением к обыденным делам и вещам. <...>

Том 3.
(14.08.2001 – 30.06.2001)

14 августа 2001 г. Вторник. <...> В четверг мечтаем поехать в Пестовский район поговорить, пообщаться с жителями деревень. Может быть, удастся что-либо записать из песен.

16–19 августа 2001 г., четверг–воскресенье – поездка в Пестовский район Новгородской области; общение со старожилками различных деревень.

Записываю по приезде. <...> Участники поездки – Н.Н. Попова, Ю.А. Гончаров²⁵ и я.

16 августа 2001 г. <...> Медовикова Валентина

Алексеевна – директор Д.К. д. Заручевье-1 – устроила на ночлег, подарила кусок ткани для матраца «постельник», показала полотенце с древним вышитым сюжетом. Сделали фото.

Ночевали в доме её матери, без освещения. А перед тем были в деревне Горбухино, в обрушившемся доме нашли некоторые бытовые предметы. В доме напротив первого, заброшенном, увидели много предметов быта, нетронутых, словно хозяева только что ушли, в жильё даже не заходили, т. к. всё на своих местах; занавески на окнах, застланные постели, а снаружи дом зарос высоким бурьяном. Мы ушли, ничего не потревожив. Возвратились в Заручевье затемно. Поели в темноте, и спать. Часа в два ночи – «Вот цветёт калина в поле у ручья...» – это парни и девушки возвращаются домой после гуляний. <...>

К сумеркам над лугами, проникая на деревенскую дорогу, расстился густой туман. После рассказов здешних людей, понимаешь со всею болью: вот на ком, вот на чьих бедах, труде держалась наша государственность. Они почти все ушли, уходят последние носители старинного образа жизни. А мы едем на автомобиле «ТОУОТА» в Пестово для того, чтобы с утра вновь сюда приехать и попытаться счастья: а ось у бабушки Евдокии будет настроение получше.

На археологической базе. Берестяная грамота № 17. Торжок. 2 августа 2001 г. Фото Е.А. Рыбиной

18 августа. Приехали между восьмью и девятью. У бабушки Евдокии дверь на замке: ушла по ягоды. Потом, ближе к вечеру мы с нею всё же повидались. Она очень подвижная для своего возраста. И совсем меня поразила она, когда запела «Как по морю...», «Как пошли ли наши девушки во пир пировать», другие старые песни; так внятно, что прямо ушам своим не верилось. Такие песни записывались здесь давно, они вошли в сборник «Традиционный фольклор Новгородской

области», их записывали В.В. Коргузалов и В.И. Жекулина и другие ещё в 1960–70-х годах. Но записать их сегодня не менее важно. То, что бывает с помощью нот записано в книгах, не всегда удаётся спеть, как это было в жизни. <...>

24 августа 2001 г. Пятница. <...> Вечером у Янина–Рыбиной было застолье на окончание археологического сезона. Потом с Н.Н. Гринёвым²⁶ зашли в Центр, пили чай, я просил его, чтобы он как-то отметил заслуги В.Ф. Гребенникова перед музеем, в котором имеются различные его работы, в том числе и единственная в своём роде недосыгаемая по исполнению копия фрески деисусного чина из Софии Новгородской. <...>

13 сентября 2001 г. Четверг. В 16.00 были с Натальей Николаевной на открытии выставки традиционной японской куклы в Детском музейном центре. Замечательные куклы.

Но и мы хороши: готовы говорить по-японски, мастерить из бумаги птичек, познавать театр Кабуки, восхищаться всем японским, и при этом привязать на синтетическом шпагате ручку к книге посетителей, в которой жирная клетка важнее написанных слов, а самое главное, мы не знаем ни родных колыбельных песен, ни родной одежды, ни родных кукол. И не хотим знать.

17 сентября 2001 г. Понедельник. <...> В народном быту образовалось сложное переплетение, а иногда параллельное сосуществование дохристианских обрядов, праздников, понятий – с религиозными представлениями, воспитанными церковью. Нынешние «христиане» боятся «язычества». В итоге русские, родные люди разобщаются. <...> рассказал, что его жена стала фанатиком на почве христианства, и пошёл разлад в семье вместо объединения. А сколько «святош» свалилось на меня за последние годы! Это они-то за меня, грешника, молятся? Это они-то всепрощающе любят? Показали себя так, что и писать не хочется...

6 октября 2001 г. Суббота. Приходил В.Г. Бабанов²⁷. Играли в шахматку-лохмотья²⁸. Л. Шитенбург²⁹ направил его к В.Ф. Гребенникову и ко мне за помощью в составлении эскизов костюмов для участников оркестра русских народных инструментов. Костюмы, по мнению Шитенбурга, должны быть стилизованные, с элементами народной русской одежды. Ещё вчера, когда были у Н.Н. Ренкаса³⁰, я отказал Шитенбургу в помощи такого рода. Одежда должна быть или вполне традиционной русской, скажем, северной, или же надо продолжать оркестрантам одеваться так, как это было при В.В. Андрееве – создателе Великорусского оркестра. Середины не должно быть. Об этом сегодня и Бабанову сказал.

Потом строгал, пилил, долбил, клеил – до 8 утра. А когда теперь спать? Уже новый день настает.

17 октября 2001 г. Среда. <...> Елена Владимировна Торопова³¹ привезла из Старой Руссы деревянные музыкальные находки – колки струнных инструментов и пыжи – 5 штук – детали сопелей. 6-й предмет – не пыж. <...> Расстрою их, когда скажу, что эта находка не от музыкального инструмента. <...>

Наш котик – «Рыжий» – ходил по клавиатуре двух пианино, а гости в зале думали, что кто-то играет. Сколь смутно время, столь и случайные звуки – музыка.

29 ноября 2001 г. Четверг. <...> Вечером получил письмо из Америки от Ильи Тёмкина³², который был у нас на Ивана Купалу. Он прислал статью Айна Хааса о межкультурных контактах и эволюции балтских гуслей-псалтирей. <...> Илья пишет также о том, что на одном из концертов встретился с Маарисом и Илгой из Латвии, которые помнят обо мне. «После концерта выяснилось, – пишет Илья, – что игрок на *koklece, Māris, так же как*

и солистка ансамбля Ilga, Вас хорошо знают, а Маарис считает Вас своим учителем. При виде моих гуслей с игровым окошком, первое, что он воскликнул, было: „Поветкин!“. Вот как неожиданно выясняется, как тесен мир, связанный с музыкальными инструментами Древнего Новгорода, и все дороги неизбежно текут в Ваш Центр музыкальных древностей».

Да, у судьбы свои забавы: латыши и русские теперь друг о друге узнают через Америку. <...>

2 декабря 2001 г. Воскресенье. <...> До утра, до полвосьмого, занимался с хранящимися в воде деревянными музыкальными находками: менял воду, промывал находки, чистил посуду от каменистого налёта, образуемого водой. Надо все скопированные находки передать в лабораторию по консервации древесины: дерево, извлечённое из слоя земли, в воде долго не должно храниться. Кое-что уже перележало. Вот результат того, что мне не удаётся заниматься своим главным делом.

Заседание Новгородского общества любителей древности. 2007 г.

15 декабря 2001 г. Суббота. Приходил В.Г. Бабанов. Убили время за играми, которые, кажется, совсем среди русских стали редкими. Раньше бывало, придёшь к кому-либо в гости – сидят, играют в шахматы, а чаще в шашки. Да и мы с Бабановым забыли уже, когда играли в шашки, забыли даже некоторые правила игры. И спросить не у кого. <...>

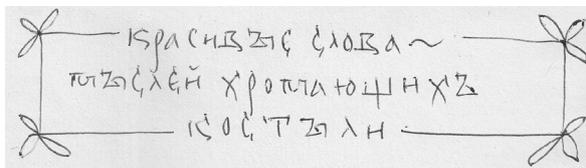
Лёт поздно, к утру. Но вскоре проснулся. Бессонница. Разгорается новый день, воскресенье, а по-старому неделя.

20 декабря 2001 г. Четверг. Занимался штукатурными работами и побелкой мастерской возле Зала. Все дела движутся крайне медленно, так как то одно, то другое приходится искать: на место не возвращают то, что берут. Да и я не лучше: забываю и зануда. Одно спасает: смеюсь без причины.

24 декабря 2001 г. День – понедельник – улетел незаметно. Но сделано немало <...> Позвонил часов в шесть – начале седьмого в Чудово. Поздравил Дарью с днём

30 июня 2002 г. Воскресенье. Убивал время со статьёй. Верховный Громовержец, играя на гусях, проливает на Матерь-Землю плодородный дождь. Разыгрался. Вечером был у Янина. Он разыскал среди своих материалов газету 1937 г. под названием «Колотушка».

**Том 4
(01.07.2002 – 06.07.2003)**

25 июля 2002 г. Четверг. <...> Вечером был на базе. На новом раскопе, на Оловянке, которому, вероятно, дадут название Никитинского, найдена необыкновенная вещь – карта для плетения поясов. Она довольно ранняя, века XIV–XV. Её надо показывать в учебниках по истории русских рукоделий.

13 августа 2002 г. Вторник. <...> Сегодня нашли 925 грамоту. В ужасном состоянии. Небольшой обрывок, но для реставрации очень тяжёлый. Это было до обеда. А к вечеру нашли ещё одну – 926-ю, почти целую, хотя поремонтировать её тоже придётся. Поначалу Хорошев о ней сообщил, что она написана с белой стороны бересты и при разворачивании рвётся на мелкие кусочки. Из-за опасения, что она разрушится, решили сразу же передать её мне. Без прочтения! Случай небывалый.

Было уже семь часов вечера. Ко мне пришли со «Славию» снимать сюжет о том, как писались в древности берестяные грамоты. Пока они устанавливали аппаратуру, я залил грамоту горячей водой, развернул, частично расправил рваные куски и основную часть бересты придавил стеклом. Так грамота осталась в ванночке. А я на полчаса ушёл к Янину–Рыбиной. <...> Когда вернулся, начались съёмки. В первом часу ночи я, наконец, был свободен. Режиссёр и оператор остались довольны: на экране будет показано от отрывания куска берёсты от рулона бересты, от расслоения и смазывания лицевой поверхности постным маслом до написания текста древней новгородской берестяной грамоты № 605 и обрезания её с четырёх сторон вровень с написанным.

В первом часу наскоро поел и занялся грамотой. К началу пятого грамота была подготовлена для склеивания. Она зажата между двумя стёклами, подсыхает. Я записал её текст. Завтра, если Янин или Зализняк позвонят, мне будет чем их обрадовать. Впрочем, особой радости, возможно, не случится, т. к. грамота долговая, не столь художественная, как некоторые. А сейчас полшестого. На боковую!

16 августа 2002 г. Пятница. <...> Потом, к вечеру позвонил Хорошев и сказал, что из Старой Руссы везут берестяную грамоту. В пятом часу её принёс ко мне Кирилл Самойлов. Она толстая, как ремень, тугая. Разворачиваться не хотела. Пришлось расслаивать в скрученном её состоянии. Ещё в древности она была неравномерно растянута, особенно один из двух кусочков – узкий. Поэтому необходима была операция распаривания под

струёй пара. Я успел сделать за 2 с лишним часа почти невозможное. Выправил деформацию двух кусочков, собрал их, склеил и даже успел переписать текст на бумагу. В 20:00 А.А. Зализняк начал археологическую «пятницу». Он рассказал о наиболее целых новгородских грамотах, вплоть до 928, а также и о новой старорусской грамоте № 37. <...>

8 сентября 2002 г. Воскресенье. <...> На солнце можно смотреть и не быть ослеплённым. Его красный диск растерянно плывёт в небе не в силах пробиться своим светом сквозь дымное одеяло, окутавшее новгородскую землю. Этот дым – лесные пожары и горящие торфяники – дело рук человеческих. Люди пожинаят посеянное. Но Солнце – Солнце! Во всю жизнь не видел такого. Словно тайное подсмотрел.

19 сентября 2002 г. Четверг. <...> Приехали Янин–Рыбина. Они приходили, смотрели берестяные грамоты. Показал им витрину с музыкальными древностями. Янин сказал, что моя работа останется в истории, и что не надо обращать внимания на академистов... Они впервые услышали жужжалку, открытую на Троицком раскопе в нынешнем сезоне. <...>

24 сентября 2002 г. Вторник. Конференция длилась до обеда. На закрытии её я рассказал о своём вешем сне в начале 1970-х годов, когда едуци в поезде, я проснулся от возгласа: «Это же гусли-самогуды!» А через несколько лет мне пришлось заниматься восстановлением древних гуслей. Перед этим рассказом я, выйдя к столу, объявил, что я самый счастливый человек. И начал рассказывать сон. Потом сообщил, что «в этом году к Центру муз. др. обратился Госуд. Историч. Музей с просьбой сделать для их экспозиции гусли домонгольского периода. Договор я заключать не стал, т. к. не уверен, что смогу его выполнить. Но в собрании Центра имеется инструмент, который мог бы подойти для заказчика, и я буду просить В.Л. Янина, академика, руков. Новг. арх. экспедиции от имени высокого собрания, посвящённого 100-летию А.В. Арциховского³⁸, от имени Новг. экспедиции, Новг. Центра муз. древностей, от имени Великого Новгорода подарить эти гусли Госуд. Ист. Музею в Москве. Вот эти гусли». Подошёл к Янину, вручил гусли, трижды поцеловались.

Потом до 18 часов мастерил ящик для упаковки гуслей, сделали салфетку и шнурочек и, завернув и перевязав гусли, вложив их в ящик, отправился к Янину–Рыбиной. Они присоединили гусли к своему багажу. Рыбиной отдал статью по муз. инструментам для журнала «Родина». <...>

29 сентября 2002 г. Воскресенье. <...> Вдруг вспомнил, что сопель середины XI века я восстанавливал по фотографиям, точнее, по одной документальной фотографии, сначала опубликованной в «Резных деревянных изделиях» Б.А. Колчина, а потом, через несколько лет, уже непосредственно по снимку, сделанному с мокрой находки. Эта работа проводилась в 1980-м и в последующие годы.

В 1984-м пришёл к убеждению, что сопель была сделана из ивы. Иву я разыскал в лесочке за посёлком Шолохово по дороге на Нередицу. Знаю, как выглядит, но

Владимир Иванович Поветкин. 2005 г.

Фото В. Левицкого

Деревянные скульптуры (1971–1974 гг.) на выставке работ В.И. Поветкина «Мой новгородский путь» в Центре музыкальных древностей. 2003 г.

Фото А.А. Кочевника

Лекция-концерт В.И. Поветкина по музыкальной археологии в Центре музыкальных древностей. 2004 г.

Фото А.А. Кочевника

Парадное крыльцо здания Центра музыкальных древностей,
построенное в 2009 году В.И. Поветкиным. 2013 г.

В.И. Поветкин за работой над гуслями XII века для Новгородского государственного
объединенного музея-заповедника (на переднем плане слева – возвращённый к
первоначальному виду археологический фрагмент гуслей XII века). 2007 г.

Фото Н.Н. Поповой

Вручение В.И. Поветкину знаков Почётного гражданина Великого Новгорода. 2007 г.

Фото А.А. Кочевника

В.И. Поветкин с гостями и участниками хора Центра музыкальных древностей в день открытия 14-ой памятной выставки художника С.И. Пустовойтова «Симеонова тысяча храмов». 9 мая 2009 г.

как её разновидность, точно назвать не ведаю. А первые образцы, варианты, делал сначала из можжевельника, потом пробовал из бузины. Но лишь стволлик нечаянно встреченной тогда ивы, росшей возле дороги аккуратными кустами, оказался похожим, судя по фото, на дерево, из которого была сделана древняя сопель. Эта разновидность ивы оказалась и по свойствам очень подходящей для изготовления сопели. Казалось, что в 1980-х годах я решил все вопросы по восстановлению сопели XI в. Сначала были попытки изготовить её с клювовидным свистковым устройством. Было два варианта. Окончательный же вариант получился с тупым свистком, как у курской пыжатки. Хотелось сделать с клювовидным, но на фотографии был виден излом, который можно было продолжить по-разному. Ориентиром была тупоконечная сопель рубежа XIV–XV вв., других документов не было. В 1990-х годах археологи нашли загадочный предмет, который я признал обломком сопели XIII века. Сопель имела клювовидную головку. Долгие годы я ожидал, когда же обнаружится деталь – пыж, вставлявшийся в сопель. В 2000 году в слое X века нашлись два пыжа и поделка, похожая на пыж, которую, вероятно, делал ребёнок. На следующий год в Старой Руссе нашли серию пыжей от сопелей. Все они, и новгородские X-го века, и старорусские XI-го века, все принадлежали сопелям с клювовидным завершением. Сейчас их копии, сделанные из здоровой древесины и снабжённые соответствующими дополнениями в местах утрат, расположились в витрине в нашем зале. Вдруг сегодня до меня дошло, что надо делать вариант сопели XI века с клювовидной головкой. К этому теперь имеются все основания. Двадцать с лишним лет потребовалось на восстановление сопели, от которой к 1980-м годам осталась лишь фотография. Сама же сопель в виде крупного с расколами ствола и повреждённым, с утратами, свистковым устройством была найдена на Ильинском раскопе в 1964 году. <...>

7 октября 2002 г. Понедельник. <...> Вдруг в полевого журнале 2000 года увидел рисунок, который сопровождается надписью – «дер. поделка». Очень похоже на пыж от сопели. Сам предмет, уже пропитанный полиэтиленгликолями, находится в специальной морозилке. На один миг Эмма Константиновна³⁹ показала его, вытащив из морозилки. Это и в самом деле оказался пыж сопели из слоя второй половины X века – самое древнее свидетельство сопелей. И из числа подобных свидетельств сопель, которой принадлежал пыж, была самой крупной, с диаметром ствола до 27 мм. Нашли этот пыж в 2000 году, вероятно, в августе, когда мы были на Готланде, а возможно, и позже, когда я занимался с восковой книгой и потому на арх. базе не бывал, не видел поступивших с раскопа находок. <...>

21 декабря 2002 г. Суббота. <...> Кажется, во сне сегодня рассуждал так:

«В религии – верят.

Вне религии – рассуждают».

Если так, то нельзя не заметить, что многие воцерковлённые люди, люди, принявшие крещение в недавние поры, прямо-таки фанатики от религии, с пеной у рта – рассуждают.

22 декабря 2002 г. Воскресенье. С утра по радио

рассказывали о путешественнике Фёдоре Конюхове, расспрашивали его, он отвечал. Ведущая, задававшая ему вопросы, так и норовила превратить его в мировую, международную, безродную личность. Но он восхитительно хорошо, добродушно, с веротерпимостью ко всем народам и с неподдельным уважением к своей Родине давал ответы. Сильный, умный, простой, добрый. Такие радиопередачи редки.

К вечеру расчищал снег вокруг Центра. И вдруг, с западной стороны, там, где была густая и аккуратная ёлочка, – пустое место. Вот как обходятся для нас новогодние праздники.

Если хочешь насолить человеку, сломай посаженное им дерево. <...>

15 января 2003 г. Суббота. <...> Услышал: «Дневники – это не жизнь, это то, что надо выкидывать». Согласен. Давно понимаю, что надо прекратить описание мелочных каждодневных забот. Тем более, что на записи уходит время. Но всё же ещё не решился остановить ежедневные записи, которые когда-то никак не мог начать. Был момент, когда они оказались полезны – при реставрации восковой книги.

Полпятого утра. Сон-сон! На меня!

16 января 2003 г. Четверг. <...> Снег начал таять. На дорожках скользко. На рабочем входе, а ещё больше на парадном, собрались наледи. Это нам ежегодное наказание. Порожки становятся покатыми, очень скользкими. И людей, бывало, надо держать за руки и заводить в Центр, а потом выводить. Так устроена наша крыша: с неё течёт на крыльцо и замерзает горбом⁴⁰.

10 февраля 2003 г. Понедельник. С утра заходил А.С. Хорошев. Он передал пакет из Госуд. Истор. Музея, а в нём две книги – «Россия – Православие – Культура» и «Патриарх Никон», а также грамота за изготовление для ГИМа гуслей XIII века.

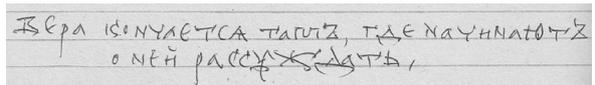
Для них это – изготовление. А для меня – воплощение всего реконструкторского опыта. Для них – это предмет, экспонат. А для меня – национальное сокровище. И потому я не продавал его, а подарил.

Ну и то хорошо, что вспомнили. На грамоте подпись заместителя директора ГИМа – Егорова и дата – 6 февраля. Это день рождения Янина. Возможно, он их и надоумил поблагодарить меня.

Янин, когда приезжал на конференцию в январе этого года, сказал мне, что 26 декабря он вручил Егорову гусли. А тот выразил неудовольствие, узнав, что тёмные части на гуслях являются копией, но не оригиналом.

Бедные умы. Умы – кающие ... <...>

14 февраля 2003 г. Пятница. <...>

24 февраля 2003 г. Понедельник. <...> Вдруг телефон: звонит Елена Рыбина и сообщает, что умерла Таисия Алексеевна Смирнова, завтра похороны. Прощание в похоронном зале в полвторого.

Потом я дозвонился Н.Н. Гринёву. Просил, чтобы под текстом соболезнования, который будут публиковать, поставили бы и мою фамилию.

Т.А. Смирнова в 1970-х годах возглавляла музей и по устной договорённости с ней я жил без прописки на Ярославовом дворе. Идеологи её поджимали, и она вынуждена была несколько раз просить меня освободить помещение. Я, как договаривались, по первому её требованию начинал освобождать. И когда многое уже было отправлено в посылках в Курск, кто-нибудь приходил из музея, а чаще всего это была Л.И. Петрова, и говорил: «Оставайся, нам нужны твои золотые руки. Оставайся: вроде вопрос улажен...» И в таком роде. Раза четыре мои вещи ездили в посылках взад-вперёд – Новгород–Курск, Курск–Новгород.

Из Обкома партии ей звонили и не рекомендовали заключать со мной договор. А когда она попыталась его сделать каким-то обходным путём, ей позвонили и сказали: «Ведь мы Вас предупреждали». Словом, благодаря ей я стал новгородцем.

26 февраля 2003 г. Среда. С утра Ольга Павловна [Шадурская] принесла газету «Новгородские ведомости», в ней статья Светланы Александровны Потаповой «Уроки жизни Владимира Поветкина». Прочитав, позвонил ей и сказал, что она талантливая журналистка.

После десяти утра приходили с «Триады» – делали сюжет для «Новостей». И Мама моя тоже рассказывала, хорошо.

<...> Получил письмо от Ольги Ивановны Маничкиной. Собирался ей написать, и вот, всё получилось наоборот.

27 февраля 2003 г. Четверг. С утра принесли газету «Новгород». В ней статья А.Г. Пшанского к моему юбилею – «Первопроходец». Он пишет профессионально.

21 апреля 2003 г. Понедельник. Ремонтировал дорожки со стороны строящегося дома на месте бывшего к/т «Октябрь». Вколачивал колышки и натягивал разноцветные верёвочки – символическое ограждение. Сжигал мусор.

22 апреля 2003 г. Вторник. В такой день устраивали Ленинский субботник. Сегодня тоже пытаются в один день решить вопрос чистоплотности.

Человек каждый день и час должен соблюдать чистоту. Это тот предмет, который в школе обязан стоять на первом месте. Но, увы! <...>

28 апреля 2003 г. Понедельник. <...> В Маловишерском районе в Оксочах подожгли школу. Двухэтажное

старинное здание сгорело полностью. Вот они, наши мирные будни. Сколько сил отдала этой школе Лидия Михайловна Почтовская! Как лелеяла, создавала там обстановку любви к народным обычаям, песням, одежам! Привозила ребят в Новгород, к нам в Центр. Иногда она рассказывала о пассивности тамошних учителей, ожидавших, что она за них будет проводить работу. Видно, после её ухода, школа стала приходиться в запустение. И вот, дождались...

17 мая 2003 г. Суббота. <...> К вечеру чистил дорогу с северной стороны нашего участка. Строители соседнего дома сильно повредили её, автомашины разбили колею вконец. Надо было снимать слой наезженной земли, грязи, булыжников. Шли двое ребятшек лет тринадцати. Спрашиваю: «Лопатой работать умеете?» – «Умеем», – «Давайте уберём этот бугор... стесняетесь?» – «А сколько денег будет?» – «Нисколько: я бесплатно убираю, чтобы вам удобнее было ходить». И они пошли дальше. <...>

28 мая 2003 г. Среда. <...> К 17.00 пошли в областную библиотеку. Там выставка, посвящённая моей работе. Меня при мне хвалили. Чувство неловкости. Говорил, как на исповеди. Пели курскую песню «Да по улице» с Натальей Николаевной. А в конце «встречи» под гусли девушки плясали «Кружка», «Камаринскую», «Под песню». Потом – «Красивая солнушка». <...>

Том 5
(06.06.2003 – 02.12.2003)

11 июня 2003 г. Среда. Ходил к старому дубу. Там полное запустение. Несколько часов убирал мусор вокруг Дуба, выкорчёвывал лопухи, крапиву и другие сорняки. Вчера приходила Александра Николаевна Мартынович с биологом. Я с ними не виделся, но Наталья Николаевна

рассказала, что Александра Николаевна считает, будто я смогу решить судьбу Дуба, спасти его от разрушения, от гибели. Она считает, что я смогу дать биологу какой-то совет. Но я могу лишь одно – убрать мусор вокруг Дуба, как уже бывало прежде. И вот я пролез сквозь забор на территорию «Зелёного дома», куда в последние годы не решался проникать, и навёл порядок. Страшные люди: несколько лет теоретизировали, произносили патристические слова, и не берегли дерево.

Один художник рисует на холсте. У другого холстом является земля. На земле он строит дома, храмы, дороги. И убирает нечистоты, как тот художник снимает пылинки с холста.

23 июня 2003 г. Понедельник. <...> Почитал отдельные места дневников Георгия Васильевича Свиридова.

Его оценки со временем менялись. Но боль за родное, за идеалы русской земли – постоянна. Жаль, что не представилось случая пообщаться. Мало кто из людей такого уровня, рассуждает, как он.

Ночью минувшей по ТВ видел фильм Акиро Куросавы, вероятно, это «Знамёна самураев». С какой любовью он показывает быт японцев! Как красиво! На мгновениях красоты глаз прямо застывает. И он этому очень способствует. Вот чем может гордиться художник, режиссёр, всякий мастер. При этом фильм содержателен, серьёзен, создан средствами кино, условен на каждом шагу.

7 июля 2003 г. Понедельник. <...> Там же на базе ко мне подошли киношники из Москвы. Они хотели снять наш хор во время праздника типа Купалы, т. к. то, что им показали <...> им не подходит. Я ответил, что мы празднуем без журналистов, без телевидения и кино. Но если им будет нужно, то они могут сделать съёмки нашей лекции-концерта в Центре. Это их тоже не устраивает. Им нужно нечто неподдельное. Удивительные люди! Сначала в течение почти всего XX века крушили весь уклад народной жизни, а теперь покажи им крупицу того, что чудом где-то уцелело!

Лекция В.И. Поветкина. 2003 г.

Более изувеченного народа, чем русский, кажется, история ещё не знала. Геноцид – это когда искореняются культурные традиции.

Берегите свою культуру, как зеницу ока!

Берегите свою культуру, как зеницу ока!

Берегите свою культуру, как зеницу ока!

К кому обращены эти слова? К кому, если тут же – Свобода, Равенство, Братство. И интернационализм. И авторское самовыражение. И оригинальность. И самодетальность. И мода, мода, мода – французская, американская.

11 июля 2003 г. Пятница. <...> В «Новой Новгородской газете» за 9 июля 2003 г. в статье Кирилла Привалова «Возможен процесс „Народ против печников“» меня называют ошибочно Почётным гражданином Великого Новгорода. Ольга Павловна позвонила в редакцию: там не сомневаются, что написали правильно.

А мы знаем всё наоборот. Ирония судьбы.

22 июля 2003 г. Вторник. Грамота 939 тяжёлая.

Основная запись сделана на белой стороне берёсты. Сильное расслоение на тончайшие лепесточки, которые очень трудно подтянуть один к другому из-за сильной усадки. Кое-как склеил. Надо распаривать, чтобы белые слои подтянуть к жёлтым, внутренним слоям берёзовой коры. Теоретически это так. А практически – я не представляю, как смогу управиться: всё так искажено, перетянуто, пальцами не ухватиться, им места просто нет. О сложности этой работы знаю лишь я. Со стороны это не оценивается. Тому, кто будет вслед за мной заниматься реставрацией новых берестяных грамот, желаю терпения и надежды, что его труд рано или поздно будет по достоинству оценён, и имя реставратора будет упоминаться в числе остальных или основных исследователей. Сейчас пойду с изувеченной грамотой к плите и под струёй водяного пара буду пробовать хотя бы как-то сблизить порозному усевшие берестяные лепестки, нежные, хрупкие. А иные грамоты так хорошо сохраняются в земле, что их вообще не требуется ремонтировать! Эту же сначала надо было расслоить на две примерно равные части, затем каждую часть в отдельности приводить в порядок.

И вот, белую сторону обработал в парах. Удалось сделать, кажется, невозможное: скрученная до этого, она теперь помещена между стёклами. Теперь есть возможность по второму разу сделать подклейки, подтянуть разъехавшиеся части букв. В некоторых местах удалось достигнуть полного совпадения составных частей букв. Но кое-где ещё в древности при написании букв (например «р») верхние слои бересты были прорезаны. Соединить в таких местах невозможно. Вообще пропаривать вот в таких случаях – огромный риск, это от отчаяния, т. к. ничто другое для восстановления читаемого состояния грамоты не годится.

Подклеив грамоту вторично, понесу её вновь под струю горячего, обжигающего пальцы пара. Думаю, что даже если бы фотографировали процесс реставрации и первоначальное состояние грамоты, то не вполне

можно оценить, что изменилось в результате.

**СЕГОДНЯ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МИХАИЛА
НИКАНОРОВИЧА КИСЛОВА –
ПЕРВОГО РИСОВАЛЬЩИКА БЕРЕСТЯНЫХЪ
ГРАМОТЬ,
ЕМУ БЫЛО БЫ СТО ЛЕТЬ.**

(написано декоративным шрифтом)

22 августа 2003 г. Пятница. <...> Мне предстоит в срочном порядке убирать зал к 25-летию реконструкции гуслей XI века и к 30-летию работы в арх. экспедиции⁴¹.

31 августа 2003 г. Воскресенье. <...> Был два раза на квартире: принёс в Центр двое гуслей, которые строил для себя⁴². Это тип усовершенствованных концертных. Они понадобятся для нового убранства в зале.

3 сентября 2003 г. Среда. Вечером, поздно, перевёз «Вековек»⁴³ в Центр.

Всё нуждается в ремонте. Волосные косички, на

которых держатся деревянные шарики, повреждены, съедены молью. Предстоит много возни. А времени мало.

6 сентября 2003 г. Суббота. <...> Днём приходил А.А. Кочевник⁴⁴. Он сделал два снимка со старого Дуба, у которого пломба опять в безобразном состоянии. Новгородцы недостойны таких реликвий, так как не берегут их, не хотят знать о них, уничтожают. Но говорят много. И громко.

8 сентября 2003 г. Понедельник. Колготился в зале. Расставил «деревяшки» на большом столе, а также на большом пне, над которым висит «Ветхий ковш»⁴⁵. Начал готовить и небольшой стол в левом углу зала. Над ним предварительно попробовал развесить черпаки.

Потом до восьми утра просидел над характеристиками <...>. А сейчас от усталости лыка не вяжу, бай-бай-уюху.

10 сентября 2003 г. Среда. Колготился в зале. Но ничего полезного так и не сделал. Пытался устроить двое гуслей, которые я конструировал в 1976–1977 годах. Но не устроил. Школьный стол для них маловат и низок.

Ночью писал ходатайство в гор. комитет культуры на поощрение наших сотрудниц и участниц хора. А потом художничал на компьютере, создавал грамоту от Центра. Напечатал около десятка грамот на плотной бумаге, картоне.

Восемь часов утра.

11 сентября 2003 г. Четверг. <...> Весь день до пол-третьего ночи печатал на компьютере грамоты. Сделал штук 35. Предстоит сделать ещё около двадцати.

А в зале полный беспорядок. И работы непочатый край.

У С. Малютина день рождения, звонил ему в Курск.

14 сентября 2003 г. Воскресенье. И сегодня возился с грамотами и приглашениями. Лишь ночью, потерявший всякое соображение, повозился в зале: повесил на стендах кое-что из инструментов. Зал для наших материалов явно мал.

16 сентября 2003 г. Вторник. Встал среди дня. Отоспался. Наталье Николаевне и Ольге Павловне понравилось, как я развесил ложки. И мне на свежий взгляд тоже показалось хорошо. Наталья Николаевна до вечера занималась размещением фотографий на щитах. А я продолжил развешивать инструменты. Занимался в зале до шести часов утра. Занял инструментами большой центральный щит. <...>

17 сентября 2003 г. Среда. И вчера, и сегодня всё ещё продолжал печатать грамоты и приглашения. Одновременно пытался дозвониться до приглашаемых.

В зале обустроивал правый угол, размещал там вещи

из бересты и дерева. Провозился до пяти часов утра. Вещей много, поэтому сделал над столом две полки.

18 сентября 2003 г. Четверг. Возился в зале в левом углу. Разместил на столе медные ковши, гребешки, ложки и пр. Загородил тканью трубу, стояк отопительной батареи. Труба являлась плохим фоном для «деревяшек». <...> Ложусь пораньше. Полчетвёртого ночи.

21 сентября 2003 г. Воскресенье. В последние часы, минуты перед началом торжественного вечера надо было успеть сделать многое. Прямо колотить начало. Сделал дополнительную вешалку–временку. Вставил в рамку объявление о выставке. Возился с грамотами: исправлял.

Народу полный зал. Вечер продлился почти четыре часа. <...>

26 сентября 2003 г. Пятница. <...> Вечером была «беседа». Собралось много участников хора.

**Пожалуйста – половину хвори сбросишь.
Посочувствуют – почтай здоров.**

Выставка «Мой новгородский путь». 2003 г.

18 октября 2003 г. Суббота. Занимался статьёй про колокольчики и бубенцы древних новгородцев. Дело едва продвигается, т. к. не хватает данных о находках – паспортов, масштабов или размеров. <...>

19 октября 2003 г. Воскресенье. Прозанимался с бумажками. Всё идёт медленно. Сказывается нехватка знаний и памяти. Прочитал в книжке о том, что подшейные колокольчики в зависимости от материала и способа их изготовления назывались по-разному: ботало (клёпаное из листа), кутас (литой), ропотня (изготавливалась из дерева).

20 октября 2003 г. Понедельник. По крохам прибиваю материалы к статье. Дома нашёл кое-какие книги по колоколам, по литейному производству. <...>

26 октября 2003 г. Воскресенье. <...> Взял на время в археологическом Центре 117 том МИА, Труды

Новгородской археологической экспедиции, том III. В нём статья Н.В. Рындиной «Технология производства новгородских ювелиров» – надо читать.

А ещё сегодня попробовал из воска сделать кое-какие детали литых звонцев – ботал XII–XIII вв., в частности верхнее кольцо и «сковородку». У меня всё получилось, как я вчера предположил: кольцо образовано из закрученных спиралью в два ряда парных восковых «жгутов», а «сковородка» – из одного, более тонкого воскового жгута, пруточка, прутика, тоже скрученного по спирали.

В 18–19 часов ожидал музыкантов – ансамбль старинной зап.-евр. музыки, но они не позвонили, как обещались, и не пришли.

Полжизни ушло на ожидание других.

14 ноября 2003 г. Пятница. Был в музее. Выбирал из коллекционных описей музыкальные древности. Работал без перерыва шесть часов.

18 ноября 2003 г. Вторник. Был в музее, листал коллекционные описи.

Обнаружил обломки глиняных водолеев, таких же, как на Никитинском раскопе. Все обломки прослеживаются на Торговой стороне – на Никитинском, Андреевском, Ильинском и Посольском раскопках.

Увеличилось число погремущек-птичек, шаровидных погремущек и свистулков. И лопаточных трещоток, и других музыкальных предметов.

21 ноября 2003 г. Пятница. Листая коллекционные описи в отделе хранения археологии, обнаружил важное музыкальное свидетельство. Оказывается, что ещё в 1991 году на Фёдоровском раскопе был найден язык, кованный из железа и принадлежавший, вероятно, боталу. Занимаясь вопросом о древних новгородских колокольчиках, я не раз задумывался о том, что если археологи обнаруживают колокольчики и ботала, значит, могут встретиться и железные языки. И вот – первая находка. Не исключено, что подобные находки пропущены не в единственном экземпляре. <...>

24 ноября 2003 г. Понедельник. Был в музее. Даже не предполагал, сколь важно полистать коллекционные описи. Да я и не знал, что у меня будет такая возможность, что мне позволят. Список разных типов музыкальных древностей прибавляется. <...>

25 ноября 2003 г. Вторник. Сегодня отыскал в коллекционных описях ещё один язык, принадлежавший боталу, найденный ещё в 1952 году на Неревском раскопе. К имевшемуся списку бубенчиков прибавилось 22. Сидел с бумажками до полвосьмого утра. До часу дня надо поспать. А потом – опять в музей.

1 декабря 2003 г. Понедельник. <...> Потом хоть ненадолго пошёл в музей. И хорошо: разыскал одно ботало с Неревского раскопа. Зарисовал его, сфотографировал. А ночью колдовал над статьёй. Она едва растёт. Но хорошо то, что она постоянно уточняется, дополняется. Так что я всё время учусь, узнаю новое.

Я тревожусь: материалов так много, что могу не успеть их собрать в кучу, обработать.

Коротенькая жизнь. Только начинаешь входить во

вкус дела, а она уже звонит косою – косою – радостно так-ково.

Начал было писать про языки от ботал, да надо бросать: скоро семь утра.

2 декабря 2003 г. Вторник. Работал в фондах музея. Просматривал содержимое ящиков – находки разных лет. <...>

Перелистывал накопившиеся материалы до утра. В статье начал короткий абзац о шумящих привесках. Их так сложно подсчитать.

Уже восьмой час, половина. И тетрадь на исходе.

Том 6

(03.12.2003 – 31.07.2004)

3 декабря. 2003 г. Среда. Вот и новая тетрадка для моих словоблудий. Хорошо, что пишу с умом: не обо всём, стараюсь о хорошем, себя не забываю похвалить. Ну не писать же того, как иной раз ругаюсь, лезу на стенку, хлопаю дверью, произношу то, от чего уши вянут. Нет, надо писать о хорошем. И обо мне – не плохом, а хорошем. А кто тебя, Володя, ещё похвалит? Ты себя лучше знаешь. Ты себя и похвалишь. И привыкнешь быть хорошим.

Сегодня занимался в фондах музея. Выживаю музыкальные находки. Рисовал одно из ботал, у него хорошей ковки язык. Время убегает там невероятно быстро.

Но и до утра потом с бумагами досаживаю тоже невероятно быстро. Ничего толкового почти не сделал. Но мутит. Значит, надо поспать. Скоро семь.

4 декабря 2004 г. Четверг. Лазал по ящикам с находками в фондах музея. Некоторые вещи зарисовываю и записываю их паспорта во второй-третий раз: боюсь, что пропущу.

Голова кругом от цифр, букв и путаницы с паспортами <...> Приходится проверять и перепроверять. Провозился до утра. А в статье написал полтора слова. Семь...

6 декабря 2003 г. Суббота. <...> Потом занимался со статьёй. Раздел бубенчиков вместе с таблицей надо переделывать, начинать всё сначала, пересчитывать по другому разделению на типы. У М.В. Седовой и Н.В. Рындиной не всё ясно. Кажется, начинаю разбираться.

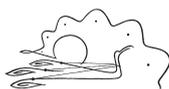
Хоть пиши отдельную статью. Уже полдесятого. Спать некогда. А надо. <...>

13 декабря 2003 г. Суббота. Ох, уж эти бубенчики! Сколько с ними хлопот! Вот и новый день. Надо уснуть.

30 декабря 2003 г. Вторник. Собирал весь свой талант и волю в кулак, чтобы начать подготовку текста доклада на январской конференции 27–29 числа. Еле-еле начал. Но день прошёл. Я словно из ваты сделан. Никаких сил.

31 декабря 2003 г. Среда. Целый день выдавливал из себя умное слово, чтобы в статье-отчёте за 2003 г. начать анализ некоторых находок. Напишу – через какое-то время понимаю, что заумь – зачёркиваю, и начинаю заново. И так допоздна. <...>

13 марта 2004 г. Суббота. В этот день 25 лет назад со мной и В.Ф. Гребенниковым «беседовали» в КГБ. <...>

3–6 апреля 2004 г. Сегодня, 6 апреля, Мама поехала в Курск. <...>

Вчера вечером Мама рассказала, и я впервые узнал, о моих крёстных – это Семён Иванович и Пелагея Тимофеевна Шаховы, у которых мы с мамой потом, в 1948 (?) году, были в гостях – в селе Больше-Солдатском Быковского района. Это там я сидел на пыльной дороге, а ко мне приближались трое бородатых мужиков. Один из них: «Ты чей?» – Отвечаю: «Мамин» – «А мама чья?» – «Папина» – «А папа чей?» – «Мой»... С каждым вопросом и ответом они всё сильнее смеялись, и, уходя, совсем уж расхохотались. Я подумал, что у них с мозгами не всё в порядке, так как они вновь стали выяснять: «А ты-то чей?» Ответ ясен...

Пелагея Тимофеевна повела меня в свой сад «дули есть». Я не знал, что такое «дули». Это оказались маленькие плоды груши. Она пообещала мне подарить «пузырь». Я представил, что это будет надутый большой круглый шар. Но потом я его увидел – маленький стеклянный пузырёк. Разочаровался.

Потом с Семёном Ивановичем на «карете» ездили в степь на мамину родину, возможно, в хутор Катричев. Там я учил плавать кутёнка (щенка) в бочке с водой. Чуть не утопил. Хорошо, что увидели взросты.

В степи собирали кизяки, формовали в кирпичи, сушили и складывали башнями в виде изборских крепостных башен, только с просветами для проветривания.

Во дворе у моих крёстных был скот, полно мух. На дверях в горницу полотняные занавески, и мух – ни одной. На деревянном диване, точнее, широком кресле, стояли две гармони. Мне к ним прикасаться не велели. <...>

5 апреля днём позвонила из Чудово Дарья. Сказала, что утром умер отец Анатолий – протоиерей (Анатолий Иванович Малинин). Самый верный служитель Православной Церкви. В начале 1970-х годов он появился у меня на Ярославовом дворе с предложением что-то сделать из дерева для храма (не помню что). Я отказался, выявляя перед ним своё понимание и представление о жизни. Мы явно были разные. Но, тем не менее, потом случилось так, что своих сыновей он прислал ко мне, «язычнику». <...> Они приходили в гости, смотрели, чем я занимаюсь. Однажды, когда я в очередной раз собирался под нажимом сверху уезжать из Новгорода, в дверь постучали. На пороге был отец Анатолий: «Я слышал, Вы уезжаете из Новгорода. Я пришёл с Вами попрощаться».

Но настоящее прощание состоялось сейчас.

7 апреля 2004 г. Среда. В полночь ходил в Филиппа Апостола и Николая Чудотворца. Прощался с отцом Анатолием. Гроб посередине храма Николая Чудотворца, вокруг в вазах цветы, свечи в высоких подсвечниках, и священник читает Евангелие от Иоанна – один. <...>

В 1978 году в декабре было освящение церкви Николая Чудотворца – впервые при Советской власти. Меня тогдашний настоятель отец Михаил (Елагин) попросил организовать звоны с трезвоном. А я в помощники привлёк Гребенникова В.Ф. <...> Отец Михаил объяснил условия звона: «Чтобы в Обкоме не было слышно, но в округе, чтобы раздавался звон». Задача усложнялась ещё и тем, что звонили мы без репетиции, сразу начисто. А колокольня не была достроена, под ногами у нас не было пола и мы как-то ютились на переброшенной от стены к стене доске. <...> А вскоре, в марте 13 числа 1979 года,

кагебешники мне задавали вопрос о том, как я участвовал звонами в освящении храма Николая.

И вот, моё редкое посещение этого знакомого небольшого храма. Здесь, в Филиппе Апостоле и Николае я участвовал в обряде венчания Гребенниковых В.Ф. и Светланы Вл. Потом отпевали С.И. Пустовойтова, потом Д.М. Балашова. А теперь и отца Анатолия, который всегда служил здесь. Лишь в последнее время он – лет десять – служил в Софии Новгородской. <...>

От родителей нам передавались – при все разрушающей, бесчеловечной идеологии XX века – моральные и этические нормы, характерные для наших народных традиций, хитросплетённых в последние века с православным христианством. <...>

Вероисповедание – личное дело. Но многие воцерковлённые люди лезут в душу. Не могут понять одного: тонущему человеку мы подаём руку помощи, не задавая ему вопроса о его вере.

11 апреля 2004 г. Воскресенье. В Светлое Христово Воскресенье в пять часов утра возле нашего Центра упала верба – высокое дерево, которое ежегодно к Вербному Воскресенью «вербовщики» обламывали, обрубили, опиливали и за рубль – веточка продавали на паперти. Верба подгнила с корня. <...>

Вечером было праздничное застолье с вином, песнями, гармонью, куличами, крашеными яйцами, чаем. <...>

15–19 апреля 2004 г. Четверг – понедельник. Все дни и ночи перепутались. Работал, пока держали ноги.

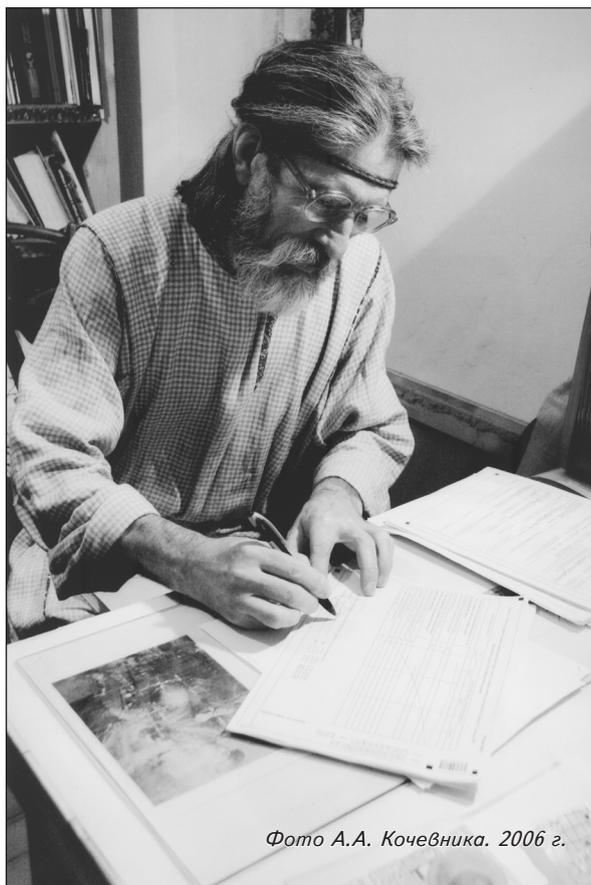

Фото А.А. Кочевника. 2006 г.

Ноги не выдерживали – ложился спать. Просыпался – и опять за работу. Сделал над лестничным пролётом стол с подстольем. <...>

21 апреля 2004 г. Среда. С утра, точнее, с 11 до 12 была лекция для школьников – музыкантов из Петербурга. А потом... Да, и детям понравилось у нас. Организатор поездок, Надежда Алексеевна, сказала, что дети, побывавшие у нас, отмечают наш Центр, как лучшее, что они увидели в Новгороде.

А потом я строгал брусья. Ночью долбил в стенах для брусьев гнёзда. И вчерне успел вогнать брусья в эти гнёзда. Уже утро, скоро восемь. Надо спать: среди дня придут брать интервью по памятнику Рюрику; его всё-таки будут устанавливать – в Питере.

27 апреля 2004 г. Вторник. Сегодня было то же, что вчера: строгал, пилил, долбил, пылил. <...> Некоторые «музыкальные» организации считают, что мы должны читать наши лекции бесплатно. По их мнению, попзвёзды, восковые фигуры – вот ценности, за которые не жалко отдать деньги.

4 мая 2004 г. Вторник. Убирал из зала всё лишнее. Надо срочно делать выставку Пустовойтова – девятую, как девятую симфонию. <...>

5 мая 2004 г. Среда. Занимался в зале. Растерян. Не могу пока что составить основную, стержневую мысль выставки. Правда, вчера я написал почти по-японски стих:

**ДОМЬ БЕЗЪ КРЫШИ – МНОГО СОЛНЦА.
И ДОЖДИ. ДОЖДИ-ДОЖДИ-ДОЖДИ
СЬ;**

(написано декоративным шрифтом)

Я нутром (и наружностью) ощутил всё это, когда года четыре назад менял кровлю у здания Центра. Когда было солнце на чердаке. А потом ливень! И я изо всех своих сил пытался расположить листы железа так, чтобы воду направить наружу. У листов огромная парусность. Но мне удалось! Мокрый до ниточки и не улетевший с крыши, я победил. И вот такие удивительные слова, возникли вдруг! А сегодня я подумал, что у Семёна Ивановича не было мастерской, кроме открытого неба. И солнце, и дождь, и прежде всего дождь – это его стихия. И подумалось, что мой стих и ему подходит. Если не преувеличиваю своих «поэтических» заслуг, то, возможно, посвящаю мои строки Пустовойтову.

Кое-какие результаты моей работы в зале, конечно, есть: Иоанн Богослов на Витке в разных вариантах, в разную погоду и при разном настроении храма и художника. Это на главном стенде, где сидения. А на стенде возле рабочего стола – Антоний Римлянин в разную погоду и в разных поворотах.

13 июля 2004 г. Вторник. <...> Пришла Е.А. Рыбина и сказала, что я включён в группу, которая будет на Троицком раскопе в четверг встречаться с Президентом России – В.В. Путиным. Я должен доставить туда первую страницу Новгородской Псалтири, а также, «если захочу», покажу Президенту какой-либо древний реконструированный муз. инструмент.

Допоздна возился с деревянным застеклённым

ящиком для первой створки восковой книги. Завтра надо продолжать.

14 июля 2004 г. Среда. <...> Закончил изготовление пенала для первой страницы восковой книги. Подтонировал гусли начала XIII века. Всё для завтрашнего показа Президенту. <...>

Поздно ночью сидел с восковыми кусочками Новг. Псалтири. Ничего не подсоединилось. Зрение совсем ослабло. Даже через бинокляры не вижу.

ЭЙ! КТО ТАМ НАД ПРОПАСТЬЮ?

ЭТО Я – ЖИЗНЬ.

(написано декоративным шрифтом)

15 июля 2004 г. Четверг. Дождь непрерывный. В час дня отвезли экспонаты, в том числе Новг. Псалтирь и гусли начала XIII в., в Троицкую церковь. Там охрана президента. <...>

Нас пустили под крышу храма. Там мы ожидали до четырёх дня. <...> Неожиданно открылась дверь: меня искали на улице, наконец, вспомнили, нашли и вызвали в зал, полный охраны и прессы, у стола с экспонатами В.В. Путин и В.Л. Янин. Янин в своём рассказе дошёл до восковой книги и попросил пригласить меня. Путин поздоровался со мной и спросил, долго ли я реставрировал книгу. Я ответил, что работа продолжалась даже в минувшую ночь. Потом озвучивал гусли. Путин с удивлением обнаружил: «И мелодия получается». <...>

Вечером по «Славии» и российским телеканалам показывали всё, что происходило в Новгороде на Троицком раскопе, затем в Троицкой церкви.

Это хорошо, что Президент увидел лирообразные гусли. <...>

Том 7

(01.08.2004 – 26.02.2005)

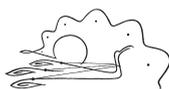
19 августа 2004 г. Четверг. Весь день занимался раствором, делал бетон и заливал в некий ящик; стенки опалубки уже возвышаются над уровнем земли. Теперь следующая забота: надо искать два хороших столба.

Сегодня 35 лет, как я прибыл в Новгород. Помню, как в щёлочку забора разглядывал, какие это там раскопки... А это был Тихвинский раскоп. Там нашли грамоту «И женился тут...». Теперь на этом месте Дворец бракосочетания.

И вчера, и сегодня после бетонных работ сижу с грамотой № 591, это древнейшая азбука. До сих пор она не была склеена. Её из музея несколько дней назад принёс А.А. Гиппиус⁴⁶. Он намерен ещё какие-то грамоты принести на ремонт.

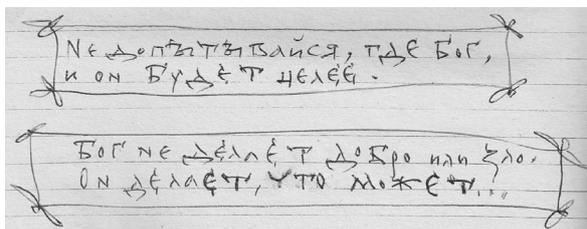
26 августа 2004 г. Четверг. <...> Весь день собирал в округе камни, сначала носил вёдрами, потом возил на тележке, потом помогали Настя и Светлана Леонидовна, носили на пузе, я им запрещал – а всё для обкладки песочной дорожки между Центром и домом № 17 по Михайловой улице. <...>

10 сентября 2004 г. Пятница. <...> Вечером ребята из «Рати» – Семён, Алексей и Антон – помогли перекатить, довести камни-валуны к нашему участку. Положили их

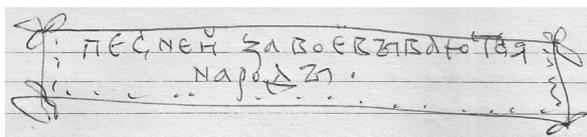

на углу, где машины залезают на нашу дорожку и кусты. Теперь, надо полагать, это им не так удастся. А потом были занятия, учились петь.

15 сентября 2004 г. Среда. <...>

16 сентября 2004 г. Четверг. <...>

Мы, русские, давно уже порабощены ненашими песнями. Только мы в большинстве своём об этом не ведаем.

29 сентября 2004 г. Среда. <...> С поддеватога на ногах, на дорожке. Навозил дёрна, уложил его и уложил по обеим сторонам камни-валуны. Потом укладывал плитки. <...> Дни, недели, месяцы – бегут, проносятся... Давно работаю по две смены в сутки и более.

14 октября 2004 г. Покров. А снега не было. Допоздна провозился в подвале. <...> Вытащил в одиночку огромный камень, не знаю, сколько он весит, возможно, тяжелее меня. Потом отвёз его на тележке и сгрузил, продолжив ряд камней, ограждающих с запада нашу территорию. <...>

Хотел засесть за компьютер, но сил нет.

19 октября 2004 г. Вторник.

Полночь. Едва не плачу от усталости и успешной установки двух опор под висящую часть деревянной пристройки⁴⁷. Началось с попытки поддомкратить угловую часть. Вертикальное бревно, под ним металлическая пластина – прокладка, чтобы не утонуло в земле, а сверху домкрат. В полутора метрах другое бревно на бетонной площадке, оно подклинивается снизу, фиксируя высоту, на которую поднята пристройка. Поддомкратишь у первого бревна, подбьёшь клинья у второго. Так удалось поднять висящую часть пристройки сантиметров на тринадцать, потом решился прикрепить настоящую опору, и, о чудо, всё сошло. Потом установил и другую опору, и тоже сошло. Теперь надо слегка опустить домкрат, чтобы шипы опор вошли чуть-чуть в пазы, чтобы не упали. Затем повыбивал клинья у контрольного бревна № 2 и убрал его,

свалил. Наконец, потихоньку стал опускать домкрат, следя, чтобы шипы точно вошли в пазы. Готово. Можно убирать контрольное бревно № 1 вместе с домкратом. Было, конечно, гораздо больше всяких вспомогательных приспособлений; ведь я всё это делал один! Опоры-бруссы еле приподымаю, их надо устанавливать и постоянно следить, чтобы не упали. Поэтому я проявлял, как говорится, смекалку. Сейчас смотрю и не верю, что всё удалось сделать, что всё это сделать удалось в одиночку. <...>

Деньги, даже если бы их было много, не всё решают. Нужны надёжные, понимающие попутчики. Все мои мышцы стонут.

3 ноября 2004 г. Среда. В 11:00 возлагали цветы у памятной доски на доме Д.М. Балашова. Я что-то говорил. Сказал, в частности, о школе народных ремёсел⁴⁸, расположенной в полуподвале этого же дома. Так о каком величии России, её культуре, можно говорить? А ведь эта школа – младенчество нации. Об обшарпанной стене, на которой висит доска, говорить не стал, устал, т. к. два и три года назад на Оргкомитетах Чтений подымал этот вопрос, и администрация <...> обещала. <...>

16 ноября 2004 г. Уторник. Весь день до ночи строгал заготовки для рамы с северной стороны пристройки. Выпал, наконец, снег. Ветер. Загородил листами картона оконные проёмы. Дела мои идут медленно. Хочу ускорить,

Пристройка к зданию Центра. 2009 г.

и начинается халтура, брак, беспомощность, тупик. Четыре часа ночи. Или более того.

18 ноября 2004 г. Четверток. Спал до двух дня. Потом строгал, клеил, сверлил и т. д. К шести утра собрал две рамы к северному окну. Правда, с ними ещё много возни: ставить навесы, подгонять к оконному проёму и прочее. И в конце стеклить.

Сделать раму – сложно. Это ответственная столярная работа. Гусли изготовить – проще. Но они сложны как объект культурный, исторический.

Веки падают, призывают к снам.

19 ноября 2004 г. Пяток. <...> Вечером приходили участники Хора. Ребята носили песок от парадного входа и ссыпали его в подвал; он пригодится зимой для штукатурных работ. Хорошо, что успели, пока морозом не схватило.

Танцевали «Восьмёрку», «Как и во лузях» и другие.

Строгал до утра. По приёмнику слушал Македонию. Вот у них радио – и слышна сплошь национальная музыка, иногда иностранная классика – очень красивая. И никакой рекламы, кроме последних известий. У нас – за силье нерусского, неславянского, ненародного. Очень часто слышится – «Свобода». Свобода – от чего? От родных традиций?

20 ноября 2004 г. Суббота. Спал до середины дня, пытаясь восстановиться в силах. Потом выстуригал в оконном проёме разные детали, крепил на деревянные шпунты, кое-что клеил.

Разыскал навесы, прикрепил их к створкам рамы. Попробовал одну створку стеклить и закреплять стекла штапиком.

Провозился до шести утра. Сейчас около восьми. На улице мороз, метель. Как раз успели вчера унести песок для предстоящих нужд.

Строгою я некачественно. Спешу, времени не хватает. Зрение село. Должен заниматься другой работой. Хоть разорвись.

21 ноября 2004 г. Неделя. <...> Итак, северное окошко почти готово, не хватает ручек, запоров, словом фурнитуры. И я имею право пообедать: четыре часа ночи – утра. <...>

23 ноября 2004 г. Уторник. <...> Раскольниками называли тех, кто остался в старой православной вере. Хотя раскольниками должны быть названы изобретатели новой веры.

Мусорщиками называют тех, которые убирают мусор. Хотя мусорщиками должны именоваться те, кто мусорит, сорит.

Сорильщики, мусорщики. <...>

13 декабря 2004 г. Понеделок. <...> Наши патриоты всё «объединяются», вступают то в партию, то в секту, то в военизированную группировку. Церковь им представляется самой главной. Все ну прямо искрестились – так жаждут объединения. Ну не все, конечно, а те которые бьют себя в грудь... Но мы очень разные, заблудились во множестве партийных, религиозных закоулков. Поэтому объединение славян возможно с сохранением языка, наших песен, традиционных одежд, ремёсел... <...>

16 декабря 2004 г. Четверток. <...> Возле Центра срубили ёлочку. Третий год подряд одна история, и всегда в середине декабря, задолго до Нового Года. Вот и попробуй не волноваться, заставь своё сердце не роптать, а отстукивать как ни в чём не бывало. Заставляю, только оно в таких случаях самостоятельное – сгорает.

Был в магазине «Ткани» – нищета, безвкусица, символ распада государства.

Да, к полдвенадцатому ожидали группу детей на лекцию, но они не пришли. День перебился.

Настоящее – это то, что находится между прошлым и

будущим. Если какой-либо из этих боковых частей нет, не останется и настоящего. Остаётся безвременье.

20 декабря 2004 г. Понеделок. <...>
**МЕЧТАЯ О ЛУЧШЕМ БУДУЩЕМ,
ВПОЛНЕ ЛИ ТЫ ИСПОРТИЛ
НАСТОЯЩЕЕ**
?

(написано декоративным шрифтом)

21 декабря 2004 г. Уторник. <...>
**Если ты небрежно относишься к вещи, значит,
ты не уважаешь того, кто её сделал.**

27 декабря 2004 г. Понеделок. <...>
**МИР НАСТОЛЬКО ИСПОРЧЕН, ЧТО
ИЗМЕНЯТЬСЯ ЕМУ ОСТАЛОСЬ
ТОЛЬКО В ЛУЧШУЮ СТОРОНУ.**

(написано декоративным шрифтом)

2 января 2005 г. Воскресенье. <...> Вечером горячился в разговоре с Валерием Мазуровым, пытался объяснить особенности и значение народных традиций, какова при этом роль и ответственность художника. Лапти, по его словам, признак бедности. Он повторяет расхожие высказывания некоторых умников. Бедность – это сейчас, когда мы лопаем американский хлеб, не умея выростить своего.

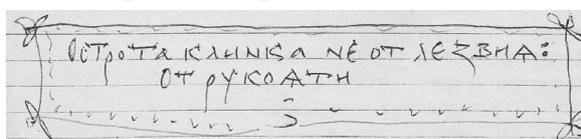
6 января 2005 г. Четверток. Весь день занимался подготовкой к празднику. Днём приходили колядовщики из университета, среди них Данила⁴⁹, пели с воодушевлением, складно, в основном украинские колядки. А в сумерках пришли колядовщики с Н.Ж. Шибковой⁵⁰, вчетвером. Наши парни и девушки, мужчины и женщины, а с ними их дети со звездой и фонарём свечным и фонариком электрическим ходили по округе на Славне. <...> Любопытно то, что в одном доме наших колядовщиков ждали именно по причине болезни ребёнка. Родители этого ребёнка были рады приходу колядовщиков и их песням. Погода тёплая, снежная – рай.

Я собирал столы. Потом встречал наших колядовщиков на парадном входе в Центр. Потом было застолье, длившееся до утра, с песнями и плясками. <...>

14 января 2005 г. Пяток. <...> Днём получил письмо из Латвии от жителя города Резекне <...> Илмара Силканса. В его архиве хранится газета десятилетней давности, в которой Марис Муктупавелс пишет о моём влиянии на становление гусельной традиции в Литве и Латвии. Он пишет о своих предках, о том, как мирно жили латыши, поляки, русские и эстонцы в 30-е годы. Он просит прислать ему русской музыки. <...>

**ПОКА Я БЫЛ ДАЛЁК ОТ МЫСЛИ –
КТО-ТО ЕЁ УЖЕ ПРЕСЛЕДОВАЛ**
(написано декоративным шрифтом).

19 января 2005 г. Середа. <...>

24 января 2005 г. Понедельок. <...> Погас свет в верхней комнате, что рядом с кабинетом моим. Погас без причины. Нулевой провод в выключателе не контактит, а где – не ясно. Вообще изначально в Центре эл. проводка липовая. Уже в нескольких местах её пришлось основательно чинить. На такие мелочи ушли годы. Вот и стоит на месте реконструкция музык. инструментов – дело в своём роде единственное в России. И очень важное для понимания родной истории.

22 февраля 2005 г. Уторник. <...> Зав. гор. библиотекой Седова сообщила, что в словаре, не помню каком, около 250 понятий культуры. Всё это для нашего словоблудия, чтобы не знать о главном – понятии родной и единственной культуры, о которой и должна была бы здесь идти речь.

25 февраля 2005 г. Пятюк. <...> Вечером собирался хор. Ребята собираются сделать гусли. Антон⁵¹ уже играет. Наталья Николаевна с утра была в филармонии на дне обл. раб. культуры. О нашем Центре не упоминали. <...>

26 февраля 2005 г. Суббота. <...> В 17:00 провели лекцию-концерт для музык. школьников из Питера.

Потом было застолье. Звонки по телефону.

Рисовал первую таблицу к статье про бубенцы и колокольчики.

О.Н. Балашова намерена нам передать шкаф и книги по фольклору Д.М. Балашова.

С Новым Годом, Володя!

Том 8

(27.02.2005 – 03.07.2006)

28 февраля 2005 г. Понедельок. <...> В.В. Сапожкова прислала курскую газету «Комсомольская правда». В ней с гордостью сообщается о находке в Курской области брунчалки XII века, играть на которой их научил коллега из Новгорода... Но описали её неграмотно.

1 марта 2005 г. Уторник. День прошёл, а я лишь в карандаше вроде бы нарисовал первую таблицу. Выходил, дышал свежей пылью. <...>

2 марта 2005 г. Середя. Звонила некая Елена Кузьмина из «Новгородских ведомостей», спросила что лучше – один канал на телевиденье, или же много. Я сказал, что дело не в количестве каналов, а в направленности их содержания. Она попыталась, что мне не нравится в ТВ. Я сказал, что средствами ТВ осуществляется последний виток эпохи геноцида русского народа и народов, входящих в состав России. <...>

4 марта 2005 г. Пятюк. Рисовал в туши вторую таблицу. К ночи закончил. На занятия вместо хора собрались две девушки и два парня. Антон разучивает наигрыш «под драку».

6 марта 2005 г. Воскресенье. С утра готовился к лекции-концерту. В 15.00 собрался полный зал. Рассказывал, как у нас заведено, но начало было необычным. На таблицах показал звончатые предметы быта древних новгородцев. Музыкальный мир древних был гораздо шире нынешнего – концертного.

На лекции были и гости из Москвы <...>. После лекции они интересовались гуслиями, их строительством и способами игры. Они сказали, что в Москве обо мне ходят слухи: «Поветкин научил деревенских мужиков своей манере игры на гуслиях». Да, такого о себе я ещё не слышал. А главное, не обо мне. Главное, что читается за этой пушенной в обиход сплетней, то, что специалисты, которые в деревнях встретят кого-либо из помнящих гусельную игру, будут в сомнении: а вдруг он научен «Поветкиным» или ещё каким-то городским умником. Гениальная во зле сплетня: она и против меня лично, и против подлинных народных традиций.

18 марта 2005 г. Пятюк. Весь день готовил зал к завтрашнему дню, к лекции-концерту. Вечером коротко собирались на «беседу». Антон Каменский купил в «Антикваре» бубенчик, литой, крестопрорезной (типа 1-А) за 100 рублей – для Центра. Я расплатился с ним и поблагодарил за столь нужную покупку. Он играл на гуслиях; с каждым разом увереннее. <...>

23 марта 2005 г. Середя. <...>

**«УЗНАЙТЕ, РАСПОЗНАЙТЕ СВОИХ НОСИТЕЛЕЙ
КУЛЬТУРЫ И БУДЕТЕ ЖИТЬ ХОРОШО»**

Николай Тимофеевич Сапелкин – дир. ср. шк.

с.Афанасьевка, Алексеевский р-н, Белгородской обл.

(написано декоративным шрифтом)

1 апреля 2005 г. Пятюк. Убирал мусор вокруг здания; на всей территории бутылки, пакеты, бумажки, пачки сигарет и прочее, и прочее. <...>

2 апреля 2005 г. Суббота. Строгал гудок двухструнный. В 16.00 приезжала Л.Ф. Морохова с оператором. Они делали сюжет об инструментальных русских традициях в связи с тем, что наша молодёжь в Новгороде, поощряемая комитетом по делам молодёжи, проводит ежегодно праздник Патрика, «реконструирует» кельтскую музыку. Я им показал, как восстанавливаю двухструнный Новгородский гудок. <...>

7 апреля 2005 г. Четвертук, Благовещенье. <...> Сегодня днём девушки ходили на вал окольного древнего Новгорода и пели веснянки. Как и года три назад, на их песни откликались из заливных лугов гуси, утки, откликались, словно распевали южнорусские песни. Вот какой неожиданный эффект!

8 апреля 2005 г. Пятюк. <...>

Если тебе говорят о культуре вне национальности, значит говорят о чём-то другом.

14 апреля 2005 г. Четвертук. Весь день до ночи работал сначала на территории Центра, а потом возле дома № 17 по Михайловой улице. Благоустроивал участки, перелопачивал землю, обносил камнями-валунками. Руки гудят.

15 апреля 2005 г. Пятюк. С 10 утра до часу ночи – наведение порядка вокруг здания Центра. Сейчас на костре догорают костёр из листьев, трав, ветвей, и толстых стволов. Свалку спиленных деревьев, которую устроили соседи на нашей территории, наконец-то, убрали. <...> Немного помогли девушки, они собирали траву и мели

мусор по наружной кромке, вдоль обкладки валунов. Настя носила в ведрах мусор от сваленного тополя. <...> Вот так на мелочи и разрываюсь.

19 апреля 2005 г. Уторник. Весь день занимался тяжёлыми работами на участке Центра: корчевал пни, деревья, пересаживал их, грузил и перевозил валуны, перерубал ствол тополя, спиленного бензопилой года два назад; потом сделал огромный костёр – всё сгорело. <...> Дико устал.

**СУББОТНИКЪ:
ГРАБЬ НАГРАБЛЕННОЕ.**

(написано декоративным шрифтом)

Свело ногу левую судорогой, очень приятно... для правой.

6 мая 2005 г. Пяток. Егорьев день. В этот день Егорий Храбрый призвал в своё небесное войско Б.С. Романова – одного из самых мужественных людей, повстречавшихся мне в жизни. <...>

9 мая 2005 г. Понедelok. <...> Едва успели перекусить, как появились первые гости на открытие выставки⁵². Была съёмочная группа со «Славии». Рассказал им об особенностях 10-й выставки Пустовойтова. Открытие началось с минуты молчания. Сняв этот момент, телевидение удалилось. Для собравшихся я продолжал говорить о Пустовойтове, и о документах, фотографиях военного времени. <...>

12 мая 2005 г. Четверток. Весь день возил на тележке камни, обкладывал нашу территорию, «заповетник». Дело медленное, ещё долго надо возить. Вечером пришла Светлана Леонидовна, убирали с ней на одном лоскутке земли лишний мусор, сеяли траву.

17 мая 2005 г. Уторник. Возился на пристройке: навёз марафет. Несколько раз привёз на тележке камни, в основном крупные; тележка выдержала.

18 мая 2005 г. Середа. Возил камни.

19 мая 2005 г. Четверток. Сидел на пристройке, точнее, в пристройке, и занимался копированием головки двухструнного гудка – находки прошлого сезона. <...>

22 мая 2005 г. Воскресенье. День памяти Николая

Чудотворца, а по старому стилю – 9 мая. Ни дня без камня в огороде.

24 мая 2005 г. Уторникъ. День Кирилла и Мефодия. День полный событий. Были на церемонии возложения венков Кириллу и Мефодию у памятника Тысячелетию России. Для телевидения я сообщил об открытии у нас в Центре выставки – памяти Б.С. Романова, который был душой и сердцем Праздника письменности и культуры в Новгороде в 1988 году.

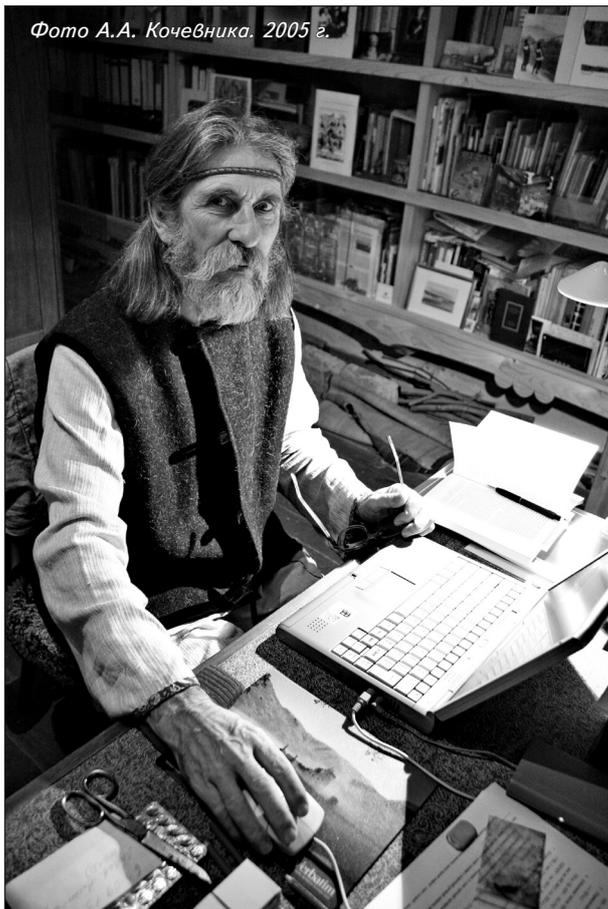
В полвторого дня мы были в Центре, ожидали гостей, телевидение. Но пришли лишь четыре гостя. Среди них поэтесса, в брючном костюме, выступавшая за величие русской культуры <...> Она высказалась также, что при восстановлении русских традиций совсем не обязательно носить русский костюм: главное быть русским в душе, а одежду носить надо исходя из её удобства. И т. п. Я сказал, что не верю, будто русский в душе внешне будет другим.

К 15:00 пошли в Музей изобразительных искусств на презентацию альбома «Великий Новгород» – автор текста Э.А. Гордиенко⁵³, фотографии В.Е. Гиппенрейтера⁵⁴. <...>

27 мая 2005 г. Пятоскъ. <...> Вечером собирались на «бесёду». Возле парадного водили хороводы, пели. Две выпившие женщины, проходя мимо Центра, свернули к нам: «А спойте, чтобы погода стала хорошей». Вот тебе и пьяные женщины, причём ещё не пожилые, лет по сорок. По их обращению ясно, что они отличают наши песни от обычных эстрадных. Трезвые наши деятели культуры, увешанные званиями и наградами, не ощущают столь существенного отличия народных обрядовых песен от сценических композиций, поощряемых Министерством культуры.

28 мая 2005 г. Суббота. <...> Занимался строганием гудка. Дубовые находки копировать очень сложно, т. к. дуб – дерево с контрастной текстурой, не повторяющейся. Даже что-то близкое к оригинальному образцу найти чрезвычайно сложно. <...>

31 мая 2005 г. Уторникъ. День борьбы с курением. Но курящих на улицах не убавилось. Возле Центра нашего – лавочка, на лавочке – дамочка, естественно в брюках, слева от себя она поставила кока-колу, из сумочки вынула зажигалку, сигареты. Тут же губная помада и зеркальце

и ещё что-то. Рядом с лавочкой – ландыши. Не осталось ни одного цветка. Прибавилось окурков. Не думаю, что завтра будет хуже... <...>

10 июня 2005 г. Пятокъ. <...> Вечером собирались участники хора на занятия. Мы с Антоном Каменским играли на двоих гусях одновременно, остальные танцевали «Восьмёрку».

В.И. Поветкин и А.Н. Каменский. 2005 г. Фото А.А. Кочевника

16 июня 2005 г. Четвертокъ. <...> Недолго сидел за компьютером. В 14:00 был в областной библиотеке на поэтическом вечере. Там выступали поэты Новгорода и области. <...> Едва успел в Центр к 16:00, где меня уже дожидался А.Г. Пшанский с фотографом. Он брал у меня интервью для газеты «Мои соседи». Он пыгается представить нашу организацию как музей. А я пытаюсь объяснить, что Центр – более сложное, живое явление.

Был сильный и очень долгий ливень с грозой и громом. Наверное, он размыл многие грядки у садовников и поля в деревнях, поля, если такие нынче у нас имеются. <...>

19 июня 2005 г. Неделя. Троица. Весь день по очереди приходили гости. Приехал Алексей Косых⁵⁵. Девушки – женщины ходили на Окольный Вал древнего Новгорода, собирали травы и цветы, которые разбросали в зале и других помещениях Центра, восполнив то, что я не успел сделать вчера. Потом они завивали берёзу, украшали её лентами, водили хороводы с песнями. Потом было застолье с яичницей и пивом, на которое они пригласили мужчин – меня и Алексея, позднее явился А.С. Лебедев⁵⁶. <...>

6 июля 2005 г. Середа. <...> По нашим правилам, желающие участвовать в подобных праздниках⁵⁷ должны быть соответственно одеты, должны хотя бы в течение месяца поучиться народной традиции пения. <...> в течение дня, и вчера, по телефону пришлось отказывать в участии в празднике многим нашим знакомым. <...>

Лука залиты, мост через Тарасовец залит – одна его макушка посреди реки видна. Поэтому нашли

местечко за Окольным Валом древнего Новгорода в районе уцелевшей выложенной из красного ракушечника стены. Костёр был очень жаркий. Венки из цветущих трав на парнях и девушках в свете горящих ветвей, поленьев создают неповторимое ощущение красоты и родства человека со стихиями Земли и Неба. Пили пиво, ели салат, хлеб, пирожки.

Восход солнца встречали, ориентируясь по надгоризонтным порумяненным тучам; за деревьями, за валом горизонта не видать.

10 августа 2005 г. Середа. Всю ночь и весь день продолжается порывистый ветер, доходящий до урагана. К вечеру пошёл дождь. Раскопки во второй половине дня закончились рано.

В 20:00 была наша лекция-концерт для студентов из Екатеринбурга, Волгограда, Брянска, Москвы и для некоторых новгородцев. Было душно, на гусях играть трудно, пальцы липнут к струнам. <...> Некоторые студенты остались очень довольны. Волгоградцы сказали, что им не хочется от нас уходить, они чувствуют себя как дома. Кто-то из ребят обратился с просьбой прийти за консультацией по строительству гуслей. <...>

11 августа 2005 г. Четвертокъ. Позвонила с утра Е.А. Рыбина и сказала, что Дуба больше нет. Оказалось, что ещё вчерашней ночью во время порыва ветра дерево, которое считалось самым древним в Новгороде, упало. Об этом сообщали по местному радио. К Дубу сегодня было паломничество многих людей.

Был на базе. Нарисовал полюу привеску, точнее часть её: коник с подвешенным «колокольчиком». Позднее был у Янина-Рыбиной, поминали дуб, Дуб.

12 августа 2005 г. Пятокъ. Зал убран ветвями рухнувшего Дуба. Наталья Николаевна раскладывает и прикрепляет на стендах фотографии с нашими праздниками, песнями, хороводами возле Дуба. <...>

15 августа 2005 г. Понеделокъ. <...> Надо проводить лекцию-концерт для студентов МГУ и гостей из Казахстана.

Гости из Казахстана подарили тибетейку. Необыкновенный подарок. Когда мне было года четыре, мы были с Мамой моей на её родине в Ахтубино-Уральской степи на хуторе Катричев. Время было голодное. Что-то взрослые люди, – а среди них и Мама моя, – обсуждали. И вдруг одна из женщин подошла ко мне и сняла с моей головы красную тибетейку. Мама моя не мешала этому, не возмущалась и, возможно, что-то пыталась мне объяснить. Но я ничего не понимал. Позднее, не помню когда, узнал, что тибетейку она обменяла на кусок хлеба (и на сахар, который ей не вручили). С тех пор у меня не было тибетейки. Вот почему сегодняшний подарок так замечателен. <...>

Да, а днём от Дуба перенесли два росточка с желудями

и посадили возле Центра. Хотя они и повреждены, истоптаны ногами «паломников», будем надеяться, что приживутся. <...>

24 августа 2005 г. Среда. <...> В 18:30 пришли участники семинара «Национальная идея. Новгородский аспект». Меня спросили о национальной идее, и я сказал, что её мы понимаем как идею народной культуры. Мы за сохранение национальных особенностей. Мы против интернационализма и нынешнего глобализма; которые призваны уничтожить в народах красоту, сформировавшуюся в течение веков и тысячелетий; которые из многообразия языков, традиций намерены сделать серую массу.

Фактически всё содержание наших лекций отвечает на поставленный вопрос.

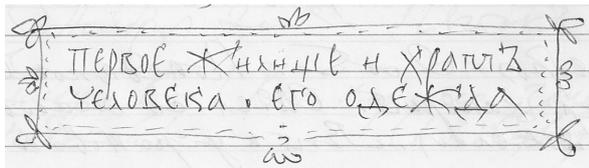
Как ни странно, но основная часть собравшихся журналистов слушала нас внимательно. Многие потом благодарили и говорили, что узнали для себя много нового. На прощанье сфотографировались в нашем зале. <...>

18 октября 2005 г. Уторникъ. <...> Из Псковской области из Изборска приехали Ольга Сеина⁵⁸ и отец Алексей⁵⁹. Он подарил семь полотенец, некоторые очень

интересные, хотя и ветхие. Я рассказал ему, что на подаренные им Центру пять тысяч рублей (в июне сего года) мы купили головной убор золотного шитья – национальное достояние, не имеющее цены. <...> На прощание мы подарили нашим гостям, – а с ними были ещё Вика и Василий, – медвежат Н.И. Иванова⁶⁰, самовар для отца Алексея, а также альбом «Новгород» и горсть татар-чая в мешочке, расшитом О.П. Шадурской. <...>

15 ноября 2005 г. Уторникъ. <...>

28 ноября 2005 г. Понедельокъ. <...> А в 20:00 был вечер памяти Д.С. Лихачёва. Публики было всего лишь

9 человек. И 99 лет было бы Лихачёву. Сначала я вкратце вспомнил о нашем знакомстве с Лихачёвым и другими сотрудниками Пушкинского Дома в 1981 году. Потом была 11-минутная запись – Вступление Лихачёва к чтению «Слова о полку Игореве». <...> Потом Наталья Николаевна включила текст Лихачёва с «Плачем Ярославны», и потом спела народный причёт. Это было как откровение. Потом мы с гуслями пели «Как по морю»⁶¹. А потом выступал Женский акад. хор п. у. М.Н. Поповой⁶². Слушатели сожалели, что так мало пришло людей.

30 ноября 2005 г. Среда. <...> Герань – не символ мещанства, как думал А.М. Горький. Герань – это аленький цветочек русской деревни, цветочек, завещанный предками и чудом, неосознанно оберегаемый в городском быту.

14 декабря 2005 г. Среда. Работал в запасниках музея. Нашёл номер бубенчика в коллекционной описи, того бубенчика, которого не могу найти в соответствующих ящиках. В 2004 году я нарисовал его, записал, где он найден и т. д., но не обозначил у себя его места и номера хранения. И все дни ходил и постоянно о нём думал, всё проискал. И вдруг, невероятно, но нашёл его номер среди сотен и тысяч других номеров. <...> Понятие Родины больше, чем политический строй, больше, чем государство, больше, чем религия.

5 января 2006 г. Четвертокъ.

<...> Носить традиционную рубаху – обыкновенное право всякого русского человека. Нынче я этим правом пользуюсь, как наградой. Но и награды, и права такие, как я, могут лишиться по беспредельной дурости нынешних русских.

7 апреля 2006 г. Пятокъ.

Благовещение. <...> Антон Каменский из олова отлил бубенчик по схеме, которую я опубликовал в статье; там речь идёт о технологии изготовления цельно- или едино-

частнолитых бубенчиков со жгутиком-опояской. У него всё получилось именно так!

**МНОГОЕ МОЖНО УВИДЕТЬ,
ЕСЛИ УСЛЫШИШЬ.**

(написано декоративным шрифтом)

10 апреля 2006 г. Понедельокъ. <...>
**ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ ВНЕ ДЕСЯТИ –
НЕ ГАДЬ.**

(написано декоративным шрифтом)

25 апреля 2006 г. Уторникъ. Сделал ещё одну восковую модель бубенчика со жгутиком-опояской и соответственно сделал глиняную форму. <...>

20 мая 2006 г. Суббота. Всё как обычно. Сидел урывками со статьёй. Начало идёт туго. Да и всегда мне писание даётся с большим трудом. Завидую тем, у кого хорошая память.

<...> По ящику – «Евромузыка». <...> Песен на сцене нет, а одни телодвижения и раздражающий мигающий яркий свет. Публика бесится – «культурная» цель достигнута.

22 мая 2006 г. Понедельокъ. <...> Холодно. Дождь. Тяжеловесные грузовики вновь и вновь разрушили угол нашей территории, теперь мне заново надо перемещать тяжёлые валуны. Сидел со статьёй. <...>

24 мая 2006 г. Серeda. Память Кирилла и Мефодия. К 12:00 подошли с Натальей Николаевной к памятнику Тысячелетию России. Там были выступления от администрации, от общественности, молебен <...> В выступлениях было отмечено и имя Б.С. Романова – главного организатора Праздника слав. письм. и культ. в Новгороде в 1988 году.

А в 14:00 немного народу собралось у нас в Центре. Был С.В. Иванов – нынешний глава Новг. писат. организации, было телевидение.

Вечером приходил Е.Л. Казанцев⁶³. Посидели, поokaли. Он написал в Книге посетителей отзыв в память Б.С. Романова.

Мы поставили задачу разучить большим числом новгородцев гимн Кириллу и Мефодию. В пятницу, надеюсь, начнём петь с участниками нашего хора.

25 мая 2006 г. Четвертокъ. <...> Кто-то украл два валунка из нашего ограждения. <...>

26 мая 2006 г. Пятокъ. Дважды на дню русские мужики придирались ко мне за форму одежды. Для одного – это скоморошья одежда. Двое других: «Так и будешь ходить?» – Я молча иду. – «Слышь?» – Я не оставливаюсь. Отстали.

Вечером была «беседа». Приходили Ю.Г. Иванов⁶⁴ и Н.Ж. Шибкова. Он играл на колёсной лире и пел духовный стих, мы старались ему подпевать. Потом он играл на скрипке, а я на гуслях – остальные танцевали. Было довольно много новых молодых девушек. <...>

Все вместе разучивали гимн Кириллу и Мефодию. <...>

31 мая 2006 г. Серeda. <...> В 16:30 были с Натальей Николаевной в лектории – на жеребёвке коллективов фольклорного фестиваля «Традиции». А потом к 19:30 пошли в Областной дом народного творчества. Там – выставки: Одежда русских людей из коллекции С. Глебушкина; Куклы и игрушки; Гармони из собрания И.Н. Коржуева; Гармони-минорки, бологоевки и проч., представлял Ёлкин; Музыкальные инструменты, изготовленные Ю.Г. Ивановым. <...> Самое лучшее впечатление от Ю.Г. Иванова: и инструменты сделаны грамотно, с душой, и играет умело, и облик его замечателен, словно добрый молодец с картинки.

8 июня 2006 г. Четвертокъ. В 11.00 были в

Филармонии на встрече с Еленой Григорьевной Драпеко – депутатом Государственной думы по вопросам культуры. Она говорила нормально, по-человечески, понятно, в частности, о телевидении, которое критиковать нельзя. Потом, проходя мимо, она сказала, что помнит, как была у нас в Центре, что ей понравилось. Я вручил ей наш буклет с адресом. <...>

12 июня 2006 г. Понедельокъ. Духов День. А народ празднует День Независимости России. Независимости от Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии, Черногории, Польши... <...>

14 июня 2006 г. Серeda. <...> Потом до полуночи колдовал здесь, в Центре. Суета. Отключили до утра воду... А нас страшат атомной бомбой! Воды нет – и жизни нет. Отключи воду – и город побеждён. Сельского жителя так не возьмёшь: слишком много кранов, колодцев надо перекрывать. <...>

26 июня 2006 г. Понедельокъ. <...> Участок наш центровский не огорожен, поэтому, когда что-то поспекает,

приходят «хозяева». Днём была земляничная с красными ягодами полянка. Вечером – пусто, помято.

И всё же у нас как в раю, не английский газон, а настоящие травы, в полный рост, и цветы, и пчёлы, и многим другим это по сердцу. Хотя, знаю, не всем.

Том 9
(04.07.2006 – 31.05.2007)

5 июля 2006 г. Серeda. <...> Звонили журналисты с просьбой снимать наш коллектив в праздник Ивана Купалы. Я всем отказал. Не хочу, чтобы праздник превращался в бутафорию и показуху. Они не обиделись. <...>

6 июля 2006 г. Четвертокъ. <...> В лугах красота райская, травы выше нас, цветы, запахи, полноводные Волхов и Малый Волховец, кисельные берега. Я впервые в этом году искупался, окунулся с головой. <...> Утром на восходе солнца трава влажная от росы и удивительного белёсого цвета. Как счастливый сон.

7 июля 2006 г. Пятникъ. Вчера был на базе и нарисовал половинку литого бубенчика или подвески. А сегодня необычная находка – бубенчик, похожий на гранёные (грушеобразные), но отлит из свинцово-оловянистого сплава. Кроме того, формы для отливки также индивидуальны.

Взял на базе кучку обрывков бересты. И здесь на месте, подобрал пару кусочков к грамоте. <...>

Стоят жаркие дни, даже коты мучаются.

10 июля 2006 г. Понеделокъ. <...> Настроение грустное. Думаю о том, что все мои усилия по выявлению музыкальных древностей и особенностей нашей национальной культуры напрасны. Мы, современные русские, оказались далеки от Родины, далеки не географически, а культурно.

Вчера, или даже сегодня, из каменного ограждения, которое я с таким трудом в прошлом году создавал возле Центра, украли около сорока камней. Вот и весь наш нынешний народ – один ворует, а сотня помалкивает. Это те, что «в душе» русские.

10 августа 2006 г. Четвертокъ. <...> Вечером был на базе, сидел у входа в южный корпус. В воротах на Знаменское подворье появилась Изабэль: «Вы к нам?» – то есть к языковедам в кабинет. – «Нет, – отвечаю, – я жду, когда с раскопа принесут гусли».

Все на меня посмотрели, как говорится, с интересом. Но, вот, пришли с раскопа, отдали свои корзины с вещами в камеру, сами ушли в столовую на ужин. И вот Л.В. Покровская⁶⁵ разворачивает находки, одну, другую, и вдруг обломок гуслей. Покровская говорит, что у Колчина это обозначено как спинка кресла. Но я уверен, что это лирообразные гусли, небольшой обломок. Они были сделаны из можжевельника. Я зарисовал. И потом долго трудился с восковой книгой: в очередной раз пытался хотя бы один кусочек куда-либо прилепить. Нет. Нет и нет. <...>

14 августа 2006 г. Понеделокъ. <...> Янин сказал, что я возродил Новг. Псалтирь. А я думаю, что все трудности с ней впереди.

18 августа 2006 г. Пятникъ. <...> Потом был на базе. Нашли вторую в этом сезоне грамоту, а среди новгородских – № 958. Она в обрывках, расщепилась. Её предвзрительно прочитали. Но после моего ремонта кое-что в ней прояснилось, завтра её будут читать иначе. <...>

24 августа 2006 г. Четвертокъ. <...> Среди дня – коллектив из Пензы. Провели для них лекцию. Потом, после 20:00 они вновь были, консультировались по

разным вопросам. Наталья Николаевна провела с ними блестящий урок, показала, что такое настоящая манера народного пения. Ушли в пол первого ночи. Я уже ничего от усталости не соображал. Хорошие парни и девушки, но без корней, поют как на сцене. Финно-угорские бронзовые привески, прикреплённые к джинсам, выдают за славянские обереги.

27 августа 2006 г. Суббота. <...> Потом устраивал домик для кошки, у которой вчера появились два котёночка. Женщины наши сделали было для них картонный ящик. Но они поставили его в том месте, где с крыши во время дождя сильно течёт. Так что их кошачий дом пришёл в негодность, и кошка угнездилась с котятками в траве без всяких ограждений. Сейчас я их переселил под вишнёвый куст, где сделал надёжную крышу, а сверху набросал травы, так что прохожие даже не замечают кошачьего теремка.

Потом до двух ночи занимался ящиками для хранения восковой книги. <...>

28 сентября 2006 г. Четвертокъ. <...> Я занимался в очередной раз с восковой книгой. Открепил кусочек, который вчера приклеил к 4-й странице. Всё это кропотливая работа – распечатать ящик, расстеклить, переложить восковую табличку на рабочее стекло, проделать с воском нужные операции, а потом всё вернуть на свои места.

Кусочек надо вернуть или в ящичек с плавающими обломками воска, или же найти ему место на другой таблице, что я и сделал – положил его внизу второй таблички. А ведь чуть было не написал письмо А.А. Зализняку!.. Один Бог ведает, сколько сил отдано этой книге.

30 сентября 2006 г. Суббота. День памяти Д.С. Лихачёва. Как жаль, что он не дожид до открытия в Новгороде книги, написанной на воске – Новгородской Псалтири. Всего лишь год не дожид. Он умер 30 сентября 1999 г. <...>

13 ноября 2006 г. Понеделокъ. <...> Сегодня печальный день: через археологов по длинной цепочке, вероятно, от Ингмара Янссона⁶⁶ из Стокгольма передали мне книгу с CD Стирбьёрна Бергелта⁶⁷, в которой указаны его годы жизни 1939–2006. То есть он в этом году умер. Он приезжал к нам в 2002 году вместе с большой группой музыковедов из стран Северной Европы. У нас были с 1980-х годов сначала заочные годы знакомства. И наконец, мы увиделись. Мы всегда с большой теплотой относились друг к другу. Поскольку не знаю шведского, то объяснялся в любви по-английски. Наше прощание в Новгороде в 2002 году, 17 мая, было чувствительным

Фото А.А. Кочевника. 2008 г.

по-братски. В книжечке, которая вышла уже после его смерти, он во многих местах упоминает мою фамилию, поместил моих две фотографии и, вероятно, в диске воспроизводит и мои наигрыши (ещё не слушал). В резюме на русском языке сказано: «Благодарности: Владимиру Ивановичу Поветкину, специалисту по древней музыке и руководителю Центра музыкальных древностей в Новгороде, который вдохновил автора на изготовление и игру на инструментах». Потом он благодарит других. В конце: «Моей супруге Анн-Герд Бергельт особая благодарность за поддержку, ободрение и идеи».

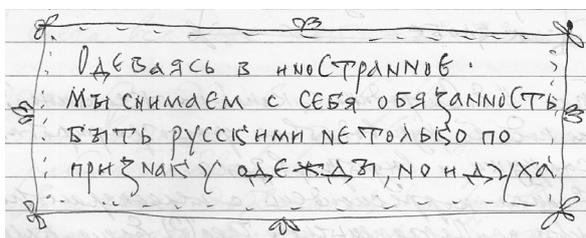
На Новый 2001 год они вместе звонили мне из Стокгольма, и поскольку они не знают русского, а я шведского, то наше общение состояло из непонятных громких фраз, зато с бурным смехом; от них слышался и звон бокалов.

30 ноября 2006 г. Четвертокъ. <...> Зашёл в «Антик», купил монеты с изображением музыкальных инструментов – три ирландские и, возможно, турецкую одну монету с античной лирой трёхструнной.

Иные народы и их гос. аппараты обозначают себя на монетах музыкальными орудиями. <...>

6 декабря 2006 г. Среда. <...> Вручил нашим женщинам денежки (1500 р) на покупку ткани для сарафана. Чтобы одеваться в народной традиции, нынче надо много потрудиться, поожидать, когда на полках магазина появится то, что тебе нужно. Америка, Европа, Китай, но не Россия. Нас не надо побеждать бомбами. Нас можно купить на фантики.

12 декабря 2006 г. Уторникъ. <...>

13 января 2007 г. Суббота. <...> Дня два назад одна журналистка-политиканша в беседе в прямом эфире <...> задала вопрос о народных традициях: зачем возрождать то, что ушло. В её тоне и отдельных словах явно чувствовалась неприязнь к людям, пытающимся понять своё национальное, конкретно, русское прошлое. Отвечать на такую атаку тут же, не подумав, очень тяжело. Такие вопросы нельзя вообще в широких средствах информации задавать. И тем более таким уверенным, враждебным тоном. Ответ ясен. Но сформулировать его молниеносно не каждый сможет. И я не сразу бы, наверное, нашёлся, как ей ответить. Не знаю, догадался бы высказать такую мысль: наше прошлое, как и настоящее – это наша Родина, Обитель, Дом. И если у жилища покосился угол или оно вообще разрушилось, то, естественно, мы начнём его возрождать, восстанавливать во всех дорогах и важных для нас чертах. Мой народ испытал и испытывает страшнейший геноцид. Мысль о возрождении Родины опасна. <...>

Когда я начал писать эти строки, за окном – а это четыре часа ночи – послышались голоса, плотный шум

двигателей. Это через дорогу от нас на Михайловой улице начался пожар. Выгорело крыло, вероятно, две квартиры. По логике журналистки, их не надо восстанавливать: ведь их нет... <...>

14 января 2007 г. Неделя. После одиннадцати часов телефонный звонок. Это с Санкт-Петербургского телевидения. Вместо часа дня они явились раньше. <...> С режиссёрами всегда трудно: они всё знают. Вот и нынешний – хороший человек, но он всё мерил с позиций миллионной обывательской публики. В итоге – сумбур, упущены многие важные положения нашей программы. Он не понял значения музыкальных открытий в Новгороде. И не исключено, что звуковым оформлением сюжета о нас он пустит какую-нибудь электронную музыку. Зато угодит обывателю. Зато в соответствии с их «профессиональным» штампом. <...>

17 января 2007 г. Среда. <...> Из Швеции по-русски звонил мужчина, объяснял, что к нам из Лейпцига в феврале – 24 – приедет специалистка (американка), которая в Лейпциге хочет создать музей древних муз. инструментов. Он высказал её мнение о моей игре на гусях: «Абсолютно гениально». Сама она арфистка. Он высказал мысль о том, чтобы записать меня на диск. А я сказал, что давно не музицирую, что они, видимо, слышали мою случайную запись, сделанную в Германии в Зар-Луисе в 1989 году. <...>

25 января 2006 г. Четвертокъ. <...> В 15:00 в Доме народного творчества было открытие фотовыставки А.А. Кочевника «Свет и Тьма. Музыка цвета». Каждый день там будет звучать и моя музыка на гусях, записанная в Зар-Луисе в 1989 году Клеменсом Ритманом. <...>

Заходил к Юрию Геннадьевичу Иванову. Ему в Доме народного творчества выделили помещение для мастерской. Он многое там оборудовал с присутствием ему старанием и хорошим народным вкусом. <...>

26 января 2007 г. Пятокъ. <...> начал строгать кобылку к псковскому гудку XIII века. До сих пор он был снабжён условной кобылкой-плашечкой. Теперь, когда в 1994 году были найдены кобылки п. п. X и XI вв., имеется право заменить условный вариант кобылки на документальный. Теперь у него кобылка о двух ножках, красивая. <...>

7 февраля 2007 г. Среда. <...> Днём принесли заказное письмо из Администрации Президента Российской Федерации. Сообщают, что решением Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию от 23 января 2007 года я включён в список соискателей Государственной премии в области науки и технологий 2006 г.

Похоже, что Янин–Рыбина сумели подать такую заявку в связи с открытием в Новгороде восковой Новгородской Псалтири.

Ничего хорошего не жду. Такие «пряники» набили оскомину.

Если бы не Центр муз. древностей, то здесь мне давно нечего делать. Хотя и в других местах не ждут.

14 февраля 2007 г. Среда. <...> Приходил Антон

Каменский. Я ему показывал, как строить, т. е. тесать, строгать, долбить гусли. В пятницу продолжим. <...>

18 февраля 2007 г. Неделя. Прощёное воскресенье. Проводили Масленицу. Были в Кремле и ходили вокруг. По громкозвучным установкам звучат безвкусные самодельные песни с жёстким ритмом. Ничего традиционно масленичного. Но мы, как можем, участвуем.

Вечером было застолье. Я сложил костёр, в полдевятого зажгли, с песнями. Валялись в снегу. Потом, прощаясь, просили у всех прощения. <...>

9 марта 2007 г. Пятокъ. <...> Сергей Евгеньевич Торопов⁶⁸ привёз из музея гусли XIV века, которые надо приводить в порядок, возвращать к исходному археологическому состоянию, значит, удалять приклеенные к ним дополнения из совр[еменной]. древесины. Это была работа Б.А. Колчина и музыкальных мастеров, которым он доверился. Я знал, что в этой работе много ошибок, но сегодня увидел то, о чём раньше не знал. Самое страшное

Масленица. 2004 г. Фото А.Р. Виснапа

то, что старое подлинное дерево склеено с новым современным посредством эпоксидной смолы. Следов, где кончается старое, а где начинается новое, не разобрать, сплошная каша, плюс местами закрашено масляной (?) краской. Тридцать лет назад без одного года Колчин при Янине, Рыбиной, Л.И. Петровой и других сказал, что такие инструменты нуждаются в ререконструкции. Но Л.И. Петрова, заведовавшая историческим отделом музея, стала тянуть. Ну вот в итоге я потратил на доказательство своей правоты столько лет, убеждая то Петрову, то сменившую её Казармщикову, то ещё кого-то. Сейчас надо сфотографировать инструмент с разных сторон, описать его состояние и особенности тогдашнего реставрационного безобразия и неудачного реконструкторского подхода, заключить договор, выяснив, чего они хотят, – музейные работники, – и только тогда приниматься за работу. Это не менее сложное испытание, чем восковая книга. Ведь при удалении эпоксидки неминуемо пострадает оригинал. То есть он уже пострадал от варваров – музыкальных мастеров, которые пользовались эпоксидкой, причём крайне грубо, а потом под свои дополнения из совр. древесины они подстрагивали рубанком (!)

оригинал. Чтобы все безобразия и огрехи описать, надо, кажется, писать специальный труд. <...>

10 марта 2007 г. Суббота. Посидел со статьёй, кое-что уточнил. Упадок сил. Время от времени взгляд падает на гусли XIV века, вчера привезённые из музея. Дополнения, затонированные под цвет старого дерева. И это умными музейщиками выдаётся за оригинал!

14 марта 2007 г. Середа. <...> Из музея привезли гусельки XII века, а позднее – форму договора, просто бланк без конкретного объяснения, что им надо сделать. Буду добиваться, чтобы они со стороны музея сделали текст официального обращения с конкретным заказом. Согласно договорному бланку, исполнитель в ответе за сохранность экспоната. Но они принесли мне уже изуродованный экспонат. Все детали необходимо обсудить и договориться. Иначе потом могут возникнуть споры, а я окажусь виноватым.

Был дома, выбрал почту, завёл часы, полил столетник. Дома уютно, а я должен быть в Центре. Вот что значит счастливая работа...

Приходил Антон Каменский, он потихоньку делает гусли. С трудом. Но научится.

Моя статья тоже идёт с трудом. Тоже учусь. Кое-какие мелочи открываются, хотя всё уже казалось ясным и незбылемым.

23 марта 2007 г. Пятокъ. <...> Поздней ночью занимался с гусельками XII века. С великими трудностями отделил от них верхнюю крышку. Использовал струю пара из носика чайника. Но, строго говоря, ничто не помогло по-настоящему. При склейке этого инструмента мастер Кривонос использовал необратимый клей – вещество, которое не

растворяется ни в воде, ни в бензине, ни в ацетоне, ни в спирте. Я потратил немало сил и нервов, чтобы отделить полочку от корпуса. Надо как-то отделять другие вставки, с боков корытца. <...>

26 марта 2007 г. Понеделокъ. Были гости из Подмосквья. Это женщина с тремя дочерьми, из которых одна отрочица, две двойняшки шестилетние. С виду похожи на новых русских. Но как ни неожиданно, мать этих детей направляет их в русло народной культуры. Они поют северные песни, духовные стихи, романсы и многое другое. Путаницы в их представлении о народном предостаточно. И всё же важны устремления. Муж, как она сказала, юрист, мечтает иметь рубаху в народном стиле. <...>

27 марта 2007 г. Уторникъ. <...> Сидел с утра до трёх часов ночи с гусельками-реконструкцией. Во-первых, пробовал обработать паром, струёй, склеенные швы. Ничего не вышло. Пришлось положить инструмент в ванночку с горячей водой. Постепенно, часа через два или побольше удалось отклеить полочку от корпуса. Потом делал уточнения, где возможно, в соответствии с

оригиналом. Ведь когда-то⁶⁹ я изготавливал модель этого инструмента, пользуясь фотографиями и публикациями с таблицами Б.А. Колчина. Внутренностей инструмента, как сейчас, не видел. Потом подгонял полочку, начатую вчера. Завтра буду продолжать.

30 марта 2007 г. Пятокъ. В левом глазу «песок», а мне надо напряжённо работать, всматриваться.

Нина Андреевна – мама Натальи Николаевны – привезла флакон «Белизна», это раствор хлорки, которым я в течение дня несколько раз смачивал участок на гусях⁷⁰, который надо отбелить. Всё удалось сделать. Завтра продолжу тонировку инструмента и выделю чётко то, что должно быть светлым, то есть реконструктивным дополнением к находке.

С Антоном Каменским укладывали камни-валуны в ограждении вокруг Центра в тех местах, где зимой грузовики повредили, подвигали камни с места.

Вечером была «беседа». Три часа ночи.

4 апреля 2007 г. Среда. <...> Позвонили из Москвы, некто Савчук Александр Александрович: мне предстоит получить национальную премию «Культурное наследие». Церемония – 25 апреля 2007 г. в Президент-Отеле по адресу: ул. Большая Якиманка, дом № 24 – в 19:30. <...>

12 апреля 2007 г. Четвертокъ. С утра до трёх ночи занимался поочерёдно то гусями XIV века, то сидел за компьютером, составляя отчёт по работе с гусями XII в.

С инструментом нынешним – XIV в. – история выходит сложнейшая. Я влип. И как смогу выкарабкаться – не знаю. Эпоксидка, когда пытаешься её снять, тянет за собой во многих местах трухлявый оригинал. <...>

13 апреля 2007 г. Пятокъ. <...> Тяжёлая головная боль; возможно, надышался хлористым метиленом⁷¹. Отлеживался до середины дня. Потом сидел с отчётом по реставрации инструментов⁷². <...>

ПРЕДКИ ОБЪЕДИНЯЮТЪ ВРЕМЕНА

20 апреля 2007 г. Пятокъ. <...> Занимался гусями XIV в. Начал отделять от корытца восполнения из нового дерева. А когда был на «беседе», обратил внимание, что у реконструированных гусей XIV века тонировкой показан кусочек около 9 см. длиной, которого у оригинала

почему-то нет. Подумал: где-то этот кусочек находится, если Н.Л. Кривоносу он не понадобился, мешал. И вдруг вспомнил, что у меня находятся некоторые вещи из музыки архива Б.А. Колчина. Одному кусочку я всё не мог найти места, не понимал, какому предмету он принадлежал. Решил поискать его и проверить. И свершилось чудо: он от инструмента, которым я занимаюсь. Надо заметить, что мне в занятии инструментами везёт с тех пор, как в

1971 году, едуци в поезде из Курска в Новгород, увидел сон про гусли-самогуды. <...>

Том 10
(01.06.2007 – 30.04.2008)

1 июня 2007 г. Пятокъ. К 12:00 пришли в кремль. Возле памятника Тысячелетию России было открытие фольклорного фестиваля «Садко»⁷³. В основном бронированная самодеятельность. Лучший коллектив – это «Народный праздник» из Москвы. Потом, вечером, они были у нас, пели, водили танки, пили чай, я рассказывал про инструменты. Ушли из Центра в два часа ночи. Мы их проводили до гостиницы «Россия» там, на берегу, они пели долгую южно-русскую песню. Мы окунулись в другой мир. Вот, столичные люди, а сумели ощутить величие

настоящей народной традиции, сумели войти в неё. <...>

Из Москвы был у нас коллектив не «Народный праздник», а образованный от него – «Духов День».

3 июня 2007 г. Неделя. С утра сборы: в 11 часов с Сенной площади автобусом добрались в Витославицы – там фольклорный праздник⁷⁴. Полтора человека в народных одеждах, остальные в американских «удобных» одеждах разглядывают их, как в зверинце. Этот праздник придуман комитетами культуры. Сами организаторы не имеют и не надевают народные одежды, а равно не знают и не умеют петь народных песен. <...>

10 июня 2007 г. Неделя. День этот останется памятным на всю жизнь. На Софийской площади при многотысячной публике мэр Великого Новгорода Николай Иванович Гражданкин вручал мне регалии Почётного гражданина города. Потом весь день очень многие люди меня поздравляли, говоря, что награда заслуженная. Расчувствовались и наши участники, и участники Хора – пели мне величальную песню. А потом вручили телеграмму от Мама: «Дорогой сыночек Владимир Иванович Поветкин поздравляю с достижением почётного звания гражданина Великого Новгорода желаю здоровья – Мама Мария Фёдоровна Байбакова 10 июня 2007 года».

В 19:00 с Яниным–Рыбиной были на приёме по приглашению мэра в ресторане «Интурист», ул. Великая, 16. Там мне вслед за мэром представили слово для выступления. Поскольку это был фуршет и все галдели, то в начале своего выступления я сказал, что для таких случаев было бы хорошо иметь сигнальный, или музыкальный инструмент – колокольчик. Говорил о Родине, о колыбельных песнях, о свободе, которая не оборачивалась бы свободой от родных песен и моральных устоев, говорил об ухоженном и красивом городе: в красивом городе – красивые люди. Мы ушли тогда, когда кончились выступления и началась музыка – для бесед застольных и танцев. Прощаясь, подошли с Яниным к мэру Н.И. Гражданкину. Мне он сказал, чтобы я для будничных дней прикрепил к одежде малый знак Почётного гражданина: «*Пусть все знают, что Вы Почётный гражданин Великого Новгорода.*»

<...> Ходили посмотреть фейерверк, но опоздали. И даже в сумерках к нам обращались сфотографироваться вместе: мы в традиционной одежде, и на некоторых это производит хорошее впечатление. А днём таких обращений и вовсе было очень много.

И всего не рассказать. <...>

24 июня 2007 г. Неделя. <...> всякая музыка, внешнем её виде, в древности начиналась с сигналов, обращённых к окружающему миру. <...>

12 июля 2007 г. Четвертокъ. <...> Сегодня у меня состоялось любопытное открытие, которого, возможно, не было у новгородских археологов. Из шурфа № 3 выброс земли – теперь на нашей территории сверху. В нём разные вещи, обломки – времени XIV–XVI веков. Среди них обгоревшие куски дерева, а также довольно схожие между собой, наколотые, нащепанные деревянные пластины, обгоревшие с одного конца. И я до сих пор думал, что всё это – следствие пожара. И вдруг осенило, что нащепанные пластины с обгоревшими концами – это лучины, вставлявшиеся в кованые железные светцы. **Лучины!**

Вчера, кстати, я нашёл ещё одно железное колечко, – шурф № 3, – которое приспособил к купленному в антикваре светцу. А сам светец вставил в дубовый – найденный на шурфе № 3 – тёсаный коротыш-основание. Вот один-единственный предмет, а сообщает о целой эпохе из жизни наших предков – скромно, величественно и невыразимо как красиво. <...>

13 июля 2007 г. Пятокъ. Ночью был дождь, утром тоже. На промьтой земле из шурфа № 3, рассыпанной на наших участках,

Рождество у Центра.
Фото А.А. Кочевника

Публикацию подготовили Н.Н. Попова и Л.В. Федина

нашёл ещё три огарка древних лучин. Всего их собралось около десятка. Четыре из них вставил в светец. Красота неопишуемая. Лучины словно перья или крылья мельницы почти завершили удивительный образ светцов. Теперь надо сделать подобные лучинки из современного дерева и зажечь. <...>

Истоки инструментальной музыки – в сигналах хозяйственного и обрядового назначения.

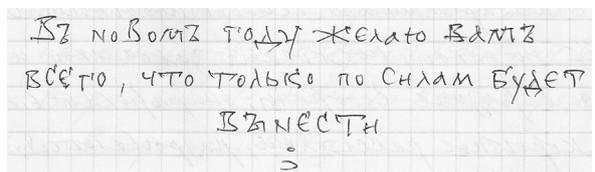
22 сентября 2007 г. Суббота. <...> Вчера одна из участниц конференции сказала: «*Нас вели, чтобы познать с реконструкцией инструментов, а это оказалась реконструкция души.*»

Сегодня заходил С.В. Трояновский⁷⁵ и сообщил, что представитель французской делегации после посещения нашего Центра на пресс-конференции особо отметил меня, назвав движимым культурным достоянием.

4 декабря 2007 г. Уторникъ. <...> Дождь. От снега на дорогах ничего уж не осталось. Как-то звери в лесах?

23 декабря 2007 г. Неделя. <...> Вчера по каналу «Культура» впервые увидел и услышал, как играет на скрипке Иегуди Менухин. Он тоже между Богом и Человеком. Как и Владимир Горовец. <...>

31 декабря 2007 г. Понеделокъ. Опять малосонница. К вечеру собирались Н.Н. и М.Н. Поповы и С.Л. Васильева, я с ними застоличал. Проводили прожитый Год. <...> Прогулялся на Ярославово дворе. Там ни души. Повспоминал прошлое, как я там в Воротной башне обитал почти все 1970-е годы. Возвратившись, посидел до двух ночи за компьютером. Глаза слипаются. Но усну ли?

<...> В 3:00 я уснул. Проснулся часа в четыре от хлопков петард. <...>

Нам не надо войны, дай Бог нам такой мир пережить.

Полседьмого утра. Нормальные люди в этот час просыпаются и радуются новому дню. А я ещё вчерашний не прожил. Да, я ещё в прошлом году...

1 января 2008 г. Уторникъ. СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Семён Иванович Пустовойтов (1921–1995) – Почётный гражданин Великого Новгорода, художник. С 1996 года в Центре музыкальных древностей ко дню рождения С.И. Пустовойтова – 9 мая – проводятся ежегодные выставки его памяти.
- ² Сергей Михайлович Ёлкин – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий секцией кафедры педагогики Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (НовГУ).
- ³ Светлана Васильевна Пахомова – радиожурналист Новгородской государственной телерадиокомпании (НГТРК) «Славия».
- ⁴ С.Л. Васильева – участник хора Центра музыкальных древностей, заведующая библиотекой Центра музыкальных древностей в 1994–1997 годах. (Далее она не раз упоминается в дневниках).
- ⁵ Валентин Лаврентьевич Янин – историк, археолог, доктор исторических наук, академик Российской академии наук (РАН), зав. кафедрой археологии Московского государственного университета (МГУ), руководитель Новгородской археологической экспедиции (НАЭ) с 1962 года, Почётный гражданин Великого Новгорода.
- ⁶ Ольга Павловна Шадурская – сотрудник Центра музыкальных древностей с 2001 года.
- ⁷ Речь идёт об одном из крупнейших археологических раскопов в Новгороде – Троицком раскопе.
- ⁸ Речь идёт о найденной 13 июля 2000 года на Троицком раскопе в слоях первой четверти XI века восковой книге – Новгородской Псалтыри – древнейшей в Славянском мире. Книга состоит из трёх деревянных дощечек с четырьмя выемками, залитыми тонким слоем воска. Три из четырёх повреждённых восковых страниц были совершенно разрушены – рассыпаны на мельчайшие восковые «чешуйки». Несколько лет В.И. Поветкин проводил сложнейшую, не имеющую аналогов работу по реставрации книги, собирая россыпь кусочков в страницы с текстом. (Здесь и далее будут включены некоторые фрагменты по реставрационной работе В.И. Поветкина над этой книгой).
- ⁹ Андрей Анатольевич Зализняк – лингвист, доктор филологических наук, академик РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН, Почётный гражданин Великого Новгорода.
- ¹⁰ С Новгородской Псалтырью.
- ¹¹ Академик А.А. Зализняк.
- ¹² Пётр Григорьевич Гайдуков – историк, археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института археологии РАН.
- ¹³ Новгородская государственная телерадиокомпания (НГТРК) «Славия».
- ¹⁴ Елисей Викторович Бабанов – пианист, выпускник Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (2003), лауреат международных конкурсов. Сын В.Г. Бабанова – новгородского музыканта, друга В.И. Поветкина.
- ¹⁵ Праздник славянской письменности и культуры проходил 24–28 мая 1988 г. В это же время праздновали 1000-летие Крещения Руси. Это было масштабное мероприятие, главным организатором которого был член Союза писателей, председатель Новгородской писательской организации Борис Степанович Романов.
- ¹⁶ Протоиерей Анатолий Малинин (1925–2004) – старейший священнослужитель Новгородской епархии, с 1992 года – настоятель Софийского кафедрального собора Великого Новгорода.
- ¹⁷ Александр Степанович Хорошев (1941–2007) – историк, археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ, руководитель Центра по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника (1992–2007).
- ¹⁸ Елена Александровна Рыбина – историк, археолог, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ, зав. лабораторией НАЭ (1962–1997).
- ¹⁹ Каламбур В.И. Поветкина, на тему археологических находок деталей духовых музыкальных инструментов в Старой Руссе.
- ²⁰ Евгений Николаевич Носов – историк, археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института истории материальной культуры (ИИМК), зав. кафедрой археологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), профессор, руководитель Новгородской областной экспедиции ИИМК.
- ²¹ Пётр Дмитриевич Малыгин – историк, археолог, кандидат исторических наук, доцент Тверского государственного университета, сотрудник историко-краеведческого музея г. Торжок, научный руководитель Новоторжской археологической экспедиции.
- ²² Изабель Валлотон (Швейцария) – филолог.
- ²³ В.И. Поветкина с В.Л. Яниным и Е.А. Рыбиной связывали деловые и дружеские отношения с начала 1970-х годов.
- ²⁴ Сергей Николаевич Дубовицкий – журналист Новгородского областного радио «Славия».
- ²⁵ Юрий Алексеевич Гончаров – зам. директора Центра музыкальных древностей (2000–2001), основатель историко-этнографического клуба «Рать» (Великий Новгород).
- ²⁶ Николай Николаевич Гринёв – историк, Заслуженный работник культуры РФ, генеральный директор Новгородского государственного объединённого музея-заповедника (НГОМЗ) (1991–2010).
- ²⁷ Виктор Григорьевич Бабанов (1934–2004) – музыкант, преподаватель отделения народных инструментов Новгородского областного музыкального училища (с 1997 г. – Училище искусств им. С.В. Рахманинова), создатель Оркестра народных инструментов Новгородской областной филармонии (2001).
- ²⁸ Шахматы.
- ²⁹ Леонид Владимирович Шитенбург – заслуженный работник культуры РСФСР, директор Новгородской областной филармонии (1983–2008).
- ³⁰ Н.Н. Ренкас – в то время заместитель Главы администрации Новгородской области.
- ³¹ Елена Владимировна Торопова – историк, археолог, кандидат исторических наук, заместитель директора Гуманитарного института НовГУ, заведующая кафедрой Отечественной истории НовГУ, руководитель Старорусской археологической экспедиции НовГУ.
- ³² Илья Тёмкин (Dr. Ilya Tëmkin) – зоолог, научный сотрудник Смитсоновского института (Вашингтон, округ Колумбия, США), инструменталист (гусли).
- ³³ Речь идёт о лекции-концерте В.И. Поветкина «Музыкальная культура древнего Новгорода» для участников III Всероссийского конкурса фольклорных ансамблей «Традиции», проходившего в Великом Новгороде.
- ³⁴ Речь идёт о Гала-концерте участников III Всероссийского конкурса фольклорных ансамблей «Традиции».
- ³⁵ О Святках в Центре музыкальных древностей.
- ³⁶ Лариса Фёдоровна Морохова – музыковед, искусствовед, тележурналист и режиссёр. Работала научным сотрудником в Институте русской литературы и искусства (Пушкинский Дом) и на «Лентелефильме» (Ленинград), затем на НГТРК «Славия» (Великий Новгород).
- ³⁷ Юрий Александрович Шубин – заслуженный работник культуры РФ, председатель комитета культуры кино и туризма Новгородской области (по 2004). В настоящее время директор Департамента Генерального секретариата Министерства культуры РФ.

³⁸ Артемий Владимирович Арциховский (1902–1978) – историк, археолог, доктор исторических наук, член-корреспондент АН СССР, профессор, заведующий кафедрой археологии МГУ, основатель и руководитель (1932–1962) НАЭ.

³⁹ Э.К. Кубло – заведующая лабораторией консервации археологической древесины НГОМЗ.

⁴⁰ В 2009-ом году В.И. Поветкин решил эту проблему, построил деревянное парадное крыльцо.

⁴¹ Речь идёт о подготовке к выставке «Мой Новгородский путь» – единственной за 20 лет работы Центра, где были представлены основные направления деятельности В.И. Поветкина в Новгороде. Это был его юбилейный год. Выставку В.И. Поветкин называл отчётной.

⁴² Гусли концертные, были изготовлены В.И. Поветкиным в 1976–1977 годах.

⁴³ Деревянная скульптура В.И. Поветкина (начало 1970-х).

⁴⁴ Александр Алексеевич Кочевник – фотожурналист, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, Академик фотоискусства Международной гильдии фотографов-профессионалов средств массовой информации, лауреат высшей профессиональной награды «Золотой глаз России».

⁴⁵ Деревянная скульптура В.И. Поветкина (начало 1970-х).

⁴⁶ Алексей Алексеевич Гиппиус – лингвист, текстолог, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор факультета филологии и ведущий научный сотрудник лаборатории лингвосомиотических исследований Высшей школы экономики.

⁴⁷ Деревянная пристройка к зданию Центра музыкальных древностей.

⁴⁸ Школа традиционной культуры «Параскева» (Великий Новгород).

⁴⁹ Даниил Евгеньевич Крапчунов – преподаватель НовГУ, участник ансамбля «Купина» лаборатории фольклора НовГУ. В настоящее время – кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета и Академии при Президенте РФ (Томский филиал), научный руководитель арт-проекта «Васильев Вечер», член Общественной палаты Томской области.

⁵⁰ Наталья Жоржевна Шибкова – фольклорист, руководитель фольклорного коллектива Центра фольклора и досуга (д. Чечулино, Новгородского района), руководитель фольклорного коллектива «Шох-Ворох» (Великий Новгород), преподаватель теоретического отделения по классу фольклора Новгородского училища искусств им. С.В. Рахманинова (1997–2001).

⁵¹ Антон Николаевич Каменский – историк, археолог, научный сотрудник НГОМЗ, сотрудник Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина; 2004–2009 гг. – студент исторического факультета НовГУ.

⁵² Десятая ежегодная выставка памяти художника С.И. Пустовытова «К нашему победному шестидесятилетию «На поле брани с кистью».

⁵³ Элиса Алексеевна Гордиенко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Новгорода Санкт-Петербургского института истории РАН, автор текста книги: Великий Новгород: альбом / Э. А. Гордиенко; фот. В. Гиппенрейтер. М.: Интербукбизнес, 2005. 245 с.

⁵⁴ Вадим Евгеньевич Гиппенрейтер, фотохудожник, автор нескольких альбомов о Великом Новгороде и его памятниках, член общероссийской общественной организации «Союз фотохудожников России».

⁵⁵ Алексей Михайлович Косых – археолог, магистр антропологии, аспирант Российского института истории искусств

(сектор инструментоведения), сотрудник Центра музыкальных древностей; в 2001–2007 гг. – студент кафедры археологии СПбГУ.

⁵⁶ Александр Сергеевич Лебедев – ведущий инженер-технолог лаборатории твёрдотельной оптоэлектроники НовГУ, художник («Студия на Красной», Великий Новгород), участник хора Центра музыкальных древностей.

⁵⁷ В данном случае речь идёт о празднике «Ночь на Ивана Купала».

⁵⁸ Ольга Сергеевна Сеина – новгородка, знакома с В.И. Поветкиным с 1977 года, со времени её работы в должности инспектора по искусству Новгородского областного Управления культуры.

⁵⁹ Протоиерей Алексей (Вовченко) – настоятель церкви св. Георгия Победоносца погоста Камно (Псковская область).

⁶⁰ Николай Иванович Иванов – новгородский мастер, резчик по дереву. В.И. Поветкин часто приобретал его поделки – деревянные медвежат с музыкальными инструментами, для подарков друзьям и гостям.

⁶¹ «Как по морю» – одна из музыкальных композиций В.И. Поветкина, созданных в начале 1990-х годов на основе народных песен. Как и известная композиция «Красивая солнушка», исполнялась в конце каждой лекции-концерта как пример современного использования традиционных гуслей.

⁶² Академический женский хор Городского Центра культуры и досуга им. Н.Г. Васильева» постоянно принимает участие в открытии выставок и вечеров памяти в Центре музыкальных древностей.

⁶³ Евгений Леонидович Казанцев – художник, преподаватель НовГУ, друг В.И. Поветкина с 1970-х годов.

⁶⁴ Юрий Геннадьевич Иванов (1973–2011) – музыкант, мастер, заведующий мастерской традиционных музыкальных инструментов в Новгородском областном Доме народного творчества.

⁶⁵ Любовь Владимировна Покровская – археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии МГУ, зав. лабораторией НАЭ с 1998 г.

⁶⁶ Ингмар Янссон (Швеция) – археолог.

⁶⁷ Стирбёрн Бергельт (1939–2006; Швеция) – музыкант.

⁶⁸ Сергей Евгеньевич Торопов – историк, археолог, старший научный сотрудник НГОМЗ, заведующий сектором реставрации и изучения археологических материалов и технологий Научно-образовательного центра ИГУМ НовГУ.

⁶⁹ В 1978–1979 гг.

⁷⁰ Речь идёт о гуслях – реконструкции В.И. Поветкина.

⁷¹ Хлор – органический растворитель, которым стал пользоваться В.И. Поветкин для растворения эпоксида клея, соединявшего археологические обломки с реконструктивным дополнением.

⁷² В настоящее время в экспозиции Новгородского музея-заповедника помещён возвращённый к первоначальному виду археологический обломок гуслей XII века рядом с их реконструкцией, выполненной В.И. Поветкиным по собственной методике.

⁷³ VI Международный фестиваль народного искусства и ремёсел «Садко».

⁷⁴ XXXI традиционный праздник фольклора и ремёсел в «Витославлицах».

⁷⁵ Сергей Викторович Трояновский – историк, археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб Института истории РАН, заведующий Центром по организации и обеспечению археологических исследований Новгородского музея-заповедника (НГОМЗ), председатель Новгородского общества любителей древности (НОЛД).

Примечания Н.Н. Поповой и Л.В. Фединой

Н.Н. Попова

О «РОДНИКАХ»

Впервые страница Центра музыкальных древностей «Родники» вышла 23 апреля 1994 года в Новгородской районной газете «Звезда». Такая возможность появилась благодаря первому библиотекарю Центра Лидии Михайловне Почтовской, познакомившей нас со своей подругой, исполнявшей в то время обязанности редактора районной газеты «Звезда», Тамарой Наумовной Сигаловой. Тогда же возникла идея создания страницы Центра музыкальных древностей в этой газете. Страница была задумана как тематическая. В ней, прежде всего, должны были отражаться текущие народные праздники, а потому ответственной за неё назначили меня – в то время специалиста по фольклору Центра музыкальных древностей.

Название «Родники» было предложено Владимиром Ивановичем Поветкиным, вспомнившим, что когда он работал в курской газете «Молодая гвардия», он участвовал в создании рубрики с названием «Родник». Многие названия наших статей и рубрик в «Родниках» также дал В.И. Поветкин: «Велик День у порога» (статья Н.Н. Поповой), «От Янина и других...» (статья С.Л. Васильевой)¹, рубрика «Музыка слов Даля» (подборка Н.Н. Поповой), а в «Челе» – «Летел кулик» (С.Л. Васильевой), «В хороводе народных праздников»² (Н.Н. Поповой). Для меня, музыканта, он стал учителем в написании статей. Владимир Иванович внимательно читал написанный текст и указывал абзацы, которые необходимо переделать – либо мысль не ясна, либо она «коряво» звучала. И так много раз, пока мне не удавалось найти нужные слова.

Тамара Наумовна внимательно и с пониманием относилась к публикуемым материалам, сохраняя тексты наших статей без вмешательства, принося их на проверку после вёрстки. Конечно, опечатки случались, не без этого, но в целом оригинальность текста Владимира Ивановича, его удивительные обороты речи, мысли, названия статей были не тронуты. Такая деликатность работы с авторами очень важна. Ведь сколько ошибок, перевёрнутых мыслей, сколько вложенных в уста В.И. Поветкина слов, которых он никогда бы не сказал, приходилось наблюдать в напечатанных интервью с ним!

Первый выпуск тематической страницы «Родники» вышел в газете «Звезда» 23 апреля 1994 года со вступительной статьёй В.И. Поветкина «С поклоном к уважаемому Читателю» и посвящён был преддверию Пасхи: статья «Велик день у порога» Н.Н. Поповой. Решено было, что страница будет выходить один раз в месяц, но пропустить «Праздник праздников» не хотелось, потому 30 апреля вышла ещё одна моя статья «Велик день – завтра».

Второй выпуск «Родников» (9 июня 1994 г.) был посвящён празднику Троицы. И это был первый номер, где клише страницы «Родники» было нарисовано В.И. Поветкиным. Именно этот рисунок впоследствии перешёл в альманах «Чело».

Всего в газете «Звезда» было подготовлено восемь тематических страниц. Каждая из них состояла из нескольких материалов. В некоторых отражались текущие события Центра музыкальных древностей. Так, в «Родниках» № 2 (9 июня 1994 г.), кроме статьи о празднике Троицы «Зелёные Святки» (Н.Н. Поповой), был материал о библиотеке Центра музыкальных древностей «От Янина и других...» (С.Л. Васильевой) и о прошедшем празднике фольклора и ремёсел в Витославицах – «Во спасение» (Т.Н. Сигаловой). В третьем выпуске «Родников» (9 июля 1994 г.), помимо материалов, посвящённых празднику летнего солнцестояния, была помещена заметка о международном телевизионном фестивале фольклора «Евромузыка-94», участники которого посетили наш Центр: «У Поветкина – гости» (И.В. Таяновской).

Статья В.И. Поветкина «На грани жизни и позора, или Летний солнцестояние в Новгороде» была опубликована в четвёртом выпуске «Родников» (23 июля 1994 г.) и появилась в связи с проведением телевизионного фольклорного фестиваля «Евромузыка-94». Масштабное мероприятие, на которое «из различных краёв России и из-за рубежа съехались гости», оказалось отнюдь не фольклорным, а привычным смотром самодеятельности, выдаваемой за подлинную народную культуру. Это была статья-переживание за непонимание родной культуры, за вольное обращение с ней. Позднее, уже в альманахе «Чело» (№ 2, февраль 1995 г.), когда собирались отмечать городскую Масленицу в день, не соответствующий церковной дате, Владимир Иванович написал в рубрике «Родники», что если администрация города проведёт этот праздник-действо в положенный срок, «то оно будет первым, а значит настоящим после катастрофически долгого перерыва». Тогда же он написал статью в газету «Провинциал» (№ 7, февраль 1995 г.): «Как на Масленой неделе...», а я – в газету «Звезда» (25 февраля 1995 г.): «Душа ль ты моя, Масленица...» Изменилось ли тогда что-либо? Да, изменилось. Праздник прошёл в положенный день. И сейчас все знают, что проводы Масленицы приходятся на воскресенье накануне Великого поста. И городской праздник проходит в гармонии с церковным и народным гулянием, соединяя нас с предыдущими поколениями.

В пятом выпуске «Родников» («Звезда», 18 августа 1994 г.), связанном с праздниками августа: «Спасовки» (Н.Н. Поповой), Владимир Иванович в статье «Вначале

был гудочек» рассказал об одной археологической находке – «кобылке» – подставке под струны для гудка, смычкового музыкального инструмента. В этих же «Родниках» было положено начало ещё одной теме – словесному наследию собирателя, этнографа, филолога, писателя Владимира Ивановича Даля, с замечательным названием «Музыка слов Даля». Эта рубрика была продолжена в шестом (27 августа 1994 г.) и седьмом (13 октября 1994 г.) выпусках «Родников», полностью посвящённых народным праздникам.

«Гражданину России В.И. Далю – из ненастья XX века» – так называлась статья В.И. Поветкина в последних, восьмых «Родниках» («Звезда», 17 ноября 1994 г.), и была посвящена 193-летию со дня рождения В.И. Даля.

К этому времени Т.Н. Сигалова уже не была редактором газеты «Звезда», а занималась идеей создания новой газеты, которая, подобно «Родникам», дала бы возможность высказываться разным людям на самые разные темы. Название газеты – «Чело» – предложил Владимир Иванович Поветкин, а воплотил идею Тамары Наумовны ректор НовГУ Владимир Васильевич Сорока, создав редакцию университетского альманаха «Чело» во главе с Т.Н. Сигаловой.

Готовящийся к декабрю девятый выпуск «Родников» был опубликован уже в первом номере университетского альманаха «Чело». Так страница Центра музыкальных древностей, вместе с рисунком рубрики «Родники», перешла из газеты «Звезда» во вновь созданное издание. К первому номеру Владимир Иванович сделал и рисунок-клише названия альманаха – «Чело», использовавшийся в течение 1995 года. В 1996–1998 годах его сняли, как «непонятное», так как заглавная буква была написана по-старославянски – в виде «чаши». И только в 1999 году рисунок названия, выполненный В.И. Поветкиным, был возвращён на обложку альманаха.

Ко второму выпуску альманаха «Чело» Владимир Иванович делает рисунки-клише к рубрикам «Слово», «Эхо», «Горенка», «Архив». К третьему – «Новгород», а для музыкальных рубрик – в виде нотного стана с нотками-птичками. К пятому – «Мастера». Последнее – «Перо» – было сделано к шестому выпуску альманаха.

Таким было появление «Родников», задуманных как отражение событий Центра музыкальных древностей и народных праздников. Таким было участие Центра музыкальных древностей в создании альманаха «Чело».

Но главное, что пытался нам донести Владимир Иванович, – это уважение к нашим прадедам, без мудрости которых не было бы нас, уважение к их традициям, которые, как святой родник, дают нам живительную влагу народных песен, наигрышей, праздников. Думаю, В.И. Поветкин, с высоты своего таланта, как никто другой понимал всё это. **«Не будем высокомерны перед нашим прошлым, но попытаемся ощутить себя на вершине культурной пирамиды. Мы – наследники. Устоим ли?»**³.

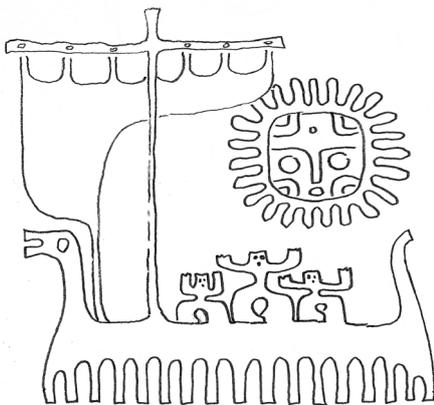
Затерявшийся в камнях, травах, деревьях и кустарниках небольшой родник потихоньку прокладывает себе путь. Соединяясь с другими родниками, набирая силу, несёт он свои воды уже уверенно, на большие расстояния, полноводной рекой. И вот, известная многим поколениям, разным народам, насыщает эта река и лесных зверей, и одинокого путника, и города, и сёла. Так и альманах «Чело» несёт живительное слово своему Читателю. Он даёт возможность высказаться учёным, поэтам, музыкантам – известным и только начинающим. Публикации на исторические, археологические, литературные и другие темы, поэтические строки востребованы нашими современниками, а номера альманаха разлетелись далеко за пределы Великого Новгорода. Вот и этому номеру суждено попасть в самые разные уголки земли, где его ждут.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Светлана Леонидовна Васильева в те годы работала библиотекарем в Центре музыкальных древностей.

² Чело. 2004. № 3 (31).

³ Поветкин В.И. С поклоном к уважаемому Читателю // Звезда. 1994. 23 апр. С. 2. («Родники» № 1).

В.И. Поветкин

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

О храбром Девгении – кириллицей обереженный сказ

Постижение на Руси веры Христовой, её истории, заповедей, песнопений начиналось с написания знаков азбуки. Той азбуки, название которой производят от одного из имён христианских миссионеров IX века – двоих греков, братьев, славянских первоучителей и святых апостолов – Кирилла и Мефодия.

Письменная грамотность стала удобной многим. В древнем Новгороде ею владели и монахи, и купец, князь и сборщик дани, ратник, гудец, златокузнец и пахарь, мужчины, женщины и дети.

Не сказать, чтобы устное слово тою порой обнаружало своё бессилие: донныне оно призвано обустроить хитросплетения жизни. Так было и так будет. Но, как полагали, к слову записанному, зримому прибавлялось священности или заклинательной силы. А ещё, надеялись, оно получало надёжную ограду от забвения. Всё так. Впрочем, и о том толкуют, что у всякой палки два конца: нечто изначально говоримое, а позже попавшее под перо, начинало новую жизнь и становилось иной раз объектом восхищения лишь «книжного червя». Бывало. Но, как говорится, «неча на зеркало пенять».

С технизацией и возвышением человека над природой, а в нынешнем столетии ещё и с откровенной «модой» на геноцид, подвергались разрушению те устные традиции, которые дотоле являли собой родовую, племенную, народную память. Параллельно более и более пробуждалась потребность запечатлеть в книгах всё уходящее из жизни – от колыбельных песен до смутных припоминаний о былом. (Мы простодушны. Уповаем на того, кто будет после нас. Он, де, «бросит всё» и, читая книги, начнёт «возродить»).

По указанным ли причинам или по каким-то ещё, о которых можно лишь догадываться, попытки увековечить в письменности то, что испокон веков звучало устно, начались отнюдь не недавно. И чем эти попытки древнее, тем они драгоценнее. В XVIII веке, например, при легендарных обстоятельствах был создан сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым». Под стихотворениями, коих было собрано более семидесяти, подразумевались старины (былины), исторические и лирические песни, песни-баллады, духовные стихи, небылицы и шуточные скоморошины. Этот величественный памятник, изумивший Европу и воспитавший в А.С. Пушкине русского поэта, рассматривали в одном ряду со «Словом о полку Игореве».

Устное слово, записанное в древности, способно «разговаривать» с тем, что дожило или ещё памятно в

сельской неписьменной традиции. При этом последнее приобретает свою подтверждённую письменным документом «биографию». Вот тому замечательный пример.

В восточных от Новгорода селениях старожилы, обжигая свою память 1920-ми и последующими годами, пересказывают обычай, в котором кое-кому из них посчастливилось участвовать. Отроками они с помощью плотницкого инструментария мастерили шести-семи-струнные гусли. Струны «брали от тяжей», настраивали «по песням» и приходили на посидки в избу к девушкам-рукодельницам. «Брякая», развлекая девушек игрой «под песню», «под пляску», привораживал парень к себе одну – будущую невесту.

В тех же краях вспомнят тебе и свадебную песню:

**А во новой во горенке столы стоят,
Стол�ы стоят!**

**Посеред белой светлицы – дубовые,
Дубовые!**

**На столах-то скатерти браные,
Браные!**

**На скатертях гусельцы звончистые,
Звончистые!**

**У гусель-то струны-то серебряные,
Серебряные!**

**Играя в гусельцы Иван-то молодец,
Иван-то молодец!**

**Играя во гусельцы Васильевич,
Васильевич!**

**Подошедцы Марьюшка послушати,
Послушати!**

**Отошла Ивановна – заплакала,
Заплакала!**

На родительские вопрошания она отвечала:

**Как же мне-то, матушка, не плакати?
Не плакати!**

**У Ивана гусельцы – неладно говорят,
Неладно говорят!**

**Велено Ивана-то Ивановом назвать,
Иваном назвать!**

Песни, в которых гусли воспеваются как символ мужского начала, рассыпаны по всей России. Во всевозможных изображениях, начиная с XII века, гуслиями владеет добрый молодец. В нынешнем же столетии девочки или женщины в шутку или всерьёз учились играть на гусях. Вместо мужчин. Это и кощунство с точки зрения обрядности, и знак страшного бедствия, знак разрушения устоев жизни. В самом деле, после войн в деревню, бывало,

не возвращалось ни отца, ни сына. Ни коня. Женщины, «погоняемые» женщинами, впрягались в соху или плуг.. Без «молодцев презрительных» невозможна была гусельная игра «под драку», во время которой в пляске, постепенно переходившей в обрядовый кулачный бой, выказывалась удаль молодецкая. А всё сводилось к главному.

Считается, что хранящийся ныне в Государственном историческом музее сундук-подголовок XVII века с Северной Двины был расписан в новгородских живописных традициях. На нём изображены взявшиеся за руки молодец и девица, она – с чарой вина, он – с гуслиями. Изображение может напомнить собою момент обручения Садко с девушкой Чернавой, о чём повествуется в известной старине. Садко-чародей. Он и должен быть таковым, ибо он – музыкант-профессионал. Но посмотрим, как ведут себя в старинах добры молодцы – не музыканты, чаще всего богатыри, если намерены привлечь к себе внимание возлюбленной. Оказывается, что для этого мало проявить доблесть в «чистом поле»: ещё необходимо и уметь играть на гусях, как, например, Добрыня Никитич:

***А честна вдова Офимья Александровна.
Тут скорешенько бежала в нову горенку,
Притащила ему платья скоморовския,
Отмывала она погребца глубокия,
Подавала тут гуселушка яровчатя,
Сам же взял дубинку сорока пудов,
А пошёл же скоморошиной на свадьбуку.***

Гусли – символ мужского начала. Таков их и космический мифологический образ. Он отражён в древнейшем роде устного народного творчества – сказках. Согласно разысканиям А.Н. Афанасьева, верховный Громовержец, играя на гусях, орошает Матерь-Землю плодородным дождём.

Подобных подтверждений обычаю и жизнеутверждающей в нём роли гуслей, о чём поведали жители новгородских сёл, в устном народном творчестве сохранилось очень много.

Что же касается письменных упоминаний о древнерусских музыкальных инструментах, то книги, коими ведала прежде всего Церковь, не поощряли иного музицирования, кроме песнопений в православном храме. Уважительным вниманием пользовались библейские, иначе, исторические или зарубежные музыкальные инструменты. В особенности псалтирь – струнный щипковый музыкальный инструмент, изобретённый, как считают, царём Давидом. При переводе библейских текстов на церковнославянский язык ближайшим сравнением к малопонятному «псалтирь» показалось слово «гусли», подразумевавшее в древнерусской традиции также струнный щипковый музыкальный инструмент. И поди разбери: гусли в руках Давида – это инструмент для прославления Бога, а гусли, скажем, в палатах князя Святослава Ярославича в XI веке – инструмент осуждаемый. Не говоря уже о тех гусях и прочих «гудебных сосудах», которые звучали на игрищах.

При таких обстоятельствах прочитать в древних рукописях, например, о певце Бояне – всё равно, что коснуться чуда. И вот – ещё одно переложённое на язык письменности сказание, которое в виде одного из списков, очевидно, не случайно входило в сгоревший, к сожалению, сборник вместе со «Словом о полку Игореве»:

«Преславный Девгений, получив благословение у отца своего и у матери своей, собрал небольшое войско и, взяв с собой дорогие одежды и звонкие гусли, сел на своего быстрого коня и поехал к Стратигу» – так начинается глава «О свадьбе Девгения и о похищении Стратиговны» в обширной повести, полное наименование которой – «О подвигах храбрых людей минувших лет, о дерзкой храбрости и доблести прекрасного Девгения». Эта древнерусская повесть является переводом византийского эпического сказания X века о воине-богатыре Дигенисе Акрите, охранявшем границы Византийской империи. Совсем как о русских богатырях! *«И поехал Девгений по городу Стратига <...>, оделся в дорогие одежды, и велел захватить с собою златострунные гусли, и велел взять юношу, нового слугу своего, поехал сам-четверт ко двору Стратигову и, взяв гусли, стал играть и петь, ибо дана ему была Божья помощь, которая всегда была с ним. Всегда всё удаётся ему, а прекрасной девице Стратиговне суждено быть похищенной Девгением, сыном Амира-царя. И, услышав голос его и звуки прекрасные, испугалась девица, затрепетала и, прильнув к оконцу, увидела, как Девгений сам-четверт проезжает мимо двора. И вселилась в сердце ей любовь»*. Далее рассказывается про обрядовое похищение невесты, о том, с каким достоинством Девгений её защищает, великодушно сохраняя жизнь её родителям и братьям, наконец, о свадьбе.

В сущности всё, казалось бы, так знакомо по песням и старинам. Но не зря же замечено: «Напишешь пером, не стешешь топором». В том особенность сказания, что оно заверяет по меньшей мере X веком древность известного в новгородских сёлах обычая и, кроме того, область его бытования делает не только Древнюю Русь, но и Византию. Следует думать, что славянский мир в то время соприкасался с Византией, являвшейся прямой наследницей Античной Греции, не только в вопросе христианского вероисповедания, но и обычаях более древнего происхождения. Кстати, что в данном случае ещё важно. Гусли звончатые, согласно местам археологических находок их самих или их изображений, увозят из Новгорода через Старую Рязань и Киев в средневековый город Алустон (Алушта). Там в слое XIII века обнаружено византийское блюдо с изображением гусяря, плясуньи и ряженого в медвежьей шкуре – всё так напоминает обрядовые сцены, награвированные русскими мастерами на серебряных с позолотой боярских и княжеских браслетах в XII–XIII веках. И ещё. От Алустона недалёк Херсонес Таврический, или древний Корсунь, откуда начинали свою миссию Кирилл и Мефодий.

1995 год

Загадка гуслей-псалтиря

Настоящее исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом (Проект № 96-01-00447).

В древнерусских миниатюрах, фресках и других произведениях изобразительного искусства, создание которых контролировалось Православной Церковью, было принято изображать зарубежные музыкальные инструменты. Лишь об одном инструменте можно с уверенностью сказать, что русские художники рисовали его не посредством иностранных книжных образцов, а наблюдая в жизни. Таковы многострунные гусли-псалтирь (гусли шлемовидные)¹. Почему-то именно этот инструмент был выделен из большого числа бытовавших на Руси музыкальных инструментов и даже из числа прочих типов гуслей, хотя он, как нынче можно утверждать, сформировался позднее гуслей звончатых (крыловидных) и, тем более, гуслей лирообразных. Противоречие состоит ещё и в том, что при огромной известности этого инструмента как изобразительного символа библейских, а также и вообще славянских гуслей, всё же материальных его свидетельств археологи долгое время не могли обнаружить — и все это на фоне многочисленных открытий других типов гуслей. Каково происхождение гуслей-псалтиря? Какое место они занимали в русском быту, если известно, что ревнители древних христианских традиций осуждали инструментальное музицирование как наследие язычества? С появлением в недавнее время новых свидетельств гуслей-псалтиря стало возможным решить некоторые вопросы или определить обоснованные пути к их решению. Впрочем, исследование истории этого инструмента началось ещё в прошлом веке.

А.С. Фаминцын в самом факте изображения гуслей-псалтиря на русских миниатюрах XIV века видел доказательство того, что данный инструмент бытовал на Руси. «Иноземное название инструмента указывает на заимствование его извне» — говорит он в своем исследовании, что и подкрепляет рассуждением Георги: «В общем строении своём гусли имеют большое сходство с вошедшим в употребление в южной Германии псалтирем (Psalterium)». Далее Фаминцын приводит сведения С.Ф. Миллера, побывавшего в 1743 году в Казанской губернии. Касаясь быта местных народов, Миллер отметил: «Из игральных инструментов первой у них есть наподобие лежачей гарфы, видом полумесяца, об 18 струнах. Такие инструменты употребительны и у русских, которые называются гуслиями». Ссылаясь на Миллера, Фаминцын приходит к заключению: «Сходный с русскими гуслиями инструмент у татар называется — гусли, у черемисов — кюселе, у чуваш — гюссле, словом восточные народы заимствовали у русских псалтиривидные гусли вместе с их русским названием, почти не изменившимся в устах»².

Данное рассуждение оставалось общепринятым. Его по сути придерживался и К.А. Вертков, дополнив мыслью о том, что тип многострунных гуслей мог принадлежать восточнославянским племенам, селившимся в верховьях Волги. Чем и оправдывается последующее усвоение этого инструмента народами Поволжья³.

Иначе понимает историю псалтиривидных гуслей Р.Б. Галайская. Отмечая факт изображения таковых исключительно в книгах церковного содержания, она связывает его с русской миссионерской деятельностью в Поволжье. При этом она представила картину знакомства русских скоморохов с поволжским населением: «...нет ничего удивительного в том, что, подхватив разновидность многострунного музыкального инструмента у вновь обращённых в православие народов, они принесли его с именем "гусли" в московские земли». По мнению Галайской, ни один из исторических или этнографических источников не сообщает об участии каких-либо типов русских гуслей в ритуально-магических обрядах. У поволжских же народов полуовальные гусли вплоть до XX века, а то и позднее использовались во время молений в священных рощах, при похоронах и других обрядах⁴.

Также и В.В. Кошелев, исследуя нагайбакские (татарские) полуовальные гусли, отмечает их участие в свадебном, похоронном обрядах; под них плясали, пели эпические произведения — байты. Соглашаясь с М.Н. Нигмедзяновым в том, что традиция игры на гусях была унаследована татарами от волжских болгар, Кошелев продолжает: «В свою очередь предком музыкального инструмента болгар, вероятнее всего, был среднеазиатский канун»⁵.

Который из взглядов на историю многострунных гуслей ближе к истине, подсказывают дополнительные свидетельства, связанные в большинстве своём с новгородской культурой.

Прежде всего следует заметить, что самое раннее изображение гуслей-псалтиря относится не к XIV веку, а к концу XIII века. Это миниатюра на листе 39 в Новгородской Симоновской (Хлудовской) Псалтири: царь Давид играет на гусях, имеющих изогнутое вовнутрь основание, и потому подобных многострунному луку.

В 1970-х годах в Новгороде на берегу Волхова была найдена небольшая, с утратами, свинцовая литая накладка XIII–XV веков. На ней изображён гудец с гуслиями, корпус которых походит на лук.

Еще в 1952 году в Новгороде из слоя середины XV века был извлечён изразец. На нём показан гудец с многострунными гуслиями, у которых основание ровное; это также известная по книжным миниатюрам форма гуслей, именно к таковым более всего применимо название шлемовидных. Возле гудца стоит человек в длиннополой одежде с посохом и восседающей на его руке птицей, которая как бы вещает, что надо играть на гусях. В сюжете содержатся, кажется, и мотивы ранней христианской религиозности, и одновременно признаки средневекового концертного артистизма.

Подлинную ценность составляют открытые в Новгороде свидетельства самих гуслей-псалтиря. Правда, это небольшие обломки, позволяющие лишь в общих чертах представить формы инструментов. Обломок тонкой

дубовой полочки со следами некогда приклеивавшегося к ней струнодержателя был обнаружен на Неревском раскопе в 1958 году в слое конца XIV века⁶. Обломок другого инструмента найден на Троицком раскопе в 1995 году в слое XIV века – это угловая часть его полого корпуса⁷. Наконец, на том же раскопе в 1996 году в слое середины XIV века были найдены несколько обломков изогнутого струнодержателя, бесспорно принадлежавшего гуслим-псалтирю⁸. Из указанных свидетельств по крайней мере первые два сообщают о гуслиях с вогнутым основанием.

Важное открытие состоялось и вне Новгорода – в Пскове в 1985 году. Это бронзовый поясной набор XV века. Он состоял из девяти деталей с изображёнными на них фигурами зверей и людей. На двух деталях – круглых литых прорезных пластинах – показан одинаковый сюжет: гудец, играющий на гуслиях-псалтире с прямым основанием, справа и слева от него – две фигуры⁹, возможно, воины, внимающие его игре (сказитель с гуслиями?).

Очевидное значение указанных свидетельств в том, что они являют собой бесспорный факт применения гуслей-псалтиря в жизни, и в первую очередь не на Востоке Руси, а в Новгородско-Псковской земле. Они подтверждают также бытование на Руси характерных двух форм многострунных гуслей – с основанием вогнутым, что отмечается в ранних документах, и основанием прямым, что появляется в документах несколько позже. Вновь открытые предметы с изображениями гуслей-псалтиря ещё и ещё подкрепляют мысль о широком использовании этого инструмента в русском быту. Не случайными выглядят и его последующие изображения как инструмента, сопровождающего выступление кукольного театра, чему очевидцем в 1634 году был А. Олсариус¹⁰, или как инструмента ансамблевого концертного, что показано в «Букваре» К. Истомина¹¹. Не случайно, по-видимому, он показан и в обстановке свадебного обряда. Речь идёт о сундуке-подголовке, расписанном в новгородской живописной традиции в конце XVII века на Северной Двине: девица красная и молодец презираемый обмениваются рукопожатием, девица – с чарой медового напитка, молодец – с гуслиями¹². Вместе с тем, изучения заслуживает вопрос об использовании многострунных гуслей в околоцерковном обиходе. Не могло ли быть, что уже изначально эти гусли использовались при монастырях чаще, нежели где-либо? Если так, то такой причиной можно было бы объяснить загадочно редкие находки свидетельств данного типа гуслей на усадьбах древних новгородцев. Письменные документы XV–XVII веков указывают на сосуществование скоморохов и церковнослужителей¹³. Скоморох, гудец с гуслиями-псалтирем – вопреки письменным осуждениям

игры на гуслиях вообще – начиная от XIII вплоть до XVIII века, был поощрён многочисленными изображениями. В их числе, к примеру, роспись на дверце шкафа XVII–XVIII веков с надписью «Беседа»¹⁴ и миниатюра в «Цветнике» XVIII века¹⁵, где нравоучительные библейские сцены показаны так, словно подсмотрены в монастырской жизни. Впечатление о принадлежности гуслей-псалтиря к околоцерковному быту усиливается ещё и таким фактом. В XVIII веке в России приобретают известность новые гусли – концертные. Конструктивно это те же гусли-псалтирь, но уложенные в прямоугольный ящик с ножками. Ими часто пользовались регенты, почему и возникло их наименование – «поповские гусли». Однако каковы истоки гуслей-псалтиря?

Версия о переносе их на Русь от поволжских народов неубедительна. Названия «кусле», «кюсле», «гуслия» происходят от славянского – «гусли» – факт, который вспять не повернёшь. Использование гуслей в священных рощах – важный, но не самый сильный довод в пользу их местного происхождения: иначе и гармонику, нашедшую себе место в священных рощах, придётся причислить к «исконным». О древних струнных инструментах поволжских народов свидетельствуют открытые на городище Иднакар (Удмуртия) в слоях X–XII веков две костяные кобылки с засечками для пяти струн¹⁶. Они могли принадлежать тамбуровидным инструментам, но никак не многострунным гуслиям и не их прототипам. Значит, если и следует искать связь гуслей-псалтиря со среднеазиатским кануном, то не через волжских булгар.

Ближайшим по конструкции к гуслиям-псалтирю является западноевропейский псалтериум. В скульптурах XII–XV веков наглядно показано, как под влиянием прямоугольно-трапециевидного кануна образовалось несколько разновидностей псалтериума¹⁷. Одна разновидность особенно близка гуслиям с прямым основанием. Что и позволяет думать об их происхождении от общего прототипа.

Что же касается гуслей, похожих на многострунный лук, то образованием своих форм они, вероятно, обязаны опыту не столько Западной, сколько Восточной Европы. Но как это произошло? – догадаться пока нельзя. Единственное наводящее на размышления свидетельство содержится в былинке «О Добрыне Микитинце»:

**«У молодца Добрынюшка Микитинца
В тот тугий лук разрывчатый в тупой конец
Введены были гусельника яровчатый»¹⁸.**

Вот он – сбережённый в чудесной памяти сказителя Т.Г. Рябинина перл русской эпической поэзии – лук, разящий стрелами музыки. Ничто так не близко, как он, очертаниям загадочных гуслей.

1996 год

ЛИТЕРАТУРА

¹ Поветкин В.И. «Русский» изобразительный канон на музыкальные инструменты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник–1989. М., 1990. С. 145.

² Фаминцын А.С. Гусли – русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890. С. 101–102.

³ Вертков К.А. Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975. С. 73.

⁴ Галайская Р.Б. Опыт исследования древнерусских гуслей в связи с финно-угорской проблематикой // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами. Таллин, 1980. С. 24–25.

⁵ Кошелев В.Б. Нагайбакские гусли. Опыт комплексного исследования // Искусство Татарстана: пути становления. Казань, 1985. С. 43.

- ⁶ Поветкин В.И. Музыкальные древности Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 70–72.
- ⁷ Поветкин В.И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Сезон раскопок 1995 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научн. конф., Новгород, 23–25 янв. 1996 г. Новгород, 1996. Вып. 10. С. 125–138 : ил.
- ⁸ Поветкин В.И. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Находки 1996 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научн. конф., Новгород, 28–30 янв. 1997 г. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 166–176 : ил.
- ⁹ Колосова И.О. Бронзовый поясной набор из Пскова. Культура и история средневековой Руси : тезисы конф., посвящ. 85-летию А.В. Арциховского. М., 1987. С. 21–23.

- ¹⁰ Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времён до конца XVIII века. М.–Л., 1928. С. 193.
- ¹¹ Там же. С. 157.
- ¹² Сокровища русского народного искусства. Резьба и роспись по дереву : альбом. М., 1967. Илл. 6–8.
- ¹³ Кошелев В.В. «В церкви – образа, а в келье – гудочник» // Язычество восточных славян. Л., 1990. С. 88–97.
- ¹⁴ Сокровища русского народного искусства... Илл. 37.
- ¹⁵ Щепкин В.Н. Учебник русской палеографии. М., 1918. Рис. 36.
- ¹⁶ Иванова М.Г. Чепецкие древности. Устинов, 1985. С. 86–87; Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск, 1994.
- ¹⁷ Stauder W. Alte Musikinstrumente. Braunschweig, 1973. S. 82–90.
- ¹⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1980. Т. 1. С. 126.

Гражданину России В.И. Далю – из ненастья XX века к 193-летию со дня рождения

Чтобы стать национальным сокровищем России, надо было родиться в семье датчанина и немки. Так-ков В.И. Даль. И надо быть поистине русским, чтобы соотечественники и потомки, восхищаясь и всё более преклоняясь перед именем твоим, вот уже без малого, как в течение двух столетий со дня твоего рождения – 10 ноября 1801 года, или пусть после твоей смерти в 1872 году – не нашли досуга, хотя бы однажды взвеличить тебя открытием памятника и золотыми буквами вывести – «Владимиру Ивановичу Далю – благодарная Россия». Близкий, де, человек: на кой тебе церемонии? Это – мы.

И надо же было защищать рубежи необъятной России в 1831-м где-то там, на Висле, за что лично царь Николай I отметил тебя орденом – Владимирским крестом с бантом, чтобы в конце XX века твой родительский дом в Луганске, где тебя повивали, очутился в одночасье за кордоном, и не просто, а вместе с любезными твоими великороссами. За кордоном от нас – всё тех же твоих не менее любезных, коих ты награждал небывалым доселе наставлением к жизни – «Толковым словарём живого великорусского языка».

Это твой главный итог. А собранные тобой и переведённые с устного языка на письменный народные пословицы и поговорки! А лучшее для твоего времени собрание лубочных картин, переданное Императорской публичной библиотеке и составившее её гордость! А сказки и песни, записанные и врученные для публикации великим сподвижникам твоим – А.Н. Афанасьеву и П.В. Киреевскому! А тома собственных твоих сочинений в прозе и стихах! Кстати, что за знак – перстень-талиман, полученный тобой в 1836 году от уходящего из жизни солнца нашей поэзии А.С. Пушкина?

А деятельность твоя как чиновника – сначала в Петербурге, потом в Нижнем Новгороде! Оставаясь ближайшим помощником и верным другом графа Л.А. Перовского, возглавлявшего Министерство внутренних дел, владея профессией военного доктора, не говоря уже о знаниях народных ремёсел, поверий, обычаев, да и вообще настроений, ты равно участвовал как в делах по устройству бедных дворян, так и в делах по улучшению быта крестьян. Твои наблюдения были учтены при составлении карантинных правил на случай, если пожалует костлявая с косой – чума. Твоё имя значится среди учредителей Русского Географического общества – самого деятельного из всех русских учёных обществ. И ты же составил образцовый, действовавший и в XX столетии устав губернских правлений.

И ещё очень многое о тебе свидетельствует другой высокочтимый чиновник и он же с мировым именем писатель, в судьбе которого ты также сыграл добрую роль и которому на исходе своего пути передал важные бумаги о старовеках. Имя его – П.И. Мельников (А. Печерский). Это он, между прочим, поведал о сердечной скорби Льва Алексеевича Перовского, лишившегося после твоего переезда в Нижний Новгород «самого дельного чиновника в министерстве и самого преданного ему человека».

Нам нынче, как никогда, важно знать: кто же, управляя, вёл Россию к духовному, культурному и экономическому богатству? И понимаем: чиновники не только высокообразованные и чрезвычайно одарённые, но одновременно и далёкие от мысли торговать Отчизной.

Да, что может быть величественнее монумента, созданного самим тобой? Тебе, к счастью, уже не суждено

поверить, что даже такой рукотворный, сложенный из многотрудных народных средств памятник, как храм Христа Спасителя, с записанными на его мраморных плитах именами убитых, раненых и награждённых воинов в сражениях 1812 года, будет поруган, взорван и втопан в грязь.

«Не слыть, а быть» – этот девиз, который ты метко придумал к гербу графа Перовского, так неотделим от тебя. Ты – есть. Ибо к тебе, Владимир Иванович, перелистая страницы выверенных тобою томов, обращаемся мы, желая услышать живые голоса истреблённых во множестве деревенских наших людей – всегдашней опоры нашего государства.

Вот оно, время распутицы. Замолаживает... Что?

О, да! Тебе, конечно же, это слово особенно памятно. Это оно в 1819 году стало началом твоего колоссального труда, истоком того, что ты – есть. По нему одному ты узнаешь и о пасмурнеющем небе, то есть о близком ненастье, и о том, что высказаться так могут лишь в Новгородском крае. По нему ты помнишь и ямщика из Зимогорского Яма, который растолковал тебе, молодому тогда мичману, его смысл.

Слова – понятия. Их много. Каждое памятно. За каждым – жизнь. Собранные вместе, они являют такую быть, обойтись без которой не могут специалисты самых различных наук. И то, что в прошлом веке не было замечено специалистами, скажем, историками музыки, оказалось запечатлено тобой. По каким же причинам, допустим, исследователи музыки не всё учли? По-видимому, из-за «аристократического» представления о том, что достойно именоваться предметом, характеризующим едва ли не самую изысканную область культуры. Это было тем более не просто, поскольку русское музыковедение только-только зарождалось. Песни народные записывались и публиковались без нотного к ним приложения; представлялось, будто мелодии всем знакомы, и куда, дескать, деваться им. Но ненастный XX век сокрушил, кажется, несокрушимое – традиционные народные обряды. Что можно признать большей утратой для народа, потерявшего их, да и для человечества в целом?

Обрядовой среде были присущи и неповторимые песни, и особые музыкальные инструменты. И даже знакомые вроде бы инструменты использовались отнюдь не так, как принято в концертном зале. Вот почему кое-кто и ныне ещё рассуждает, что глиняные в виде коника или птички свистульки не из числа музыкальных инструментов: что, де, на них сыграешь? Но надо помнить: в древней традиции, следы которой сохранялись долее всего на селе, музыкальные инструменты использовались прежде всего для подачи сигналов духам природы.

Тебе это ничуть не кажется странным, потому что воспитан на уважении к опыту предков, живших рука об руку с могучей и хрупкой природой, а нас учили высокомерию ко всему – и к прошлому, и, выходит, к будущему. Ну, так вот...

Свистулькой на Руси, сопя в неё и перекрывая пару отверстий, как бы издавая птичий голос, вместе с песнями и подбрасывая при этом печёных жаворонков, 9 марта (по новому стилю 22 марта) ребяташки закликали Весну. Если заглянем в твой «Словарь», то вот ещё что найдем

под словом «свистопляски»: «В этот день (четвертая суббота от Пасхи) свищут в глиняные уточки и дудочки, на овраге, у часовни».

Это очень важное свойство «Словаря»: любой предмет, и в частности, музыкальный инструмент в нём не просто объяснён в плане его устройства, но он помещён в присущую ему среду бытования.

При археологических раскопках в Новгороде в слоях XIII–XV веков обнаружены в виде обломков пять экземпляров инструмента, наиболее полное и одновременно лаконичное толкование которого даётся в «Словаре»: «Варган – простонародное музыкальное орудие, зубанка; железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль посередине стальным язычком. Цыган варганы куёт, и то ему ремесло». Или такой пример. Долгое время археологи, причём не только в Новгороде, а и в других местах раскопок, не могли понять назначение часто встречающейся в древних культурных наслоениях небольшой трубчатой косточки с просверленным в ней посередине, как у пуговицы, одним или двумя отверстиями. Наконец, единственный источник с описанием загадочного предмета был-таки найден – «Словарь». В нём этому предмету даётся несколько названий – брунчалка, гудалка, жужжалка, буркало, буркалило – и поясняется: «Какой-либо снаряд, производящий гул, бурчащий; казанок или папоротковая птичья косточка, с просверленными двумя дырочками, на нитке, которой дети играют, закручивая и растягивая нитку».

Если сделать выписку из «Словаря» всего того, что выражало собой народную песенную и инструментальную музыкальную культуру, то получится достоверная, неповторимая в научном, философском и поэтическом смысле энциклопедия. Подобных энциклопедий на основе «Словаря» можно создать целый ряд – по ткачеству и другим женским рукоделиям, по плотницкому, кузнечному, скорняжному, красильному ремёслам, по рыболовству и охоте, по птице- и животноводству, по растениеведению и народной медицине... Поистине чудесная сила «Словаря» состоит ещё и в следующем.

Запечатлённые в нём письменными знаками слова устной народной традиции позволяют не только представить необъятную многоцветную ниву наших говоров, при всём том объединённых, по сути, общим миропониманием, но они, эти слова, вдруг находят своих двойников, точнее, самих себя в той глубине времён, которой по разным причинам не коснулось перо летописца. Бывали, например, случаи, когда незнакомому слову из новгородских берестяных грамот XI–XII веков, звучавшему в повседневном быту, а не взятому из средневековой литературы, единственное подтверждение и объяснение обнаружилось в «Словаре». Вот почему через эти слова ощущаешь огромный, живой, раскинувшийся в пространстве и во времени организм Отчизны.

Можно ли создать что-либо грандиознее?

Известен, кстати, дом в Нижнем, где прошли десять лет твоей, Владимир Иванович, плодотворной жизни: в нём были подготовлены к изданию три тома «Словаря». Дом пострадал от поздних пристроек. Но фотодокументы и описания, сбережённые людьми тебя любящими, помогут вернуть ему первоначальный вид.

Ноябрь 1994 года

На грани жизни и позора, или Летний солнцеворот в Новгороде

Плясала бы баба, да макушка лета настала. Готовы травы. Успевай, косарь, до больших рос сносить, переверошить, высушить сено и сметать его раньше, чем пожалует блуждающий в эту пору над полями дождь. Такой дождь караулит всякого, кто замешкался. Лишь родство с одушевлённым миром помогало предугадать капризы стихий. Как знак этого родства звучала покосная песня. Выйди в поле, – и донесётся она из былого. Торопятся на полив, на прополку огородники. Наливается озимый хлеб и тяжелеет овёс, греча на всходе. Яры пчёлки гудут: мёд – на сладость, воск – на свечи. В июле трудно от жары и горячо от забот. Жарко земле-кормилице. И селянину томно от зноя. Труд – на пользу.

В Новгороде нынче тоже жарко. Только по-иному. Начальные три дня седьмого месяца были объявлены праздничными. Из различных краёв России и из-за рубежа съехались гости на Международный телевизионный фольклорный фестиваль «Евромузыка-94».

Многими часами парились певцы и музыканты в очереди, чтобы предстать перед всевидящим и всеслышающим объективом телекамеры. Фильм о русских – миру на дивование! Каждый втайне или явно верил: наконец-то мы покажем себя настоящими.

Но, как известно, ни людей, ни мнений одинаковых не бывает, и уж особенно в городской, то есть отгороженной от села жизни. Между тем сельские традиции и составляют прежде всего объект, именуемый (ино) странным словом «фольклор». И не потому ли возле «купальского» костра, заказанного устроителями фестиваля на третье число, разгорелись споры: что есть настоящий фольклор?

Одни доказывали, что, занимаясь фольклором, необходимо бережно относиться к накопленному народом опыту, что желательно бы следовать народным обычаям и обрядам. Другие стояли на том, что фольклор не должен застыть на месте, что он видоизменялся и его следует развивать, не боясь осовременить авторскими элементами.

Журналистка Марина Васильевна Гончаренко из Санкт-Петербурга под впечатлением этого спора поутру появилась в Центре музыкальных древностей. У нас в ту минуту проходила лекция-концерт для директоров Домов народного творчества России. Вспоминается, как один из гостей, глядя на реконструированные сопели, гусли, гудки и другие древние новгородские музыкальные инструменты, произнес: *«Ну вот они есть. А дальше то что? Раскопки ведь, наверно, ничего к этому больше не добавят...»*

Я ответил, что Новгород – это сундук с драгоценностями. Что здесь не только каждый археологический сезон, но и даже каждая находка сообщает или способна сообщить что-либо новое. Например, недавно обнаружены два колка – детали струнных музыкальных инструментов. Они во всём, вроде бы, походят на ранее найденные колки, и лишь в одном отличны: изъятые из слоя рубежа X–XI веков, они древнейшие. Состоись эта лекция днями позже, и можно было бы объявить о ещё одном открытии. Не называю его сенсационным лишь потому, что в новгородской археологии сенсация – дело обычное. А речь идёт о найденной в том же культурном слое

кобылке, то есть детали доселе неизвестного исследователя типа музыкального инструмента, звучавшего в древнем Новгороде – по-видимому, смычкового, и самое главное – однострунного! Уж не ключ ли это к разгадке пресловутого смыка, чем-то отличавшегося, по мнению некоторых учёных, от трёхструнного гудка?

Ну, так вот. По окончании лекции Марина Васильевна обратилась и ко мне с вопросом о «настоящем фольклоре».

– Мы своими лекциями-концертами, – начал я, – во многом отвечаем на подобный вопрос. Естественно, насколько это возможно в городских условиях, мы стараемся следовать народным обычаям и не только в рамках научной программы Центра, но, что важнее, и в повседневной жизни: одно от другого неотделимо. Поэтому нет-нет, а и услышишь в свою сторону: вот, де, люди странные, необыкновенные. Представьте, что не произошло известного выкорчёвывания наших деревенских, да и городских тоже, традиций – так кто был бы сейчас необыкновенным? Да большинство жителей России. Японец, одетый в домотканное кимоно, ничуть не кажется у себя на родине странным. Это мы, русские и многие россияне, позволили надругаться сами над собой. Прозреем ли? Наступит ли понимание фольклора не как концертной потехи, пусть и виртуозно скомпонованной, а как взлелеянной временем народной мудрости, как основы жизни, где всё серьёзно, даже когда смешно?

Прожив несколько десятилетий под лозунгом «Нам не нужен фольклор, нам нужна самостоятельность», невозможно, как говорится, выйти сухим из воды. Инерция оказалась столь велика, что даже теперь, когда мы объявляем всему свету о телепразднике подлинно русского фольклора, на съёмочной площадке подавляюще преобладают сценические постановки народных песен, плясок или даже обрядов в так называемом авторском переложении.

Особенность последнего осознаётся далеко не всеми. Она состоит в том, что народные во многом обрядовые произведения, устроенные некогда по им присущим классическим законам, приспособляются к сугубо эстетической атмосфере и звучат в иных ритмах и гармониях, свойственных современному профессиональному музицированию. Авторы таких переработок сознательно или нечаянно берут на себя смелость править священные творения своего народа. Не высокомерно ли?

Если ты претендуешь на абсолютное авторство, то,

идя по этой в высшей степени ответственной, преисполненной одиночества и чаще всего рискованной стезе, не навреди никому. И тем более, не причини обиды прошлому.

Если же ты хочешь быть автором внутри народной традиции, то её следует прежде изучить. Она в пространстве и времени, она сохраняет в себе признаки древних цивилизаций, её величие предстаёт, скажем, в Великом нашем Новгороде в виде новых и новых археологических открытий: то это лирообразные гусли, то новгородские трещотки, то какой-то однострунный музыкальный инструмент или ещё что-то из неисчислимого ряда распознанных и нераспознанных по назначению вещей. Нераспознанных, быть может, в связи с искаженным нашим миропониманием. Чем больше народную традицию изучаешь, тем безграничнее в ней ощущение творческой свободы. Изучение вовлекает в саму жизнь. Хочется повторить, обновить то, что в лихолетье было втоптанно в грязь. В этом процессе в какой-то миг обнаруживаешь, что специально стремиться к авторству – грешно, хотя творческие откровения – едва ли не первейшее удовольствие девочек-женщин – рукодельниц и отроков-мужчин – плотников. И это при незабываемых датах, символах, нормах! Даже в XX веке пастух, виртуозно играющий на трубе, с верой признается: «Не я. Она сама играет». Вот он нравственный голос ещё той эпохи, в которую был рождён грандиозный мифопоэтический образ гуслей-самогудов. Да не в авторстве дело, а в здоровом чувстве слитности со всем миром посредством родных тебе культурных традиций.

За рубежом сохраняется интерес к русской культуре, её истории. Даже явно развлекательные, во всех деталях бутафорские сцены, созданные по поводу народных традиций умным режиссёром, разбавленные «изюминкой» из быта наших селян, без сомнения, вызовут неописуемый восторг несведущих иностранцев. Им простительно: не выдавши корабля и корыто в диво. А вот мы-то каковы? Море каплями черпаем.

Конечно, не всё так просто. Необходимо помнить, что традиция художественной самодеятельности стала фактом нашей культуры. Своим возникновением она во многом обязана идее создателя Великорусского оркестра Василия Васильевича Андреева и его сподвижников: представить в концертном зале усовершенствованные русские народные музыкальные инструменты как неуступающие в их исполнительских возможностях профессиональным европейским.

С тех пор многие талантливые люди посвятили этой традиции свою жизнь. Привыкли сами сквозь призму этой традиции видеть народную культуру и приучили к такому взгляду слишком многих. И всё могло бы быть не до такой степени печально, если бы тем же временем не совершалось планомерное, начиная с 1920-х годов, тягчайшее преступление против человечества: под всевозможными предлогами стирались с лица нашей земли тысячи селений. В оставшихся учили «правильно» жить. После чего, не понимая друг друга и кичась оригинальностью, мы, в большинстве вчерашние жители деревень, живём в высотных своих жилищах, отторгнутыми от земли. И – проходит время – неземное

это положение вдруг вергает нас в растерянность: к какому же культурному берегу пристать, чтобы в нас увидели нас?

И мы вроде бы начинаем отмечать традиционные праздники. Но взаимоисключающая смесь самодеятельности и народной обрядности видна, например, уже в том, что принародное сжигание Масленицы под стенами Новгородского кремля устраивается в первый же день масленичной недели, а не в последний. Жаль, что в подсобных заказных «обрядках» участвуют и те, кто хорошо знает: в деревнях без времени не запоют, не затрубят, не заплетут берёзу.

Выход здесь один. Уважающим себя коллективам художественной самодеятельности не пристало переименовываться в коллективы фольклорные ради лишь того, чтобы своим названием, и не более, угодить новым приоритетным министерским программам. Когда-то мы, не задумываясь, подменили народные традиции самодеятельностью. Теперь обратное действие? Может случиться так, что после нас уже не о чем будет спорить, так как исчезнут предметы спора. Но пока таковые имеются, фестивали разумнее называть своими именами: или это пусть будет фестиваль художественной самодеятельности, или же фестиваль, например, традиционной народной музыки. Впрочем, относительно второго, можно и не сочинять: у наших предков каждый день в году был чем-либо ознаменован, а иные незабываемые в своих датах дни или недели почитались как великие праздники. Вот оно, золотое отражение опыта жизни.

Нынешнее время – время поиска ясности, время выбора пути для каждого в отдельности и для всех вместе. Мы конкретизируемся в своих помыслах и делах. Кто был привержен разрушению – рушит, кто по природе своей был созидателем – созидает. У тех и других – свои убеждённости и оправдания. Но жить нам – сообща. И как-то ещё удаётся нам, столь неодинаковым, осмыслить понятие родного края. Нынче это очень важно. И без обращения к прежнему опыту, заложенному в сказках, песнях, старинах, детских играх, женских и мужских рукоделиях, такое осмысление невозможно.

У моряков существует такой обычай. Если тонет корабль, то они, надев парадную форму, выстраиваются на верхней палубе. Оденутся ли русские люди в царственной красоты свои традиционные одежды, когда догадаются, что корабль их культуры смертельно накренился? Одевшись, будут спасены.

Вот о чём раздумывал я и утром третьего июля, и уже теперь – в ночь на седьмое число (по старому стилю двадцать четвертое июня) на берегу, возле купальского костра, в древнем Славенском конце Новгорода. Девушки – участницы небольшого хора при Центре музыкальных древностей, одетые в традиционные новгородские костюмы, плетут венки. Каждый влетаемый цветок – с поклоном, с обращением к Матери-земле. «Вселитственный мой венок...» – сколько мудрого смысла и, кажется, недостижимой по чистоте поэзии в каждом выпеванном слове! Венок – судьба. И надо ли, чтобы это таинство кем-то подсматривалось, а потом, пусть и не коммерчески, рекламировалось или, как в старину сказали бы, позорилось?

Июль 1994 года

Вначале был гудочек

Перефразируя известное выражение «вначале было слово», не терпится рассказать об удивительном открытии в области музыкальной культуры древнего Новгорода.

Давно, казалось бы, на основе нашей археологии проведены работы по реконструкции воспетого в песнях и былинах смычкового музыкального инструмента – гудка. Вспомним чудесный напев, записанный в 1900 году от Марьи Дмитриевны Кривополеновой:

**Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец;
А Кузьма с Демьяном приспособит.**

Сюжет былины, по мнению исследователей, восходит к периоду индоевропейской общности. В нём раскрывается мифологический образ смычкового инструмента, история которого связана с центрально-азиатским культом лошади. По волшебству святых скоморохов Кузьмы и Демьяна вожжи у оратая Вавилы превращаются в шёлковые струнки, а понюгалыде, т. е. кнут – в погудалыде, т. е. смычок. Остальное ясно: от хвоста вдоль шеи, к голове тянутся вожжи-струны – гудящий конь! Удивительно, но именно с такими названиями частей и деталей дожили до наших дней европейские смычковые инструменты, в первую очередь, южнославянская однострунная гусли. Её составные – голова, шея, хвост, живот, спина, седло, или кобылка.

В 1970-х годах зазвучал реконструированный гудок. Всё, как говорится, было при всём. Но маленькую деталь – кобылку, пришлось изготовить в виде условной

плашечки, древнего её образца археологические раскопки не приносили. Между прочим, раскопкам в Новгороде недавно справлялось 62 года, 62! Но археология такая вещь, что всё в ней чудно.

В прошлом году довелось посмотреть коллекционные журналы за все годы раскопок. На одной из страниц, среди нарисованных мелких бытовых, не всегда понятных вещей, детских игрушек – как мираж предстала несколько асимметричная кобылка для трёхструнного музыкального инструмента. Таковым инструментом, согласно археологическим материалам, в древнем Новгороде и на Руси являлся гудок. По уточнённым сведениям, полученным от археолога Петра Гайдукова, кобылка обнаружена в слое середины X века, на материке. Следовательно, первооселенцы Новгорода владели конструктивно самым сложным для своей эпохи музыкальным инструментом.

Нынешний археологический сезон кто в шутку, кто всерьёз называют сезоном кобылок. Первой была найдена в слое рубежа X–XI веков кобылка, а точнее – седло однострунного музыкального инструмента. Не пресловутый ли это смык, который долгое время трёхструнных гудков. Одна изящнее другой Высочайший художественный стиль двух из них неотделим от неповторимого времени, которое можно назвать Античной Русью.

В слоях X века пока что не найдено берестяных грамот. Правда, недавно В.Л. Янин огласил надпись на печати – «Ярослав князь русский». Но кобылки попали в культурный слой раньше. Вот и выходит, что вначале был гудок.

Август 1994 года

Из новгородской летописи гуслиных словес

Трудно сказать, сколь долго человечество вынашивало идею струнного щипкового музыкального инструмента, прежде чем около пяти тысяч лет назад родилась почти невероятная по красоте шумерская лира-псалтирь. Из различных пород древесины с резной головой быка, украшенная серебром, золотом и мозаикой. Почти невероятен факт обнаружения в 1927 году частей и деталей подобных лир в царской гробнице в Уре (Ирак). Проплывали тысячелетия, рушились цивилизации, и очертаниям древнейшей лиры придавались всё новые и новые выражения. После шумерских,

египетских лир было создано семейство лир и кифар Античной Греции. Потом, вплоть до конца первого тысячелетия новой эры звучали роты, то есть лиры именитых воинов западной Европы. Ошеломляющей неожиданностью выглядят лирообразные гусли древнего Новгорода. В них отсутствуют украшения из драгоценных материалов, но в классической завершенности форм, в высокохудожественной образности им не отказать. Представляя восточноевропейскую школу строительства лирообразных инструментов, они открыли неведомую страницу в истории общеевропейского музыкального

инструментария. Кроме гуслей лирообразных, археологически прослеживающихся до середины XIII века, на Руси по меньшей мере уже с XII столетия отмечаются и другие гусли. Во всём сходные с предыдущими, лишь за отсутствием игрового окна, сквозь которое касались струн при игре, они оставались в практике народного музицирования до позднейшего времени. Правда, уже в прошлом веке А.С. Фаминцын из живых свидетелей русских гуслей в своём фундаментальном труде «Гусли – русский народный музыкальный инструмент» упомянул лишь единственного 96-летнего Трофима Ананьева, крестьянина деревни Деевой Горки Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. В 1900 году О.У. Смоленским и Н.И. Приваловым были созданы конструктивно новые гусли, нашедшие активное использование в коллективах художественной самодеятельности. Громкие, с изменённым принципом звукообразования, техникой игры и репертуаром, они предназначались для концертной публики. Традиционные народные гусли забылись. К счастью, не все.

Да, почти невероятными кажутся извлечённые из праха земли и шумерская лира-псалтирь, и позднеантичная по форме рота германского воина VI–VIII веков, и разновидности новгородских гуслей X–XV веков. Но не менее поразительно другое: это память сельских наших жителей, едва ли не полностью оторванных от родной земли и едва ли не обязанных забыть всё лучшее из заветов своих предков. Спустя почти сто лет некогда единственный, не во всём понятный рассказ Трофима Ананьева о простонародных гуслях вдруг был дополнен бесчисленным множеством подробнейших свидетельств. Так, в некоторых деревнях на востоке Новгородчины чуть ли не каждый из старожиллов расскажет тебе о гусях, он видел их, слышал, пытался даже когда-то мастерить пяти-семиструнные гусельки ещё детскими своими ручонками. У кого-то гусли бережно хранились, но сгорели вместе со всем нажитым, с домом, селом. Осталась лишь неугасимая до самой кончины боль об утрате. О, сколько таких на Новгородчине деревень-пепелищ! Но в редких выстоявших обезлюдевших домах нет-нет да и уберётся горемычный домовой себе же на утеху деревянный короб с оборванными струнами. Иные пожилые селяне, если дашь им исправные гусли, подивятся на свои похуже скорее на корни персты, расставят их неловко меж струн, забрякают, и чудо-персты эти даже спустя шестьдесят лет «помнят», как надо играть. Удивившись, расскажут тебе о былом, о некогда многолюдных деревенских праздниках с песнями и плясками под гусли.

«У меня были у самово сделаны, – говорит о гусях, вспоминая 1930-е годы, Дмитрий Васильевич Куликов, – поглядишь, как играют люди, так и ты... Сделает верёвочку в этих гуслях – вот идут по деревни – и тренькает... На шею повешали, и вот и тренькает». Настраивали гусли, со слов Ивана Петровича Петрова, «по песням», то есть по традиционным наигрышам, столь простым, что, к слову сказать, переехавшие в город недавние жители сёл из стеснительности стараются их поскорее забыть.

В народных песнях гусли – это символ мужского начала, звуками гуслей добрый молодец привораживал к себе красну девицу. Но в первой половине XX столетия, в периоды военных и мирных разлух, когда мужчин в деревнях подчас вовсе не оставалось, женщины засевали

поля, что по обычаю исполняли мужчины, и они же научились играть на гусях «под песню», «под пляску». Анна Филипповна Дмитриева сохранила гусли, доставшиеся ей от «дяди Саши Константинова». Он говорил: *«Нюша! Ты играешь. Дак вот тебе гусли на память».*

Для селянина вспомнить о гусях – значит рассказать о своей судьбе, о времени минувшем и теперешнем. Вот, к примеру, разговор с Яковом Сысоевичем Белорусовым:

– Гармонь пилю и на балалайки... На всё мужик! Я в люди ни зашем: не кабочку, не ушат, ничево! Не рамочку, ничево это... И плотник, и столяр, и кузнец, и слесарь, скотовал, сапожник, козлы делыл, живых людей делыл ищо – понятно? Ха-ха-ха! Это шутики, желанной. Где шутики, там и съмех. Там и розговор хороший, да? Вот теперь и глухой и слепой... бескишеинный. Кишки вырезаны, брюхо рваное, а жить надоба.

– На гусях-то умеете играть?

– Играл! Раньше у отца были, у дедушки были... Я ещё играл-то! Лет сем была. Отцова отца. Ранни были. Ток чернаи. Они окоптели. Ще оны прадедушкины. Да. Вот я полно... по струнам ходили.

– А гуслей-то не осталось у вас?

– Не-а. Не-не! Ды здесь... што тут были ты? Што люди ты были... после войн... ды... До войны ты жили как? знаешь ли – нет? Была дорога корка хлеба! Правильно? Нет? После войны маленько поправили. А теперь ищо... перемена. И голот возьмёт своё... Коллективизация. А што было в коллективизацию? – сосед соседа бил из окошка. Деревня, да? Правильно? И у вас, может, было?... Самый тяжёлый был двацатый век... в жизни – последний век эры.

В отчем доме у Ефросиньи Модестовны Кононовой было двое гуслей – шестиструнные и восьмиструнные. Играл на них Емельян Захарович Захаров. На вопрос, играл ли он на гусях после войны, она отвечала:

– Не знаю ф каком он году умерши, не знаю и врат не буду, этово не помню.

– А уж до войны-то точно играл?

– Играл-играл. Вот когда ищо отбирали-ты фсё. Он не входил, не входил ф колхоз-то, вот и он тогда всё время... скотину выгоняют со двора, а он в гусли играет.

– Выгоняют скотину со двора?..

– Да, отбирали фсё.

– То есть он от переживаний играл на гусях?

– Да. Кто вот в колхоз не входил, отбирали, ну вот... а скотину со двора выгоняют, а он сидит в гусли играет.

В этом крае Новгородской земли живёт волшебное слово – «желанный». С ним тебя накормят, если ты голоден, обогреют, если в пути продрог, ты здесь родной, даже если с городским зазнайством судишь о «примитивных» старых обычаях. Низкий вам поклон, желанные, все, чьих имён здесь не перечислить – так много было памятных встреч! Примите эти строки как послание в дом каждого из Вас, пожалуйста.

3 июня 1990 года на ежегодном песенном празднике в Витославицах, что рядом с Новгородом, рышевская «белая» изба наполнилась голосами чуть было не запамтованных всеми нами традиционных гуслей. Гусли звучали без концертных эффектов, но в подлинной исполнительской манере. Играл на них Иван Петрович Петров, любезно согласившийся ради знаменательного события приехать из Хвойной в Новгород. Родился он в 1918 году

в деревне Макушино, которая на берегу озера Егорье, Мошенского района. Он играл «Русского» – под песню и под пляску, «Чеботуху», «Барыню» и другие наигрыши. Вообще он гармонист, но игрой на гусях в детстве начинал, а теперь в Витославицах завершил свой путь музыканта. И человека тоже, так как, заболев, вскоре умер.

На тот же праздник в Витославицы обещался приехать и Степан Николаевич Носов. Уже и гусли свои самодельные прислал сюда. Да только самому добраться не судьба была. Домой к нему в деревню Терebut Хвойнинского района собралась родня на поминки его жены. В Новгород не поехал. Летом, оставшись без гуслей, смастерил новые, и играл. Того же лета скончался, немного не дожив до восьмидесяти двух. О неукротимая река времени! Мы привыкли дорожить наиболее древними свидетельствами культурных традиций, и нередко забываем о поздних. А они, между тем, показывают возраст и состояние той или иной традиции. Вот чем особенны гусли, изготовленные в 1990 году Степаном Николаевичем Носовым

Не у каждого умеющего играть на гусях пожилого человека нынче найдутся возможности приехать в Новгород: то нездоровье, то хозяйство не бросить, а то и робость перед публикой. И не тотчас пещельница мошенского хора ветеранов Марфа Петровна Степанова освоилась с необычной для неё миссией – участвуя в праздниках народной музыки в Новгороде или других городах, играть на гусях с припевками. Вот одна из них:

Хорошо в гусли играешь,

Я тебя приворожу.

Не пожалю алой ленточки,

К гуселькам привяжу.

Игру Марфы Петровны перенял Владимир Иванович Ярыш – сотрудник НМЦ Новгородского областного комитета по культуре. Он же своим навыком одарил удивительных девочек из ансамбля «Кудесы», руководителем и душой которого является Марина Клавдиевна Бурьяк. Гусленые словеса негромки, но внимающему открываются в чарах. Таковы они по былинам прошлым и нынешним.

С виду простые вопросы о гусях вплетены в мудрёное кружево человеческой истории. Ответить на них – значит ощутить себя жителем не только бескрайнего, во всём одушевлённого, стридеятыми царствами мира, но и мира, в котором ничто не претило бы помнить об украсно украшенной и пресветлой своей отчине.

За последние десятилетия так многое стало известно о музыкальном прошлом Новгорода! Но именно это многое показывает, как бесследно могут исчезать из жизни великие культурные ценности. Очевидно и то, что это многое – есть лишь узкая тропочка к подчас запертой двери, и приоткрыть эту дверь легче бывает тому, для кого не утратили смысла традиционные символы хлеба, народного костюма, гуслей.

Гусли – музыкальный символ Новгорода. Это бесспорно уже хотя бы потому, что именно здесь о них как об инструменте историческом и традиционном можно получить достовернейшие сведения.

Когда-то у славянских народов гусями именовались музыкальные инструменты вообще. Позднее у южных и западных славян слово «гусли» закрепилось за струнным смычковым, а у восточных славян, у русских – за струнным щипковым музыкальным инструментом. В древнем

Новгороде с ним соседствовали многие другие музыкальные инструменты, один хотя бы только перечень которых вызывает восхищённый интерес.

Учитывая особенности древних культурных традиций, преисполненных магического, под музыкальными инструментами следует понимать также и те звукообразующие приспособления, идеи которых не были со временем использованы при формировании европейского профессионального музыкального инструментария. Отсюда типовой ряд музыкальных инструментов, бытовавших в древнем Новгороде, представляется следующим:

Самозвучащие – бронзовые бубенчики, колокольчики, шумящие привески-амулеты, железные ботало, варган, глиняные погремущки, деревянные трещотки или колотушка.

Духовые – костяная брунчалка или гудалка, глиняные свистульки, деревянная сопель.

Мембранные – бубен (от которого обнаружены образцы деревянной колотушки).

Струнные – из различных пород дерева, щипковые: гусли звончатые или крыловидные, раннюю разновидность которых по наличию у них игрового окна можно назвать гусями лирообразными; гусли-псалтирь или шлемовидные; смычковые: гудок.

При археологических раскопках в Новгороде музыкальные инструменты обнаруживаются в виде обломков или отдельных деталей. «Целые» инструменты в публикациях Б.А. Колчина – понятие условное; если бы они действительно были целые, то не нуждались бы в реконструкции.

Число струнных музыкальных инструментов в 1993 году достигло 69. Из них 32 шпенька – это детали, вращением которых настраивали струны. Гусельные шпеньки неотличимы от гудочных, поэтому классификация их затруднительна. Остальные обломки или детали бесспорно определяются. Гуслей насчитывается 19 экземпляров: единственный обломок свидетельствует о гусях шлемовидных, 18 образцов – гусли крыловидные. Гудков – 18.

Из трёх сопелей, о которых сообщал в своих работах Б.А. Колчин, реконструировать удалось две.

Варганов при археологических раскопках обнаружено пять. Б.А. Колчин пополнил было это число шестым варганом, но после реставрационных работ, после удаления наростов ржавчины предполагаемый варган оказался небольшой дверной проушиной.

Недавно состоялось открытие древних Новгородских трещоток. Они отличаются от южнорусских небольшим числом взаимно ударяющихся дощечек, одна из которых снабжена держалкой. Имеется четыре их образца.

Десятками и сотнями исчисляются изъятые из культурного слоя Новгорода глиняные свистульки и погремущки, костяные брунчалки, колокольчики и бубенчики.

Наконец, чтобы полнее ощутить мир искусственных звуков древнего Новгорода, надо вспомнить ещё и о тех музыкальных инструментах, которые изготавливались посезонно из непрочных материалов – трубчатых растений, древесной коры, и поэтому не могли сохраниться под слоем земли.

В 1993 году исполняется 25 лет первой публикации об археологическом открытии древних новгородских музыкальных инструментов. Автор её, Борис Александрович Колчин – выдающийся учёный и яркая личность, активно способствовавший становлению Новгородской

археологической экспедиции. Как учёного его интересовали многие проблемы: обработка в древности металлов, использование новгородцами древесины, история различных ремёсел. Его дендрохронологическая шкала – надёжная основа для датировки находимых в культурном слое вещей. Последний период своей жизни он посвятил делу популяризации древних новгородских гудков, гуслей, сопелей, варганов. В Москве в начале 1970-х годов под его руководством были осуществлены первые попытки реконструкции внешнего облика этих инструментов. Будучи в 1980 году в Болгарии на симпозиуме славистов он, что для меня особенно приятно, высоко оценил работу по озвучиванию древних гуслей и гудков, начальные этапы которой я осуществил в 1978–1979 годах.

К проблеме музыкальных древностей Новгорода причастны музыковеды и музыканты, сотрудники музеев и художники, историки, археологи и языковеды, этнографы, химики, специалисты по определению пород древесины и другие учёные, писатели-прозаики и поэты, журналисты – всё это жители Новгорода, различных краёв России, Европы и самых отдалённых стран.

Особый факт – это состоявшаяся в 1981–1984 годах передача опыта по реконструкции древних новгородских музыкальных инструментов фольклористам Ленинградской консерватории. Перед ними была поставлена конкретная задача поиска на Русском Северо-Западе образцов традиционного музицирования на различных инструментах, в частности гуслях. Поиск увенчался блестящим успехом. То, о чём могли лишь мечтать историки музыки в прошлом веке, вдруг открылось на исходе века нынешнего. В Псковской области, а затем и в Новгородской, экспедициями, которыми руководил Анатолий Михайлович Мехнецов, были записаны сотни наигрышей на гуслях, они составляют ныне золотую фонотеку традиционной русской музыки.

В 1990–1991 годах осуществлены и наши вместе с В.И. Ярышем музыкально-этнографические экспедиции в восточные районы Новгородской области, где сохранились наиболее архаичные наигрыши, способы игры на гуслях и сами гусли, долблёные и тёсаные топором. Успеху исследований способствовали заведующие районными отделами культуры, председатели сельских советов, библиотекари, клубные работники, шофёры и, самое главное – руководители фольклорных коллективов, особенно Надежда Борисовна Боброва и Людмила Михайловна Прокофьева. Отличие этих последних экспедиций от обычных состоит в том, что по их завершении, в частности в Хвойнинском и Мошенском районах, взамен вывезенных отсюда повреждённых временем гуслей в Новгородском центре музыкальных древностей были изготовлены и отправлены в те же районы действующие традиционные гусли. Там они используются в коллективах народной музыки и служат образцами для изготовления новых. По рассказам местных жителей ещё в 1920-е годы отроки сами строили из ольхи, ели или берёзы гусли и потом приходили с ними на посидки развлекать девушек-рукодельниц. Таков древний обычай.

В 1981 году по инициативе академика Д.С. Лихачёва записи звучания реконструированных гудков и гуслей XI–XV веков попали в фонограмм-архив Пушкинского Дома. Дмитрий Сергеевич первым поддержал и отстаивал идею создания в Новгороде мастерской

по восстановлению древнерусских музыкальных инструментов. Ныне это Центр музыкальных древностей с научной и культурной программой, финансируемый общественностью и администрацией города. Здесь на лекциях-концертах рассказывается об особенностях народной культуры, об участии профессиональных музыкантов древнего Новгорода в традиционных обрядах, о происхождении музыкальных инструментов, о многом таком, что ещё не отражено в научных публикациях.

Считалось, например, что самые древние гусли – это гусли середины XI века, открытые на Троицком раскопе в 1975 году. Это не совсем так. Ещё в 1950-е годы на Неревском раскопе был изъят обломок гуслей, который залегал в слое первой четверти XI века. Следовательно, бытовать они могли в конце X века. Что же касается упомянутых гуслей середины XI века, то в собрании реконструированных новгородских гуслей они действительно древнейшие. Они знамениты сохранившейся на них резной надписью «Словиша». А.А. Зализняк языковедчески обосновал вывод о том, что это слово могло быть собственным именем инструмента, а не его владельца.

Однако не только этим они замечательны. Они оказались первыми в списке зазвучавших реконструированных гуслей. А зазвучав, они не только изменили сложившееся у некоторых учёных впечатление о культуре Древней Руси как о «культуре великого молчания», что впервые было отмечено Д.С. Лихачёвым, но позволили увидеть эту культуру равноправной в Европе преемницей традиций древнейших цивилизаций. Ярким доказательством тому служит имеющееся у данных гуслей игровое окно, сквозь него при игре касались струн, оно-то и есть наследие великой в истории человечества длившейся несколько тысячелетий эпохи музицирования на лирообразных инструментах. Игровое окно в конструктивном соединении со стержнем-струнодержателем, характерным для традиционных новгородских гуслей, составили такой тип струнного щипкового музыкального инструмента, о котором никто из музыковедов не предполагал, что он имел место в истории.

В популярной литературе, а иногда и в научных трудах, можно встретить суждение по поводу славян, и даже конкретно восточных, якобы уже в VI веке игравших на гуслях. Обосновывается оно сообщением византийского историка Феофилакта Симокатты о взятых в 592 году во Фракии в плен троих славян, живущих «на краю западного Океана». «Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие – их страна не знает железа, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы». Поскольку в прошлом веке считалось, что древнейший музыкальный инструмент у русских – балалайка, то историки представляли её скрывающейся за нерусским названием лиры-кифары VI века. Потом, когда выяснилось, что балалайка появилась в России в XVII веке, то за лирами-кифарами стали видаться гусли примерно в том их облике, в каком их изображали художники.

Как же всё-таки прочитать документ Феофилакта? Во-первых, в нём ничто не говорит о восточных славянах; это если не южные, то западные славяне. Во-вторых, как показывают археологические раскопки и ранние живописные и скульптурные изображения, всё первое тысячелетие Европа восхищалась звуками по сути одного струнного щипкового инструмента, идея

которого как самого «благородного» досталась в наследство от Античной Греции – это была лира и её разновидности. Славяне не были лучше или хуже других европейских народов, они наследовали те же идеи античности. Так что поверим Феофилакту: славяне в VI веке играли на лирах. Даже если, допустим, они их называли гусями, то конструктивно это были лиры. Может возникнуть вопрос: не были ли они идентичны новгородским лирообразным гусям, а также и однотипным с новгородскими польским гэншьле XI–XIII веков? Прямых свидетельств к этому пока что не имеется, но факт принадлежности тех и других к семейству лирообразных знаменателей.

В «Слове о полку Игореве» принято видеть вещего Бояна с гусями: *«Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пуцаше, но своя вещь персты на живая струны воскладаше; они же сами князем славу рокотаху»*. Строго говоря, в этом литературном памятнике XII века о гусях прямо не упоминается. Также и в «Задонщине» XIV века: *«Помянем первых лет времена, похвалим вещь-го Бояна, гораздо гудца в Киеве. Тот бо вещей Боян воскладаша горазная своя персты на живыя струны, пояше русским князем славы»*. «Гудец» с древнерусского должно переводиться как «музыкант», но не «гусяр». Лишь далее автор «Задонщины» о себе прямо говорит как о гусяре: *«Аз же помяну резанца Софония, и восхваляю песнеми и гусленными буйными словесы сего великого князя Дмитрия Ивановича...»*

Играли на гусях, судя по изображениям в древних рукописях или на предметах злато-кузнечного ремесла, перстами, как правило, сидя, иногда стоя, и даже приплясывая, держа инструмент в горизонтальном положении. Всё это можно наблюдать после длительного перерыва и сегодня в восточных районах Новгородчины, где пальцы левой руки располагают между струн и заглушают по мере надобности то одну группу струн, то другую, при этом правой рукой, как здесь принято говорить, брякают. Об этом так просто нам знать сегодня. В прошлом же веке художники были вынуждены во многом додумывать образ древнего гусяря; в жизни встретить играющего на гусях случалось крайне редко.

Археологам принадлежит честь открытия новгородских лирообразных гуслей. Но как же на них играли? Тут вот и вспомнишь с благодарностью натруженные персты селян. Ведь, взяв лирообразные гусли вертикально и касаясь левой рукой струн сквозь игровое окно, правой рукой точно так же, как и на поздних традиционных новгородских гусях, возможно «брякать» или «ходить по струнам». Вот в чём значение музыкально-этнографических путешествий. Вот в чём величие народных традиций, объединяющих теперешнее с былым, когда конструктивные замыслы, допустим, гуслей ещё только обретали жизненную важность.

Вообще идея струнного щипкового музыкального инструмента, похожего на гусли, известна чуть ли не во всех концах мира. Названий инструментов не перечислять. Из географически ближайших – кюсле, кесле, гуся, крезь, обозначающие шлемовидные гусли, сохранились у народов Поволжья. А такие названия, как кантеле, каннель, куоклес, канклес, воспетые в мифологической поэзии народов Прибалтики, принадлежат инструментам конструктивно однотипным с новгородскими традиционными гусями. Прибалтийские музыканты и музыковеды ещё в начале 1980-х годов горячо восприняли

новгородский опыт восстановления гуслей. У них подобный инструмент также возродился и стал знаменем современного народного музицирования. Наконец, ещё об одном названии. Упомянув подгусями издавна подразумевается смычковый инструмент. И неожиданно в 1949 году в Ополе и Гданьске в культурных слоях XI и XIII веков были обнаружены обломки, как теперь доказано, двух щипковых лирообразных гуслей, по-польски «гэншьле».

Русский народ наделил гусли многими поэтическими эпитетами. Нередко эпитет относился к струнам гуслей – «золотые», «золочёные», а иногда и сами гусли величались – «золотые». В течение веков был сформулирован и такой эпитет, как «гусли-мысли». На Новгородчине в деревне Балашово, что возле озера Чёрного, старенькие сёстры, в девичестве Веселовы (кстати, фамилия эта происходит от «весёлый», то есть скоморох), увидев нас с гусями, обе ну прямо засветились, и тут же одна из них пропела, словно дождалась такой встречи:

Заиграйте, гусли-мысли!

Я вам песенку спою.

Я вам песенку спою

Про несчастну жизнь свою.

На гусях умели играть многие герои русского былинного эпоса – богатыри Алёша Попович, Василий Буслаевич, Добрыня Никитич, Иванушка Дубрович и Соловей Будимирович, Ставр Годинович и Чурило Пленкович, богатый гость Садко и скоморохи. Для богатырей, создаётся впечатление, это было нормой. И, возможно, эта норма связана с древним общеевропейским пониманием образа благородного воина. В Западной Европе встречены воинские захоронения вместе с музыкальным инструментом. Одно из них, например, датировано VI–VIII веками и находится в Оберфляхте (Вюртембергский Шварцвальд) на юге Германии. В нём обнаружены обломки продолговатой позднеантичной по форме шести-струнной лиры.

Эпос русского народа, составлявший богатство устной традиции, а ныне читаемый, породил новый жанр – былинные сказания. В этом жанре написана книга В.А. Старостина «Русь богатырская», в которой такие имена, как богатый гость из Галича Степан и скоморох Зная, домыслены автором, домыслена их роль точно так же, как в более широкой роли представлены Вавило, Кузьма и Демьян – герои известной былины «Вавило и скоморохи». Эта былина – подлинная жемчужина устного народного поэтического искусства, она же – неповторимый гимн мифологическому образу гудка. Она была записана в 1901 году от единственной сказительницы, в памяти которой она сбереглась, Марьи Дмитриевны Кривополеновой.

Вообще в народных сказках, былинах, песнях можно найти ответы на любые вопросы. Имеются в них сведения, хотя и краткие, об устройстве и изготовлении гуслей, даже об их конструктивном прототипе – боевом луке. Так, от Трофима Григорьевича Рябинина была записана былина «О Добрыне Микитинце». В ней сказывается:

У молодца Добрынюшка Микитинца

В тот тугий лук разрывчатый

в тупой конец

Введены были гусельника яровчаты.

Как зыграл Иванушка Дубрович

в гусельника яровчаты,

Вси тут игроки приумолкнули,

*Вси скоморохи приослухались:
Эдакой игры на свете не слыхано,
На белом не видано.
Приносил-то тугий лук*

разрывчатый,

Подавал Добрынюшке Микитицу.

В системе народных песенных образов, подчас неизмеримо архаичных, прямых «поучений» не делается. За внешними, бытовыми деталями, иногда, правда, по-своему интересными, скрывается главное – информация мифологического характера. Она способна в конечном итоге по сути объяснить внешнее. Вот отрывок из песни, записанной П.В. Киреевским в 1831 году, где каждая строка поётся с припевом «Ой люли, Ой люли»:

*Вёдра тушу под гору, сама взойду на гору,
Сама взойду на гору, раскинуся яблонью,
Яблонью кудрявою да грушей зеленою.
Тут ехали господа семидесять города,
Срубили ту яблоньку по сам был корешок;
Тесали из яблоньши доски тонки, долги,
Делали из яблоньки гусли, гусли звонки.
Кому в гусли поиграть, под гуслиами поплясать?
Играть было молодцу, плясать было девице.*

Символика этой исполнявшейся на свадьбах песни многогранна. Гусли, кстати, ярко представлены как символ мужского начала. Но, не обсуждая многого, обратим внимание лишь на древнейший обычай, которому следовали, если хотели сотворить «классический» образец гуслей.

Так, если из яблони или, допустим, груши вытесать гусли, то всё вроде бы будет верно. Однако дело не в названных породах деревьев, за ними надо видеть символ дерева, населенного человеческой душой. По сказкам, по поверьям музыкальный инструмент, изготовленный из дерева, посаженного близким человеком или выросшего на его могиле, будет обладать его голосом. Вот почему о гусях иногда говорили, что их струны – золотые, ибо это солнечные лучи, а деревянный корпус гуслей – человеческая душа.

По-своему вкладывал свою душу в гусли Валентин Александрович Суриков. Благодаря его подвижнической инициативе в 1960-е, а тем более 1970-е годы Новгород вторично в своей истории по-настоящему наполнился гусельными звонами. Это был тип гуслей звончатых усовершенствованных, о которых упоминалось ранее. Стечение обстоятельств позволило и мне в середине 1970-х годов коснуться их: были изготовлены два инструмента с попыткой расширить их исполнительские возможности. Осознание их конструктивных особенностей так пригостило потом, когда новое стечение обстоятельств потребовало усилий по реконструкции древних и традиционных новгородских гуслей. Таким образом, жизнь – это, быть может, и клубок, но нить его состоит из последовательных событий: если бы в те годы не было в Новгороде усовершенствованного типа гуслей, то неизвестно, были бы ли к сегодняшнему дню наши познания о гусях легендарных так достоверны.

1993 год

Благородная хардингфеле и топором тёсанные гусли (На международном семинаре музыкальных мастеров в Норвегии)

Хардингфеле – это украшенная перламутровым узором норвежская скрипка. Под четырьмя обычными её струнами располагаются ещё пять струн резонирующих: они, словно эхо, повторяют напев, выходящий из-под смычка. Звонком ледниковых водопадов, многократным горным эхом и танцами народа, история которого овеяна легендами о викингах и освящена именем Эдварда Грига, рождена хардингфеле.

Инструмент с таким названием был подарен менее года тому назад новгородскому Центру музыкальных древностей. Вручая его, ректор Академии по реставрации музыкальных инструментов в Моссе Арнфред Мартинсен с оттенком гордости заметил, что это первая

скрипка-хэрдинг, изготовленная учениками возглавляемого им учреждения. В ту минуту невозможно было предположить, что пройдёт время – и кто-то из наших сотрудников окажется в кругу студентов, поглощённых наукой о строительстве столь сложного музыкального инструмента. Для самих же студентов как снег на голову был не столько даже преподаватель из России, вместе с которым в Мосс прибыли переводчица и историк Любовь Игоревна Смирнова, и специалист по народным песням и танцам Наталья Николаевна Попова, сколько его программа занятий с совершенно необычными для современных музыкальных мастеров упражнениями.

– В самом деле! – Читалось в их глазах. И это

понималось без переводчика. – Настоящие-то музыкальные инструменты строятся из специальных, высушенных десятилетиями пород деревьев, без резонансной ели тут и не начинай. А клеи! А лаки! Да много ещё чего.

Я же, попросив их подготовить к работе свежесрубленное бревно – чего захотел! – или хотя бы влажный брус березы, ольхи или, допустим, ели, и, понимая комизм сложившейся отнюдь не в мою пользу перспективы, – кто кого должен учить! – обалдело озирался, будто сверху съехал. Впрочем так оно и было. И так хотелось вернуться на «ТУ-154». Но это к слову.

Мастерская, распираемая золотым светом дня, увешана музыкальными инструментами и бесчисленными орудиями их производства. Стеллажи, полочки, крючочки, магнитные планочки – всё продумано, и какой-то болгарский внутренний голос шепчет: так, де, не бывает. Рабочие кресла на роликах с вертящимися сиденьями и амортизирующими спинками – ну это зря, потому что не скоро ощутишь радость трудовой усталости. Верстаки до крайности удобные – такие, между прочим, как последние мастеровых людей царской России. Изредка, будто во сне, ещё и сегодня встретишь такие верстаки в наших деревнях. А полы, опять-таки удобные для уборки мусора, на них простой наш мужик если сильно рассмеётся, то не устоит: скользко. Многое тут идёт в дело. Деревянные заготовки для дек, обечаек, грифов, а равно и готовые детали, шаблоны, струны, линза на штативе, механизмы режущие, сверлящие, шлифующие, резцы ручные один другого замысловатее, рубаночки будто из маникюрного набора, пилочки, надфильки, цикли, шильца, струбцинки и зажимы немислимых фасонов, мерительные приборы вплоть до электронных и многое-многое – и едва ли не всё это, – как, впрочем, и преподаватели, а нередко и ученики – доставляется сюда из Японии, Африки и Америки, Швеции, Франции, Англии, Германии. Кажется, весь мир вовлечён в осуществляемый здесь замысел. И легче сказать, чего здесь нет.

А не оказалось здесь обыкновенного топора и ножа, долота и бурава, с помощью которых в наших деревнях восточнее Новгорода ещё в начале XX века отроки-молодцы преизрядны по традиции мастерили шестисемиструнные гусли. И звуками этих гуслей ранили девиц красных в самое сердце. Так, из числа струнных простейший музыкальный инструмент на века оставался незаменимым в великом таинстве непрерывного возрождения русского человека. И, в сущности, не только русского. Ибо Европа знает немало гуслеобразных инструментов – от псалтериона до многоликой цитры. В Норвегии, в частности, – это известный с XVII века ланглейк. Но все эти инструменты давно подверглись конструктивному усовершенствованию и утратили древние способы их строительства. Вот почему для осознания старой европейской школы строительства музыкальных инструментов полезно изготовить именно традиционные новгородские гусли. Знание же старой традиции полезно всякому серьёзному музыкальному мастеру, тем более реставратору.

Между прочим, в демонстрационном зале вышепоименованной Академии представлен вариант реконструкции норвежской лиры XIII века; значительная часть её корпуса некогда археологически была обнаружена на хуторе Кравик в районе Нумедал. Обоснованием к её реконструкции служат великолепные средневековые

резные по камню и по дереву изображения – чаще всего это Гуннар в Царстве змей, играющий ногами на многострунной лире. И всё же некоторые её детали могли бы быть решены точнее, если бы автор реконструкции был знаком с собранием музыкальных древностей Новгорода. Дело в том, что нумедальская лира и образцы древних новгородских лирообразных гуслей при существенно разных струнодержателях изготавливались тем не менее в общей традиции обработки и использования древесины для музыкальных инструментов. Теперь, когда в Академии прочитаны научные доклады с демонстрацией звучания новгородских трещоток, варганов, брунчалок, сопелей, гудков, а также различных гуслей периода XI–XV веков, можно надеяться, что со временем реконструктивный вариант норвежской лиры будет уточнён, и, может стать, не без участия студентов – Андерса или Руальда, Гаира или Бьёрна.

Топоры были куплены. Заточены. Топором предстояло отделить от куска живого влажного дерева все лишнее, получить в итоге корпус гуслей с поверхностями, не нуждающимися в доработке, и ощутить через это безупречную логику забытого многими древодельного мастерства.

Об этом легко рассуждать, если ты сидишь за письменным столом, например, или, установив во дворе дровяную колоду и ища ногами точку опоры, – чтобы, работая топором, не отсадить себе палец, – ты хоть по уши можешь увязнуть в родной земле. И грешно, и смешно. Но там! О, эти чудо-полы, на которых под ударами долота едет верстак и скользят ноги, а под топором пляшет колода. Бедные мои студенты! Как я вам благодарен за то, что вы всё это выдержали!

К концу двухнедельного семинара, когда на нескольких изготавливавшихся гусях стали появляться резные солнечные знаки и когда запели первые натянутые струны, всё чаще заглядывали к нам учащиеся из других мастерских Академии и произносили, если не ошибаюсь: «Хюсьле». Это норвежское слово, созвучное нашему «гусли», как позднее выяснилось, по-русски означает – «интересно». Так первоначальное неверие в возможность построить музыкальный инструмент «против правил» сменялось постепенно на сдержанное признание, восхищённое удивление и немой вопрос, на который пришлось ответить вслух: *«Гусли за бесхитростное их устройство оберегаются самим Богом».*

Правда, уже теперь, оглядываясь на сказанное, улавливаешь какие-то новые, неожиданные смысловые оттенки. Так бывает, когда устами твоими словно бы некто распорядился, а ты, оказавшись в роли слушателя, не можешь остановиться в размышлениях. Помоги мне, уважаемый читатель: верно ли, что если гусли столь оберегаемы, то и народ, во веки вечные почитающий их, восприняет в лучших своих помыслах? Вот тебе и немой вопрос.

В Моссе, являющемся побратимом Новгороду, побывали многие новгородцы. Скоро, кстати, там будет выступать – и там его, я знаю, ждут – Елисей Бабанов – наш трудолюбивый и потому выдающийся маленький пианист. И не новостью будет, если расскажу о людях с добрым и весёлым нравом, о чистеньких, как игрушки, яхтах, домиках и океанских лайнерах – всё здесь рядом, о наполненных товарами магазинах с абсолютно недоступными для нас ценами, о бесплатном электричестве, низвергающемся ревущими потоками с ледниковых

круч, о невыразимо живописном дне Северного моря и, как ни грустно, о бумажной фабрике, одно лишь воспоминание о запахе которой превращает голову в ненужный нарост. Но вот о чём я размышлял, бродя изредка по тем окрестностям, где живой природы больше, нежели асфальта. Во-первых, о моих спутниках – Любе и Наташе, полную меру одарённости которых чтобы увидеть, надо было очутиться за морем. В традиционных новгородских костюмах, одна другой краше, обе они олицетворяли собой отнюдь не только минувшую Русь, – якобы для демонстрации древних музыкальных

инструментов, – но более всего современную Россию. Во-вторых, восхищало следующее. Понимая неизбежность присутствия этой дурацкой фабрики, городской совет, а по-нашему было бы Моссовет, для равновесия и взаимодействия частей, составляющих организм города, не жалеет средств на проведение творческих конкурсов, научных и культурных конференций и семинаров и, в частности на создание в сравнительно неприметном для Норвегии городке Академии по реставрации музыкальных инструментов, слава о которой стремительно рушит границы Европы.

Ноябрь 1993 года

Не мороз ли цвет на яблонях побил? – то на пепле Новгород победный

Вот ведь у нас как. Скажут, бывало, «победный», и разумеи – радоваться али печаловаться. «Победный клич», «победное войско» – тут вроде бы ясно: кто-то кого-то одолевает и одолевающий торжествует. А «победная головушка» – совсем иное. «*Покров Пресвятая Богородица! Покрой мою победную головку жемчужным кокошником, золотым подзатыльником!*» – обращалась девица, мечтавшая о женихе. И она же, могло стать, провожала вскорости «победную» надежду, мужа значит, в «безызвестную сторонушку». «Спорядовые соседусики» и мать, и сестра по нём и по ушедшим вместе с ним запричитают:

***И не глядели бы победы ясны очушки
И на бесчастное житьё да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставаньщи!
И как жива эта разлука пуще мёртвой!
И не радила (желала) бы победная головушка
И я ни роду бы крещёному, ни некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным!***

С этим словом горемычных женщин тоже вроде бы ясно. И все же нет-нет, а и запнёшься над иным словосочетанием.

«Победное празднество» – в пятидесятый раз оставшиеся в живых после Великой Отечественной слышат его. Но у каждого оно отзывается так по-своему! И ни словом, ни жестом не выразить. Ибо в нём всё! – от победных головушек, проводивших и так-таки не дождавшихся, от победных добрых молодцев, ушедших и так-таки не воротившихся, до знамен и знамён победных в стольном городе Москве и на всех полях сражений, по-старому «победицах» – от Севастополя до Мурманска, от дальневосточных украин до Берлина.

Не стыдно побеждать, коли есть чего защищать. И хотя цена забываемой Победы была и остается такова, что в пору бы только вздохнуть, – О, победная ты наша Матушка-земля! – а всё же защищать-то было чего.

Все мы – и горожане, и селяне, ввергнутые «семнадцатым годом» в междоусобицы, были отторгнуты от

дедовых заветов. По «зову времени» отцы добросовестные жёнам своим и дочкам взлелеяным вмиг отхватили косы; и видно по их лицам на довоенных семейных карточках, что вовсе не одной только их наружности коснулись лезвия ножниц. Это было лишь предвесье того, к чему горячие головы на Западе и на Востоке, пользуясь доверчивостью большинства, так тщательно готовились... И увидев впоследствии в музее смерти, коих не один, пирамиду, сложенную из отрезанных женских волос, холод ужаса будет преследовать тебя неизбежно. Всё в этом мире так зависимо. Берегите, девицы, свою красу – русую косу.

Отданные, было, на убой, мы вдруг услышали из чернобумажных тарелок репродукторов: «Братья и сёстры...» И одно такое обращение, пусть даже произнесённое по расчёту, уже стоило защищать: оно давало надежду. И силы умножились. Об этом существенном факте помнят многие. Мама о нём рассказала мне. Я пересказываю.

Тогда же вспомнилась и наша история, которую в предвоенные годы чуть было не начали исчислять всё с того же «семнадцатого». Имена древнерусских полководцев ожили. Они звали к воинской доблести, к защите Отечества, а не к телохраниению идеологических трупней, которые, словно крысы с тонущего корабля, в тяжёлую минуту ринулись на восток. Ох-ох! Под каким только обличьем в прениях живота и смерти человек не явит себя.

«Косая» меж тем вела свою перепись. Прибралась, что называется, она и в Новгороде.

«*Кде святая София ту Новгород*», – заявил на вече перед горожанами князь Мстислав Мстиславич. Слово это стало с той поры незримой крепостью города. От храма Софии, приняв благословение от владыки Спиридона, вёл свои победные полки на Неву и на Чудское озеро Александр Ярославич – князь, признанный великим и святым, ибо не одним мечом, а и речами умственными защитил он Русь, значит и весь православный мир.

Многие испытания ведомы Новгороду. В 1478 году пала Новгородская республика: «Не быти в Великом Новгороде ни посаднику, ни тысяцкому, ни вечу не быти; –

говорится в Псковской второй летописи – и вечный колокол свезоша на Москву». В следующем столетии Иван Грозный, жестоко порушивший и ограбивший Новгород, увлекал в Московию одарённых зодчих, живописцев, древоделов, златокузнецов, швей, скоморохов с медведями, мастеров храмового пения. Пленённый шведами Новгород в 1611–1617 годах умалился числом своих граждан от пятидесяти тысяч до двух, да и у тех на поборы шведскому королю «ничего не осталось, кроме жизни». *«Плач из среды сердца глубок и рыдание горко»,* – скажет в те дни дьяк Иван Тимофеев.

Было, видать, в Новгороде нечто такое, что прельщало «рыцарей» Запада. И нынче невольно задаёшься вопросом: случайно ли то, что оказалось уготованным ему в середине XX века?

Где София, тут и Новгород... Помнилось это пришедшее из древности слово всегда. И тогда, когда волею Петра в период Северной войны Новгород с каменными ограждениями его Детинца был вновь превращён в страж земли русской. И тогда, когда от Софии отправлялись ополченцы на войну 1812 года. И тогда, когда тут же, посреди кремля, пред светлым храмом Софии в 1862 году благодарная Россия в знак признания за Новгородом первородного права утверждала монумент своему тысячелетию.

Незабываемым оставалось завещанное слово даже и тогда, когда Новгород, очутившись на окраине от стольных путей-дорог, покорно признавался тихим, уединённым городком, сплошь утонувшим в благоухании яблоневых садов. Весной, когда, взглядываясь с высоты ковра-самолета, Новгород чудом умещался на как бы плывущих островках и когда его, кажется, невозможно было бы отыскать в океане полой воды, солнцем на большем из этих островков восседал золотой купол одного из самых древних на Руси храмов.

Когда же в последнем за Новгород препирательстве корни и ветви на изморщившем лице Земли стали терять своё природное расположение, когда рудый плитняк, возимый на лодях с Коростыни и из коего по обыкновению слагались здесь храмы, едва не плавились от ратного зноя и когда уставшие от разрушительного труда люди, изглодав золочёные покровные листы Софии, превратили их в пепельницы-сувениры с гравировкой – «Novgorod», вот тогда, казалось, всё было кончено: уронены с Софийской колокольницы именитые и трезвонные колокола, повержен с возвышенного креста голубь – образ Духа Святого, покровителя города со всеми его чады. И не оставалось тогда места помыслу о поселении на пепелище. А летописцу впору было изронить «Слово о погибели велия града». Но не явился летописец. А во вновь и вновь отчаянный для земли нашей 1942 год – год семисотлетия Чудского сражения – ради согласия мужественных, ради спасения Отечества учреждается заново (после замысленного ещё Петром Великим и учреждённого в 1725 году его женой Екатериной I) орден Александра Невского.

Да, коренных новгородцев, говорят, вернулось к оголённым печным стоякам душ около пятидесяти. Всё остальное был народ прибылой. За иного прибылого, правда, можно было дать семерых коренных. Всяко бывало. Вернулись. И что делать: не в Боровичи ли перенести областной центр?

Думали-гадали, и принялись-таки изобиженным

церквам достраивать, долепливать их тела. Кто-то с тщанием подыскивал один к другому подлинные кусочки. Кто-то, нарекая церкви памятниками, кроил по чём зря и спешил занять их под склад. Тут же и сами ютились. Одним удалось в почившее было вдохнуть жизнь, другие учёно анатомировали по живому, третьи словами боролись за сохранность древнего облика города, за его оковы валы, ручьи и протоки, а делом копали ему яму. Словом, зажили в меру одарённости.

И Новгород уже постепенно начинал возвышаться над руинами, когда в 1951 году во время археологических раскопок была найдена написанная острым писалом на бересте грамота. Вторая. Третья. Нынче их больше семисот пятидесяти. Каждая грамота – это живая речь ремесленника или монаха, невесты или ратника, начинающего грамотея или дотошного ростовщика. Их имена... О! Что за имена! – Взора, Олисава, Олофа, Озарья, Микулица, Сновида, Ярина. А ещё Братята, Воюта, Гостята, Доброшка, Деденя, Добромysl и Домажир, Жирислав, Завид, Косни-ла, Мальята. Милогост и Милонег. Невид, Неговид, Негорад, Нежата и Нежко, а ещё Обиден, Олфоромей, Путила, Радко и Рох, Сбыслав, Селила, Смешко, Сольмир, Сотко и Страшко, Твердята, Творимир и Хрипан, а ещё Нежебудич, Дорогонежич и ещё... Истинное восстание из небытия. А как вразумительна и кратка их речь! *«Хозяин, – говорится в письме XIV века, – земля готова. Надобе семена.»*

Да, именно тогда, когда Матушка-земля была готова, грянул праздник Победы. Он совпал с весенне-летним природным ликованием. В это время прилетают стаями певчие птицы. Гремит гром, салютуют начало вспашки. Строго и величественно это время: селянин по древнему обычаю, вымывшись, в новой рубаше, с берестяной севалкой, босиком выходил в поле. Кормил Землю хлебом – для урожая. И молча осыпал её семечком новой жизни.

Так же и послевоенные новгородцы. Начинали сеять. Кто что мог. У каждого своя нива. Надо было растить город, связывая воедино все его концы, изначальные и последующие. Непростой этот город. За пятьдесят вёсен много чегоросло. Нынешнее ликование оттаявшей Земли застилается у наших родителей воспоминаниями о первом гrome Победы, о том, что намеревались посеять и что посеять удалось. О современном облике города можно рассуждать по-разному. Но взгляд на него человека, некогда его защищавшего, выжившего после тяжелой контузии и впоследствии посвятившего ему своё творчество, достоин особенного нашего внимания.

С Новгородом оказалась связана судьба родившегося 9 мая 1921 года в Одессе Семёна Ивановича Пустовойтова. Кавалер орденов Славы III степени и Красной Звезды, Почётный гражданин города Новгорода. Живописец. Если о нём ещё не весь мир знает, то только потому, что мир многого не знает. Он велик, потому что прост и открыт, как душа дитяти. Одарённость свою и подвижнический труд отдаёт каменной летописи Новгорода. Церкви для него – это живые существа, населяющие великий город и ему благовествующие. Язык художника внят и по своему бывает краток. Он прислал письмо, а в нём такое изображение: Волхов с отражениями, стена Детинца, за стеной София Премудрость, в небесах видение – Ледовое побоище.

Таков наш Новгород. Как встарь говаривали, синему морю на утишенье, добрым людям на послушанье.

28 апреля 1995 года

По ниве и музы нарождение

Закатилось 1994-е лето. И многому подводятся итоги. В Новгороде, в старой его части, археологи, выйдя, как они говорят, на материк, докапывают «середину X века». Итог сезона раскопок сочетается с началом Нова, так в ту пору сказали бы, города. Чудно: от начала к итогу – сотни, бывает, тысячи лет. От итога до начала – считанные метры вниз от свисающих над раскопом свежих корней и ветвей. Сверху оседают испарения наезженного асфальта и рнящие слух децибелы дискотек. Внизу же – сквозь остатки самых ранних усадебных частоколов кое-где проступают, как ни неожиданно, ещё более древние следы вспашки. Именно вспашки! Вот он профессионализм работающих здесь людей: ошибись в зачистке материкового слоя на сантиметр-два вверх или вниз – и исчезнут еле приметные глазу свидетельства предыстории города. Правда, сами археологи говорят, что открытию помогла сухая погода. Что ж, никто им не запрещает быть скромными.

Так вот. Что-то ведь в те лета зрело на этой пашне? Или, как высказался А.С. Хорошев, заложивший ещё в 1973 году Троицкий раскоп, – это была ритуальная вспашка перед заселением? От всего этого ещё не раз разболтаются головы у исследователей. А пока что очевидным «урожаем» в слое с пашней останутся изготовленные первопоселенцами и их наследниками вещи – костяные, металлические, деревянные. Среди них детали различных музыкальных инструментов, по-старому – гудебных сосудов. Тут и кобылки от смычковых – трёхструнных гудков и однострунного инструмента, возможно, загадочного смыка, и шпеньки, пригодные для настройки струн на гудке или гусях, и, наконец, вырезанный из цельного куска дерева молоток, которым, подавая сигналы, ударяли в металлическое блюдо, иначе гонг, – это ещё один бытовавший когда-то на Руси, а потом забытый тип музыкального инструмента. Выходя из X века в XI, можно вспомнить о состоявшихся в Новгороде в прежние годы таких выдающихся находках, как лирообразные гусли или, например, с удивительными исполнительскими возможностями сопель. Всё это создавалось с помощью специального деревообрабатывающего инструментария. В частности, ствол сопели сверлился буравом или даже набором увеличивающихся в диаметре буравов.

Поражает то, что первые жители здешних мест уже изначально несли с собой, иначе не скажешь, классическую городскую инструментальную музыкальную культуру. На это указывают и изысканная конструкция инструментов, и их художественные достоинства, и самое главное – их способ строительства: «городской», то есть с помощью специальных резцов и в условиях, приближенных к мастерской. Были бы это носители сельской культуры, то и музыкальные их инструменты соответственно изготавливались бы, по крайней мере некоторые, «походным» или «деревенским» способом, то есть во многом без использования инструментов, если не считать скупого применения простого ножа.

Был, например, ещё недавно популярен в деревнях, особенно у детей, свисток. В начале лета, когда деревья

полны соков, со стволика ивы, простукав его слегка ручкой ножа и прорезав заранее свистковое окошечко, снимали кору. Потом, удалив на оголённом стволике лишнюю массу дерева и сохранив в свистковой части пыж с усечённым боком, ставили снятую кору на место. Каких только трелей, сопя наперебой, не выводили на сделанных подобным образом свистках или дудках. Правда, звучали они недолго – до усыхания коры.

Ещё показательнее традиционный пастуший рожок. Многие старожилы новгородских сёл помнят, как они его когда-то мастерили. Всё также в начале лета срезали, например, ольховый ствол. С одного его конца ножом обнажали «сердечник», который затем выкручивали зубами. Получалась небольшая трубочка, цевка, с помощью ножа в ней вырезались три игровых отверстия и «пищик», или «язычок». Берестяной раструб к этой цевке мог делаться и вовсе без ножа. Такой рожок, смачиваемый перед игрой, мог служить несколько лет. Некоторые пастухи с новым сезоном выпаса скота мастерили новый рожок. Ну, да им виднее.

Не позволим себе проникать в профессиональные таинства пастухов. Но обмолвимся хотя бы о том, что пастухам мы обязаны немалым числом сохранившихся издревле инструментальных наигрышей, а также о том, что это они были удостоены чести оповестить мир о Рождестве Христовом. Кстати, в Микулином Евангелии XIV века – рукописи новгородского происхождения – великолепен образ благовествующего пастуха; ликующее дыхание его трубы властвует над временем. Вспомним ещё и о том, что простоватой с виду и одновременно таинственной фигуре пастуха селяне веряли едва ли не самое драгоценное, составляющее основу и равновесие их жизни – коровье стадо. От Егорьева дня до Покрова (от 6 мая до 14 октября по новому стилю) слышался над омутами, перелесками и полями несравненный, обладающий тайной властью над животинами голос рожка.

Попытки так называемого усовершенствования, доведения пастушьего рожка до облика концертной жалейки и подобных инструментов, вплоть до кларнета, свидетельствуют об одном: о перенесении его конструктивной идеи в совершенно иную культурную обстановку, о полном забвении его магической роли, значит, об отрыве от породившей его нивы.

Ясно, пастухи – люди непростые, толк в своём деле знали. Блюда древние заветы, они сохранили в пастушьем обиходе неповреждёнными усовершенствованиями классический образ деревенского музыкального инструмента. По способу изготовления специалисты относят его, а равно и инструменты типа упоминавшегося ранее свистка, к числу архаичных, то есть, надо полагать, более древних по происхождению, нежели, например, новгородская сопель XI века.

Если взглянуть на Новгород XII–XV веков, то кое-какие из бытовавших в нём в этот период сигнальных или музыкальных инструментов отмечаются ныне или отмечались в недавнем прошлом в сёлах Новгородской области. Как в XII веке, домашнему скоту к шее поныне

подвешивают жестяную колоколку для того, чтобы он не потерялся в лесу и чтобы на него не напал зверь или дух болезни. Недавно ещё в наших деревнях, как и в древнем Новгороде, использовались трещотки или колотушки ночного сторожа. Такие, например, как деревянная лопатка с ударяющимся по ней шариком. А также в виде набора издающих при встряхивании треск дощечек, одна из которых снабжена держалкой. Как в древности, звучал в новгородском крае в XIX веке трёхструнный смычковый гудок и, как в средние века, в 1920–30-х годах новгородские деревни по праздникам оглашались звоном гуслей.

Разумеется, вопрос перемещения конструктивных идей музыкальных инструментов во времени и пространстве, в частности, из села в город или наоборот, очень непростой. Что касается, к примеру, колотушек ночного сторожа, то они равно могли использоваться и в древнем городе, и в деревне. Жестяная колоколка, сваренная медным припоем, могла изготавливаться кузнецами в средневековом Новгороде, возможно, не столько для собственных нужд, сколько для продажи на село. Относительно же гудка и гуслей можно предполагать, что таковые, принадлежавшие бродячим профессиональным музыкантам – скоморохам – в прошлом выходцам из Византии, появились сначала в городе и обслуживали аристократическую верхушку, а потом постепенно распространились на село и закрепились там, озвучивая прежде всего обрядовые пляски. В такой именно роли использовались в XX веке малострунные гусли в сёлах восточнее Новгорода. При этом приходится помнить, что между новгородскими гуслиями XIV–XV веков и гуслиями, бытовавшими в сёлах Новгородской и прилегающих областей в XIX–XX веках, протянулся почти полутысячелетний период «молчания»; простонародные гусли с веерообразным расположением струн были изображены лишь однажды – в «Диссертациях о русских древностях» Матиаса Гутри в 1795 году. И всё же, если сравнивать деревенские гусли XIX–XX веков с их древними новгородскими образцами, то древние во всех отношениях – по добротности строительства, по использованному при этом набору деревообрабатывающих инструментов, по художественному оформлению и общему скульптурному облику – выигрывают перед поздними. Случайно или нет, но деревенские гусли, не лишённые, конечно, своей грубоватой прелести, в способе их изготовления были в конце концов доведены до крайней степени простоты. Правда, всё это сплетено с общим процессом упрощения, отмечаемым в самом Новгороде, особенно со второй половины XIII века.

Село, похоже, не раз приспособляло к своим условиям «городские» или «новые» музыкальные инструменты. Вспомним, что те же гусли, всевластные в песнях и старинах, самогудные и златострунные, почитавшиеся в веках, были тем не менее вытеснены из жизни сразу же, как только появились громкоголосые фабричная балайка, а особенно гармонь. Гармонисты ловко переняли все, что раньше игралось на гусях.

И теперь, когда говорят, что у такого-то народа такой-то музыкальный инструмент – собственно национальный и существует испокон веков потому, де, что используется в традиционных обрядах, то это не самый безупречный довод: гармонь, как видим, отнюдь не древний инструмент, но прочно вошла в обрядовую жизнь села, и не только у русского народа.

Таким же образом когда-то были восприняты селом и гусли – инструмент для своего времени многозвучный и чарующий. Их обрядовая роль по сравнению с гармонью была более выраженной, но это вовсе не означает, что конструктивные истоки гуслей возникли в сельской среде. В основе сельской музыкальной культуры заложен магический ритуальный шаг, пляс, к нему приспособлялись те или иные музыкальные инструменты, а не наоборот.

Не будем далее внедряться в этот вопрос. Заметим лишь, что и ранние сельские музыкальные инструменты и инструменты, воспринятые селом позднее, – все они в большей или меньшей мере со временем приобретают соответствующий условиям их бытования облик. Они так или иначе становятся плодами сельской природной и культурной нивы. При этом пастушьи инструменты в сельском музыкальном инструментарии представляются наиболее архаичными.

И вот теперь, стоя на зачищенной поверхности материка со следами древней вспашки, с обнажившейся вдруг под самыми нижними плахами мостовой Черницыной улицы грунтовой дорогой, с удивлением понимаешь, что не только в поздних культурных напластованиях, когда Новгород вырос и стал называться Великим, но и в изначальных слоях не обнаружено именно этих – архаичных деревенских музыкальных инструментов. Да, впрочем, если что-то в таком роде и найдётся, то сложившееся впечатление вряд ли по сути изменится: слишком уж популярны были в древнем Новгороде гудочки, гусли, сопельщики.

Первые новгородцы – кто они? Какое их отношение было к земле? А скорее, быть может, к воде? Что-то ведь, например, означают использованные вместо лаг под первой мостовой всё той же Черницыной улицы две огромные, двенадцатиметровые бортовые корабельные доски. Причалили – и корабль, размерами не отличающийся от птицеподобных кораблей викингов, стал ненужным? Всё это походит на некое напоминание или, точнее, на запоздалую традицию Великого переселения народов. Говорится же в преданиях, и, похоже, не напрасно, о давних связях новгородцев со скандинавами, с Польским Поморьем. А.А. Зализняк, открывший в берестяных грамотах новгородский диалект XI–XII веков, обнаружил многие его признаки в западнославянских языках, в польском в особенности, где отмечается, кстати, и большое совпадение имён с дохристианскими именами новгородцев. Поражают, наконец, и совпадения в области музыкальной археологии.

В 1949 году в Ополе в слое XI века и Гданьске в напластованиях XIII века были обнаружены обломки струнных музыкальных инструментов. В верхней их части имелось игровое окно. Поскольку для Польши в течение многих веков оставалась характерной игра на смычковых музыкальных инструментах, то специалисты реконструировали означенные находки как смычковые Гэншьле. Спустя десятилетия, основываясь на подобных новгородских находках начала XI – середины XIII веков, но в большей мере уцелевших, удалось сделать доказательную реконструкцию польских гэншьле как щипковых лирообразных инструментов. Стало ясно, что польские и новгородские лирообразные гусли – производные единой школы строительства музыкальных инструментов. Но вернёмся к музыкальным древностям нынешнего археологического сезона.

Вот два колка, или шпенёчка, рубежа X–XI веков, служившие для настройки струн. Один из них, возможно, принадлежал гуслям. Если так, то возраст лирообразных гуслей удревяняется на два-три десятилетия относительно прежнего свидетельства – обломка таковых, изъятого из слоя первой четверти XI века.

Вообще лирообразные гусли – открытие особого значения. Определённые Б.А. Колчиным ещё на рубеже 1960–70-х годов как вид струнного щипкового музыкального инструмента, они не перестают будить воображение и, оставаясь во многом тайной за семью печатями, вызывают к жизни один, пожалуй, главный вопрос: почему в нашей исторической памяти – устной, письменной, изобразительной – не нашлось места для столь характернейшего в средних веках музыкального орудия? Были, правда, попытки увидеть его изображенным в Новгородской Симоновской (Хлудовской) Псалтири конца XIII века, но утверждать, что художник срисовывал с натуры именно новгородский тип лирообразных гуслей, невозможно: показанный в книге, причём дважды, лирообразный инструмент лишён струнодержателя, а по нему-то и определяется тип. В отличие от западноевропейских шестиструнных лир, популярных в первом тысячелетии, новгородские лирообразные гусли не имели под струнами кобылки, иначе подставки, механически влиявшей на резонансный процесс; их струны беспрепятственно тянулись от стержня струнодержателя к шпенькам, определяя таким образом принцип звукообразования, основанный на «чистом» резонансе. Эта важная особенность лирообразных гуслей сохранялась впоследствии в традиционных новгородских гуслях, уже не имевших игрового окна, вплоть до XX века. Что и позволило, основываясь на традиционных приёмах гусельной игры и обрядовых наигрышах, записанных, наконец-то, и осознанных в их подлинном культурном значении лишь на исходе XX века, представить реконструктивный вариант звучания древнейших на Руси гуслей. Лирообразные гусли – это едва ли не самое наглядное свидетельство связи русской культуры с культурами древних цивилизаций, ближайшая из которых Античная Греция. Вспомним, что великая эпоха игры на щипковых лирообразных инструментах от середины XIII века уходит вглубь времени на несколько тысячелетий.

Кроме двух шпеньков, в напластованиях конца X века обнаружено свидетельство ещё одного удивительного и также затерявшегося в нашей памяти древнего музыкального инструмента. Это подставка или кобылка с засечкой для одной струны. С этой находкой получает объяснение смущавшая до сих пор и головка однострунного музыкального инструмента периода XVI–XVII веков, которая была обнаружена археологами в скарбе русских полярных мореходов в Мангазее. Возможно, это и есть пресловутый смык, упоминаемый в древнерусских книгах. Деталь, найденная в Новгороде, удивительно схожа с кобылкой, точнее, с седлом южнославянского однострунного смычкового инструмента – гуслы. Считается, что с приходом гуслы в Европу примерно в IX веке связано начало европейской традиции музицирования на смычковых инструментах.

Словно по иронии судьбы вслед за описанной деталью из влажного слоя X века был извлечён необычный обломок. Это оказалась шейка настолько некогда изящного в очертаниях смычкового музыкального инструмента,

что в его, к сожалению, утраченной головке, кажется, могло поместиться не более одного отверстия для шпенька. Теперь преследует неотвязная мысль: вот, де, так близка была возможность непредположительно узнать о форме и устройстве ещё одного бытовавшего на Руси гудебного сосуда – однострунного.

Если согласиться, что именно таковому принадлежал этот обломок, то однострунный инструмент, возможно, именовавшийся смыком, отличался от грушеобразного в очертаниях трехструнного гудка лишь зауженными формами. Может быть, этим оправдывается путаница в названиях: одни считают, что смык и гудок – названия, в разное время присвоенные конструктивно одному инструменту, другие, и в частности, И. Ямпольский, полагают, что за этими названиями скрываются различные инструменты, на которых «власенем лучцем посмыщали», то есть извлекали звук с помощью лукообразного смычка, прядь конских волос которого была натёрта смолой хвойных деревьев – канифолью.

О трёхструнном гудке в новгородской археологии до сих пор было собрано немало сведений – от больших и малых обломков, от инструментов, подчас мастеровившихся детскими неумелыми ручонками, от гудков с уцелевшими основными их деталями – долблёным корпусом и тонкой с двумя полукруглыми вырезами полочкой до топором тёсанных заготовок, одна из которых, хотя и обугленная, чудом уцелела в пасти пожара. О, этот враг древодельных хитростей, коими славились новгородцы! Да, немало известно о гудке, но вместе с тем десятилетиями приходилось мечтать о находке, например, небольшой, но существенной в конструкции гудка детали, составлявшей комплекс струнодержателя – кобылке. В реконструированных гудках долгое время использовался её условный вариант в виде простой плашечки. И всего лишь год минул с того мгновения, как выяснилось, что ещё в 1987 году эта деталь с двумя ножками и тремя засечками для струн прошла нераспознанной в потоке поступающих с раскопа мелких деревянных предметов, поделок непонятного назначения, детских игрушек, в том числе и игрушечных коников. Асимметричная, эта деталь действительно чем-то могла напомнить незавершённую игрушку коника. Сам факт выявления её в коллекционных журналах был чрезвычайной неожиданностью. Но ещё большее впечатление произвёл другой факт: среди окружавших её в слое середины X века вещей она оказалась древнейшей. Давно подмечена такая закономерность. Увиденный однажды искомым предмет, его тип, впоследствии как бы сам себя выявляет в хаосе инородных вещей. Так случилось и с кобылкой гудка. Узнанная в прошлом году, она встретилась в нынешнем археологическом сезоне, не говоря о подставке однострунного инструмента, ещё трижды.

Одна из них, обнаруженная в слое рубежа X–XI веков и достигающая в длину около одиннадцати сантиметров, оказалась вдвое крупнее открытой год назад. Значит, на рубеже I и II тысячелетий различие в размерах смычковых инструментов было примерно такое же, как и в XVII веке; в письменных источниках этого времени упоминаются – гудочек, гудок, гудище.

Две другие кобылки были обронены на землю в середине X века. Исполненные руками скульптора в художественном стиле, по которому узнаются многие северноевропейские шедевры, они ещё раз убедили в том, что

первопоселенцы Новгорода владели конструктивно самым сложным для своего времени музыкальным инструментом – смычковым трёхструнным гудком.

История гудка, подобно другим музыкальным инструментам, туманна и одновременно занимательна, как история человечества. Считается, что его происхождение связано с центрально-азиатским культом лошади. Чему подтверждением являются названия слагающих частей европейских смычковых инструментов, в первую очередь южнославянской гусли. Вот они: голова, шея, хвост, живот, спина, седло или кобылка. Мифологический образ гудка раскрывается в былине «Вавило и скоморохи», сюжет которой, по мнению А.Ф. Белоусова, восходит к периоду индоевропейской общности. В былине сказывается о волшебном повелении святых скоморохов Кузьмы и Демьяна:

***Заиграй, Вавило, во гудочек,
А во звончатой во переладец
А Кузьма с Демьяном припособит.***

После чего вожжи в руках у Вавилы-оратая превращаются в шёлковые струнки, а понюгалыце, то есть кнут, – в погудальце, то есть смычок. Остальное внимающему ясно: былинный гудочек – это звучащий конь. Остаётся добавить, что эта былина, записанная в 1900 году в Олонецком крае от выдающейся сказительницы Марьи Дмитриевны Кривополеновой и сохранившаяся только в её памяти, причислена специалистами к новгородскому циклу былин. Кстати, другие герои этого цикла – легендарный Садко, Василий Буслаев, безымянные скоморохи владеют искусством игры на гусях.

Согласно «Повести временных лет», на Руси в XI веке по обычаю перед князьями звучали в ансамбле различные музыкальные инструменты. Среди них упоминаются и бубны. От этих мембранных инструментов в новгородских раскопках выявлены лишь колотушки в виде палочки со свилеватым шарообразным наростом. Обломок предполагаемой колотушки бубна был обнаружен и минувшим летом в слоях земли вместе с упомянутыми музыкальными древностями.

Несомненную ценность являет собой и иного рода колотушка, точнее, молоток середины X века, аккуратно вырезанный из цельного куска ясеня. Таким молотком, подавая сигналы, по-видимому, ударяли в металлическое блюдо (гонг). Традиция использования в греческой церкви блюда в качестве сигнального и музыкального инструмента отмечается в «Проскинитарии» или «Поклоннике» Арсения Суханова 1653 года, где говорится: *«А в кандию и в блюда ударяют во глас пеня, якобы в кимвалы; а громки гораздо, и глас разсытается, якобы кимвальныя струны»*. Возможно, именно такого типа «серебряное блюдо» упоминается в жалованной грамоте великого князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю (близ Новгорода) 1130 года.

Среди различных находок, сопутствовавших перечисленным музыкальным древностям, особо обращают на себя внимание: обломки греческой амфоры, бусины восточного происхождения, кусочки или изделия из

приднепровского или балтийского янтаря, бронзовые фибулы – от невеликих до огромных и тяжеловесных, вислая свинцовая печать с портретом Ярослава Мудрого и надписью «Ярослав князь русский», непонятного назначения костяные проколки, игрушечные деревянные мечи, шарики и невыразимо обаятельные коники, ковши из свилеватых наростов дерева, резные деревянные баясины и санные копылы, многое другое и, наконец, деревообрабатывающие инструменты – ножи, ложкарный резец и уплощённый вариант клюкарзы.

Итак, изготовлявшиеся в X–XI веках с помощью специальных резцов и соединявшиеся, если требовалось, рыбьим клеем гудки, гусли, сопели, бубны – все эти инструменты, и даже блюдо-гонг, вещают об основателях Нова города, как о людях с изысканными жизненными потребностями и почитавших прекрасное. Это было общество во главе с аристократами – князьями и боярами, которых в первую очередь и обслуживали своим искусством профессиональные музыканты – скоморохи. Не случайно впоследствии в боярскихкладах XII–XIII веков окажутся серебряные с позолотой и чернением широкие створчатые обручи, на которых «кузнецы меди и серебра» искусно награвировали гудцов с гусями, сопелями и другими гудебными сосудами и окружённых плясуньями, борцами и прочими выпивающими ритуальную чару участниками языческих празднеств. Иной раз кажется, будто это общество, народ, племя по внешнему знаку явилось к колыбели будущего города с миссией возвеличить его Временам на память во всеразличных украшениях. И поэтому уже только на небольшом пространных земли близ Черницыной улицы с приходом первопоселенцев звучало не менее трёх гудков. Три их кобылки на сегодняшний день – самые ранние материальные свидетельства европейской традиции игры на смычковых инструментах.

Историки выстроились чередой во времени. У каждого своя версия о происхождении Новгорода, о его первых жителях. Путь к истине бесконечен. Древний Новгород для нас стал таким же по сути далёким, как для современных греков Античная Греция. В калейдоскопе взглядов на Новгород появился и вот этот; благодаря которому можно с восхищением сказать, что культурная нива пришедших сюда в древности людей облюбовала по себе и музу. Свисают над былым тускнеющие корни. И упал побледневший лист. Вестник осени.

Нива современного Новгорода, вбирающая в себя десятилетиями музыкальное цветение нивы деревенской и опустошившая всё вокруг себя, также, быть может, претендует на музу. Но, надо полагать, облик и выражение такой сродни очертаниям города, а также настроению его обитателей.

Памятна мысль Германа Гессе, которая здесь так уместна: *«Государства, находящиеся в состоянии упадка, и люди, созревшие для гибели, тоже имеют свою музыку, но музыка их не бывает ясной. Потому: чем неистовее музыка, тем меланхоличнее люди, тем большая опасность нависла над государством, тем ниже опускается государство. Так утрачивается суть музыки»*.

Февраль 1995 года

Озарённая Кривополенова

«Однажды отправилась она в дальнюю деревню. Возвращалась оттуда ночью. Снежные вихри сбивали с ног. Кто-то привёл старуху на постоянный двор. Изба битком набита заезжим народом. Сказительницу узнали. Опросили местечко на лавке.

Сидя на лавке, прямая, спокойная, Кривополенова сказала:

– Дайте свечку. Сейчас запоёт петух, и я отойду.

Сжимая в руках горящую свечку, Марья Дмитриевна сказала:

– Прости меня, вся земля русская.

В сенях громко прокричал петух. Сказительница былин закрыла глаза навеки.

Русский Север – это был последний дом, последнее жилище былины. С уходом Кривополеновой совершился закат былины и на Севере. И закат этот был великолепен.

Б.В. Шергин, писатель-сказитель.

Душевный свет свой, теплоту она получила как естественный дар от факта рождения в краю, где дыхание Студёного моря издавна побуждало местных обитателей вытёсывать добротные с узорочьем избы, пускаться на карбасах в суровые промыслы, собираться в артели и жить в круговой доверчивости. Конечно, и любое другое роженое дитячко самую здешней природой как бы благословлялось на чуткость ко всем и ко всему, одаривалось не только выносливостью, но и чем-то таким важным, что условно именуется внутренним или душевным свечением – без таких качеств здесь не выжить. Но в силу ли родового наследственности, повелением ли судьбы или ещё по каким-то причинам её свечение было ярче. Что-либо услышанное однажды, особенно то, что изустно молвилось с «давешних пор», она запоминала и сказывала дословно – вот назидание для иных переписчиков летописей. Она владела также, легко сочиняя, и поэтическим ремеслом, столь необходимым во время причитаний. И, главное, этим несомненно и всюду следовавшим с ней богатством она артистически умела воспользоваться. Потому озарение всего её облика, нередко сквозь обезоруживающую искренность её высказываний или озорную улыбку, почти младенческую, было велико и простиралось на многих. При этом одним было дано его лишь воспринять и поглотить; впрочем, без зависти – то ли ей в этом отношении везло, то ли это ещё одно из достоинств жителей Севера, то ли в этом надо видеть опять-таки её собственное защитное чародейство, в особенности в те минуты и часы, когда сказывала она былинку, иначе старину (с ударением на первый слог), сказку, небывальщину или оплакивала убиенных. На других обаяние светлого её облика влияло сильнее, иногда до чрезвычайности. Так, приезжая грамотная «московка» разглядела в невеликой ростом и хрупкой с виду женщине великую сказительницу; заботясь о её заслуженной славе и забыв о собственных артистических дарованиях, сама вследствие подвижнических порывов обрела особенно человеческое свечение, как бы ответное МАРЬЕ ДМИТРИЕВНЕ КРИВОПОЛЕНОВОЙ. Она воздвигла, пожалуй, самый надёжный памятник сказительнице и всем жителям Пинеге, а одновременно и себе в виде книги «Пятиречь».

Посылая первый оттиск книги своему сыну в 1931 году, накануне рождения внука, она писала: *«Книгу, съевшую мои глаза и здоровье, передаю как материнское благословение ненаглядному, бесконечно любимому сыну Васильку Васильевичу. Храни и никому не давай, не расставайся с ним... Книга признана «вечной» и классической, но сохранится ли в нашу эпоху? Оценена будет лишь через сотни лет. Пока храните и пользуйтесь для будущего чада, рождение которого приветствую этой книгой».* Вскорости – в 1933 году жизнь в ней угасла. Это была Ольга Эрастовна Озаровская. Фамилия-то!

Заслуга Озаровской не только в том, что она наиболее полно записала и опубликовала услышанное от Кривополеновой, но ещё и в организации в 1915, 1916 и 1921 годах выступлений сказительницы перед тысячными аудиториями в различных городах России. Вследствие чего полно раскрылось дарование Кривополеновой, а горожане услышали не стилизацию под былое, но настоящую, пришедшую из древности эпическую поэзию.

В описании Озаровской образ старинницы точен и монументален:

– Кто это?

– Бабушка.

– Ваша?

– Нет, я не имею счастья гордиться такой бабушкой.

Это всеобщая бабушка <...>

– Кто же она?

– Народная артистка Мария Дмитриевна Кривополенова.

– Она получила это звание?

– Она его не получала. Она с ним родилась.

– Она служила в театрах?

– Она служила всю жизнь в Большом Народном Театре: на дорогах, в избах, на пороге, на печке. За это ей подавали.

– Так она была нищенкой?

– На её родине нет такого названия. Её называли «сиротиной». Это название указывает на участь, на долю. Её любили, встречали радостно и радостно оплачивали своё удовольствие послушать «старину». <...> Однако эта старушка стала «известной артисткой» в общепринятом смысле слова. О её выступлениях писались большие рецензии, с неё писали и гравировали портреты <...>, её ваял Конёнков <...> певцы, следившие за её дыханием и звуком, восклицали: «Итальянская школа пения!» <...>

– Она была все-таки образованна?

– Неграмотна. Но это не помешало Русскому географическому обществу выдать ей медаль «За научные труды и заслуги».

Пятнадцатью годами раньше О.Э. Озаровской 57-летнюю Марью Кривополенову или Трёхполенову – крестьянку деревни Шотогорка – записал А.Д. Григорьев, также подвижник своего дела. «По знанию старин, – занёс он в дневник – Марья является первой среди опрошенных мною на реке Пинеге. Она выучила их от своего дедушки, который ходил по морю...» Кривополенова хранила в себе около двух с половиной тысяч стихов (или больше). Произносила их, поддерживала жестаи, выражением

лица, короткими замечаниями. Необычайно убедительно. Казалось, именно так они и звучали в древности.

Конечно, талант старинщицы безусловен. Но были и первопричины. Ведь как стихи, так и манеру их сказывания она усвоила от горячо любимого деда – Никифора Никитича Кабалина, промысловика, на старости получавшего пай на карбасе поровну со всеми за сказывание былин. Род Кабалиных, к сожалению, уже не может быть восстановлен. Но очевидно то, что его представители, подчиняясь лучшим традициям Севера, извечно и осознанно, слово в слово, оберегали родное летосказание. Потому за величием Марьи Дмитриевны, ещё девочкой «внявшей» вместе со стихами и это важное осознание, надлежит видеть образцовую и не менее величественную, хотя и с чередой утраченных имён, школу сказителей Кабалиных, шире – школу Пинежскую.

Вообще старины по обозначенной причине сопоставимы с обрядовыми народными песнями, в которых также важна точность слов; по архаичным словам возраст некоторых песен исчисляется до полутора-двух тысяч лет и более. Вместе с тем старины – это вид повествования, который наравне со сказками и скоморошинами явно рассчитан на «расстояние» между артистом и слушателем; он обращён не к духам природы, не к божественному, как в обряде, а к человеку, в большей или меньшей мере наслаждающемуся красотой. Всё это составляло богатство русской культуры от вещаний на пирах, от сказок на ночь в глубокой древности до концертных выступлений М.Д. Кривополеновой в Екатеринодаре, Таганроге, Новочеркасске, Саратове, Харькове, Москве, Петербурге, других городах, наконец, Архангельске. И в этих выступлениях не было и не могло быть той неестественности, какую нынче ради «вежества» горожан приходится преодолевать, исполняя в концертных залах обрядовые свадебные или календарные песни.

«В Харькове ни на лошадях не ездил, ни ногами не хаживала: носком носили». То есть в самом деле её после выступлений, случалось, восторженно носили на руках. Публика с неослабевающим вниманием слушала как долгие старины, типа «Илья Мурович и Калин-царь», так и, заливаясь смехом, короткую «Небывальщину». Её и только её память спасла в бурно несущемся в прошлое потоке времени нечто такое, за что ей, пусть бы даже она ничего другого и не знала, должны поклониться и Россия, и Европа, и вообще все. Это «погудка» – так сама она её определила – «Вавило и скоморохи». Специалисты включили таковую в цикл новгородских былин и уверены в том, что раньше она пелась в сопровождении смычкового музыкального инструмента – гудка.

Поскольку в этом произведении скоморохи Кузьма и Демьян названы святыми и помогают Вавиле-оратаю посредством волшебного гудочка «переигрывать царя Собаку», то предполагалось, что оно было сочинено в XVI–XVII веках самими же скоморохами как ответ на несправедливые их гонения в ту пору властями. Недавно А.Ф. Белоусов доказал, что обозначенный сюжет – это преобразование одного из событий, запечатлённых в индоевропейском мифе о поединке Громовержца с его противником Змеем. Поэтическое соствязание в данном сюжете, как отмечает В.Н. Топоров, также близко одному из гимнов «Ригведы», посвящённом подобному же соствязанию громовержца Индры и Варуны. Наконец, древность нашего сюжета очевидна и в мифологическом образе гудочка, представленном в

виде звучащего коня. «Вавило и скоморохи» – это своего рода гимн гудку, это единственное и по-настоящему убедительное подтверждение витавшей в кругу исследователей мысли, что европейские смычковые музыкальные инструменты происхождением своим связаны с центральнo-азиатским культом лошади.

Что же касается живого звучания погудки-старини в устах Кривополеновой, то это было пение быстрое, с отрывистой, ясной фразировкой.

Говорила красная девица:

«Пособи вам бох переиграти

И того царя да вам Собаку...»,

после чего скоморохи ответили благодарным волшебством:

А у той у красной у девици

А были у ей холсты-ти ведь холщовы,

Ииша стали атласны да шолковы.

Тут Кривополенова заметила: «Как нам с тобой эти старины дороги, так им слово доброе».

Талант у неё особый – всегда радоваться жизни и человеку. Талант сердца. Так вспоминает о ней в книге «Сказ о Беломорье», опубликованной в Архангельске в 1983 году, Ксения Петровна Темп. Она участвовала в чаепитии, во время которого услышала ответ сказительницы на предложение переселиться в город: «*Нельзя мне в городе жить, душа моя замрёт без домашнего воздуха отецкого да материнского. О тяжёлой жизни говорите, какая же это тяжесть. Ну, плохи, неподходящи бывают дни там или недели. А радости да восторгу сколько на родительской-то земле. Как земля зацветёт, травы встанут, лесины в каком наряде стоят. Зимой снега землю греют, укроют её. Я зимой всюду поспела, зимой дорога открыта, в каждой деревне в любой дом захожу. Хозяйки зимой дома, к вечерку люди соберутся на мой приход. Как знакомая всем, и веду свои пропевания, небывальщинами тешу. Люди слушают, смотрю, какие лица да глаза у них, у каждого своя дума радостная, а то и печальная. Подпевают небывальщинам. Тут мне и радость. Добрым словом меня награждали, никогда обиды не видела. Марьей Дмитриевной прозвали...»*

Хоть из-под земли раздобудь, дорогой читатель, книгу Ксении Петровны! Биолог, географ, историк, этнограф, знаток народной мудрости поморов – она к своему величественному столетию уберегла и голос – внятннй, чистый, будто поток ключевой воды, убедительный, слышать его – счастье. Делясь не так давно по радио опытом жизни, она страстно заявила о единственной ценности, которую ни под каким предлогом нельзя утрачивать, – о Родине.

С тем же опытом, оброняя золотые слова, одолевала свой путь Марья Кривополенова. Когда в гражданскую на Севере объявились белые и красные, не рассуждениями веры, а теплом любви давала им опомниться: ведь братья. Поглядела бы нынче на нас, да и опять бы, увидя порознь окрашенными, мёртвых оплакала бы, живых бы словом чистым повела.

«Прости меня, вся земля русская». Петух пропел 2 февраля 1924 года. Но свеча горит. А зажжена тогда, когда в метрической книге Пинежского уезда, Чакольского прихода, по церкви святой великомученицы Екатерины была сделана запись: «Устьжугской государственной деревни Дмитрий Никифоров Кабалин и законная жена его Агафья Тимофеевна, оба православного вероисповедания: родилась дочь Мария 19 марта 1843 года...»

Апрель 1995 года

Обретение Новгородской псалтыри

Великому Новгороду – древнему и современному, а также академикам Валентину Лаврентьевичу Янину и Андрею Анатольевичу Зализняку посвящается. Здесь и моё усердие, и моё бессилие перед находкой тысячелетия.

Работы Новгородской археологической экспедиции, которую возглавляет академик В.Л. Янин, в 2000 г. ознаменовались чрезвычайно важным открытием. 13 июля в древнем Людине конце Великого Новгорода на Троицком XII раскопе (руководитель А.Н. Сорокин) в слое первой четверти XI столетия была обнаружена необычная книга с текстами, написанными на воске (Тр-21-1488)¹.

Она состоит, согласно исследованию Джона Хатера (английского специалиста по определению пород археологической древесины), из трёх липовых створок величиной 190 x 150 x 10 мм. В каждой створке, в «корешке» и на месте застёжки имеются специальные сквозные отверстия, позволяющие посредством ремешка или шнура скреплять книгу, а когда нужно, раскрывать её. Верхняя и нижняя створки, служившие обложками, снаружи украшены резными геометрическими узорами, косыми и прямыми крестами. С внутренних же сторон они снабжены неглубокими корытцами, или «ковчезцами», какие бывают у старинных иконных досок. Ковчезцы имеются и у средней створки на обеих её сторонах. Всего таковых в книге четыре. Средняя величина каждого ковчезца 155 x 115 мм. Их относительно плоские донца сохранили на себе следы грубоватой обработки резцом. Корытце нижней створки отличается от других: его донце покрыто пересекающимися ножевыми насечками. Согласно ранее встречавшимся в новгородской археологии отдельным дощечкам для письма, насечки в корытце предназначались для лучшего закрепления заливавшегося в них расплавленного и застывшего затем воска. То же, кстати, делалось и при склейке частей различных деревянных предметов, например, гуслей.

В четыре корытца книги в древности неоднократно заливался воск, в верхних наслоениях он тёмный. Его толщина на разных участках изменяется в пределах от 3 мм до ничтожных долей миллиметра. На восковых табличках, или страницах, а по-латыни церах, остриём костяного, рогового или металлического² писала церковнославянским письмом весьма умело записывались священные тексты псалмов, они заучивались наизусть, затем заглаживались лопаточкой всё того же писала. На месте прежних записей появлялись стихи новых псалмов, которые также предназначались для запоминания.

На тот миг, когда книге выпала неожиданная участь тысячелетнего пребывания под толщей земли, в ней, согласно христианской нумерации псалмов, были записаны 75 и 76 псалмы Асафа, а также в конце

четвёртой страницы уцелели незаглаженные 4–6 стихи 67 псалма Давида. Кроме того, в некоторых местах на воске, хотя и с большими трудностями, но всё же прослеживаются не вполне заглаженные отдельные буквы или слоги, остатки прежде писавшихся текстов. На деревянных полях страниц, возможно, также когда-то имелись записи, но они по каким-то причинам утратили свою ясность. От них, в частности, вверху на второй странице бесспорно прослеживаются горизонтальные строчные графы и буква – Ъ. Они, как считает академик А.А. Зализняк, содержали в себе «*пояснения о предназначении данной книги и о благе чтения Псалтыри*»³. В отдельных местах, а именно там, где слой воска оказывался слишком тонок, остриё писала могло прорезать его насквозь, оставляя едва приметные следы букв на деревянной основе. Исключительно напряжённым, продолжительным и специфическим взглядом лингвиста и палеографа А.А. Зализняк пытается выявить на деревянной основе следы текстов, которые писались на воске и наслаивались один на другой с самого начала использования данной книги в быту древних новгородцев.

Книга способствовала разучиванию псалмов и, значит, была учебником. Она находилась в распоряжении одного из самых первых христианских наставников, осуществлявших свою деятельность сразу же после официального крещения обитателей Новгорода в 990 г. Не будет ли преувеличением в отнесении факта использования книги к столь раннему времени? Похоже, что не будет.

Книгой пользовались не один десяток лет, в чём убеждает её большая изношенность. Всевозможных царапин, надрезов и на лицевой, и на нижней створках так много, что книгу впору сравнить с кухонной разделочной доской. Обращает на себя внимание потёртость, плавная закруглённость углов и рёбер створок, причём не только снаружи книги, но и при развороте страниц. Подобного рода заполированность видна и в отверстиях, сквозь которые продевался скреплявший створки шнурок. К воздействию времени на книгу следует, вероятно, отнести и утрату текстов, например на деревянных полях второй страницы. Книга не однажды подвергалась починке и даже переустройству. Так, в правом нижнем углу на первой створке когда-то образовалась трещина. Для того, чтобы она не увеличивалась, её сшили, возможно, льняным шнурком или еловым корнем, что в древности часто делалось при продлении срока использования, например, деревянной посуды; соответственно по краям трещины проделаны маленькие сквозные отверстия. По

прошествии времени это место вновь исправлялось: шнурок был удалён по той возможной причине, что трещину было решено заклеить, при этом отверстия были законопачены деревянными шпильками. Не менее значительные изменения произошли слева на створках, в корешке книги. Два отверстия, пронизывающие все три створки и которые вместе с продёрнутыми в них шнурами исполняли роль навесов, поначалу располагались одно от другого на сравнительно широком расстоянии. Впоследствии эти отверстия повсеместно были заколочены деревянными шпильками, вместо них появилась пара новых отверстий, ближе расположенных одно к другому и прорезанных на самом краю створок. Похоже, что и резные узоры, знаки, не подчиняющиеся единому замыслу художественного оформления, появлялись постепенно во времени: некоторые вырезывались, да так и остались незавершёнными. Они наблюдаются на лицевой и тыльной сторонах книги и даже на её торцах. Наконец, стоит присмотреться к восковым страницам. Со временем воск в корытцах изнашивался, поэтому в некоторых местах видны его дополнительные наслоения, они разной тонировки. Вообще, складывается впечатление, что в четырёх корытцах разный по составу воск и мало в них осталось воска первоначальной общей заливки. Очень похоже, что в какое-то время после очередного заглаживания текстов на четвёртой странице воск стал растрескиваться и выпадать. Тут, вероятно, и пришла мысль владельцу обновить заливку, а прежде того, для лучшей связи воска с деревянной основой, он изрезал донце коврижка пересекающимися насечками. Двадцати-тридцатилетнему возрасту книги не противоречит и уровень писарского мастерства проповедника. Писал он, вероятнее всего, не разогревая писала, в весьма тёплом помещении или вне его в жаркий день. Он успевал быстро и безошибочно, написав букву, выволить из воска остриё писала и тут же начать им выводить новую букву. На восковой рукописи в нескольких местах хорошо видно, как писец спешил, оставляя остриём на воске короткие отчерки, следы перехода от знака к знаку, словно в скорописи, хотя характер древних букв ближе к «печатным». Понятно, для накопления такого опыта, сопряжённого с большим чутьём капризных особенностей воска, требовалось время, быть может, немалое.

Значит, и сам наставник, обучая других, совершенствовался в ремесле чистописания. Более того, вместе с этой книгой, поновляя её, старея, он вновь и вновь поверял брэнностью жизни значение писавшихся на воске библейских текстов. Так продолжалось до поры, пока не произошло нечто, что повлияло и на судьбу учителя, и на участь его книги. Удастся ли «вычислить» имя одного из первых христианских проповедников в Новгороде, опять-таки, покажет время. А что касается книги, то извлечённая из древнего пропитанного водой навозного слоя, она, некогда ухоженная и целиком читаемая, нынче нуждается в небывалой для неё починке.

Восковые страницы местами беспорядочно рассыпались на сотни сравнительно крупных и на тысячи мельчайших, перемешанных с грязью, невыразимо лёгких, предательски хрупких и не желающих склеиваться кусочков. В других же местах тончайшие пластинки воска со следами букв почти приросли к разбухшей от воды деревянной основе и их невозможно отслоить без риска полной утраты. Но расслоение необходимо осуществлять как ради сохранения деревянных резных створок путём

укрепления их в полиэтиленгликолях, так и в целях приведения в порядок всего облика рукописи для показа в музее, а главное, для прочтения. Таковой предстала перед исследователями эта древнейшая в славянском мире датированная книга, именуемая ныне на разных континентах как Новгородская Псалтырь.

Она станет образчиком, с которым будут сравниваться другие ранние славянские и древнерусские книги, датировавшиеся до сих пор предположительно. Она привлечёт к себе внимание самых разных исследователей. В.Л. Янин и А.А. Зализняк рассматривают её с исторической и языковедческой точек зрения, сопоставляя и с материалами древнерусской книжной традиции, и со сведениями, полученными из древних берестяных посланий, в первую очередь новгородских. Естественен на неё и взгляд как на предмет, прямо характеризующий одну из областей музыкального мира древнего Новгорода – вот документ о начале церковной певческой традиции, которой впоследствии так прославятся новгородцы. Не случаен факт, что первым проводником новой религии явилась именно книга Богодухновенных песен: согласно древнейшему изобретению людей, самый лучший способ запомнить новое – надо его пропеть. И всё же первейшей задачей остаётся восстановление памятника во имя правильного его прочтения.

В первые же дни после обнаружения археологами обломков книги В.Л. Янин и А.А. Зализняк пытались решить вопрос о характере записей, сделанных на уцелевших крупных восковых кусках. Если бы ими оказались бытовые записи, какие, например, часты в берестяных грамотах, искать места для остальных, «плавающих» кусочков воска было бы бессмысленно. Но, к счастью, на воске стали прочитываться слова из канонических текстов псалмов, которые известны своими признаками даже в самых поздних списках. Так отыскался ключ к дальнейшему осмысленному изучению и восстановлению памятника. Правда, и в этом случае итог не представляется вполне утешительным. Дело в том, что на каждой странице, исключая разве что первую, очевидны большие неисполнимые потери воска с текстами. А это значит, плавающие кусочки из районов утрат, выстроенные группами по сходству знаков или просто пустые, составят, в конце концов, почти бесполезное приложение ко всему тому, что удастся восстановить.

Чем же важна, скажем, для языковеда работа по восстановлению канонического текста, в сущности повторяемого в поздних списках Псалтыри? Она важна выявлением различий между текстом воскового рукописания, который отныне будет основным, и его списками. Поразительно, но отличия в словах, знаках, начертаниях букв были замечены уже на первой табличке в псалме 75.

Первая табличка по сравнению с другими оказалась с наименьшими утратами. Толщина крепкого воскового слоя в её ковчежце самая большая. Именно с неё сделанный фотографический снимок – а это момент извлечения из культурного слоя – сопровождал начальные и будет сопровождать последующие публикации этого памятника.

Вообще с фотографирования первичного состояния страниц найденной рукописи и её бесчисленных восковых обломочков началось не только всестороннее её изучение, но и подготовка к починке. Фотографированию подвергались все поэтапные результаты работы.

Многие снимки останутся неотъемлемым документальным приложением к восстановленному подлиннику. Они будут свидетельствовать об успехах и неминуемых неудачах в этом неведомом для мировой реставрационной практики деле.

Оглядываясь назад, на первые дни и недели, когда мы буквально все были равны в своей беспомощности перед столь неожиданной и, казалось, вот-вот способной вконец разрушиться находкой, многое хотелось бы пережить и начать заново, предупредить, исправить. Иначе хотелось бы накалять обстановку при фотографировании, и иначе шевелить нагромождение зажатых между створками восковых кусочков, и осторожнее заливать всё это водой для промывки от грязи. И копаясь в скучной, временами непролазной древней навозной жиже, хотелось бы и саму эту драгоценность найти иначе. Но всё это уже на полке времени. Руководством к действию были, с одной стороны – конкретный миг, а с другой – неизвестность будущего. Представлялось: книга хоть и в плачевном состоянии, но она пока что есть, а что с ней будет завтра, если уже нынче из-под восковых её кусочков-недотрог, из раскисающей массы всё увереннее ползут юркие, едва приметные червячки? Понятно, надо сфотографировать книгу пока не поздно во всех необходимых деталях и поворотах в лучах выгодного яркого света... Словом, на пороге вот такой тревожной неопределённости мне представилась возможность взглянуть на рукопись, прикоснуться к ней и ощутить безнадёжность положения. Однако и медлить далее было нельзя: почти реальной виделась утрата если не всего памятника, то значительной его части. Начались робкие попытки поиска путей к его восстановлению.

В чём роковая особенность данной находки? Книга состоит из неоднородных материалов – дерева и воска. Вопрос решался бы, наверное, проще, если бы створки книги были выструганы из можжевельника. Известно, что археологические вещи, изготовленные из можжевельной древесины, нередко сохраняют свои формы при естественной сушке. Но липовые створки, пролежав тысячу лет в мокром слое земли, к сожалению, утратили свои здоровые свойства и нуждаются в специальной долговременной укрепительной обработке с использованием полиэтиленгликолей. Чтобы осуществлять такую обработку, необходимо от створок отделить залитый некогда в их ковчезцы воск.

Но воск обнаружил свои капризы. В данном случае его можно разделить на три основные составляющие части:

1 – воск в виде разновеликих обломков, доходящих до крохотных кусочков. Он осыпался со страниц и потерял своё первоначальное местоположение, где попало он оказался вдавленным в деревянную основу, его россыпи прослеживаются как по верх относительно здоровых участков восковых табличек, так и под ними. Его требуется собрать на отдельную поверхность, позднее какое-то его количество найдёт своё изначальное место в ковчезцах, остальные кусочки войдут в число так называемых плавающих;

2 – воск в виде сравнительно крупных участков с трещинами, который не потерял своего изначального места в ковчезцах, он легко или трудно может быть снят и большими или маленькими обломками перенесён на другую основу; спустя время он будет возвращён на прежнее место;

3 – воск в виде тонкослойных небольших участков с многочисленными трещинками, он сцеплен с деревянной основой, снятие его с места чревато невосполнимым разрушением, остаётся надеяться на то, что эти мелкие его участки уцелеют после обработки деревянных створок в полиэтиленгликолях.

К этому следует добавить, что воск – материал очень нежный. Он боится излишнего тепла, например, излучаемого яркими лампами.

Правда, именно в лучах такого освещения и в сочетании с теплом чутких пальцев осторожно удалось выправить некоторые когда-то пострадавшие, похоже, от большого жара восковые обломки. Одновременно воск в данной книге обладает своеобразной хрупкостью, происходящей от невидимых глазом трещинок. Воск весьма лёгок, он плавает в воде, маленькие его пластиночки в пальцах кажутся невесомыми, что очень затрудняет работу с ними. Наконец, самое главное, разрозненные восковые кусочки необходимо как-то подсоединить один к другому, склеить.

Не решить вопроса склейки восковых кусочков или хотя бы временного укрепления их на отдельной основе – значит никогда не привести книгу в порядок. Состояние тревоги нарастало, так как воск – материал не только водоотталкивающий, но во многих случаях и клеотторжимый.

Для кропотливой работы по склейке обломочков воска требовался умеренно быстросохнущий клей, например, такой, какой практикуется при восстановлении древних берестяных грамот – полибутилметакрилат, иначе ПБМА. Мысль об использовании именно последнего была сразу же отвергнута ввиду того, что он разбавляется ацетоном, а поскольку воск не береста, то в ацетоне он, чего доброго, начнёт «подниматься», расщепляться. Памятен и другой случай, укрепивший в мысли о неудобстве использования ПБМА в сочетании с воском. В 1978 г. возникла надобность к подлинным обломкам лирообразных гуслей XI века сделать дополнения предполагаемых утраченных частей из новой древесины. Свойства подлинных обломков, к тому времени обработанных в химической лаборатории Эрмитажа полиэтиленгликолями, искусственными восками, менее всего соответствовали нормальной древесине. Пропитанные названным составом, они в значительной мере отторгали от себя клей. Подсоединить к ним части из современной древесины посредством ПБМА хотя и удалось, но с большими трудностями, экспонат требовал бережного хранения из-за неполноценного соединения его частей. Правда, и лучшего клея тоже не было.

Специалисты по реставрации фресок относительно восковой рукописи посоветовали попробовать следующее: снимаемый с деревянных створок воск в требуемом порядке располагать на новой основе, покрытой густым липким мёдом. Смысл такого совета состоял в том, чтобы воск сочетался с «родственным» ему материалом. Но результаты проб оказались слишком далеки от желаемых: во-первых, восковые кусочки, предварительно вымытые, очищенные от грязи не удерживались в нужном положении, расплзались, во-вторых, впоследствии их вновь пришлось бы отмывать – уже от мёда, а затем они опять-таки нуждались бы в склейке. Всё оборачивалось напряжённым, но бессмысленным трудом.

Однако тот совет, чтобы к воску подобрать

родственное клеящее вещество, оставался привлекательным. Поэтому был опробован современный пчелиный воск, растворённый в скипидаре. Поначалу, казалось, был успех. Обломки воска, что покрупнее, соединились за счёт тонкой восковой прослойки. Оставалось подождать, когда испарится скипидар. Ожидание получалось долгим – жизни не хватило бы на сборку книги. К тому же связь обломков даже после испарения скипидара была слабой и совсем не годилась для мелких, тонких восковых кусочков. Для них требовались жирные восковые прослойки с подкладками из той же разжиженной восковой массы. А всё в целом вело к полному искажению размеров и форм рукописи. Других подходящих для данного случая клейких веществ не представлялось. Положение стало безвыходным. Сообщил Е.А. Рыбиной, В.Л. Янину о том, что отказываюсь от восстановления книги. Ясно: следующим днём все её подлинные части с документацией будут возвращены в археологическую экспедицию. И всё же в какой-то поздний час вновь и вновь взял пару восковых кусочков, на которых не было следов букв, и смазал их края раствором ПБМА. Соединил. Некоторое время выждал. Вроде бы склеились. Склеились значительно лучше, нежели с помощью разжиженного скипидаром воска: и крепче, и стыки тоньше. Так забрезжил путь к реально осуществимой починке рукописи.

Разумеется, использование ПБМА, или теперь просто клея, будет иметь свои сложности. Липкие его свойства не во всех случаях окажутся достаточны и удобны. Словом, к нему надо будет постоянно приравниваться: разбавлять, или, напротив, извлекать пользу из его загустевшего состояния, успевать своевременно убирать неминуемые подтёки или, наоборот, уметь воспользоваться ими для упрочения склейки. Кстати, излишки клея, выступающие на поверхности скрепленных восковых обломков, можно удалить ваткой, намотанной на пинцет и пропитанной ацетоном. Выполняется это осторожно и вовремя, с чувством, чтобы не поднять, то есть не потревожить поверхностный слой воска. Вот и ответ к ранее беспокоившему вопросу о возможном воздействии ацетона на воск. Наконец, отметим важнейшее свойство данного клея – его обратимость, всё, что вдруг неверно окажется приклеенным, всегда можно будет, растворяя ацетоном, отклеить.

Таким образом, клеящие свойства ПБМА уже в который раз приходят на выручку в труднейших случаях, связанных с восстановлением археологических находок – и, например, керамического изразца, и деревянных гуслей, и берестяных грамот, и даже сочетающих в себе дерево и воск створок древней книги. Остаётся приступить к починке этого во многих отношениях непростого памятника.

Извлечённые из культурного слоя створки восковой рукописи отнюдь не тотчас удалось освободить от вязкой плотно прилипающей к ним навозной массы. Чтобы уберечь древесину от усыхания, все три створки, их обломки прямо с навозными наслоениями были помещены в ванночки с водой. Причём воды требовалось ровно столько, чтобы она не заливала воск: иначе многочисленные его обломочки всплывают и теряют своё место в ковچهжках. Сложнее обстояло дело со средней створкой – двухсторонней. Для неё, а спустя время, и для всех трёх створок стали использоваться марлевые обкладки, пропитанные раствором полиэтиленгликоля (30% ПЭГ-1500), что

замедляло процесс усыхания древесины. В это время появилась возможность снимать кусочки воска с деревянных створок и переносить их на другую основу.

В первую очередь снимались те кусочки воска, которые оказались рассыпанными где и как попало, их первоначальные места в ковچهжках ещё предстояло отыскивать. А.А. Зализняк пытался определить их принадлежность к конкретным табличкам и даже местам текста, поэтому они группировались с соответствующими записками и номерами в специальных коробочках. Потом, когда стало ясно, что они слишком между собой перемешаны, их пришлось располагать на нескольких кусках прозрачного листового стекла – так оказалось удобнее их перемещать с места на место, составлять из них группы по различным признакам и схемам.

Спрашивается, какие вспомогательные материалы и инструменты в этом деле применялись. Главными оказались – нервы. Об остальном нетрудно догадаться. Это: всевозможное освещение – рассеянное, точечное, боковое и верхнее; специальные очки и линзы; бумажные и марлевые салфетки; пинцет для мелких ватных тампонов; щетинные и беличьи кисточки для смывания грязи; ацетон, а также, разумеется, клей и упругая тонкая шпилька, проволочка для его нанесения на место склейки; различные миниатюрные лопаточки, совочки для снятия и перенесения воска; а в тех случаях, когда восковой обломок был маловат, вместо лопаточек использовались увлажнённые пальцы: к ним кусочек воска легко прилипал. Вообще пальцы были постоянным и самым чувствительным инструментом. И ещё инструмент – время: незаметно пролетали сутки, недели, месяцы; временем поверялась точность сборки того, что в книге ещё можно было спасти.

Перемещая обломки воска на плоскость стекла, их одновременно следовало вымыть, очистить от навозной жижи. Это делалось с помощью простой воды и кисточки. С одними кусочками, если они были целые, работа шла легко. Другие, имевшие невидимые трещины, вдруг разваливались на ещё более мелкие кусочки. И тогда от напряжения прошибал холодный пот: их почти невозможно было удержать и восстановить в прежнем положении, но ещё сложнее – склеить; обязательно требовалось дожидаться, когда они подсохнут, а подсохшие, они иной раз обнаруживали в себе новые трещинки. И когда, наконец, склейка удавалась, тогда возвращалась чуть было не утраченная возможность их дочистить, домыть.

Места на страницах, освобождавшиеся в ходе дела от обломков воска, также очищались от грязи. Обнажившиеся участки той или иной деревянной створки время от времени пропитывались раствором полиэтиленгликоля. В ковچهжке оставались только те крупные и мелкие обломки воска, которые бесспорно составляли часть документального текста. Так заканчивался один и наступал новый этап работы.

Далее упомянутые документальные остатки текста в не потревоженном виде следовало перенести на стекло. Здесь также каждый кусочек воска сначала промывался от грязи, затем сушился. Перенесённый на стекло, он приклеивался к предыдущему. Постепенно из склеенных кусочков создавалась более стройная картина, нежели та, которую эти же кусочки, не будучи склеенными, представляли прежде. Наибольшие трудности возникали тогда, когда требовалось снять тонкие участки воска,

которые некрепко держались на деревянной основе, отстали от неё, но были слишком измельчены. По одному их перенести не удастся, лучше всё сразу или группами. Однако из-за присутствия в ковчежце влаги лопаточку под них не подвести и, значит, не снять: невесомые, они сразу же расплываются со своих мест, после чего им чрезвычайно сложно придать прежнее положение. Выход в таких случаях находился один: «тяжёлое» место сверху покрыть жидким клеем и подождать, пока он «схватит» плёнку мельчайшие кусочки воска. После этого можно воспользоваться лопаточкой и всё перенести на стекло. Здесь, хотя и с большими затратами усилий, можно поджать кусочки один к другому и подклеить их снизу. После того, как высохнет, надо очень осторожно с помощью ацетона растворить верхнюю клеевую плёнку – она была временной.

Так, постепенно четыре страницы книги почти полностью были освобождены от воска. Лишь на второй и третьей страницах решено было, как ранее говорилось, оставить небольшие тонкие, крепко держащиеся на деревянной основе восковые участки.

По мере освобождения створок книги от воска каждая из них, наконец-то, очищалась от липкой навозной массы и обнаруживала на себе следы резных знаков и узоров. Очистка и промывка осуществлялась с помощью щетинной кисти и обыкновенной воды. Сфотографированные в таком состоянии створки далее направлялись в распоряжение Э.К. Кубло в Лабораторию консервации мокрой археологической древесины Новгородского государственного музея-заповедника. И пока створки книги испытывали на себе все необходимые стадии укрепления деградированной древесины, отделённые от них восковые тексты также приводились к наиболее документальному виду. Этот очередной этап работы, направленный на восстановление текста, обязывал к иной сосредоточенности: среди бесчисленного множества восковых обломочков следовало отыскать те, которые могли бы составить дополнение к сохранившимся частям рукописи. Значительная степень трудности и одновременно неудачи была predetermined тем, что на каждой табличке, а особенно на второй, третьей и четвёртой, имелись очевидные невосполнимые утраты. Заранее понималось, что какое-то количество восковых кусочков со следами текста в утраченных районах, лакунах, будет «плавать». Но в любом случае требовалась организация дальнейших действий.

На отдельных стёклах расположились четыре клеенные восковые таблички, точнее, то, что от каждой из них уцелело и теперь нуждалось в восполнении. При этом клеены они были не целиком, а достаточно крупными частями. Так было удобнее их переворачивать во время приклейки к ним новых, дополняющих кусочков. Лишь в самом конце восстановительной работы можно будет склеить эти крупные части в одной целое.

Незаменимым подспорьем в данной работе оказались канонические тексты 75 и 76 псалмов, специально подготовленные и потом постоянно уточнявшиеся А.А. Зализняком. Они выверялись не только постранично и построчно, но и побуквенно. Под каждую страницу под стекло подкладывался бумажный лист с соответствующими словами, благодаря чему было ясно, какой знак и какую букву подыскивать к тому или иному месту утраченного текста.

В некоторых случаях припавшие один к другому восковые кусочки сообщали не то слово или не тот знак, которые предполагались в данном тексте согласно более поздним спискам Псалтыри. Обнаружение таких различий чрезвычайно важно для языкознания. Всё это придавало смысл проводимой работе и прибавляло сил. Не менее важным было и то, что с каждым таким пусть небольшим открытием полнее узнавались особенности почерка человека, владевшего этой книгой. Узнавались также написание и количество письменных знаков, использовавшихся в данной рукописи, а значит, и вообще в славянском мире тысячу лет назад. Пополнявшийся таким образом багаж палеографических сведений в конце концов позволял иногда находить требуемые обломочки воска даже по очень незначительным на них остаткам букв.

Ясно, что подобные работы осуществимы только при тесном сотрудничестве с языковедом. Более того, здесь сказались весь многолетний опыт реставрации и разностороннего изучения древних берестяных грамот, накапливавшийся в Новгородской археологической экспедиции, в особенности при совместных усилиях В.Л. Янина и А.А. Зализняка. О своей причастности скажу одно: всегда ощущал, как важно для реставратора хотя бы в малой толике уметь видеть восстанавливаемый предмет глазами палеографа; не однажды рабочие моменты требовали сиюминутного решения вопроса, когда советоваться было некогда. Сходные мгновения особенно были часты при подборке разрозненных обломочков восковой рукописи.

Воск – материал особенный, отличный от бересты. Если разрывы в бересте можно назвать плоскостными или слоёными, то изломы воска разнохарактерны: то они в виде выпуклых или вогнутых идеально отполированных линз, то они многогранны, как некие минералы. Правда, нередки случаи, когда многогранность эта едва заметна, мелкозерниста. Надо пристально вглядываться, чтобы убедиться, что составляемые обломочки действительно прилипли на свои места. Не раз приходилось обманываться: и буква соответствовала месту склейки, и общие изгибы, изломы соединяемых частиц, казалось, идеально сходились. Однако по истечении времени собранное, скрепленное место подвергалось расклейке. Но бывали и такие случаи, когда те же самые кусочки заново подбились, склеивались, и всё опять-таки для того, чтобы вновь испытать на себе воздействие ацетона. Некоторые этапы столь запутанного действия, в частности при сборке второй, третьей и четвёртой страниц, хорошо запечатлены на разновременных фотоснимках.

Подсказкой в этой работе служили многие внешние признаки, отразившиеся на восковых кусочках. На лицевой их стороне, например, оказалось возможным проследить, кроме букв, остатки титлов и горизонтальных с порожками междустиховых разграничительных линий. Особую группу составили «чистые» восковые обломки. Сборка таковых трудна, но и важна, так как на них потом могут быть прослежены не до конца заглаженные следы прежде писавшихся текстов. Значительное количество чистых обломков на четвёртой странице удалось, в конце концов, расположить в нужном порядке благодаря тому, что на оборотной их стороне отпечатались следы некогда прорезанных в ковчежце длинных пересекающихся, так называемых клеевых насечек. Подспорьем

было и то, что разные по толщине кусочки намекали на свой примерный район первоначального расположения.

Если собираемые по кусочкам восковые таблички, как указывалось, разместились на четырёх специальных стёклах, то для рассыпавшихся обломков и мельчайших частиц использовались сначала несколько отдельных стёкол, а потом их число сократилось до одного. Но в любом случае кусочки воска раскладывались группами по сходству знаков, букв или иных показателей. Особенно было важно не перепутать, где у обломочков верхний, а где нижний край.

Простое вертикальное расположение восковых обломочков в большинстве случаев, исключая участки расслоения, определялось по их оборотной стороне, где сохранялись различные через увеличительное стекло отпечатки волокон деревянной основы. Но верх-низ следовало выявлять – разумеется, также с помощью линзы, – по тем следам на лицевой стороне воска, которые были сделаны остриём писала. Владелец книги держал пишущий инструмент по отношению к табличке не вертикально, а с наклоном, как мы обычно держим во время письма ручку. Он писал правой рукой. Значит, остриё писала всегда было направлено в глубину воска наискосок справа налево, в результате чего в левой верхней части каждого следа – точки, линии, буквы – получался небольшой восковой характерный валик, гребень, иногда будто оплавленный. Вот по таким, казалось бы, невзрачным признакам решался весьма серьёзный вопрос: кусочек воска, в заранее верном положении взятый на лопаточку, легче находил своё место на табличке.

Восковые кусочки, выстроенные на отдельном стекле «по сторонам света», иногда не прямо переносились на свою страницу. Случалось, что прежде удавалось из двух-трёх мелких обломочков собрать один покрупнее, а он потом мог прийтись на нужное место в тексте, хотя тоже не всегда.

Клеем сначала намазывались соответствующие торцы обломочков. По прошествии нескольких минут становилось понятно, удовлетворительно ли они склеились. Если не очень, тогда делалась их дополнительная подклейка с оборотной стороны.

Вся эта работа не терпит суеты. Чем мельче и тоньше кусочек воска, тем сложнее встаёт задача по его перемещению. Любой восковой обломочек, а особенно маленький, ни в коем случае нельзя брать пинцетом. Это, пожалуй, потруднее, чем, скажем, кузнечными клещами перенести с места на место соломинку, не сломав и не раздавив её. Нужный обломочек воска аккуратно поддевался с правого бока миниатюрной лопаточкой, а с левого на неё подталкивался пальцем, или, когда обломочек был слишком мал, вместо пальца использовалась деревянная лучинка. Снятый таким образом со стекла кусочек воска переносился на нужное место.

Очень часто требовалось просто передвигать кусочки, распределяя их по группам. Для этой цели как нельзя лучше пришлась гладкая поверхность стекла. Но были и сложности, связанные, как ни покажется странным, с оседанием на стекле пыли в виде мелких ворсинок. За работой проходили недели, месяцы, и постепенно ворсинок накапливалось столько, что они становились явной помехой. Крепкие по отношению к нежным и лёгким восковым кусочкам, они прицеплялись к таковым, путались между ними, не способствуя ни нормальному их

снятию со стекла, ни последующей их приклейке. Сдунуть их невозможно: разлетится и воск. При механическом их удалении они волочили за собой обломочки воска – ясность в расположении последних нарушалась. Оставалось одно: все восковые кусочки один за другим перенести на новое чистое стекло – занятие долгое и кропотливое, но время от времени оно диктовалось необходимостью.

Между тем успехи в сборке восковых табличек стали редки. Если за сутки почти непрерывного напряжённого поиска удавалось подсоединить к какой-либо странице хотя бы крохотный кусочек, то это воспринималось не напрасной потерей времени, более того – победой. Необходим был отдых вниманию и глазам. Но проходило время, и свежим взглядом вновь отыскивались восковые кусочки, которыми восполнялись пострадавшие тексты. И всё же не нашедших своего места, плавающих обломочков остаётся много. Последние попытки что-либо прибавить к пострадавшим табличкам целесообразнее осуществлять уже не на стекле, а непосредственно на деревянных створках. В их ковчезцах, как известно, оставались незначительные восковые вкрапления со следами текста. Значит, картина имеющихся текстов будет полнее, и потому возможны какие-то дополнения. Кроме того, в каждом ковчезце сохранились следы деревообрабатывающего резца; они также могут указать на прежнее местонахождение некоторых разрозненных восковых обломков.

Пришло время, когда каждая табличка в виде нескольких крупных, собиравшихся до сих пор на стекле кусков может быть склеена воедино. После этого они будут готовы к перемещению в соответствующие ковчезцы. Понятно, что степень полноты табличек различна. Первая собрана почти целиком, утраченные кое-где буквы без особых трудностей мысленно восстанавливаются и не препятствуют прочтению стихов. Заметные утраты остаются в центре четвёртой таблички, хотя и дополнений к ней тоже было сделано немало. Но ещё больше потерь наблюдается на второй и третьей табличках, при всём том, что и к ним были дополнены очень значительные участки с текстом. Склеенные воедино куски рукописи по высыхании образовали крупные массивы, даже величиной с табличку, которые, поддев снизу широкой тонкой лопаточкой или совочком, можно спокойно переносить в ковчезцы. Так осуществилась подготовка к следующему рабочему периоду.

Вспомним, что створки книги в течение нескольких месяцев проходили специальную обработку; вода в деградированной древесине замещалась постепенно отвердевающими полиэтиленгликолями. Особое беспокойство вызывала средняя створка, на обеих сторонах которой оставались недоснятыми мелкие восковые кусочки. К счастью, они сохранились, выдержав все лабораторные испытания. Но была и другая озабоченность. Известно, что не во всех случаях археологические деревянные находки после химической обработки способны сохранить свои первоначальные размеры. Именно такой случай подстерегал нас. Изготовленные в древности из сухой липовой древесины и пострадавшие под слоем земли створки книги после обработки в полиэтиленгликолях дали усадку во всех поперечных относительно древесных волокон направлениях. Створки, а вместе с ними и ковчезцы стали уже своего изначального

состояния. Значит, надо находить решение, как разместить в них восковые таблички.

Решение такого рода должно быть сопряжено с приведением в порядок всех трёх створок. Ведь каждая створка, хотя и прошла известную укрепительную обработку, всё же остаётся в виде разрозненных больших и некоторых маленьких обломков. Кое-где между составляющими частями имеются трещины, зазоры, они нуждаются в восполнениях, возможно из современной здоровой древесины, или же из древесно-мучной клейкой пасты, а вероятнее всего, из сочетания таковых.

Означенные трещины, разломы, проходящие в створках сверху донизу, строго решая вопрос, следовало бы в местах стыковки, там, где не имеется утрат, просто склеить. Но, учитывая факт усадки створок и необходимости размещения в ковчезцах восковых табличек, трещины придётся расширить и подогнать в них соответствующие вставки.

Данное решение представляется выгодным для каждой восковой таблички, но в особенности для второй и третьей, в ковчезцах которых от древности остаются наглухо прикреплёнными некоторые восковые остатки со следами букв; наконец-то, они окажутся в едином поле с родными текстами, собиравшимися на стекле. Кроме того, в итоге будет возможна музейная экспозиция памятника в наиболее близком к оригиналу состоянии. Это, кстати, то по сути решение, в поддержку которого в самом начале восстановительных работ горячо высказался Н.Н. Гринёв – генеральный директор Новгородского государственного музея-заповедника.

В ходе восстановительных работ предлагались и другие варианты музейного хранения и показа памятника. Поводом к ним послужили изыскания А.А. Зализняка на предмет наличия каких-либо следов воскового письма на донцах ковчезцев. По этой причине, рано или поздно, потребуется с помощью специальных приборов исследовать верхний слой деревянной основы каждой

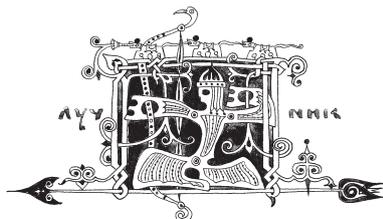
из четырёх восковых табличек. Значит, как считает В.Л. Янин, возвращать собранные из кусочков таблички на прежние их места в ковчезцы не представляется возможным до тех пор, пока не состоятся означенные исследования. А потому склеенные восковые таблички для музейного показа можно расположить, согласно одному варианту, на копиях створок, изготовленных из современной липовой древесины. По другому же варианту, таблички можно оставить на прозрачном стекле, подложив под него соответственно документальные фотографии створок книг.

Таково на сегодняшний день состояние древнейшей славянской рукописи. Завершён первый этап работы – памятник спасён.

Но до показа его в музейной витрине, вероятно, ещё далеко. Предстоят кропотливые работы по изучению поверхности деревянных ковчезцев на предмет всевозможных следов надписей, оставленных отрёпом писала в тех местах, где восковая заливка была слишком тонка. Осуществление такого исследования возможно лишь при наличии специальной иооптической и компьютерной аппаратуры. В 2002 году А.А. Зализняк и С.В. Трояновский по приглашению Британской Академии наук побывали в Оксфорде в Центре по изучению древних документов.⁴ Они познакомились с лабораторными возможностями своих коллег и убедились в том, что подобные условия для исследования деревянных створок Новгородской Псалтыри могут быть организованы и в самом Новгороде с использованием отечественной аппаратуры.

Новгородский государственный музей-заповедник такую аппаратуру уже приобрёл. Она потребуется для изучения древних берестяных грамот, свинцовых печатей и plomb, монет и многих других предметов. Но первым исследуемым предметом будет восковая книга – на грани минувших тысячелетий потерянная и на переломе новых двух неожиданно обрётённая.

2003 год

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Янин В.Л. Древнейшая славянская книга // Чело. 2000. № 3. С. 4.

² Овчинникова Б.Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. Свод археологического источника // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 45–105.

³ Письмо А.А. Зализняка В.И. Поветкину от 7 октября 2000 г.

⁴ Трояновский С.В. Записи Асафа и Давида // Чело. 2002. № 2. С. 54–55.

Зачем-то Балашову был нужен фольклор

Дмитрий Михайлович Балашов – выдающийся писатель-романист, историк, филолог и театровед, яркий, горячий публицист и, как выяснилось уже после его гибели, он даже поэт, и даже художник. При этом, а точнее – во всём этом, он был ещё и превосходным фольклористом. Таковому его качеству, на наш взгляд, принципиально важному, отнюдь не все читатели и почитатели Балашова и, как ни странно, даже не все приверженцы пера придают должное значение.

Между тем в огромном списке его публикаций такие значительные труды по фольклору, как: «Народные баллады» (1963)¹; «История развития жанра русской баллады» (1966)²; в соавторстве с Ю.Е. Красовской – «Русские свадебные песни Терского берега Белого моря» (1969)³; «Сказки Терского берега Белого моря» (1970)⁴; в сборнике «Народный театр» убедительная по своим выводам статья – «Драма и обрядовое действо» (1974)⁵; «Русские народные баллады» (1983)⁶. В 1985 году совместно с музыковедом Ю.И. Марченко и этнографом Н.И. Калмыковой по материалам Тарногского района Вологодской области был создан оформленный четырьмя звучащими пластинками роскошный том – «Русская свадьба»⁷. В 1991 году в записи и обработке Балашова вышла нарядно украшенная детская книжка сказок Терского берега – «Птичка – железный нос, деревянный хвост»⁸. Кроме того, блестяще написанные им в 1950–1980 годах научно-исследовательские статьи о ранних героях русского эпоса поныне не устарели и могут быть вновь опубликованы, но уже не разрозненно, а отдельной книгой⁹. Огромной заслугой Балашова является не только вдумчивая собирательская работа, но, что не менее ценно, благодаря его всепобеждающей настойчивости увидели свет пластинки с экспедиционными записями былин, баллад, свадебных песен Русского Севера¹⁰. В 2001 году в фундаментальной серии «Свода русского фольклора» вышли первый и второй тома двадцатипяти томного собрания былин – «Былины Печоры»¹¹. В них Д.М. Балашов принял участие не только как собиратель, записавший голоса последних русских сказителей, но и как главный соавтор большой вступительной статьи «Русский былинный эпос». К сожалению, Балашову не суждено было увидеть этот труд опубликованным. Но и не разболится, как бывало, его сердце по другому поводу: его статья 1974 года «Устарел ли Гомер?»¹² оказалась востребованной издателями лишь в 2003 году, то есть почти через тридцать лет. То, о чем Балашов «кричал» тогда, нынче не выразишь, кажется, и воплем отчаяния. Его статья, посвященная высоким идеалам народной культуры, конечно же, не устарела и никогда не устаревает, как не теряет смысла поэзия Гомера и как не изнашиваются на ветру времени древние обрядовые песни уважающих себя народов.

Балашов в своих трудах коснулся самых разных сторон традиционного быта простых русских людей. И все это для чего-то ему было нужно. А может, и не только ему?

В самом деле: не наивно ли было с его стороны рассчитывать на внимание «огородившихся» в многоэтажках вчерашних деревенских людей к национальному фольклору, точнее, к народной мудрости, заложенной в песнях, обрядах, ремёслах и во всем способе обитания наших прадедов и прабабок на угодьях родной Матушки-земли?

Иногда в нынешнем городском человеке пробуждается память о его прошлом деревенском житье – с детскими играми, отроческими забавами и юношескими хороводами, с шумными свадьбами, приметам на каждый праздничный и будний день, с домашним хозяйством, скотиной и огородом, с незагаженным лесом и чистым, не усеянным бутылочными осколками речным дном. И во всём том житье незримо уживались Бука, Домовой и Баенник, Кикиморы и Русалки, Леший и Водяной – всех не счесть. И тут же с окопелых досок покровительствовали тебе Никола Угодник и Параскева, Козьмодемьян и Пантелеймон, Егорий Храбрый и ещё целое воинство православных святых. Всё такое разное. И всё уживалось под покровом мудрости простых селян, растивших хлеб и лён, понятно, не для одних себя. А над всем высились песни – от колыбельных до надгробных причетов. Песни совсем не нынешние, другие, словно иным языком петье, и казалось подчас, будто поющий человек с лесом, полем, ручьём и звездами перекликался. Так ведь и было.

Было, да и сейчас ещё встретишь в деревенском укладе нечто такое, что городскому жителю, как говорится, голыми руками не взять. Песню на ноты положишь, споёшь – а она скособочилась, неузнаваема, будто в чужестранный наряд облобочилась. Вроде бы всё на селе просто: поют, как и говорят, а и говорят, как поют. И нам бы так. Ан нет: всяк спляшет, да не как скоморох.

Незабываемы произнесённые в 1984 году слова одного из очень тонких исследователей народной песни – Юрия Ивановича Марченко: *«Чтобы научиться общению с деревенскими людьми, чтобы правильно записывать то, что они поют, надо хотя бы однажды побывать в экспедиции вместе с Балашовым»*. Как точно! Не случайно, в конце 1990-х годов участницы хора из Усть-Цильмы, встретившись после сорокалетней разлуки с Дмитрием Михайловичем в Новгороде, плакали и обнимались с ним, как родные.

В ряду пособий различных авторов по собиранию фольклора балашовское «Как собирать фольклор», написанное в 1971 году простым, без учёной вычурности языком – лучшее. Воспользовавшись им – а это хоть и считанные страницы, но страницы золотые – начинающий собиратель ощущал себя своим среди своих и не слыл в глазах селян анатомом-живорезом из столицы; он вдруг открывал свою потерянную Родину. Вот в чём сила и надёжность зримо запечатлённого слова!

Д.М. Балашов до конца жизни с глубоким почтением относился к своему учителю – известному фольклористу профессору Анне Михайловне Астаховой. Но, как

и подбаёт, талантливый ученик пошёл дальше своего учителя. И не просто дальше. В те лихолетья, когда чиновники «от культуры» выступали с призывом «Нам не нужен фольклор, нам нужна самодеятельность», от академического исследователя требовалось немало гражданского мужества произнести истину вслух. Балашов не убоился. Вот тому пример.

В 1960 году А.М. Астахова была ответственным редактором «Инструкции по собиранию произведений устно-поэтического народного творчества». В разделе «Методика собирательской работы» читаем: «Особенно тщательно следует разыскивать и отмечать все ростки нового в фольклоре, – изучать местную клубную самодеятельность и место фольклора в ней, репертуар самодеятельных хоров, обследовать стенгазеты, собирать сведения о местных поэтах и композиторах и записывать созданные ими песни...»¹³. Балашов же в своём пособии пишет: «Наоборот, с большим разбором надо собирать новые, неустоявшиеся явления словесной культуры, ибо только то значительно и хорошо по-настоящему, что прошло проверку временем, доказало свою абсолютную художественную ценность»¹⁴. Различие позиций очевидно. Но это не всё: Балашов уготовил современникам откровение, разоблачающее суть губительной для народов России идеологии в области культуры (доброе тебе внимания, уважаемый читатель): «В послевоенное время фольклористику поразила ещё и новая беда, возможно, связанная с предыдущим увлечением теоретиков моментами личного "авторского" начала в фольклорном творчестве, вследствие чего черты общего, коллективного, были как бы позабыты; фольклор начали смешивать с клубной любительской самодеятельностью. Начались усиленные попытки найти такое определение фольклора, под которое можно было бы подвести и старый классический фольклор, и новую самодеятельность»¹⁵.

Беда эта со временем не умалилась. Напротив, обременена лукавством, цинизмом и продажностью. Что же произошло?

Начнём с того, что Балашов своими высказанными вслух мыслями о подмене в масштабах страны подлинного фольклора сценической самодеятельностью способствовал возникновению в конце 1970-х годов совершенно необычных для города певческих хоров, иначе, фольклорных ансамблей. Первым из них в России был ансамбль, руководимый Д.В. Покровским¹⁶. Группа талантливых музыкантов сначала «поняла», то есть на слух переняла от селян древние обрядовые песни. Затем показала всем, что именно из таких, не повреждённых композиторскими обработками песен выстраиваются классические вершины русского мелоса. Соотечественники были потрясены. Впечатление от подобных коллективов ещё больше усилилось тогда, когда неподдельные народные песни стали петь в соответствующих сшитых по традиционному покрою одеждах. А таковые явно отличались от изобретённых в ателье и узаконенных до того на сцене бутафорских, приторно ярких, мещански безвкусных, всегда оскорбительно распоясанных и лживо выдаваемых за народные костюмов. В адрес участников необыкновенных фольклорных коллективов со слезами благодарности говорилось: «Вы поёте так, как в нашем детстве пели в деревне». А за пределами России, например в Литве, можно было услышать: «Вас мы любим,

потому что вы действительно русские. А вообще за что русских уважать, если они сами себя не уважают?».

Казалось бы, открылась дверь к родному очагу, входи, не бойся, тем более что в начале «демократических» 1990-х «сверху» распорядились восстанавливать фольклор. По городам и весям чиновники «от культуры» содрогнулись, оцепенели. И было от чего: поменять мировоззрение, заново учиться выращивать собственный хлеб, шить самостоятельно портки, следовать национальным ремесленным, строительным, праздничным традициям? – Да для того ли целый век эти традиции искореняли? Нет! Наше место в глобализме, где, как и в интернационализме, не надо быть русскими. А хочешь быть русским – будь им по паспорту или, как модно нынче, будь им «в душе», на худой конец, займи себя в рядах «патриотов» со свастикой типа баркашовцев, скинхэдов, впрочем – ах, да! – мы это «запрещаем», ну, словом, пустозвонь о себе, что ты русский, любым способом, только не цепляйся к прошлому: зачем нам, «русским», возрождать то, что давно уже умерло?

И оцепенение рулевых «культуры», а к сожалению, и не только их, вскоре прошло: фольклор? – ну так, пожалуйста. Из самодеятельных клубных так называемых народных хоров один за другим стали вылупляться коллективы с вывеской «фольклорный». Под лозунгом «Доллар всему голова!» ансамбли-челноки с «андреевскими» балалайками наперевес снуют за кордон, чтобы всех там развесивших уши потчевать «нашим, исконным». Среди таковых есть коллективы и «посмышленнее». Эти одеваются – попробуй их упрекни! – в настоящие, вывезенные из деревень (этнографические) порты, рубахи, поневы, сарафаны, передники, кички, кокошники, борушки, сороки, девичьи повязки, свадебные коруны, сапоги, полусапожки, туфли, штиблеты, пояса как плоские, так и круглые, узкие и широкие, с невообразимо красивыми браными узорами, кистями, бубенцами, узолоченные, усеребрённые и т. д. Но при этом поют они сценически, как научили их, например, в Институте культуры им. Н.К. Крупской, то есть во многом на манер всё того же самодеятельного хора. Иначе-де не угодишь публике. Иначе не заплатят. Иначе от столичного жюри не получишь первенства на конкурсе. Ибо министерские специалисты сели на старого своего конька: продолжают мыслить категориями авторского сценического творчества, и потому в народной традиции они не отличают, например, мужскую пляску от женской. Потому маститые певцы, издавна витающие в высотах самодеятельного творчества, искренне, с патриотическим пафосом и без тени смущения – как Людмила Зыкина под занавес празднования 1145-летия Новгорода – во всеуслышание способны заявить: «А теперь мы поедem по новгородским селам и деревням. Мы понесём культуру в народ!». О, бедная страна! Твои чада не ведают, что творят.

А житель северной столицы Д.М. Балашов, блестяще знавший мировую поэзию, читавший наизусть поэмы античных авторов, вдруг в глухих российских окраинах открывал для себя всё новые перлы национальной, а значит, и общечеловеческой, певческой культуры. При этом говорил: «Нам у этих старух всему учиться, даже тому, как сидеть за столом, как держать руки, как слушать, как незаметно помочь гостю освоиться в доме. Нам учиться терпимости в спорах, ненавязчивости, нам гуманизму, любви к человеку учиться у этих старух.

Нам и работать у них учиться!»¹⁷. Балашов, восхищённый величием поэтического опыта, воссиявшего над Русью и столь присущего нашей сельской цивилизации, пришёл к твёрдому и единственно верному убеждению: «Именно фольклор <...> создаёт национальную основу страны»¹⁸.

И сегодня бы он вновь и вновь всеми жанрами своего писательского и ораторского труда указывал бы на главную причину, по которой необъятная Россия превращена в пепелище «бесперспективных» селений, и почему народ, извечно стелившийся ковром по кормилице-земле, оказался согнан в кучу и заперт в «удобствах» городов-небоскрёбов, и почему исторически и культурно заповедные наши земли оказались под слоем тины водохранилищ или в зоне атомно-радиационной безысходности, и почему для славянского мира вдруг стало «нормальным» обратиться в калейдоскоп этнических обломков, и почему центральные средства массовой информации смакуют факт ускоряющегося процесса вымирания русского населения. Отсюда объяснимо то, почему настоящие народные традиции – все, но в частности песенные – искореняются из живой жизни, обвешиваются музейными ярлыками и «совершенствуются» и «оттачиваются», пока

не превратятся в хлам показного самовыражения, коим только и привлечать свободного, то есть освободившегося от родной культуры, туриста. Наконец, в сознании всё более утверждается мысль: народ жив, пока защищён древней песней предков. Отступившийся от неё – будет побеждён песнею чужеродной.

И Балашов, Почётный гражданин Великого Новгорода, стучась, выламывая дверь в наше «сегодня», уже из сына великих предков молвит: «Вы только вслушайтесь!». А мы всё ещё размышляем: зачем-то Балашову был нужен фольклор. Он был ему нужен, чтобы он стал нужным для нас!

Послесловие. Обо всём этом можно было бы повесть убедительным слогом самого Дмитрия Михайловича, выписав из его работ готовые, научно отшлифованные и одновременно граждански ясные, по-деревенски немудрёные выводы. Но мы, едва прикоснувшись к одной из ранних его работ, сознательно не листаем других. Пусть они, собранные воедино, превратятся для наших сограждан в любимую настольную книгу об Отечестве, Родном крае и обо всей планете Земля, от Бога украшенной жилищами, одеждами и песнями самых разных народов.

31 октября 2005 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балашов Д.М. Русская народная баллада // Народные баллады. М.–Л., 1963.

² Балашов Д.М. История развития жанра русской баллады. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1966. 72 с.

³ Балашов Д.М. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Д.М. Балашов, Ю.Е. Красовская. Л.: Музыка, 1969. 168 с.

⁴ Балашов Д.М. Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970. 447 с.

⁵ Балашов Д.М. Драма и обрядовое действо // Народный театр: сб. статей. Л., 1974. С. 7–19.

⁶ Балашов Д.М. Русские народные баллады. М.: Современник, 1983. 311 с.

⁷ Балашов Д.М. Русская свадьба / Д.М. Балашов, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыкова. М.: Современник, 1985. 390 с.: ил., нот.

⁸ Птичка – железный нос, деревянный хвост: сказки Терского берега / запись и обработка Дмитрия Балашова. Мурманск: Кн. изд-во, 1991. 140 с.: ил.

⁹ Балашов Д.М. «Князь Дмитрий и его невеста Домна» // Русский фольклор. М.–Л., 1959. Вып. IV. С. 80–99; Балашов Д.М. Из истории русской баллады («Молодец и королева», «Худая жена – жена верная») // Русский фольклор. М.–Л., 1961. Вып. VI. С. 270–286; Балашов Д.М. Постановка вопроса о балладе в русской и западной фольклористике; «Василий и Софья» (Баллада о гибели влюблённых) // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вопросы литературы и народного творчества, 1962. Вып. 35. С. 62–79, 92–106; Балашов Д.М. Баллада о гибели оклеветанной жены // Русский фольклор. М.–Л., 1963. Вып. VIII. С. 132–143; Балашов Д.М. Уникальная редакция былины о Дюке Степановиче // Русский фольклор. Л., 1971. Вып. XII. С. 230–237; Балашов Д.М. Из истории русского былинного эпоса («Потык» и

«Микула Селянинович») // Русский фольклор. Л., 1975. Вып. XV. С. 26–54; Балашов Д.М. О родовой и видовой систематизации фольклора // Русский фольклор. Л., 1977. Вып. XVII. С. 24–34; Балашов Д.М. Из истории былинного эпоса. Святогор // Русский фольклор. Л., 1981. Вып. XX. С. 10–21; Балашов Д.М. Эпос и история (К проблеме взаимосвязи эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 103–112.

¹⁰ Былины: «Добрыня и Алёша», «Три поездки Ильи Муромца». Исп. В. Лагеев. Д–024791-92; Былины: «Дюк Степанович», «Илья Муромец и Сокольник». Исп. Г. Вокуюев, Е. Чупров, Леонтий и Анна Чупровы. 33Д–025677-78; Свадебные песни Терского берега Белого моря. Исп. хор села Варзуги Терского р-на Мурманской обл. Д–17413-14; Русские народные песни. Исп. хор села Усть-Цильмы. 33СМ–03381-82; Эпические стихи и притчи Русского Севера. Исп. заонежские и пудожские сказители. П2М–49311-14.

¹¹ Балашов Д.М. Русский былинный эпос / Д.М. Балашов, Т.А. Новичкова, Л.И. Емельянов // Былины Печоры. СПб.–М., 2001. С. 21–78. (Свод русского фольклора / гл. ред. А.А. Горелов. Былины: в 25 т.; Т. 1).

¹² Балашов Д.М. Устарел ли Гомер? // Художественные традиции в русской литературе. К 80-летию профессора А.В. Гончаровой: сб. науч. трудов. Тверь, 2003. С. 5–9.

¹³ Инструкция по собиранию произведений устно-поэтического народного творчества / АН СССР. Горький, 1960. С. 8.

¹⁴ Балашов Д.М. Как собирать фольклор. М., 1971. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Балашов Д.М. Бесценная традиция веков // Советская музыка. 1976. № 11. С. 30–31.

¹⁷ Балашов Д.М. Устарел ли Гомер?.. С. 6.

¹⁸ Балашов Д.М. Как собирать фольклор... С. 11.

О Лихачёве, Новгороде, гусях и молитве

Понятно, что о судьбе великого человека, об истории одного из ключевых городов Руси, о прославленных в русском быту гусях, а тем более, о молитве невозможно высказаться вполне. И если хотя бы в малой толике попытаться это сделать, пусть только напомнить, то обо всём столь важном и неохватном хотелось бы повествовать иносказательно, как учат нас древние песни нашего народа. Но, оказавшись во власти городского «благополучия», завоёванные инородной песней, влюблённые в чуждую лиру, – не зря у наших селян когда-то с иронией говорилось: «За горами бубны громки» – мы вошли в тот, вероятнее всего, тупикивый отрезок исторического лабиринта, когда мы не живём в родной культуре, а в лучшем случае подвергаем её анализу. И от нас нынче разве что одно зависит: подвергать какому анализу? – отчуждённо-анатомическому или же всё-таки родственно-бережному, с сердечным приятием когда-то нечаянно утерянных идеалов.

С желанием придерживаться простой достоверности и с надеждой на добрый отзвук в сердце слушателя я попытался, используя слова академика Лихачёва, напомнить о важных свойствах нашего Обиталища, кстати, всегда звучащего и всегда полного гармоний, даже тогда, когда мы таковых, к сожалению, не слышим. Это было на открытии Международной научно-практической конференции «Новгородика. К 100-летию Д.С. Лихачёва» 20 сентября 2006 года. В докладе «Лихачёв – Новгород – гусли древних словеса» говорилось следующее.

Размышляя о жизненном пути Дмитрия Сергеевича Лихачёва, пытаться измерить возделанное им научное и культурное поле – значит вместе с ним участвовать в защите духовных рубежей Родины.

Уже первый его научный доклад, юношеский, – о преимуществах старой орфографии – обошёл ему в 1928 году пятилетней ссылкой в гибельные лагеря на Соловках. «Опасный преступник». Для правящих идеологов он явно или втайне оставался таковым даже тогда, когда был академиком с мировым именем. Свидетельствую, что в начале 1980-х годов видел следы умышленного поджога его ленинградской квартиры. Горючая смесь, подведённая тонким шлангом под дверь в прихожую, загорелась и лишь чудом не разгорелась. «Ну, ладно, прослушивают, сочиняют мифы. Ну, ладно бы, сгорели вещи, книги. Но ведь здесь в это время оставалась молодая женщина с младенцем!» – сокрушался он. С женой Зинаидой Александровной они всё ещё жили на осадном положении. Это чувствовалось каждый раз, когда, приезжая из Новгорода, я нажимал кнопку их дверного звонка – слышалось настороженное: «Кто там?». Когда в 1982 году в Новгороде проходил съезд Общества охраны памятников истории и культуры, с Дмитрием Сергеевичем не то что поговорить, но едва удалось поздороваться: от простых смертных он был защищён неприступным кольцом соответствующих служб. Так, бывало, привелили у нас Лихачёва. Таким, мягко говоря, разнослойным предстал перед ним лик

обитателей Новгорода, города, культурные сокровища которого Лихачёв ставил в основу понимания истории всей Древней Руси.

Лихачёв обладал исключительным аналитическим умом. Любознательность – его характернейшая с детских лет черта. Кажется, ничто не ускользало от его взгляда. В незначительных с виду вещах он умел обнаружить важное. Нет. Не берусь изображать его полный творческий и бытовой портрет. Очевидная величавость такого портрета будет приумножаться по мере погружения в опубликованные труды Лихачёва-филолога, историка, философа культуры, Лихачёва-гражданина России, Земли и Лихачёва, именем которого названа планета № 2877.

В дни торжественного 100-летия Лихачёва произношу слова благодарности судьбе, которая однажды привела к нему. И, надеюсь, мне удастся в его портрете высветить некоторые важные черты, начав рассказ с того, что именно Дмитрию Сергеевичу Лихачёву мы должны быть признательны за создание в Новгороде Центра музыкальных древностей – главной научной базы первоисточников по инструментальной музыкальной культуре русского народа. Понятно, что в многолетних усилиях по становлению Центра участвовали многие общественные деятели, писатели, учёные, простые люди, мама моя, например. Но Лихачёв – первый. Он неизменно подставлял своё плечо тогда, когда решался вопрос – быть или не быть.

Это по его поручению в 1981 году из Фонограммархива Пушкинского Дома в Новгород прибыли специалисты – С.В. Фролов и В.П. Шифф для записи впервые восстановленных в звучании древних сопелей, гудков и, в частности, знаменитых лирообразных гуслей середины XI века – инструмента, на обломке которого уцелела резная надпись «СЛОВИША».

Это он, привлекая академиков А.С. Бушмина, Б.Б. Питровского, ректора Ленинградской Консерватории В.А. Чернушенко и многих видных учёных, организовал длившийся не один год поток письменных обращений к Министерству культуры РСФСР и к новгородским партийным властям с призывом о создании в Новгороде Центра по реконструкции орудий музыки средневековья.

Это его решением в конце 1989 года здание нынешнего Центра музыкальных древностей было принято на баланс Советского фонда культуры; Лихачёв его возглавлял. И мы, в то время пусть в качестве Общественной организации, приступили-таки к выполнению нашей научной и культурной программы. Но если бы не решение Лихачёва, всё могло обернуться плачевно. Вот тогдашние события. 1 июля 1986 года писатель С.М. Власов, объяснившись с заместителем секретаря обкома КПСС по капитальному строительству В.А. Кондратьевым, сдвинул с места, казалось, омертвевший вопрос о возведении в Новгороде Центра музыкальных древностей. Спустя три с половиной года строители сказали: «Если в течение двух недель вы не найдёте "хозяина" и не поставите здание на баланс, мы распорядимся им по своему усмотрению». Грустно

признаваться, но никто не хотел быть «хозяином» – ни Исторический факультет МГУ, сотрудником которого я тогда являлся, ни новгородские городской и областной отделы культуры. Почему-то всё тот же Лихачёв оставался хозяином своему слову, идее. И чем-то важна была для него работа по озвучиванию легендарных орудий музыки.

Очевидно, он находил в них национальное сокровище русского народа, а значит – и сокровище общечеловеческое. Так же думаем мы. И так думают все наши друзья, коллеги из России и самых разных стран, приезжающие в Новгород за опытом по реконструкции древних музыкальных инструментов.

В 1982 году Лихачёв рассуждал: *«На Западе, да и до недавнего времени в Советском Союзе, представления о культуре Древней Руси были как о культуре "молчащей". Один американский специалист по культуре и литературе Древней Руси так прямо и пишет о ней, как о "культуре великого молчания". Признавались и признаются в ней только "немые" искусства – живопись (иконотпись, фрески, мозаики, миниатюры) и архитектура. Только сейчас в нашей стране происходит постепенно открытие древней русской литературы как искусства, не ограничивающегося одним "Словом о полку Игореве", и музыки. Но музыка до сих пор упорно ограничивается в сознании историков русской культуры только церковной – певческой. О наличии обильной, богатой инструментальной музыки мы даже не догадывались до сих пор. Существование в Древней Руси инструментальной музыки, <...> принципиально важно, так как инструментальная музыка могла быть только светской»¹.*

Лихачёв рассматривал историю Новгорода с разных сторон, но прежде всего, как культурную историю. И можно представить, какие важные дополнения он внёс бы в книгу «Новгород Великий», если бы написал её не в 1945 году, а скажем, сегодня. Он мог бы начать с того, например, что фундаментом Новгорода, согласно открытиям археологов, были культ красоты и музыкальный аристократизм. Что за несколько десятилетий до официального крещения Руси новгородцы играли на самых красивых и конструктивно самых сложных для своего времени музыкальных инструментах – струнных смычковых гудках и духовых свистковых сопелях. Что былинный Садко, или же реальный Съдко Сытенинц XII века, равно как и дружинные певцы Боян и Ходына из «Слова о полку Игореве» – все они распоряжались не просто гуслими, но именно гуслими лирообразными, особенно популярными от начала XI до середины XIII столетия. Что данный тип гуслей указывает не на ложную изобретательность тогдашних новгородцев, этакую исключительность среди народов, а на преемство и творческое продолжение Новгородом прекрасных традиций древнейших цивилизаций, что и должно быть предметом нашей неподдельной гордости. Подчёркивая через образ **Садка** величие и силу музыкального искусства, Лихачёв такое же торжество музыки обнаруживает в былине **«Вавило и скоморохи»**. И сегодня, вооружившись наработанным в Новгороде реконструкторским опытом, Лихачёв смог бы в руках Вавилы – изобретателя гудка, кстати, изобретателя того же уровня, что Вяйнямйнен в карельской «Калевале» – увидеть не только мифологический, загадочный по форме «звончатый переладец», но и конкретный инструмент, его тип, трёхструнные образцы которого отмечаются в

новгородских напластованиях уже первой половины X столетия, – то есть прямо на материке. Таким образом, возвращённые из небытия **гуслей древних словеса**, равно как и голоса многих других звучащих орудий, от простейших до сложных, способны поведать нам, под каким роскошным куполом музыкальной культуры творилась вся новгородская история. Лихачёв это почувствовал, и почувствовал, вероятно, острее других. Отсюда, надо полагать, его участливость в создании первого в России и неповторимого в Европе Центра музыкальных древностей.

Примечательно, что специальных трудов по истории музыкальной культуры он не создавал. Но отдельные его замечания, наблюдения, то тут, то там вплетённые в канву литературных, искусствоведческих, философских и прочих изысканий, размышлений, говорят о Лихачёве как о человеке, необыкновенно бережно относившемся к звуковой материи и умевшем распознать чары музыки в самых неожиданных случаях. Примеров так много, что из них мог бы получиться отдельный труд Лихачёва.

Понятие музыки у него начиналось с **тишины**. *«Тишина каждый раз разная, – говорил он. – В каждой комнате своя, на открытом воздухе своя – и всегда особая. <...> Тишина звучит. Все знают, как выражает ночную тишину скрип половицы в деревянном доме, а тишину летнего дня – жужжанье мухи, бьющейся об оконное стекло. Пение соловья ночью – это громкая тишина, тишина, разразившаяся громом, гигантским щёлканием, великанскими руладами. Тишина ночи, разорванная... Так в старых галантерейных магазинах рвали, отмерив аршином, коленкор приказчики для покупателей»².*

Приведём отнюдь не все, но хотя бы отдельные строки из его воспоминаний: *«Звуки Петербурга! Конечно, в первую очередь вспоминаешь цоканье копыт по булыжной мостовой. Ведь и Пушкин писал о громе Медного Всадника "по потрясённой мостовой". Но цоканье извозчицких лошадей было кокетливо-нежным. Этому цоканью мастеровски умели подражать мальчишки, играя в лошадки и щёлкая языком. Игра в лошадки была любимой игрой детей. Цоканье копыт и сейчас передают кинематографисты, но вряд ли они знают, что звуки цоканья были различными в дождь и в сухую погоду. <...> На Неве гудели пароходы, но характерных для Волги криков в рупоры в Петербурге не было: очевидно, было запрещено. По Фонтанке ходили маленькие пароходики Финляндского пароходного общества с открытыми машинами. Виден был кочегар. Тут и свист, и шипение пара, и команды капитана. Одним из «типичных» уличных звуков Петербурга перед Первой мировой войной было треньканье трамваев. Я различал четыре трамвайных звонка. <...> Очень часто были слышны на улицах звуки военных оркестров. То полк шёл по праздникам и воскресным дням в церковь, то хоронили генерала; ежедневно шли на развод караула к Зимнему преображенцы или семёновцы. На звуки оркестра сбегались все мальчишки: потребность в музыке была большая. Особенно интересно было, когда выделенные для похорон войсковые подразделения возвращались с кладбища: тогда полагалось играть весёлую музыку. С весёлыми маршами шли и в церкви, но, разумеется, не в Великий пост. Были и «тихие звуки»: звенели шпоры военных. За звоном своих шпор офицеры следили. Шпоры часто делались серебряными. <...> А по утрам с окраин города, особенно с Выборгской стороны,*

доносились фабричные гудки. Каждый завод можно было узнать по гудку. Гудели три раза, созывая на работу, – не у всех дома были часы. Эти гудки были тревожными, призывными... <...> Родители часто брали меня в Мариинский театр. <...> Спектакли были праздниками. На праздничность они и были рассчитаны. Снобы офицеры в антрактах красовались у барьера оркестра... <...> Во двор приходили старьёвщики-татары; кричали "халат-халат!". Заходили шарманички, и однажды я видел "петрушку", удивляясь ненатуральному голосу самого Петрушки (петрушечник вставлял себе в рот пищик, изменявший его голос)³.

В Куоккале (нынешнее Репино): «Цыгане били в котёл и кричали: "Лудить, паять...". <...> Если погода безветренная, особенно утром – в предвещии жары, то, прислушавшись на берегу, можно было слышать басовитые гудки: у-у-у, у-у-у, у-у-у. Это в Куоккале слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Звонят во все колокола, но слышен только большой, самый большой колокол в городе. <...> А днём, в жару, пляж гудел, как улей, роем детских голосов, радостных, испуганных, когда окунались, озорных при игре, но всегда точно приглушённых водой, расплывающихся, нерезких. Эта музыка пляжа слышна и до сих пор, и до сих пор я её очень люблю»⁴.

На Волге в 1914 году: «Волга была наполнена звуками. Гудели, приветствуя друг друга, пароходы. Капитаны кричали в рупоры, иногда – просто чтобы передать новости. Грузчики пели. <...> Но были и детские байки, и звукоподражание. Помню такое "звукоподражание" перекликающимся друг с другом петухам. Первый петух кричит: "В Костроме был". Второй спрашивает: "Какое там?". Первый отвечает: "Побывай сам". Этот "диалог" довольно хорошо передавал по интонации петушиную перекличку. <...> Много на Волге пели. Песни слышались и с берега. Пели и на нижней палубе, в третьем классе: пели частушки и плясали. Мать не вынесла, когда плясала беременная женщина, и ушла вместе с отцом. <...> На пристанях грузчики ("крючники") помогали своему тяжёлому труду возгласами и пением. Помню, ночью тащили из трюма (пароход был грузо-пассажирский) какую-то тяжёлую вещь; грузчики дружно в такт кричали: "А вот пойдёт, а вот пойдёт!". Когда вещь сдвинулась, дружно кричали: "А вот пошла, а вот пошла, пошла, пошла!". Этот ночной крик хорошо запомнился мне»⁵.

Во время «красного террора», вспоминает Лихачёв: «Богослужения в оставшихся православными церквях шли с особой истовостью. Церковные хоры пели особенно хорошо, ибо к ним примыкало много профессиональных певцов (в частности, из оперной труппы Мариинского театра). <...> Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, её победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патристических песен, – мы плакали и молились»⁶. В то время, вспоминает Лихачёв, «церкви закрывались и осквернялись, богослужения прерывались подбежавшими к церквям грузовиками с игравшими на них духовыми оркестрами или самодеятельными хорами комсомольцев, певшими на удалой цыганский мотив "популярную" песню, сочинённую едва ли не Демьяном Бедным...»⁷. В оценке «пролетарской диктатуры» Лихачёв пользуется музыкальными терминами: «С самого своего утверждения в нашей стране советская власть стремилась к уничтожению любого многоголосия. Страна

погрузилась в молчание, – только однотонные восхваления, единогласие, скука смертная, – именно смертная, ибо установление единоголосия и единогласия было равно смертной казни для культуры и для людей культуры»⁸.

Но жизнь продолжалась. И место музыкально-историческим лекциям, музыке находилось даже во «власти соловецкой». Даже в разгар тифозной эпидемии в Солгате удавалось собрать «духовой оркестр, симфонический квинтет, соловецкий хор»⁹. На Соловках, как отмечает Лихачёв, он встречал людей «всех уровней нравственности – от высочайшей до самой позорно низкой», он встречал, в частности, «доморощенных масонов, собиравшихся где-то на Большом проспекте Петроградской стороны и молившихся под звуки виолончели; кстати, – добавил он, – какая пошлость!»¹⁰. «Как пелось в одной из соловецких песен: „всё смешалось здесь словно страшный сон”»¹¹. А вот каким, со слов Лихачёва, к этому «сну» было звучащее предвещье: «В начале февраля 1928 г. столовые часы у нас на Ораниенбаумской улице пробили восемь раз. Я был один дома, и меня сразу охватил леденящий страх. Не знаю даже почему. Я слышал бой часов в первый раз. Отец не любил часового боя, и бой в часах был отключён ещё до моего рождения. Почему именно часы решились в первый раз за двадцать один год пробить для меня мерно и торжественно? Восьмого февраля под утро за мной пришли...»¹².

Над сущностью мира Лихачёв стал задумываться с детских лет. «Прообраз вечности, – рассуждает он, – наличествует и во времени. Простейший пример – **музыка**. В каждый данный момент в музыкальном произведении наличествует прошлое звучание и предугадывается будущее. Без этого "преодоления времени" нельзя было бы воспринимать музыку. И это слияние в музыке прошлого, настоящего и будущего в какой-то мере есть слабое отражение той вечности, в которую уже погружено всё существующее и снимается "иглой настоящего" с пластинки ("диска") вечности»¹³.

Лихачёв городской, столичный человек, но его суждения созвучны древнему, сохранявшемуся в сельскохозяйственной песенной традиции представлению о времени, об устройстве мира. Поэтому не случайны и следующие его слова: «Наши обывательские представления о "некультурности" древнерусской жизни неверны. Прислушайтесь к традиционному **фольклору**, присмотритесь к сложной обрядности, прочтите свадебные тексты песен, учтите всю истовую вежливость стародавнего поведения»¹⁴. И ещё: «У земли просили прощения, когда плуг или соха драли землю. Люди пели песню, мол, прости, земля родимая, за то, что твою грядущую вспарываю. <...> Вернёмся к той же толоке, – продолжает Лихачёв. – Люди, чтобы помочь другим, одевались в праздничные одежды, пели весёлые песни, наряжали лошадей. Потом устраивали гонки, игры, пирование. Это был праздник. Помощь и милосердие не были вымученными. Не тяжёлая обязанность, а праздничный обряд – вот что такое толока»¹⁵.

Весь опыт народной жизни процеживался через песню, поверялся песней и укреплялся ею как самым надёжным щитом. Лихачёв это хорошо понимал. И сетовал: «К сожалению, приходится признать, что многие замечательные традиции утрачены. Люди перестают **петь**. В моём детстве семьи пели – пели при наступлении

сумерек, когда уже нельзя работать, но ещё рано зажигать лампы и надо было экономить керосин и свечи. Пели, когда приходили гости. <...> Перестала петь и деревня. Что-то неправильное есть в организации самодеятельных народных хоров. Возникает народный хор, а через два-три года он становится вовсе не народным и усваивает извне поручаемый ему репертуар, да и манера пения меняется»¹⁶.

Лихачёв трижды бывал в Новгороде довоенном, рисовал «ожерелье из церквей». Увидел он его и вскоре после освобождения от врага. Точнее, услышал, а ещё точнее, вовсе не услышал. «Когда вскоре после его освобождения, – пишет Лихачёв, – я попал в Новгород, над ним стояла оглушительная тишина. Мёртвая тишина заткнула мне уши»¹⁷. «На берегу Волхова валялись на боку колокола с Софийской звонницы, вытасканные из воды танком, причем, при вытаскивании самого большого колокола, звон которого так любил новгородские жители, уши у него были оборваны»¹⁸. Лихачёв был свидетелем возвращения бывших новгородцев: «Боже, какой поднялся плач, когда люди увидели, что долго мечтаемый ими Новгород не существует. Это был плач, который надо было записать фольклористу, "Новгород ты наш распрекрасный, что же с тобой сделали? Что же от тебя осталось..." и т. п. Плакал весь поезд красных товарных вагонов, плакали дети, женщины ничком бросались на землю...»¹⁹.

«Русские женские плачи, – рассуждает в другом месте Лихачёв, – необыкновенное явление. Они – не только изъятие чувств, они – осмысление совершившегося. Плач – это отчасти и похвала, слава погибшим. <...> Не случайно и в "Слове о полку Игореве" в момент тяжчайшего поражения, когда Игорь пленён, на стены Путивля восходит Ярославна и плачет не только по Игорю, но и по его воинам»²⁰.

Но подойдя к «Слову о полку Игореве», мы вместе с Лихачёвым вступаем в мир высочайшей древнерусской музыкальной поэзии, где «Комони ржутъ за Сулою – звенить слава въ Кыеве; трубы трубятъ въ Новеграде...». Целому ряду таких произведений, их героям-певцам, гудцам, скоморохам Лихачёв посвятил специальные научные исследования. Не станем их повторять. Заметим лишь, что главные музыкально-поэтические перлы, записанные на пергамене или дошедшие до нас в устах народных певцов-сказителей, прямо или косвенно проистекают из культуры древнего Новгорода. Археологические открытия в Великом Новгороде музыкальных древностей – многократное тому подтверждение.

В связи с вопросом реконструкции легендарных гудков, сопелей, гуслей состоялось моё знакомство с Дмитрием Сергеевичем. Знакомству этому по моей просьбе способствовали замечательные художники – В.Ф. Гребенников, С.И. Пустовойтов, Г.М. Сорокин. В 1981 году научные сотрудники Института русской литературы (Пушкинский Дом) во главе с Лихачёвым познакомились с моим тогдашним опытом восстановления названных инструментов. В скором времени об этом опыте для очерка Б.А. Рощина «Гусли – мысли мои...» Лихачёв написал обстоятельный отзыв. Всё это придавало сил для продолжения работы. Первоначальный опыт формального озвучивания древних «гудебных сосудов» в последующие времена, то есть тогда, когда фольклористы в деревнях «добырали» песни, вдруг привёл к небывалым открытиям в области народного инструментального

музирования. В частности, в трудолюбивых перстах старожилов псковских и новгородских селений сохранилась память о навсегда, казалось, исчезнувших традиционных наигрышах и способах игры на гуслях. Такого рода открытия послужили основой к доказательному озвучиванию инструментов, на которых играли древние новгородцы. Заговорили гусли, заговорили о своём времени даже самые невзрачные их обломки, извлекаемые из культурных напластований X–XV веков.

Лихачёв бывал поразительно точен в оценке не только людей, событий, но и подчас незначительных вещей. В 1986 году на его 80-летие я подарил ему сплетённый из бересты с горошинами внутри шаркунок. Надо сказать, что десятью годами раньше, занимаясь восстановлением забытого берестяного промысла, сочинив шаркунок, я «завещал» никогда им не торговать, а только дарить – дарить младенцам или пожилым людям как напоминание о вступлении маленького человечка в загадочный звучащий мир. Сегодня, к сожалению, шаркунком торгуют. Некоторые специалисты по игрушкам ошибочно относят его к числу традиционных для Новгородской земли. А Лихачёв сказал: «Спасибо за мяч: очень он мне понравился»²¹. Лихачёв точно знал, что в Новгородской области похожий предмет хотя и известен, но он пустой, не звучит и именуется мячом. Об этом ему поведали, привезя «мяч» из этнографической экспедиции, наши талантливые историки-краеведы – Л.А. Секретарь и Л.А. Филиппова.

Вспоминаю другое примечание Дмитрия Сергеевича, связанное с вопросом, какие струны на гуслях могли использоваться в древности. Он ненавязчиво, будто бы между прочим, для размышления, рассказал о том, как, добываясь теплоходом с Соловков, на палубе услышал игру балалаечника: «У него струны на балалайке были жильные, кишечные, они звучали мягко, лучше, чем стальные».

Он всегда отвечал на письма, на обращения к нему – даже тогда, когда всю его семью постигало горе. Он раздавал свои книги, альбомы, украшая их надписями и рисованными заглавными буквицами – опять-таки посвоему певучими.

16 мая 1995 года он в последний раз был в Новгороде. Перед университетской аудиторией на Чтениях по древнерусской литературе прочитал доклад «Древний Новгород как столица – предшественник Петербурга». Потом посетил два места – Хутынский монастырь и Центр музыкальных древностей. В книге посетителей оставил неизменно поддерживающую наш дух запись.

И последнее. Как-то, ещё в 1984 году, мне предстояло впервые делать научный доклад по музыкальной культуре древнего Новгорода перед широкой публикой. Я обратился к нему за советом, жалуясь на свою неопытность. «А вы найдите среди слушателей приятное для вас лицо, девушки, например, и рассказывайте ей, а все будут слышать», – с этого он начал. Зинаида Александровна в тот вечер хлопотала вокруг стола, собирались гости к чаепитию. И он, на шаг посторонясь, негромко завершил: «А вы перед тем помолитесь».

Так, время моего доклада с воспоминаниями о Д.С. Лихачёве и его примечаниями о музыкальных свойствах Мира подошло к концу. Кто-то из слушателей, конечно же, обратил внимание на соприкосновение понятий музыки и молитвы, а одновременно и на некую недосказанность, словно ему, слушателю, нарочно оставлялось место для раздумий. Кто-то подумал, что к молитве, к вере

нужен свой талант, одарённость, что молитва, если она не формальная, рано или поздно обретёт черты гармонии и что она сама есть вступление в пределы великой музыки, управляемой Творцом. Кто-то решил, что искусство прилежного музыканта обязательно станет молитвой. Это сходно с тем, как в народных праздниках инструментальная музыка, пляска и песня – всё обращалось к духам природы. Так же и библейский царь Давид, щипая струны псалтиря, направлял ко Господу свою музыку-молитву. А кто-то уверился, что в подлинной музыке-молитве-вере

всегда должно быть место тайне. И что тут недопустим наш вездесущий анализ. Ибо там, где начинается анализ, кончается вера, а с нею молитва и музыка. Кто о чём тогда в действительности подумал – не знаю. Быть может, кого-то поразил сам факт произнесённого тогда Лихачёвым – «*А вы перед тем помолитесь*». Ведь в те годы в наших домах изо всех углов и стен торчали уши атеизма. А для кого-то, быть может, из всего доклада только и легла на память эта последняя фраза – уже сама по себе как песня. Нет, мне неизвестно, кто о чём тогда размышлял.

12 ноября 2006 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачёв Д.С. Отзыв о работах В.И. Поветкина по реконструкции древнерусских музыкальных инструментов. Полностью опубликован в следующих изданиях: Рощин Б.А. Гусли – мысли мои... // Рощин Б.А. Встречи. Л., 1985. С. 180–182; Лихачёв Д.С. О Поветкине // Чело. 2003. №3. С. 9.

² Лихачёв Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 317.

³ Лихачёв Д.С. Воспоминания. СПб., 2000. С. 50–54.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 112–113.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Там же. С. 175.

⁸ Там же. С. 185.

⁹ Там же. С. 284.

¹⁰ Там же. С. 190.

¹¹ Там же. С. 224.

¹² Там же. С. 185–186.

¹³ Там же. С. 162.

¹⁴ Лихачёв Д.С. Русская культура... С. 345.

¹⁵ Там же. С. 56.

¹⁶ Лихачёв Д.С. Раздумья. М., 1991. С. 287.

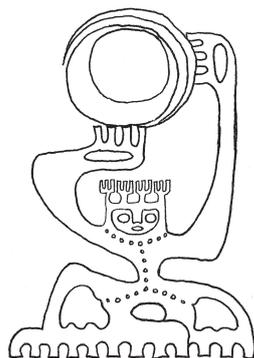
¹⁷ Лихачёв Д.С. Земля родная. М., 1983. С. 147.

¹⁸ Лихачёв Д.С. Новгородский альбом. СПб., 1999. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Лихачёв Д.С. Раздумья... С. 222.

²¹ Письмо Д.С. Лихачёва, адресованное В.И. Поветкину 30 ноября 1986 г.

Самоцветное наследие Симеона

Вкратце о произведениях Семёна Ивановича Пустовойтова, хранящихся в Новгородском центре музыкальных древностей, а также о нём самом – художнике и человеке. С признательностью, гордостью и грустью –

В.И. Поветкин

Большое число работ было подарено мне С.И. Пустовойтовым в период нашего общения с 1969 по 1995 г. На некоторых он сделал дарственные надписи, на многих – нет. Иные вообще без названия и фамилии автора. Вручая их иногда целыми подборками, говорил: «*Вот вам, Володя, – пригодятся*». Значение слова «пригодятся» я не понимал, не вполне понимаю и сегодня. Часть

его произведений, причём уже немалая, подарена различными людьми после 1995 года, то есть после его ухода из жизни. Имена дарителей, которые сами когда-то были одарены Семёном Ивановичем, всегда будут упомянуты на памятных выставках художника вместе с названиями таких работ.

С 1980 года, и даже ранее того, С.И. Пустовойтов

пытался из крупноформатных своих работ создать «золотой запас». Собрание лучших акварелей он мечтал довести до тысячи. Местом их хранения избрал своё жилище: чтобы не было соблазна какую-либо подарить, а тем более, продать – так он оправдывал своё решение. Были тому причины и семейного характера, о которых он, из преданности жене – Галине Яковлевне, «Шуше», старался не говорить. Я был в некотором недоумении от его не согласованного со мною решения, но не возражал: его поступки были – от Бога.

При этом он едва ли не ежедневно раздаривал, рассылал в Одессу и Николаев, Москву, Свердловск и Ленинград, Псков и Печоры, Курск, Ригу и Таллин, в Японию, Финляндию и Америку – российским и зарубежным друзьям, знакомым или просто встречным приглянувшимся людям мастерски сработанные живописные листы – крупные, средние и небольшие, не говоря о неукротимом потоке писем с выразительными рисунками. Адресованных только мне различного характера рукописных посланий, по предварительным оценкам, насчитывается около 400. Перед всеми он себя ощущал в долгу. *«Друзья моих друзей – мои друзья»*, – говорил он; и тут же они награждались. Если бы удалось собрать воедино всё, что он раздарил в разные концы России и за её пределы, то станет ясно: он, спозаранок уходя к храмам и творя в мастерской под открытым небом, давно осуществил свою мечту. Отборных акварелей, созданных ветрами, ливнями, лютыми морозами и горячим сердцем живописца, не тысяча, гораздо-гораздо больше. Сосчитать их никогда никому не удастся. Дело здесь, понятно, не в одном лишь количестве.

В течение лет пятнадцати «золотой запас» наполнился акварелями величиной 86 x 61 см, позже ещё более крупными – 103 x 73 см.

Для первых у него имелся старый-престарый самодельно сколоченный из реек и сосновой постоянно расслаивавшейся фанеры планшет. Открывая и закрывая его, отцепляя и зацепляя его крючки, которые были согнуты из гвоздей, он то и дело древесными отщепами до крови занозил пальцы. Менять этот «вечный» планшет на новый он и не думал. У планшета, как, кстати, и у расшатанного этюдника, облупившегося на солнцах и дождях, засеребрившегося наподобие брёвен старинных севернорусских изб, обтёршегося и залоснившегося в местах походного прилегания к хозяйской спине – словом, у обоих этих по-своему живых атрибутов художничества, планшета и ящика с красками, при очевидном их одряхлении сохранялась самоуверенно-родственная, до надменности, привязанность к своему господину. Это схоже с рассуждением самого Пустовойтова о том, до каких пор, например, следует носить одежду. *«Рубаха должна расти в кожу!»* – так говорил человек в высокой степени чистоплотный, но одновременно бережливый и до крайности скромный в требованиях к личному быту, человек с тяжелейшей боевой контузией, мужественно и орденосно стоявший на страже Новгородского края, одолевший лихолетье военное – с карабином и сапёрной лопатой, а потом и послевоенное – с кистью.

Что же до самых крупных акварелей, создание которых особенно горячо приветствовал друг Семёна Ивановича, другой несравненный мастер живописи – Владимир Фёдорович Гребенников, то для них подходящего планшета не было. Таковой в начале 1980-х выстрогал

я; на бортике сделал резную надпись – «Симеонов ковчежец». Когда Пустовойтов с ним добирался до Юрьева монастыря, водитель автобуса пригрозил: «За дверь надо платить!». В ответ ликующе донеслось: *«Эта дверь – от Лувра!»*.

Время от времени он зазывал ко мне гостей и, жестикулируя, с лукавой детской улыбкой и тут же рождавшимся на зависть любому поэту точными эпитетами проводил «экскурсию» по новгородским храмам, светившимся в глубине огромных листов. Иного незнакомца он тут же мог одарить, возвысив его искромётной дарственной надписью. Одаренный, читая о себе невероятное, втайне потом стремился соответствовать оценке этого великого чудака. Особенно трогательны его обращения к девушкам: *«Ангелу, Музе, Мечте...»* или *«Сияйте! Обжигайте нас! Мы – льды и камни!»*.

Зритель, если его приучили к прозрачной салонной акварельной живописи, бывает обескуражен, находя значительное число работ Пустовойтова мрачными. Лишь спустя время, настроившись зрением и сознанием, он ловит себя на том, что от этих полумночных, раннеутренних, отуманенных или встревоженных небесным громом «Вяжищ», «Георгиев» и «Спасов», «Иоаннов» и «Симеонов» исходит тёплое мерцающее необъяснимое свечение. Необъяснимое. И постараемся не вторгаться с изрекаемым зыбким словом во владения мастера, мыслящего языком живописи. В его акварели-храмы будем всматриваться так же серьёзно, как необходимо вслушиваться в «девятые» симфонии. И глубокий мрак, и грозовые отблески, и обнадёживающее свечение – всё подчинено индизнальному наречию мастера, обитателя Вечности, а одновременно и свидетеля того мгновения, в которое вместились беспощадная – равно для Бога и Человека – эпоха XX столетия.

В лета, которые обрекались на безбожное безвременье, внимание простых смертных к храмам не приветствовалось. Уцелевшие «памятники» были, да и остаются, громоздкими игрушками властей. Там, «наверху», от капризов детей человеческого рода поверхностно меняются правила игры: с крестом храм или без креста, взорвать или оставить, закрыть или открыть, как сегодня. Одно условие неизменно – безбожие. Оно и в храме, и вне храма, оно и в Африке, как говорится. Жаль такого человека, ибо он – свободный от Бога – оставляет себя один на один с безумием Бесконечности, или, что то же – Тулика. Тут ему не до озабоченности о родном крае, о лике Матери-Земли. Он в прямом смысле – свободен; сколько печали, однако, таит в себе это притягательное слово.

Пустовойтов не рассуждал об особенностях государственного взгляда на храмы, на религию. Он равно не касался и церковного ортодоксального понимания Веры. При советской власти он не проходил обряда православного крещения. Не доводилось слышать от него и о том, как видятся храмы простым нашим людям. Но его художественное видение, как и человеческое поведение, более всего сходится с простонародным. Именно в народном сознании – независимо от того, кто в капкане XX века был крещён, а кто нет – мы все наследники завещанных нашими родителями высоких моральных принципов, мы все родные люди. Это важно. И поди тут разбери, что нам внушено официальной Церковью, а что досталось из глубин славянской истории, когда в наших предках отмечались и воинское благородство, и добрый нрав,

и беспрекословное гостеприимство, и выразительная музыкальность.

Власть настаивала: «Не рисуй церкви. А если рисуешь, не рисуй кресты». В 1988 году при проведении в Новгороде грандиозного Праздника славянской письменности и культуры – а это было и 1000-летие официального Крещения Руси – Борис Степанович Романов, капитан дальнего плавания и он же глава новгородских писателей, отчаянно сражался в идеологических коридорах за то, чтобы на памятном значке и другой праздничной атрибутике купол Софии завершался крестом; софийский крест ещё и с голубем. Иначе, это бы выглядело как портрет человека без головы.

Кому-то из художников всё же разрешалось рисовать церкви, и даже с крестами. Это были те, кто их рассматривал как памятники – о чём красноречиво повествуют их работы. Пустовойтову – не разрешалось, так как он изображал не памятники, а храмы. На ряде его акварелей вершина купола с крестом осталась за пределами листа. Но слуги закона и тут настояжились. Они нутром чувствовали, что он их обвёл, что он повествует-таки о Мире и Храме. Догадывались. А догадка – дело великое – она бывала важнее фактов.

В отличие от тогдашних чиновников нынешние священники и прихожане в большинстве своём не догадываются о совершённой Пустовойтовым, пусть исподволь, миссии по восстановлению храмовых действ. Не догадываются прийти на памятную выставку и благодарно поклониться его имени. Некоторые, переступив порог церкви, узнав о храмовом изобразительном каноне, начинают свысока смотреть на «язычника», рисующего «не в той» манере. Он же, чего бы о нём ни говорили, действительно способствовал восстановлению добрых православных традиций, не кликушества, а смиренного верования. Язык его необычен, это верно.

И если наше изречённое слово может только навредить тому, что сказано языком живописи, то, быть может, словесному суду поддадутся технические средства художника – всё ж, как иные утверждают, это удел ремесла, не искусства. Но и здесь не просто. По очень точному замечанию Д.М. Балашова – блистательного исследователя истории и культуры русского народа, публициста, поэта и художника – работы С.И. Пустовойтова невозможно скопировать. Причиной тому факт его сотворчества со стихиями Природы.

Вот он в три-четыре часа ночи в стороне от Новгорода среди дубров и водяных протоков, что у Вяжицкого монастыря. Всё слышнее хор дождя, и порывы ветра-свирильщика вот-вот опрокинут парус-планшет, который и так-то едва держится на цапельных ножках этюдника. Что-то он делает вполне обыкновенно, как все, как принято в акварельной технике – наносит на бумагу в нужные места разукрашенную воду, разве что красок при этом не жалеет. «С синими беда: вот бы их отдельными коробками продавали!» Теперь остаётся удержать или направить, куда следует, плывущие, журчащие то тут, то там на бумажном листе цветные ручейки. Здесь начинается то, что подвластно Пустовойтову, именно то, чего от других он вовсе не таит, но что всегда сродни неразгаданному чуду. Он переворачивает планшет, и на листе-самоцвете земля с небом меняются местами, наклоняет лист то к морозящему дождю, то к сушащим потокам ветра, где-то промакнёт холстом, где-то потрёт пальцем, тронет беличьей,

щетиной кистью, бросит в траву, отойдёт и посмотрит с разных сторон, и пока смотрит, к влажным, непросохшим ещё небесам коснутся свисающие травы, упадут соринки, веточки, или проковыляет вездесущая букашка, а на купола осыплется роса – и от всего останутся на его акварели следы, кажется, и от вздоха Земного.

«Всё! Законченность для акварели – смерть!» – воскликнет он. Тут же зарядит планшет новым «ватманом» с заранее готовым, как и на первом листе, подмалёвком. Слешит. Ведь где-то там, за лесистым окоёмом уже играет солнышко; золотом своим оно невзначай утеплит маковки колокольные. Надо успеть справиться и с третьим листом. Чудны фанфары новорожденного дня – они в щебете и жужжании, трескотне и посвистах неисчислимого полчища лесных, болотных и луговых обитателей здешнего края. И... обратного пешего с излучинами пути. Пути достаточного, чтоб разомлеть от усталости, но и врачующего, чтоб укрепиться духом. Пути, который ведёт к Великому Новгороду и сердцу его – Софии Премудрости.

Дома он окинет взыскательным взглядом триединое своё живописное ликование. Оно в очередной раз посвящено буйству небес над Вяжицкой обителью. И если не увидит надобности в правке, то возьмёт доселе непривычный в работе с растворимыми в воде красителями инструмент. Это гладкое выпуклое донце металлической ложки. Как полировальным камнем, жёстко и усердно прогладит всю поверхность акварели. Бумажный лист отяжелее – под глянцем, как на дне морском, воссияют все оттенки цветов.

Тем же днём, а то и вечерней зарёй, устремляясь к нам в древний Славенский конец, он прямо на ветрище волховского моста обрушит на замечтавшегося путника свои творческие обновки – отцепит все крючки планшета и по-мальчишески восторженно объявит, как за один поход удалось создать столь внушительный по величине «Триптих».

Кстати, эту его несравненную творческую результативность примечали братья по цеху – «отцы справедливости» – и при удобном случае занижали стоимость акварелей, дескать, он быстро рисует. Их персонам он посвятил несколько остроумных ироничных зарисовок – шаржей. Когда же им судьбою отмерялись испытания, он, не будучи ещё воцерковлённым человеком, – это произойдёт в самом конце, – первым приходил к ним с поистине христианской заботой. Не случаен его кумир – Густав Курбе, отдававший в человеке первенство не столько собственно художнику, сколько гражданину.

Что же касается узкого профессионального понятия «художник», то в интернационально насаждаемой искусствоведом учебной программе быть во что бы то ни стало оригинальным С.И. Пустовойтов выглядел не очень-то радеющим учеником. Он, конечно, неповторим в плодах художественного дарования. Но это произошло не от специальных его натуг, а естественно, так же, как, скажем, у скромных крестьянок-рукодельниц – всегда восхитительно разных в великом процессе традиционного мастерства. Потому к Пустовойтову более применимо редко слышимое в кругу нынешних творцов суждение, а именно: истинный художник стремится не к своему, а к прекрасному.

Известно, что камни-самоцветы – от кристалльно-прозрачных до почти чёрных – все поражают могуществом красоты. Таковы и акварели Пустовойтова. В них,

даже в самых тёмных, так называемых мрачных не бывает грязи. Тот, кто работает в технике акварели, знает, сколько можно, перегрузив белый лист пигментами, неоправдимо нагрязнить. И если эта опасность подстерегает уже в светлой по тону работе, то в тёмной она особенно коварна.

Вообще акварель – это хрупкая и во многих отношениях уязвимая вещь. Даже от излишнего освещения её стараются оберечь, иначе выгорит, обесцветится. Как на этот счёт размышлял художник, сказать трудно, но сегодня очевиден такой факт: его плотные, насыщенные тоном и цветом акварели рассчитаны на очень долгое противостояние осветительным лучам музейных выставок.

В одной его подписи читаем: «*Гуашь, точнее, акварель*». Исправил, чтоб было понятно, чем пользовался. Хотя, в сущности, он не особенно заботился о том, акварелью ли будет называться его работа или как-то иначе. Некоторые выполненные им с помощью акварельных красок работы по плотности действительно сродни гуаши, темпера, а то и масляной живописи. Главным было – достижение цветовой и смысловой сообразности.

Рисовать он умел чем угодно. Условность понятия акварели для него начиналась уже с того, что роскошный набор тонкотёртых растворённых с гуммиарабиком на медовой воде красок он при случае дарил ребёнку. Он полагал, попутно заметим, что начинающего, неокрепшего художника надо лелеять, что таковому следует изначально знать о настоящем богатстве цвета. Это так же, как в подборе ребёнку звучащей игрушки: она должна идеально интонировать; иначе музыкальному сознанию младенца будет нанесена пожизненная травма. Себе же он оставлял детсадовские «кирпичики», не иначе как сошедшие с конвейера «Всё лучшее – детям». Их, помнится, на картонной палитре набиралось не более шести заскорузлых разноцветных лепёшечек. Включая белила. А с белилами – это не совсем акварель. Столь скудными средствами в 1980-х годах он на листе 103 x 73 см создал поистине величественное полотно – «Новгород Великий, ц. Иоанна Богослова XIV в. на реке Витке», где Небо и Земля словно при сотрясении Мира. И это – именно акварель. Хотя и необычная: вблизи видны навечно застывшие лавообразные потоки грубо протёртых, действительно, будто из кирпича красок. И всё это, как ни поразительно, только придаёт мощи изображённому событию: гудят поднебесные гусли и тучные трубы трубят.

Пустовойтов искренне переживал, обдумывал каждое замечание о своих работах, любое, даже кем-то случайно оброненное слово, равно и детское. Отозваться в нём такое слово могло самым непредсказуемым образом. Он тут же мог возбуждённо оповестить о таковом всех, с кем встретится в Новгороде – устно. А через день-другой-третий – почта работала исправно – о его размышлениях, восторге или негодовании из писем узнавали его друзья и бесчисленные адресаты во всех краях необъятной страны. Самое же главное заключалось в том, что оброненное слово находило отклик в его последующих работах.

Следует заметить, что когда-то у него в сравнительно раннем творческом процессе получались разные по настроению и освещённости работы – без ревностного отношения к тёмным или светлым. Но вот государь случай: кто-то, возможно, из круга искусствоведов, в 1970-х годах нашёл «мрачной» одну из его акварелей. В силу искренней заботливости о человеке Пустовойтов

мог бы начать угождать «заказчику», но не угождать – рисовать академически правильные прозрачные светлые акварели; никто бы его за это не упрекнул. Однако его заботы нашли приют в богатейших по живописным возможностям «тёмных» акварелях. Он выявил свет там, где его не принято было ожидать. В итоге он позаботился не только о созерцателях изящных искусств вообще, но и о конкретных своих критиках, попытался им угодить, причём в высшей степени честно и самыми изысканными плодами творческих усилий. Другое дело, что всякий ценитель тоже должен утрудить себя – к восприятию: без знания грамоты не прочесть слова, даже если это слово – «любовь».

Так, не то чтобы только по воле случая, но с немалой его участливостью ночные, грозовые, дождливые, сумеречные, серебристо-лунные, багрово-закатные виды новгородских храмов составили в наследии С.И. Пустовойтова впечатляющую часть, узнаваемую ещё и по звучным, как у набатного колокола, словам, гордо стоящим во главе названий многих работ, именно: «Новгород Великий».

Такого рода акварели, вбивавшие в себя полную мощь выразительных средств, стали для него предметом внутреннего творческого самоутверждения. Он это понимал. Но виду не показывал. Возвышая других, принижал себя. Он – ученик, все остальные – учителя. Кому-то это представлялось юродством. В действительности же он следовал одному из важных принципов древней народной морали. На миру, словно оправдываясь, говорил: «*Генералиссимусы одобрили*». Это он про нас с Гребенниковым после очередного своего показа преисполненной скрипичных зимних вихрей – как из «Времени года» Вивальди – «Воскресенской слободы». Или же такое он мог сказать, показывая, например, погружённое в тихую песнь-молитву сказочно заснеженное царствие – «Филиппа Апостола и Николая Чудотворца». Ясно: было то, что заслуживало бесспорного одобрения. И восхищения. Куда уж тут до учительства!

Он и только он принимал решение, в какой тональности и цветовой насыщенности, а главное – с какой мерой одушевлённости в его «золотом запасе» останутся жить лики новгородских храмов.

Вряд ли в общении со мной он когда-либо услышал, тем более принял нечто для его акварелей существенное. Он был виртуоз в своём деле. У меня же к тому не было ни опыта, ни соответствующих способностей. Интуитивно я следовал или хотел следовать одному: поощрить его естественную одарённость. Не навредить. Не задеть нечаянным словом. Что, к моему изумлению, все же случилось. И тогда в его полных сердечной боли письмах-молниях я попадал под обстрел.

Бывало, сообщал ему о своих мечтах. Например. Чтобы он изобразил камни-валуны, ибо они – видевшие-перевидевшие – тоже храмы. Или чтобы он нарисовал старейший у нас в Славенском конце дуб, или вообще лес, ибо дерево – это тоже храм. Или чтобы в его «золотом запасе» обязательно был воспет деревянный с шатровым балконом дом В.С. Передольского, дом первого нашего краеведа – по-своему тоже храм. А как всё это изобразить – решать ему. Тешу себя мыслью, что отголоском тогдашних мечтаний стали некоторые его работы.

Смутно помню на четвертушках ватмана карандашные зарисовки валунов, сгрудившихся вокруг бревенчатой церкви Святого Николая, что построена была в XVII

веке, а в XX вывезена из родной ей деревни Тухоля в Витославицы – в музей-заповедник заради спасения её от «православных». На таких же четвертушках им была создана большая серия замечательных подготовительных рисунков «Старого дуба»; это тот, что по небрежению горожан был изувечен огромным дуплом и держался до последнего на остатках коры, пока не рухнул в 2005 году 10 августа от ночного урагана – тут же к нему паломничество, журналистские байки и потоки крокодильих слёз. В конце 1980-х на одном его стволе, вверху, проросла рябинка. Показывал это песенное чудо Семёну Ивановичу. Он всё брал на заметку, плодотворно работал, отмечая на рисунках и показывая жестами рук, как ветви кроны изгибаются, отчаянно пробиваются к жизни, прямо как на японских гравюрах. *«Я должен сначала решить эти вопросы в карандаше, – рассуждал он, рисуя дуб с разных сторон, – а уж потом акварелью на большом листе».* Не успел.

После его невероятного ухода из жизни толстая папка форматом в четверть листа, в которой, кстати, был и рисунок здания Центра музыкальных древностей, как сквозь землю провалилась. Не хочется думать, что она могла оказаться в мусорном заледевшем баке вместе с другими бумагами, записями, набросками и небольшими рисунками мастера после приведения в «порядок» его осиротевшей комнаты. Один такой рисунок, очищенный от мёрзлых подтёков, был показан у нас в Центре в 1996 году на первой памятной выставке С.И. Пустовойтова «Огонь воспоминаний», и по иронии судьбы именно его журналисты облюбовали для газетных публикаций. На нём запечатлён всё тот же возрождённый архитектурным гением Нинель Николаевны Кузьминой храмовый комплекс Филиппа Апостола и Николая Чудотворца со стороны дома Передольского.

У нас всё рядом. Устроившись у изгороди Филиппа Апостола, Семён Иванович на крупном листе создал акварель «Новгород Великий. Дом В.С. Передольского, XIX век». Вторую такую же пообещал сделать для «золотого запаса». А эту, первую и, как теперь понимаем, единственную отправил любимому поэту Саше Шеину в город Николаев. Здесь же, в Новгороде, ничего не осталось – ни акварели, ни теперь и самого деревянного дома: за его снос, а значит, и за развенчание исторического имени краеведа, едва вступив в третье тысячелетие, проголосовали «предь очима» архиепископа и губернатора не то чтобы новгородцы, но, неловко говорить, «культурные» сливки новгородского общества. Жаль. Это утрата с глубоким нравственным содержанием.

Между тем отголоски кое-каких тогдашних мечтаний, воплотившись в акварелях художника, пополнили таки «золотой запас».

Одна такая акварель – «Новгород Великий, ц. Симеона Богоприимца, XV века». На ней в некоем единстве с каменным храмом изображено полное жизненных сил дерево. Дерево и храм – словно из одного корня. Раскидистая крона вся в изумрудных и бирюзовых, лазуритовых, аметистовых и ещё каких-то невыразимо красивых фиолетоватых отсветах. От неё, как от органа со всеми включёнными регистрами, исходит могучее торжествующее многоголосье. Поющее дерево. Тёмная земля – вспаханное поле с вывороченными глыбами рубинов, гранатов – гудит. Помню, с этой ещё влажной акварелью он явился на крылах победной радости. Ею мы недавно озаглавили

очередную из его памятных выставок – «Симеоновы самоцветы». Есть и второй вид храма Симеона Богоприимца с поющим деревом – буро-осенний. И он удивителен.

Невероятно, но факт: Пустовойтов, живописавший, казалось, только Лики древних храмов, создал монументальный образ с коротким названием – «Лес». Два варианта, оба в самом крупном формате. Суть одна. Это царствие листвы, стволов и почти осязаемого воздуха, – больше ничего, – и ты во власти всепоглощающей стихии, ты опутан, опьянён влажной свежестью и очарован едва слышимой симфонией призрачных гулов. Он собирался сделать третий вариант – специально на одну из стенок в моём жилище. Не успел. Как многим. Святой должник.

Особенно серьёзно Пустовойтов прислушивался к профессиональным замечаниям Владимира Фёдоровича Гребенникова. Это он, увидев сравнительно ранние работы Семёна Ивановича, подсказал не изображать возле храмов людей с их суетой. Исчезла картиночность. Конкретизировался образ, стала ясной живописная задача. Остался Храм, живой, с его меняющимся ликом и средним местоположением в сложном мире Неба и Земли. Это существенно. Владимир Фёдорович умел в новых работах Пустовойтова увидеть главное, обязательно отметить лучшее и, значит, придать художнику творческой уверенности. И смелости. Вот случай. Софийский собор, утонувший в поздних разностильных строениях, не так просто изобразить исторически и духовно величавым, тем более, если работаешь, в общем-то, в реалистической школе: иной раз тут требуется отчаянная борьба с «рабом натурой», решительность, чтобы что-то сместить. И находчивость. Бывает, и сместишь, да толку-то. Вот, Семён Иванович с этюдником, большим планшетом и свеженаписанной акварелью. На акварели показана ровная, как и полагается, кремлёвская стена, за нею купола Софийского храма; что-то их словно тянет к земле. *«Не изогнуть ли под Софией стену?»* – замечает Гребенников. На наших глазах большой кистью художник смывает часть стены, верхние её очертания с бойничными проёмами опускаются заметно вниз – и золотые купола парят в высоте.

Позднее один из таких видов на листе величинной 103 x 73 см автор постарается уберечь в «золотом запасе». Увы. Работу он предоставил для временной выставки, приуроченной к 950-летию Софии Новгородской. Вскоре в юбилейный календарь-альбом попали своими работами многие художники, даже, кажется, те, которые Софию и издали не видали. Не нашлось в нём места только Пустовойтову, кстати, официально с 1994 года Почётному гражданину Новгорода. Этот удар в ряду других причин был для художника смертельным. Из госпиталя в декабре 1995 года он сообщил: *«Пусть Володя Поветкин сходит заберёт Софию».* Слова стали завещанием. Моему обращению устроители выставки не вняли, сказав: «Мы тоже любим Пустовойтова». Имён их не назову: чтобы они не вошли в историю, как Пилат с Христом. Эта акварель выпала из числа 25-ти по формату самых крупных, какие художник успел создать.

Возвращаясь к роли В.Ф. Гребенникова. Он, как и С.И. Пустовойтов, достоин быть сегодня и Почётным гражданином, и Почётным художником-философом нашего города.

Владимир Фёдорович одарён абсолютным чувством цвета, он опытный и пронизательный мастер-живописец. Это он ещё в нашей молодости заставил меня

внимательнее смотреть на Пустовойтова-художника. В те годы я рассуждал так: храм с его внутренним и наружным обликом – и есть подлинное произведение, храм первичен, всё остальное – рисунки ли, фотографии – вторично, всё это делается по поводу уже сотворённого. Так, быть может, излишне строго думал я о многих рисующих с натуры, и о себе. Так, в общем-то, думаю и сегодня. Но не о Пустовойтове.

Говоря о так называемых мрачных работах Пустовойтова, надо помнить и о том, что он превосходный мастер светлых, классически прозрачных и полных поэтической теплоты акварелей. Последние наряду с прочими его работами разместились на главной его выставке – в домах бесчисленного множества одаренных им людей. Несколько сравнительно крупных прозрачно написанных работ, в лист и в пол-листа, поступило в архив нашего Центра.

Особое наследие Пустовойтова – его малоформатные акварели, которые в нашем собрании несколько десятков. Их он раздавал подчас как новогодние открытки, приговаривая: «От Деда Мороза». Кто-то, «поддерживая» художника, покупал у него подобные акварели по три рубля, затем, залив эпоксидной смолой, «увечковечивал» и, придав им, как говорится, товарного вида, перепродавал заезжим гостям. Такие акварели из-за их доступности не получали достойной оценки, не казались серьёзными. Всяко, наверное, бывало. Но послушаем, что о них говорил сам художник. Цитирую, сохраняя авторские знаки препинания, с их помощью он – это ещё один его дар – придавал написанному звонкость собственной речи: *«Те, кто считают, что в маленьких акварелях я опускаюсь до мещанских картинок, ошибаются, мещанские я делаю, некоторым, умышленно, а не падая до них, подло...»*.

Редко, но случается видеть в качественной печати его крупные работы. Понятно, они уменьшены. И невольно сопоставляешь их с маленькими акварелями. Маленькие очень часто не проигрывают.

Или вот: его триптихи. Один вариант – это написанный маслом на трёх полотнах «Новгород Великий». Между прочим, центральное полотно 2 x 4 метра – «Ледовое побоище», висело в кинотеатре «Новгород», долго, пока не списали. Списали – сожгли. Но не об этом речь. Хотя, как умолчишь: художник, стиснув зубы от боли, создавая картину повторно, потеряв ещё несколько лет, так и не успел довести дело до конца. Другой триптих – это трижды в разных состояниях показанный на крупных акварелях какой-либо храм или монастырь, как «Вяжищи». Был и ещё вариант триптиха – три маленьких акварельки. Такие были подарены Центру в 2006 году Е.Л. Казанцевым. Каждую в 1982 году Пустовойтов одинаково адресовал: «Святочтимому Чистейшему Славянину – Жене Казанцеву». Первая озаглавлена – «УТРО»: в телесно-голубых тонах уходящей зимы изображена церковь Рождества Христова на Красном Поле XIV в. Вторая акварель – «ЗРЕЛОСТЬ»: в багрово-золотом бурлящем небесном зареве утвердился высокий шатёр горячий от всполохов деревянной церкви Успения Божией Матери из села Курицко XVI в. Третьей акварели дано название – «СТАРОСТЬ»: в холодном зимнем мраке с малиновыми отсветами во весь рост простирается в неколебимом могуществе шатровая с двумя пустыми глазницами-окнами тёмно-пурпуровая колокольня Знаменского собора XVII в. Художник рисовал её тогда, когда не только шатёр, но и её каменно-

кирпичные стены от сырого дыхания со стороны Ильменя были обиты ржавыми железными листами; едва просыпался властитель ветров, как эти пластинчатые доспехи отзывались скрежетом и рокошущим лязгом. Мы, жители Славенского конца, оглядывались на старую колокольню, словно она вот-вот что-то скажет по-человечьи. Обесколоколенная в XX веке, она выполняла таки своё предназначение. Поистине страж в латах. Исполни духа. И величие старости.

Было некое родство между этой колокольней и мужественным Пустовойтовым. Не однажды он напомнит о ней то перовым рисунком на конверте, то карандашным начерком на картонном обрывке, то плотной акварелью на малом, среднем, большом или сверхбольшом листе бумаги. В суровом образе художник открывает глубинное величие красоты. На обороте крупноформатной акварели из «золотого запаса» читаем: «Такую же в 1967 г. приобрёл Гос. Рус. Музей Ленинграда». Это мрачная акварель. Значит, писать на полную мощь художественных средств и чувств не было прихотью только позднего его творческого периода, как некоторые полагают.

Как-то, уже в 1990-е годы, он по настоянию своих жены и дочери пришёл и забрал толстую пачку работ – для показа. Лишь спустя время пришлось вдруг вспомнить, что в его тогдашнем посещении присутствовали чуть большие, чем обычно, извиняющийся тон и углублённая сосредоточенность с тенью растерянности. На «семейном совете» по материальным обстоятельствам было решено 40 работ продать. Это то, чего он остерегался. Согласился же по другой, для него очень важной, причине: Фонд «Возрождение Великого Новгорода» пообещал создать из его работ постоянную экспозицию. К сожалению, в бурном потоке «демократических» перемен такой план растворился в мечтах. *«У меня дома, – скажет он с тоскливой горечью, – не осталась ни одной моей акварели»*. Он говорил и о многом другом, но всё это не для данного короткого рассказа, и так достаточно грустного. Кроме того, не всякий факт и не всякая правда, будучи оглашёнными, могут стать поучительными и поведут нас к умиротворению.

Что же до самого Пустовойтова, то он из числа тех, о ком можно говорить правду и только правду, без прикрас. Хотя кому-то покажется, что его идеализировали. Честный, мужественный, бескорыстный, ранимый, мнительный, общительный, отзывчивый, внимательный, заботливый, трудолюбивый, не жадный, эрудированный, остроумный, талантливый, беспомощный, искренний, по-детски лукавый – обо всём этом и ещё о многом в его характере надо говорить отдельно.

Разговорчивость – черта, которую в нём отмечали все. Она у него после контузии. Он знал, что ею – вкупе с его искренностью – пользовались некоторые дельцы. Переживал. Как-то часа четыре кряду он рассказывал о пользе молчания.

За двадцать пять лет общения не слышал от него матерного слова – ни при каких обстоятельствах, даже при самых отчаянных его возмущениях. В одном из поздних писем, рассказывая о глубоко ранившем его случае (кстати, обидеть его не хотели), он такое слово всё же произнёс, правда, не сам, а устами своего собеседника – для точности. Не представляю – почему, но кое с кем, как теперь узнаю, он общался особо, словно на другом наречии. Возможно, это было результатом его естественного, чаще

всего заботливого вживания в другого человека: ведь идея с ним, к примеру, по улочкам Торговой стороны, в неумолчном его рассказе услышишь не просто о старых и малых обитателях каждого дома – об их именах и фамилиях, но обо всех их занятиях, серьёзных и мелочных нуждах, об их манере держаться, говорить, и даже о коленях их родословной. С посланными ему судьбой людьми он всегда настраивал себя на восторженную гармонию соприкосновений. Гармония эта бывала непредсказуемой. Как бы ни было, но именно он, художник и человек, для многих и многих стал душой нашего великого в России города.

В тумане времени его мятущийся силуэт невозможно представить без рисовальной папки и ящика с красками. Но вот такой факт. У него родился внук Павлик – и он отставил в сторону всякое художничество. Сделал это с болью, но решительно. С младенческой коляской он ежевечерне кружил и кружил, заставляя своего наследника впитывать то мягкую свежесть волховского воздуха на Колмовском мосту, то, промчавшись далее, колкость ильменского шторма на мосту Александра Невского – всё для здоровья. Шли годы. Сколько у него было надежд! Понятно, каких. Вот, на фотоснимке Семён Иванович с двумя отроками, один – его внук. За их спинами «Ледовое побоище». Сам создатель многотрудного полотна в рубахе с опояской, на голове тубетейка, и похож он, как две капли воды, на древнего богатыря, участника далёких сражений. Во всём его облике – и защита для внука, и пример братолюбия, и вера, и любовь, и надежда. О! Надежда.

Кто-то из его друзей время от времени привозил ему для наших мест необычный подарок – тубетейку. Он надевал её не в угоду случаю, а естественно, даже по праву: как-то обмолвился, что его предки из Осетии. В тубетейке он в начале 1990-х попал и на два удачно сделанных мною фотоснимка.

Один из этих снимков удостоился представлять Семёна Ивановича в Галерее Почётных граждан Великого Новгорода. Он празднично одет, с Орденом Отечественной войны II степени – это то, что осталось у него от боевых наград. По его рассказу, когда после лечения их выпустили из госпиталя, один участник группы вызвался помочь с железнодорожными билетами. «Собрал документы – и исчез. Мы снимали награды и побросали. Иначе, без удостоверений, нас могли наказать. Тогда с этим строго было». Тот же снимок: на груди на бечёвке деревянный коник – подарок-талисман, талантливо сделанный Ниной Петровной Конюховой (после его ухода из жизни коник-талисман бесследно исчез). Ею же, кстати, написан и подаренный позже нашему Центру замечательный темпераментный его портрет, тоже в тубетейке; от него во время памятных выставок исходит ослепительно лучистый взгляд и... меткое слово – вот-вот выпорхнет из его уст.

Таким, казалось бы, совсем ещё недавно – сияющим – появлялся он в дверях, чтобы вновь и вновь пролистать альбомы чудо-художника – Питера Брейгеля Старшего Мужидского. Таким он помнится за чаем с душицей или чабрецом. Таким он бывал и тогда, когда подходило время застолий с блинами.

Это были вечера по уговору с кругом друзей. В вечерах иногда участвовала и приезжавшая из Курска моя мама – Мария Фёдоровна Байбакова. Он сам заранее ставил у себя дома дрожжевое тесто. Сам выпекал на огромной сковородке толстые блины. Складывал из них на

широком блюде горку величиной с высокую кастрюлю. Укутывал в полотенца, и бывало, сквозь валяющую с ног снежную пургу стремительной походкой преодолевал дорогу с Софийской стороны на Торговую. Поспевал к сроку, чинно, как на старинный праздничный обряд. Разматывал полотенца – и на нашем столе в клубах пара на диво всем гостям возвышалось его роскошное приготовление. Для него это было маленькое воспоминание одесской юности, времени учёбы в кулинарном училище. «Мои торты, – не без гордости заключал он, – *выставлялись в витринах на Дерибасовской*».

Стыдно признаться, но о его жизни я многого не знаю. Всегда стеснялся неосторожным вопросом пробудить в нём воспоминания о сиротском детстве, о суровых фронтовых годах. Слушал только то, что он по собственной воле обронит. А такое бывало редко. Вдруг в разговоре: «*В три года был выброшен в снег*» или: «*Война – тяжёлый труд*». Или вот, в письме от 20 мая 1983 года к Сергею Алексеевичу Кипяткову – мастеру от Бога, древоделу, когда он был призван на воинскую службу: «*Боже мой: 43 года как и меня Москва взяла солдатом, а потом, без пёсен, по-пластунски, подрывником и в авиачастях добрёл до Старой Руссы и на 2 года потерял: рассудок, зрение, слух, но чудо-медицина и искусство мне подарили бычье здоровье и вечно быть учеником и рядовым под знаменем генералиссимусов искусства <...> Низкий поклон от всего, Вам знакомого, знойного Новгорода. Ваш С. Пустовойтов*».

Какой непостижимый дар – его письменное слово! Близкие для него люди, читая теперь на памятных выставках его письма, не могут сдержать слёз, ибо въяве начинают слышать его голос.

В последний год жизни он на долгое время исчез: ни весточки! Лишь впоследствии пришлось узнать печальную правду: он жил отшельником в Юрьевом монастыре. Объяснилось содержание его письма от 11 мая 1995 года. Прощальное. Это из него несколько строк, которые завершают у нас в Центре каждую памятную выставку: «*Мечтаю возобновить писание акварелей-храмов, но уже не надеюсь ни на какие выставки и продажу работ, а только дарить, дарить и дарить, если они будут получаться не хуже, чем "получались". АМИНЬ*». Отдельно в этом же письме: «*СПАСИБО ВАМ ЗА ВСЁ*».

Сделать его жизнеописание – это отдельный кропотливый и необходимый труд; он может завершиться красивой и поучительной для всех нас книгой. Недавно мне в спешке пришлось подавать о нём скупые сведения для энциклопедического словаря «Великий Новгород XI–XVII веков». Вот они:

Краткая справка о С.И. Пустовойтове

Семён Иванович Пустовойтов родился 9 мая 1921 г. в Одессе. С младенчества – сирота. Учился в Одесском художественном училище. В 1941–1945 гг. – защитник Новгородской земли. Под Старой Руссой был контужен; очнулся через два года. Награждён Орденом Славы III степени и Орденом Отечественной войны II степени. С 1951 г. жил в Новгороде. Создал цикл живописных работ на темы русского эпоса и новгородской истории. Ключевые полотна – «Летописец», «Огонь воспоминаний», «Ледовое побоище». Одним из первых в Новгороде в 1964 г. принят в Союз художников СССР. В 1970–1980 гг. проявил себя как несравненный мастер акварельной живописи.

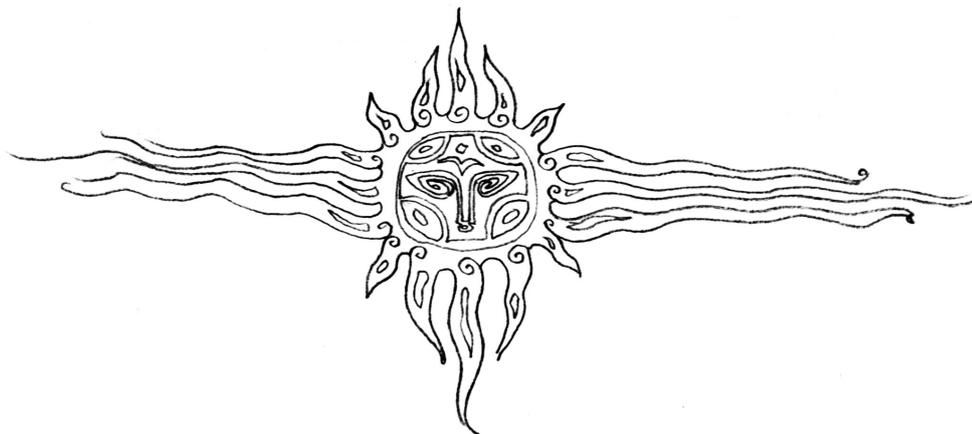

В сложной идеологической обстановке в мастерской под открытым небом с участием ветров, дождей и снегов пишет лики храмов – свидетелей величия и трагедии древнего Новгорода. На сотнях крупноформатных и тысячах маленьких листов разместились серия «Великий Новгород», в ней при различных настроениях природы предстают – Софийский собор XI в., кремль с башнями, храмы Ярославова дворища, Воскресенской слободы, Антониева, Зверина, Юрьева, Вяжищского, Деревяницкого монастырей, церкви Спаса на Нередице, Иоанна Богослова на Витке, Петра и Павла в Кожевниках, Фёдора Стратилата на Ручью, Спаса Преображения на Ильине ул., Знаменский собор с колокольней и многие другие. Его произведения – в крупнейших музеях России и за рубежом. Главная же его выставка – в жилищах новгородцев и неисчислимых гостей, людей подчас простых, но всегда возвеличенных художником и покорённых властью его девиза – дарить, дарить и дарить. Потому так заслужено им звание «Почётный гражданин Новгорода», присвоенное Новгородской администрацией по настоянию общественности 18 января 1994 г. На 15 декабря 1995 г. выпало преждевременное с ним прощание. С той поры в различных учреждениях Новгородской области и

Великого Новгорода – в Музее изобразительных искусств, Областной филармонии, выставочных залах НовГУ им. Ярослава Мудрого, в библиотеках устраиваются выставки его произведений. Ежегодно в Центре музыкальных древностей, где собран большой архив писем, фотодокументов, графических и живописных работ художника, открывается выставка, приуроченная ко дню его рождения и одновременно Дню Победы – 9 мая. О его жизненном пути, духовном и творческом подвижничестве помимо многочисленных кратких статей¹ написаны объёмные философские и поэтические размышления-воспоминания². На доме № 30 по ул. Санкт-Петербургской, в котором он жил, установлена памятная доска.

Пополняющийся в Центре музыкальных древностей архив С.И. Пустовойтова является народным достоянием. Не знаю, где лучше, где безопаснее находиться хрупким работам мастера – в музейных ли условиях или же в домах людей, которых Семён Иванович одарил. Если общественность решит, а власти Великого Новгорода поддержат идею создания музея С.И. Пустовойтова, буду готов в основу такого музея передать всё, что удалось собрать.

9 февраля 2008 года

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например: Богданов П.П. Акварель по-Пустовойтову // Провинциал. 1994. № 2. С. 12–13; Гайдук В. Пустовойтов и Шеин // Чело. 1998. № 2. С. 41–50; Красноречьева Н.М. «Я только теперь начинаю учиться рисовать...» // Новгород. 1999. 26 авг. С. 8.

² Гребенников В.Ф. Свет в провале немоты // День и ночь. 1996. № 6. С. 153–175; 1997. № 1–2. С. 3–22; Мантейфель С.Б. Набат и благовест. Новгород, 1997.

Л.А. Гаврилова

СЛОВЕСНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

Публикации материалов, подготовленных В.И. Поветкиным, в изданиях «Русская провинция» и «Чело» раскрывают ещё один дар его, о котором, пожалуй, почти ничего до сих пор не сказано – **дар слова**. Всё, к чему прикасался мастер: дерево, глина, металл, береста, воск, **слово** – обретало форму, поражающую не только своей красотой и гармоничностью, но и удивительной подлинностью, истоки которой в тысячелетней народной традиции. Язык его работ – лучшее свидетельство того, что современный человек может думать, говорить и писать на русском языке, вобравшем в себя всё лучшее и из глубины веков, и из открытий нынешнего времени.

Любой дар – это не только дар свыше, но и прежде всего труд, *старательный и настоящий*¹, стремление овладеть мастерством. Подлинному мастерству можно научиться только у Мастера. Русский народ-языкотворец взлелеял русское слово и веками сохранял его в песнях, былинах, сказках, пословицах, повседневной речи. У этого Мастера Владимир Иванович учился всю жизнь.

В небольшой заметке 1995 г. «Простое слово – песен наших жемчуг» Владимир Иванович пишет: *«Хотелось бы, чтобы слово наше несло с собою, кроме внешней красоты, ещё и ясность, какой когда-то отличались никем придуманные песни... Словом простым обязаны блистанием чудесным былины, сказки, песни, устные предания»*.

Красота и ясность – вот что отличает слово в русской народной культуре. Не случайно так часто рядом два постоянных эпитета русской народной поэзии – красивый (красивый) и ясный (яркий, сияющий, светлый и ничем не затенённый, хорошо видимый, слышимый, понимаемый, стройный), выражая отношение русского народа к миру и человеку. Удивительно, но на первое место Владимир Иванович ставил именно ясность: *«Нынешнее время – время поиска ясности, время выбора пути для каждого в отдельности и для всех вместе... Кто был привержен разрушению – рушит, кто по природе своей был создателем – создает. У тех и у других – свои убеждённости и оправдание. Но жить нам сообща»*.

Язык самого Поветкина настолько ясен, краток и точен, настолько глубоко он чувствовал структуру русского слова, что подчас рождались подлинные афоризмы:

«Надо, чтобы стало это уроком, а не укором»

«Не стыдно побеждать, если есть, что защищать»

«Если мир не знает его, то только потому, что мир много не знает»

«Искусство не должно главенствовать над землепашеством, они одинаково божественны».

¹ Здесь и далее курсивом выделены слова В.И. Поветкина.

Из писем Поветкина, опубликованных в данном номере, мы знаем, что, по его мнению, высшая похвала художественному тексту – *здесь мало лишних слов*.

«Нам нужна ясность», – многократно повторял он и открывал подлинное значение привычных слов, обнажал истинный смысл явления. В современном языке так часто замена одних слов другими приводит к подмене понятий и утрате нравственных скреп. Так, название одной из первых публикаций – «На грани жизни и позора» – возвращает исконное название – *позор* – тому, что стало обыденным явлением сегодняшнего времени – рекламе.

И не случайно, что представителями «современной культуры» народная традиция воспринимается в качестве одного из способов рекламы, как вид потехи, а *«не как взлелеянная временем народная мудрость, основа жизни, где всё серьёзно, даже когда смешно»*. Позор, а не реклама! Да, действительно, *за словом иногда открывается облик эпохи!*

Это лишь один из примеров того, как благодаря Владимиру Ивановичу многие слова и понятия сегодняшнего времени *находят своих двойников, точнее, самих себя в глубине времён*. И возвращаются в нашу жизнь давно забытые слова: современный «артефакт» снова становится вещью, обретая свое истинное значение и неведомую нам доселе глубину: *вещи вещают, археология – наука чтения вещей*.

Слова, которые в современных словарях обозначены пометой – устар.: *персты, селяне, гусли звончатые, взвешивать, порушить, изукрасить, желанный* – становятся в строй современной русской речи, не нарушая её, а воспринимаются читателем как участники единого процесса возрождения народной традиции, а значит – и русского человека: *«Тут и вспомнишь с благодарностью натруженные, похожие на корни, персты селян»*. *«Низкий вам поклон, желанные, все, чьих имён не перечислить – так много было памятных встреч!»*

«Слова – понятия. Их много. Каждое памятно. За каждым – жизнь». Владимир Иванович повторял часто эти слова, вопрошая: *«А зачем вы так говорите? Ведь это можно сказать по-русски»*. К примеру, Владимир Иванович не любил слово «фольклор», его и другие, ему подобные, он называл (*ино*) **странными**. Трудно с ним не согласиться. Чужеродное слово «фольклор» не сможет научить нас любить и понимать культуру прадедов наших. Слова – понятия – *народная традиция, народная мудрость* – обращены к сердцу русского человека, однажды услышав их, уже не забудешь и постепенно начнёшь понимать, что народная культура, *«обнимающая собой все стороны жизни русского человека, заложенная в песнях,*

обрядов, ремёслах и во всём способе обитания наших прадедов и прабабок на угодьях родной Матушки-земли», и есть истинное, родное наименование того понятия, которое никогда не станет близким, называясь фольклором.

Об утрате русского слова написано и сказано необычайно много. В 2000 году Владимир Иванович писал: *«Идёт страшное разрушение русского языка. Утрата родины начинается с искажённого слова. Ищем обидчика за российскими пределами. Но виноваты мы сами»*. Однако мало лишь осознать потерю и сожалеть об утраченном. Поветкин, как никто другой, умел совершать невозможное, искать и находить соратников на этом пути в прошлом и настоящем.

Недостаточно лишь только любить язык, нужно всю жизнь учиться красоте и ясности русского слова! Многие наши современники знают о существовании «Толкового словаря живого великорусского языка», но мало кто обращается к нему сейчас, чтобы хоть единожды перелистать его страницы. Для Владимира Ивановича с юношеских времён Словарь Даля стал настольной книгой – *небывалым доселе наставлением к жизни*. Сохранились его многостраничные выписки из словаря В.И. Даля.

Одну из самых проникновенных своих публикаций – «Гражданину Далю из ненастья 20 века» – Поветкин посвятил известному исследователю русского языка: *«Чтобы стать национальным сокровищем, надо родиться в семье датчанина и немки. И надо быть поистине русским, чтобы соотечественники, воспевающая в течение двух столетий не нашли досуга хотя бы однажды взвеличить тебя открытием памятника. Близкий, де, человек: на кой тебе церемонии? Это мы»*. Из маленькой публикации в «Родниках» читатель узнаёт об удивительном человеке, чья судьба вместила и военную службу, и высокий чиновничий пост, и дружбу с Пушкиным, и такую любовь к России и русскому слову, что главным делом жизни его стал колоссальный труд – многотомный словарь, обращаясь к которому, *мы слышим живые голоса истреблённых во множестве деревенских наших людей – всегдашней опоры нашего государства*.

Поразительно умение Поветкина видеть и понимать главное – то, что в настоящем объединяет прошлое и будущее: *«Запечатлённые в нём письменными знаками слова устной народной традиции позволяют представить необъятную многоцветную ниву наших говоривших, объединённых по сути общим миропониманием»*. Ведь именно слово делало наших предков причастными к единой культурной традиции: *«Через эти слова ощущаешь огромный, живой, раскинувшийся в пространстве и во времени культурный организм Отчизны»*.

По мнению Поветкина, настоящий художник – это человек, владеющий тайной письма. И, нам кажется, Владимир Иванович овладел этой тайной. Ведь в его работах главные художественные особенности народной поэзии были определены с точки зрения народной традиции, а не научного, академического представления о них. *«В народной поэтической традиции, – пишет Владимир Иванович, – образ становился не только удивительно ёмким и ясным, но – и это главное – обоюдозримым»*. Это понимание образа станет определяющим и для художественного языка его работ. Без сомнения, зритель и зримое сливаются воедино, только если художник ставит перед собой такую задачу, а не стремится быть оригинальным,

неповторимым, понятным лишь единицами избранных, как многие современные «творцы».

Обоюдозримый образ – вот что превращает простое слово в жемчуг. Публикации Владимира Ивановича – россыпь таких образов, подобных драгоценным камням. Уже сами названия этих публикаций делают образ обоюдозримым. *«Озаренная Кривополенова»... Озаренная* – один-единственный эпитет создаёт такой образ, что в самом названии – и свечение душевное сказительницы, и свет богатства русской культуры, и Ольга Озаровская, разглядевшая этот свет и явившая миру талант особый – *всегда радоваться жизни и человеку*.

Таким же озарённым, сияюще светлым предстаёт перед читателем облик матери Владимира Ивановича – Марии Фёдоровны Байбаковой. *«Свет мой трепетный, мама...»* Какой удивительный образ, созданный всего лишь из традиционной метафоры и эпитета, несущего главную смысловую нагрузку! *Трепетный* – любовь, нежность и... боязнь утратить этот свет, волнение матери за сына и страх сына потерять мать, потерять её доверие, понимание, и боязнь, что не хватит целой жизни, чтобы рассказать об этой любви: *«Вот и на маме моей, если не весь Мир, то Центр музыкальных древностей в трудные минуты выстоял... Важен её дух поддержки, всепрощения, жертвенности. Спасибо Тебе, свет мой трепетный, ласковый, Мама»*.

Это и образ обитателя Вечности Семёна Ивановича Пустовойтова, мастера, в чьей акварели-храмы нужно всматриваться так же серьёзно, как необходимо вслушиваться в «девяты» симфонии, чтобы увидеть и глубокий мрак, и грозные отблески, и обнадеживающее свечение. И как же важно Поветкину, что Семён Иванович, фронтовик, свидетель эпохи, беспощадной к человеку, никогда, ни при каких отчаянных возмущениях не произносил матерных слов.

Талант сердца – *всегда радоваться жизни и человеку* – присущ не только героям его публикаций. Этим талантом был одарён и сам Владимир Иванович. Необычайно ярко и глубоко этот дар его раскрылся в лиро-этическом эссе Поветкина «О Лихачёве, Новгороде, гусях и молитве». Как много удалось ему сказать обо всём, столь важном и неохватном, на четырёх страничках текста, поведать так, как учат нас древние песни нашего народа, *иносказательно*. А ведь прикровенно можно беседовать лишь с близким духовно тебе человеком. Таким близким, родным ощущал Владимир Иванович своего читателя, поэтому *сердечным приятием* отвечали ему люди.

Да, Д.С. Лихачёв был первым, кто поддержал создание в Новгороде Центра музыкальных древностей, но для Владимира Ивановича не менее важно бережное отношение Лихачёва к звуковой матери, к работе по озвучиванию древних музыкальных инструментов, к работе, которая помогла опровергнуть взгляд западных историков на культуру Древней Руси как культуру «молчащую». А ведь именно музыка – прообраз вечности, который наличествует и во времени. И это поразительное рассуждение о Лихачёве, музыкальных свойствах Мира и вечности завершается обращением к читателю: *«Кто-то подумал, что к молитве, к вере нужен свой талант, одарённость, что молитва, если она не формальная, рано или поздно обретёт черты гармонии и что она сама есть вступление в пределы великой музыки, управляемой Творцом»*... Таким было отношение к музыке Д.С. Лихачёва.

Так понимал музыку и сам Поветкин. Высшая гармония. Молитва без слов, связывающая человека и Творца.

Да, Владимир Иванович вошёл в историю как учёный исследователь, открывший всему миру музыкальную историю Древней Руси, музыкальные инструменты, неизвестные доселе. Но он же смог совершить и невозможное – облечь в слово то, что можно выразить лишь в звуке, поведать нам, *под каким роскошным куполом музыкальной культуры творилась вся новгородская история*. О чём бы ни писал Владимир Иванович: о раскопках 1994 года, о «хождении по Новгороду княгини Ольги», о храбром Девгении, о гудцах на глиняных сосудах, – он размышлял о необычайной музыкальной одарённости древних новгородцев, о преемственности традиций древнейших цивилизаций. Благодаря его работам в языке науки появился новый термин – музыкальная археология, определяющий неизвестную доселе область познания, и новое понятие – музыкальный аристократизм.

Вот оно – чудо обуюдоозримого образа: слово «аристократизм» вызывает у каждого представление о красоте и совершенстве и в то же время заставляет задуматься: может ли аристократизм быть музыкальным, при чём здесь народные инструменты, стоящие, казалось бы, на низшей степени мастерства? Да, так кажется только до тех пор, пока не откроются тебе *их сложная конструкция, их утончённый художественный язык, высокий уровень мастерства при изготовлении... Едва ли не уверишься, что в основание древнего Новгорода был положен музыкальный аристократизм*. Благодаря работам Владимира Ивановича, обращённым не только к научному сообществу, но и к «непросвещённому» читателю, открывается неведомая нам сторона жизни русского человека, *открывается дверь к родному очагу*. И становится иным представление о нашей традиционной культуре.

Музыкальных инструментов много, и все любимы: и самозвучащие, и духовые, и струнные. Но есть один, чьи струны предки наши считали живыми. *Словом чистым необъятное объяв*, Владимир Иванович знакомит читателя с тем, что стало музыкальным символом Новгорода – инструментом историческим и традиционным и в то же время легендарным и сказочным, любимым образом народной поэзии, давно уже живущим собственной жизнью: *«Несравненная, выросшая из глубокой древности мифопоэтическая красота и прямо-таки космическая мощь этого образа вместились в короткое – гусли-самогуды. Создать такое мог народ, не слепо восхищённый звуками, но узаконивший особую норму, согласно которой музыкант, играя на гусях, считал себя не источником чуда, но свидетелем его»*.

О чуде рождения гуслей-самогудов Владимир Иванович поведал в Книге «Слово о гудебных сосудах к доброй памяти о безымянных творцах народной славянской музыки» так, что и читатель становится свидетелем этого чуда: *«Подходил крестьянин, брал он тую щепицу словозвучную да и приладил к щепице тетивочку лучную, а к той тетивочке – другую. А ко первым двум – да не для спору – приладнял для ладу третью – Три гусли гудут. Гусли гусли донимает...»* (К сожалению, эта работа Владимира Ивановича в силу некоторых обстоятельств до сих пор не опубликована и доступна лишь небольшому кругу исследователей творчества Поветкина).

Сказочной, образно-поэтической воспринимается и классификация гуслей: традиционные – звончатые,

лирообразные, шлемовидные, *самогудные и злато-струнные, всевластные в песнях и старинах*. Безусловно, событием в музыкальном мире стала реконструкция звучания лирообразных гуслей. Но не менее важно знать, что именно лирообразные гусли, по свидетельству Поветкина, говорят о связи русской культуры с великой эпохой игры на щипковых лирообразных инструментах, с культурами древних цивилизаций, ближайшая из которых – Античная Греция.

Удивительно, как в публикациях о древних музыкальных инструментах органично сочетаются взгляд учёного-исследователя и восхищение мастера красотой рукотворного изделия: *«...имеющееся у данных гуслей игровое окно, сквозь него при игре касались струн, оно то и есть наследие великой в истории человечества длившейся несколько тысячелетий эпохи музицирования на лирообразных инструментах. Игровое окно в конструктивном соединении со стержнем-струнодержателем, характерным для традиционных новгородских гуслей, составили такой тип струнного щипкового музыкального инструмента, о котором никто из музыковедов не предполагал, что он имел место в истории»*.

Необходимо отметить, что органическое сочетание мысли и чувства, знания и отношения к нему становится характерной чертой и научных его трудов. Читая любую из научных статей Владимира Ивановича, отчётливо понимаешь – слово – вот что вовлекает читателя в мир идей и открытий: *«В традиционном народном представлении для каждого звукоизвлекающего приспособления находилась присущая только ему первостепенная роль. Отсюда границы музыкально озвученного мира, мира волшебного, растворялись далеко за пределами собственно музицирования. Чудо звучащего мира равно переживалось в будни и праздники»*.

Один из исследователей русского быта XIX века утверждал, что «Русскому человеку от природы присуще чувство прекрасного». К сожалению, не многие наши современники согласны с этим. Но наше снисходительно-прокровительственное восприятие мира русского не может не меняться, когда в научной статье читаешь: *«Вообще, две последние кобылки нуждаются в особой оценке... Они умножили фонд неповторимых свидетельств о начальном периоде музицирования, они же, в отличие от других открытых образцов, восхищают ещё и скульптурностью своих форм... Здесь видится благоговейное отношение к музыкальному инструменту, его облику и образу»*. **Неповторимых, восхищают, благоговейное...** Каким же даром слова нужно обладать, чтобы строго регламентированную научную речь сделать такой яркой и ясной! Или же: *«У инструмента ясно читается продолговатая головка, шейка, а также крупный с выраженной талией заострённый кверху и книзу корпус»*.

Так Поветкин убеждает читателя: *в вещах можно увидеть красоту, присущую природе*. И далее: *«Трудно пока что догадаться, каково назначение помещённого между музыкантами одинокого сосуда. Быть может, он есть ключ иносказания: настоящая музыка целебна, как напиток в этом прекрасном сосуде. Любопытна цепочка созвучий: глиняный водолей – это сосуд, на его клейме – сосуд, а рядом – опять же гудебные сосуда, под коими в книгах на Руси подразумевались музыкальные инструменты. Отсюда вариант иносказания:*

голоса гудебных сосудов пьянят, как вино, которым наполнен этот сосуд».

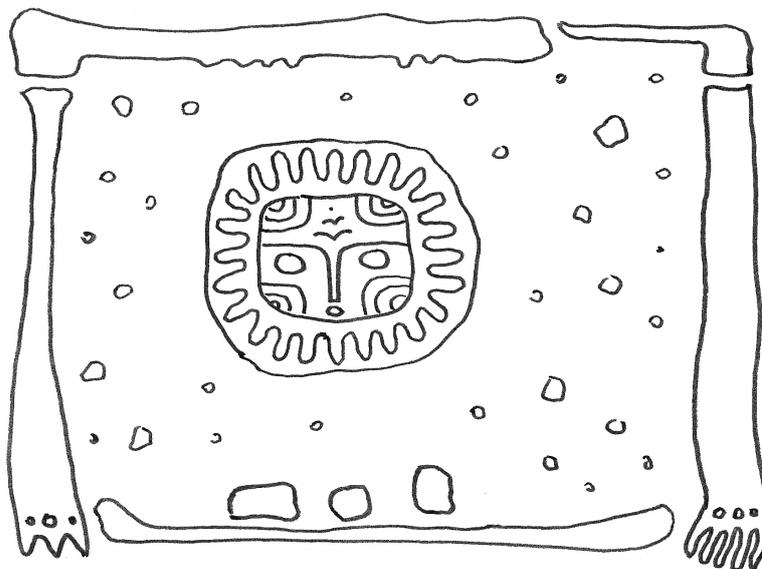
Вот так образно-поэтическое мышление наших предков может определить стиль научного текста. Да, действительно, слово – не просто языковая единица, это в едином целом и звук, и мысль, и сама вещь, выраженная в понятии и облечённая в звучание слова. И только так можно помочь читателю проникнуть в суть вещей, тысячелетиями служивших русскому человеку и украшавших его жизнь.

Как глубоко нужно понимать душу народа, истоки его творческой энергии, чтобы, заключая рассказ о глиняных птицах Курского края, произнести: *«На таком ощущении прекрасного и понимании своего личного участия в общем трудовом и творческом процессе зиждется национальное – и оно же авторское – художественное лицо народа. В свою очередь, чем ярче, чем сохраннее такое традиционное лицо народа, тем в большей мере оно уважаемо другими*

народами и по праву занимает место в общемировом культурном соцветии»...

Поветкин – публицист. Поветкин – реставратор, Поветкин – плотник, Поветкин – учёный с мировым именем, а над всем этим – Поветкин – музыкант, умеющий слышать гармонию Вселенной. Он и попрощался с нами как музыкант, подарив «Колыбельную Великому Новгороду». Словно ласковая волховская волна выплеснула на берег эту дивную мелодию и россыпь драгоценных камней – образов авторских ли, национальных? Не провести меж ними границу!

Хочется читать и перечитывать его работы, непрерывно открывая что-то новое, неведомое. Но одно несомненно: словом своим Владимир Иванович защищал духовные рубежи нашей Родины, свято веря, что *«Слово со времён князя Мстислава стало незримой крепостью Новгорода, и великий и святой князь Александр Невский не одним мечом, а и речами уместными защитил Русь, а – значит – весь православный мир».*

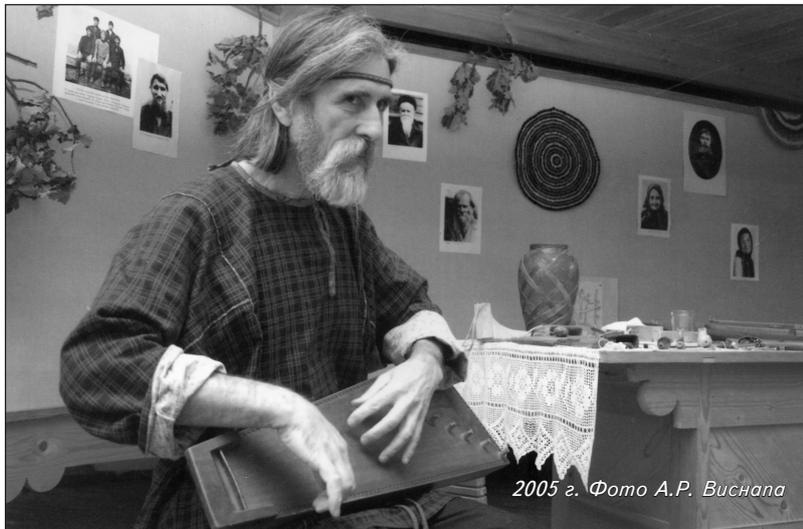

А.А. Лукин

ВЛАДИМИР СВЕТ ИВАНОВИЧ! ВЫ ПРИХОДИЛИ В ЭТОТ МИР. ЗАЧЕМ?

Оставь любопытство толпе
и будь заодно с гением.

А.С. Пушкин

2005 г. Фото А.Р. Виснапа

Чётко очерченный яркий круг луны с грустным ликом заливает сверху голубым сиянием деревню, утонувшую в снегах. Необъятный небесный шатёр опущен, наверное, над всем миром, и на нём поблёскивают одинокие, как будто закинутые в небо фонарики, звёзды.

По деревенской улице, по дороге, утоптанной днём саними, людьми, идём с матерью в эту полночь как сторожа. Залитая лунным сиянием деревенская улица видна далеко и теряется там, где лес подходит к деревне, но там уже другой, пока ещё незнакомый мне мир. Редкий огонёк виден в избах, скрытых сугробами. Луна, затерянная среди редких призрачных облаков, кажется, пристально смотрит на нас. Рядом с нами бредут две тени, одна маленькая – это я: полушубок плотно подпоясан, в руках колотушка, стук её слышен хорошо, и кажется мне, что он разгоняет ту тревогу, которая видится в притихших сугробах с глубокими синими тенями, где, наверное, кто-то притаился. Но ведь мама рядом, и она развеет всякое моё беспокойство.

– Постукивай, постукивай, – напоминает она мне время от времени. – Пусть слышат нас. Завтра не забудь колотушку отнести соседям, Чугуновым. Я стучу и, что ни говори, а со стуком становится увереннее шагать к концу деревни, где пока ещё граница моего мира. И скрипят, скрипят мои шажочки и мамыны из того, далёкого

детства... И сколько их будет ещё по жизни, а эти так и остаются в памяти, и они громче всех, несмотря на невозвратную даль...

Эта картина ночного дежурства с матерью, когда я ритмичным постукиванием колотушки охраняю покой деревни, была вызвана из памяти Поветкиным на его лекции-концерте в Центре музыкальных древностей, когда Владимир Иванович демонстрировал музыкальные инструменты, сотворённые его руками, и я, к своему удивлению, увидел среди них колотушку. Он рассказывал о её назначении, но она-то мне была знакома с детства.

– Невозможно представить себе ночной Новгород без характерного постукивания колотушки, – увлечённо говорил Владимир Иванович. – С бытовых сигналов в древности начиналось понятие музыки – гудьбы.

И получалось, что даже коровьи колокольцы-ботала, которые оказались у него в витрине, превращались в «самозвучающий музыкальный или бытовой инструмент». Я не думал, что знакомые нам бытовые звуки можно изначально воспринимать как музыкальные. И зря. Вот идёт утром стадо по деревне. Гудят, звенят на разные лады колокольцы, и к «выгону», когда стадо становится полным, эти звуки превращаются в разнокалиберный колокольный перезвон. Пастух может играть на рожке, а иногда рассекает мелодии коровьего «корильона», как ружейным выстрелом, ударом бича. Я выгонял корову в стадо и каждый раз с удивлением смотрел, как можно так ловко, очертив над головой кнутом круг, закончить хлестким ударом, от которого какое-то время звенит в ушах, и даже овцы, и так семенящие тесной гурьбой, ещё теснее жмутся, и даже здоровенный бугай, если был занят, отвлечётся от своего основного дела и пошагает дальше, как все. Мы с соседским Борисом, моим сверстником, смеёмся: «Ага, не вышло?» Но не более того – для нас, деревенской ребятни, эти картины привычны; это обыкновенная и необходимая часть нашей деревенской жизни. Уходит стадо за

край деревни и рассыпается там по перелеску, напоминая о себе колокольными перезвонами...

Владимир Иванович Поветкин, взяв в руки со стола очередной музыкальный инструмент, располагается на скамье, покрытой цветастым половником, и своим рассказом возвращает меня из детства. Стол рядом заполнен всевозможными, ещё неизвестными нам, инструментами. Владимир Иванович медленно, экономными движениями, как бы размышляя, подвёртывает рукава рубахи – для удобства. Она оторочена по рукавам цветной тесьмой.

– Вот это трёхструнный гудок, – он объясняет мягко, негромко, наверно, так и надо говорить, когда речь идёт не о концерте в привычном нам смысле, а звучит как приглашение к размышлению о том, что мы сейчас увидим и услышим. – Две струны настроены в унисон или в октаву, – разъясняет он. – Они звучат постоянно, а третья, мелодическая, настраивается к ним в квинту или кварту. Звучат одновременно все три... Различные настройки были в народном обиходе.

Правая рука со смычком привычно ходит по струнам, а левая, обняв гриф, помогает строить незамысловатую мелодию.

– Это был трёхструнный гудок. А зачем тогда двухструнный? – рассуждает Владимир Иванович, беря в руки другой. – Казалось бы, на трёхструнном можно всё сыграть, но у этого инструмента есть свои интересные возможности. Тот же наигрыш мы послушаем на этом инструменте. Я буду играть то на одной струне, то на другой – ничего больше не убавляя и не прибавляя.

Простая мелодия задаёт привычный знакомый ритм, и сидевшие с нами рядом девушки – ну чем не посылки! – пошли павами вокруг да около парня в цветной рубахе и своим дробным топотом усилили, украсили нехитрый наигрыш гудка, а завершив, встали в рядок перед музыкантом и низко согласно поклонились, – на что он им ответил – и те с улыбками отошли.

Наигрыш на гудке Владимир Иванович сменяет мелодией на гусях. И снова мелькают широкие сарафаны, а дробный топот каблучков сопровождается теперь частушками.

Я смотрю, и мои мысли перебегают сценами, виденными мной когда-то, а теперь будто воскрешёнными. Разве не это же я слушал на посиделках у соседей? Мужиков в деревне мало, с войны вернулись единицы, мой сверстник Борис тоже дежурит с матерью, когда подходит очередь. Я приду к ним обязательно поздно, чтобы увидеть, какие девки и парни собрались на посиделки и кто с кем балует. И если девочки начнут петь частушки, их надо запомнить.

Вот одна поднимается с лавки и, чуть выйдя, начинает:

*Эх, топни нога,
Топни правенькая –
Всё равно ребята любят,
Хоть и маленькая.*

Едва она закончила и ещё не села, а её соседка уже подхватывает:

*Приезжали меня сватать
На кривой кобыле.
Всё приданое забрали,
А меня забыли.*

Я сам помню много частушек ещё с той, военной поры, когда мы после многомесячных блужданий – крестный

путь беженцев – обрели, наконец, кров в удмуртской деревне. На просьбу спеть частушки я, пятилетний мальчишка, мог их выдавать одну за другой:

*Из колодца вода льётся,
Вода – чистый леденец,
Красна Армия вернётся,
Скоро Гитлеру конец.*

Почти все частушки были про войну, про Красную Армию, про нашу победу и про Гитлера. Почти у всех семей кто-то был на войне, и мой репертуар находил горячий приём. Тем более, что я уже говорю, как они, хожу в лапоточках, которые сплёл мне сердобольный сосед дед Артём, а за пение меня зовут Кенарем:

*Сидит Гитлер на берёзе,
Плетет лапти костьюгом,
Чтобы вишивая команда
Не ходила босиком.*

Мы очень голодаем, все знают, как живёт семья беженцев из Новгорода, приехавшая ни с чем, и хоть я отказываюсь (так мать учит), но мой поясок у полушубка пополняется то горбушкой хлеба, лепёшкой, а то и шаньгой. Меня, пятилетнего мальчишку из беженцев, любят опрашивать: «А где твой отец?» На это я отвечаю: «Мой папка на фронте, немца бьёт!» Я отвечаю сурово, как и подобает говорить о самом главном в жизни на сегодня. Мой отец сложит свою голову под Мгой в 1943 году, и с тех пор наша семья на многие годы потеряет опору, поэтому, когда закончится эта проклятая война, я буду знать ещё частушку, которую пела-плакала моя мать:

*Мне нисколько неинтересно,
Что закончится война –
Все придут, а мой останется
В могиле навсегда.*

Спустя годы, когда я узнаю, что Владимир Иванович Поветкин родился в трудном военном, тоже 1943 году, фактически в пекле сталинградских боёв, мне видится в этом какой-то символизм и, если хотите, некая высшая справедливость. Сам Владимир Иванович вспоминал с мягкой иронией: «Мама моя, Мария Фёдоровна Байбакова, когда была беременной, вышла на крыльцо во время бомбёжки, и осколок просвистел мимо её живота. Поэтому я считаю себя самым юным ветераном Сталинградской битвы».

У Владимира Ивановича было тоже трудное и тяжёлое детство, если не сказать больше, и в этом я вижу некоторые параллели в судьбах нашего поколения, что и неудивительно, ведь оно называется одним словом – дети войны.

В конце нашей встречи Владимир Иванович, играя на гусях, то задавал спокойный ритм, и девочки из его хора пели слаженно песни, а гусяр даже подпевал им глуховатым голосом, то – высокий темп, и они пускались в пляс, сопровождая его частушками. Но закончил он красивой спокойной мелодией, и мы, и девочки замерли на своих лавках. Мелодия не звала ни петь, ни плясать; мы все призывались на минуту раздумья – невидимый ветерок будто повесил в зале, заставляя звенеть маленькие колокольцы и слушать эти серебряные переборы, словно нежные пальчики извлекали эти невесомые звуки, а не тяжёлые руки рабочего человека, из-за которых В.Л. Янин и оценил Поветкина как художника высочайшего класса. Я смотрел на его лицо, склонившееся над гусями – судьба тоже наложила свой отпечаток – глубокие морщины избороздили

его, а борода и волосы покрылись изморозью седины. Одежда очень соответствовала всему характеру и ходу нашей встречи – разве можно было бы представить его, играющего на гусях, гудке, сопелях в другом одеянии...

Владимир Иванович проводил всё наше семейство (девять человек), которому он – только ему! – уделил два с лишним часа, и здесь в прощальном благодарственном разговоре случайно выяснилось, что и он, и я служили в одно время, и он, и я в Калининградской области – он на флоте в Балтийске, а я недалеко – в ракетной части. Параллели продолжались? Владимир Иванович воскликнул: «О, как интересно!» И я заметил, как вспыхнули искорки в глазах бывшего балтийского матроса.

Мы стояли у входа возле витрины со стеклом и обратили внимание, что там была закреплена берестяная грамота. Да, это была дана очередная грамота на реставрацию Владимиру Ивановичу. Грамота под номером ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ! С ней предстояло

много работать. Под впечатлением музыки, подобно которой ещё услаждали слух древние новгородцы, мы теперь замороженно смотрели на это молчаливое послание веков, которое Владимир Иванович заставит заговорить: и мы узнаем о каких-то заботах, проблемах человека, жившего тысячелетие назад, и восстановится ещё одна ниточка с прошлым.

Примечательно, что на встрече Владимир Иванович не говорил о своих трудностях, а ведь мы знаем – их было немало – мучительные поиски в процессе реставрации и озвучания древних музыкальных инструментов, восстанавливаемых по малым обломкам, адский труд по восстановлению самой древней церковно-славянской книги (церы), многолетние усилия по созданию Центра и т. д.

*В какой-то мере это должны восполнить собранные мной свидетельства современников, писавших о нём в трудные годы и годы успеха. Это, конечно, малая часть свидетельств его жизни, или, как говорили древние, его *sitgicilum vitae*, но и они, надеюсь, дадут определённое представление о жизненном пути этого незаурядного человека, оценка которого в познании культуры нашего прошлого, можно предположить, ещё впереди. Замечу, что материал расположен по возможности хронологически. Также не забудем, что свидетельства*

современников, как правило, субъективны, – впрочем, как и вашего покорного слуги, – но и этим они полезны.

Общаясь с нами, Владимир Иванович не делал акцента на проблемах, он представлял нам готовый результат – пласт культуры наших предков, про который до него говорили – культура „великого молчания”. Для него важно было донести своё видение до максимального количества людей – слушайте и уверуйте! Я вот тоже окупился в своё прошлое, слушая – нет, не концерт Поветкина, а, скажем так, обрядовое действо, где люди Центра проживают кусочек жизни, призывая нас быть заинтересованными свидетелями этого. Если у кого-то не встрепенулось ответно сердце, то можно спросить: „А прошлое – оно у вас есть? Оно у вас было?”

Владимир Иванович Поветкин, размышляя о судьбе другого именитого новгородца – писателя Д.М. Балашова, у которого тоже было немало оппонентов, задавал вопрос (мы знаем – с обидой, мы знаем – обращаясь, конечно к

нам): „Дмитрий свет Михайлович! Вы приходили в этот мир. Зачем?” Теперь мы задаём этот вопрос и Владимиру Ивановичу, но ответ давать нам...

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННИКОВ

От Сталинградской земли до Новгородской

«Моей маме (Марии Фёдоровне Байбаковой – **А.Л.**) пришлось многое пережить, перестрадать. Долгие годы она работала на заводе, возвращалась после ночной смены глухими улочками. <...> Несмотря на то, что она работала с полной отдачей сил, мы были беднее всех бедных, жили в фургоне от полуторки. Постоянно,

чтобы не стукнуться о притолоку, нужно было пригнаться. Но моя мама гордилась, что своего сына отправила служить на Северный флот здоровым и крепким, что он нужен Родине. Она была и осталась патриоткой.

Всё чаще размышляю: родила ведь она меня едва ли не в пекле Сталинградской битвы. Не пустая молва, что на женщине Мир держится. <...> Вот и на маме моей, если не Мир, то Центр музыкальных древностей в трудные минуты выстоял. И не только потому, что она нет-нет, а перешлёт сюда свои пенсионные крохи. Важен её дух поддержки, всепрощения, жертвенности. Спасибо Тебе, свет мой трепетный, ласковый, Мама».

Поветкин, В. И. «Свет мой трепетный, Мама» / В. И. Поветкин // Вера. Надежда. Любовь. – 2000. – дек. – С. 3.

«После Сталинграда в его жизни были ещё Курск, Тамбовщина, Ростовская земля, Донецкая, Харьковская. Было художественно-графическое училище, работа в газете, служба на двух флотах. Ему приходилось решать штурманские и конструкторские задачи, работать какое-то время даже фельдшером».

Пианский, А. Первопроходец : К 60-летию Владимира Поветкина / А. Пианский // Новгород. – 2003. – 27 февр. – С. 5.

«...Значительная часть жизни Владимира Ивановича (Поветкина – **А.Л.**) – реставратора, художника, музыканта – связана с Курском. Здесь он учился в школе, окончил худграф, работал наладчиком на КЗТЗ, оформителем в редакции „Молодой Гвардии“ (молодёжная областная газета – **А.Л.**). С 1969 года – в Новгороде, возглавляет единственный в России и Европе музей древности. Курский край по-прежнему любит».

Татарская, И. Единственный в России и Европе / И. Татарская // Курская правда. – 1999. – 9 апр. – С. 4.

«– А в молодости я мечтал стать художником. Отучился в Курском художественно-графическом педагогическом училище, где нам каждый день говорили: мы из вас готовим не художников, а преподавателей, – рассказывает Владимир Иванович, – но я стремился быть прежде всего художником... <...>

– Когда в юности я служил на Северном флоте, то влюбился в север как живописец: много рисовал, обдумывал образы, переживал, проходил свой путь. И это принесло свои плоды: тогда ещё я только подозревал, а сейчас могу говорить точно – в то время во мне родились поэтические образы севера как грандиозного существа. Бурная весна, удивительные контрасты между тьмой и светом, изумрудные тени, зелёные листья, водовороты облаков в небе. Помню, тогда я невольно сравнивал увиденное с Крымом, и не в пользу последнего. <...>

Из дальних комнат, отделённых от „парадных комнат“ Центра ширмами, Владимир Поветкин приносит старинный фотоальбом на замочках – подарок за отличную военную службу – и показывает фотографии. С них смотрит озорной моряк-барабанщик, играющий на жестяном тазе в импровизированном оркестре».

Клататнюк, М. ЗаПОВЕТная тропа / М. Клататнюк // Новгородские ведомости. – 2009. – 18 июля. – С. 8–9.

«<...> В конце шестидесятых годов Володя Поветкин дружил с моей сестрой и часто бывал в нашей квартире. Был он тогда скромн, тих и угрюмо молчалив. Мне он казался даже чудаковатым. Сумрачный и довольно нелюдимый, он мог часами слушать Баха, Вивальди, Бетховена, обожаемый им „Реквием“ Моцарта. Это была главная его духовная пища, и я уже по привычке, как только он входил в нашу квартиру, немедленно лез в шкаф за стопой долгоиграющих пластинок, чтобы отобрать нужные. Современную музыку Володя совершенно не воспринимал и твёрдо просил не ставить такие записи на диск проигрывателя».

Усевшись поудобнее в глубокое кожаное кресло, он надолго погружался в мир музыки. Проходили многие часы, мои домочадцы возились со своими делами, по

квартире лились звуки бетховенских концертов... Потом мы звали Владимира к обеденному столу. Покидал наш дом Поветкин всегда довольно поздно, и мы обычно тревожились за него, особенно в зимние короткие дни, когда ему приходилось добираться подчас пешком до своего далёкого жилья в пригородной Мокве».

Степанов, В. Владимир Поветкин в Курске / В. Степанов // Курская правда. – 1999. – 13 мая.

От гридницы до Славной

«<...> В Новгороде он живёт двадцать лет, а когда приехал сюда, не было у него здесь ни кола, ни двора, ни единой близкой души. Десять лет прожил в сырой, неотапливаемой даже зимой клетухе Воротной башни <...> Здесь он и мастерил свои инструменты. Не единожды его обворовывали. Не единожды его выселяли из его „хором“. А куда ему было переезжать?.. Наконец, дали ему квартиру, недалеко от Волхова, на улице Славной, но въезжал он туда на костылях: долгие годы, проведённые в холодной сырой комнате, не прошли бесследно. Несколько месяцев он был прикован к постели, потом заново учился ходить».

Власов, С.М. «Чего же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев: сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«– Давно это было, – вспоминал Александр (Кочевник – **А.Л.**), – в 80-е годы. На Ярославовом дворище ютился Владимир Иванович. По клубам дыма разыскал его: печка коптила нещадно».

„Вы кто?“ – задал я ему прямо с порога вопрос.
„Лучший в мире печник“, – ответил он мне.

В те годы Владимиру Ивановичу было особенно тяжело: без жилья и достойной поддержки. Но у него характер! И он его ломать не хотел!»

Гаричева, Л. [Вечер, посвящённый 20-летию Центра культуры В.И. Поветкина «Музыкальные древности» в Новгородской областной универсальной научной библиотеке.

26 мая 2010 года / Л. Гаричева // Вера. Надежда. Любовь. – 2010. – июль. – С. 4.

«Кажется, совсем ещё недавно в тесной комнатке Воротной башни Гостиного двора, что на Ярославовом дворище, отмечали 35-летие её обитателя. До сих пор для меня остаётся загадкой, как мы все умудрялись там размещаться? И более того, вязать, плести, играть в шахматы... А в наших постижениях азов плетения, вязания, вышивания у столь одиозной фигуры (каковой считался Володя) «углядывался» некий криминал. И наведывались „любители древностей в штатском“, после чего многим из нас становилось не очень уютно в этом мире. И тогда Володя брал в руки гусли. И отступало отчаяние, и верилось, что не так всё безнадежно и беспросветно. <...>

И как будто и не было этих умчавшихся пятнадцати лет. И „полувековой“ Володя прежний...»

Сеина, О. Опять к Поветкину гости понаехали / О. Сеина // Новгород. – 1993. – 26 февр. – 5 марта. – С. 2.

«Оказавшись в Новгороде в 1969 году без жилья, друзей и знакомых, он вынужден был прийти в дирекцию Новгородского музея-заповедника и предложить свои услуги в работе по дереву. Его первая работа стажёром понравилась, и ему временно разрешили проживать в гриднице (покои княжеского двора – **В.С.**) Ярославова дворища, где не было даже элементарной печки для обогрева жилища. Долгие десять лет прожил там Владимир Поветкин, а когда ему была выделена квартира, то из гридницы он вышел инвалидом на костылях. Потребовались мужество и усилия, чтобы вылечиться от приобретённой хвори».

Степанов, В. Владимир Поветкин в Курске / В. Степанов // Курская правда. – 1999. – 13 мая.

«<...> пока ютится мастер у себя в квартире. Здесь у него и лаборатория, и мастерская, и склад, и демонстрационный зал. Комнатки забиты стеллажами, полками и всякими хитрыми приспособлениями с инструментом и материалами. Но разве всё необходимое уместить здесь! Вот и гниют в сарае заготовки для гуслей, мокнут под дождём, сохнут на солнце. Квартиру Поветкина отличить сразу – вход в неё практически забаррикадирован деревянными чурками».

Власов, С.М. «Чего же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев : сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«В 70-е и 80-е годы маленькая квартирка на улице Славной в Новгороде стала местом паломничества людей разных возрастов и национальностей. <...> И только об одном просил тогда хозяин квартиры Владимир Иванович Поветкин: „Не водите ко мне иностранцев!“ И вовсе не потому, что он их не любил, а потому, что после каждого визита иностранной делегации его самого приглашали в КГБ и вели новую беседу на старую тему. Долгие годы Владимир Иванович жил и работал с ярлыком «потенциальный антисоветчик». <...>

Те, кто видели его деревянные скульптуры, рассказывали о них с восхищением. Три работы Поветкина в те далёкие времена были отобраны для выставки в Париже, куда и благополучно прибыли наряду с другими, но выставлены не были. Бойцы идеологического фронта, сопровождавшие экспонаты, сочли, что „потенциальный антисоветчик“ Поветкин названиями своих работ передаёт на Запад некое послание. Скульптуры назывались: „Одиночество“, „Звон“, „Безоружный“.

Помещение, где он жил и работал, неоднократно взламывали, разворовывали и поджигали. <...>

И сохранившиеся скульптуры исчезли. Уже лет двадцать никто не знает, где они. О Поветкине тогда говорили, как о пирате, неизвестно где спрятавшем свои сокровища. И никакие просьбы показать их не находили отклика».

Киселёв, Б. Хранитель вечности / Б. Киселёв // Лига наций. – 2001. – 19 янв. – С. 11.

«– Поветкин начинал как очень хороший скульптор, – говорит народный художник России Борис Непомнящий. – У него были великолепные пространственные деревянные скульптуры малых и средних форм. Я видел их

в мастерской, но ни одной его персональной выставки не помню.

– Его работа оказалась как-то на выставке во Франции, – вспоминает архитектор-реставратор Ольга Коваленко. – Конечно, не сам он её возил, никто бы его тогда за границу не выпустил. Скульптура имела большой успех и даже удостоилась награды – у него потом ещё в связи с этим были какие-то проблемы с властями или КГБ...»

Пианский, А. Первопроходец : К 60-летию Владимира Поветкина / А. Пианский // Новгород. – 2003. – 27 февр. – С. 5.

«<...> нам её (музыки Поветкина – **А.Л.**) не хватало. Даже друзья стали говорить – Поветкин вредничает. А не друзья и тем паче – да он такой, сякой, разэтакий и вообще „потенциальный антисоветчик“! Он людей не уважает: к нему пришли – сыграйте, Владимир Иванович! А он – у меня забастовка! И если уж откровенно: он вообще негодай – не только играть перестал, но и гусли спрятал! И теперь ни посмотреть, ни послушать! Даже уважаемым людям не сыграл, а как просили! Это же моё личное дело!»

Киселёв, Б. Хранитель вечности / Б. Киселёв // Лига наций. – 2001. – 19 янв. – С. 11.

«<...> довелось мне услышать о Поветкине разное, эдакое снисходительно-скептическое: и заносчив, мол, и не хочет отдать в музей все свои инструменты, и не стриётся – волосы до плеч отпустил, и кружок во Дворце пионеров не желает вести, и не совсем ясно его социальное лицо – числится, вроде, в археологической экспедиции, но ведь там работают только летом, а остальные девять месяцев года что Поветкин делает, тунеядствует? <...>

<...> я не сгущаю краски, а почти со стенографической точностью цитирую слова тех, кто долго стоял у „руля культурной жизни“ города и области. В частности, слова заведующего отделом бывшего обкома КПСС Е. Быстрова. <...>

– А кто он, собственно говоря, такой, чтобы мы с ним столько нянчились, – негодовал во время нашего с ним разговора Е. Быстров. – Поветкин эгоист, он не патриот Новгорода, он хочет лично показывать свои инструменты иностранцам. И вообще я не понимаю, чего он ещё хочет!»

Власов, С.М. «Чего же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев : сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«Его квартира, давно уже ставшая мастерской, превратилась ещё и в концертную площадку. Из разных городов люди ехали послушать игру на возрождённых инструментах и посмотреть на ЭТОГО человека. Даже частушка тогда появилась:

*Испекла я пирожок
с мёдом и орехами,
А к Поветкину опять
девки понаехали!»*

Киселёв, Б. Хранитель вечности / Б. Киселёв // Лига наций. – 2001. – 19 янв. – С. 11.

«Поветкин углубился в историю и археологию сравнительно недавно, когда лишился работы за вымышленное „искусствоведом в штатском“ диссидентство. Дело было так: несколько его художественных работ в конце 70-х годов попали на парижскую выставку «Русское дерево от древнейших времён до наших дней». В их числе

находились скульптуры под названиями „Безоружный“, „Звон“ и „Одиночество“. Специалисты из КГБ, по словам Поветкина, приняли их за шифровку, в виде скульптур посланную художником на иммигрантский Запад. Суть „шифровки“ они перевели так: „мы одиноки, безоружны и звоним во все колокола“. В 1973 году, сразу после окончания выставки, Поветкина вызвали в КГБ и внятно обрисовали его творческие перспективы: „Ваши успехи будут зависеть от нас“.

– Из-за этой анекдотической истории я не мог нигде работать – никто не мог заключить со мной никаких договоров. Я понял – нужно искать время и место, где жить не мешает коммунистический диктат.

Поветкин нашёл это место – новгородский Троицкий раскоп.

Арьева, Ю. Шифровальщик геной памяти. Владимир Поветкин слышит созвучие времён / Ю. Арьева // Общая газета. – 2000. – 12 окт.

Росич всегда хотел невозможного (создание Центра)

«В 1984 году под давлением общественности (музыканты, археологи, писатели хлопотали) новгородские власти взялись за создание Центра, но дальше разговоров и обещаний дело не пошло. На удочку этих обещаний попались многие, волна общественного возбуждения во круг Поветкина схлынула.

...В последний свой приезд в Новгород, два года назад, я застал Владимира Ивановича в состоянии крайнего уныния. Стена, на которой раньше красовались древние инструменты, была теперь голой.

– Спрятал, упаковал, – хмуро пояснил он, – уеду отсюда. Не найти мне здесь понимания.

Оказывается, приезжал к нему Е. Быстров (опять-таки под давлением общественности – на сей раз поэт Виктор Боков вступился), поговорил и вынес своё решение: вместо Центра сделать просто мастерскую и выделить для неё не сто двадцать, как Поветкин просил, а шестьдесят квадратных метров.

– Но это же совсем не то. Не то! – доказывал Владимир Иванович. – Рушится Идея!

– Идея – хорошо, а у нас в городе жилья не хватает, – отвечал ему Быстров. – Так что с Центром придётся подождать».

Власов, С.М. «Чего же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев : сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«На протяжении нескольких лет Поветкин „пробивал“ саму возможность создания Центра. Пришлось даже прибегнуть к забастовке: два года он не являлся на людях, отказывался служить лубочной „визитной карточкой“ для партийных гостей, приезжавших в Новгород. Лёд тронулся лишь в 1986 году, после письма академика Лихачёва».

Арьева, Ю. Шифровальщик геной памяти. Владимир Поветкин слышит созвучие времён / Ю. Арьева // Общая газета. – 2000. – 12 окт.

«Страницы истории создания Центра музыкальных древностей приоткрыл московский журналист Сергей Власов <...> Вот как это было:

– Я тогда работал корреспондентом в журнале „Огонёк“. Главный наш редактор Виталий Коротич дал задание – поехать в Новгород и разыскать там Поветкина.

Кто он такой, я сам толком не знал, хотя в кругах археологов и реставраторов новгородский мастер уже успел прославиться тем, что по собственной методике не только воссоздал лирообразные гусли XI века, но и научился извлекать из них мелодии, что исполняли легендарные Садко и Боян. Потому в разговоре с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым, с которым познакомился накануне в Питере, я так и сказал: „Велели „чайника“ какого-то найти“. На что Лихачёв воскликнул: „Вы что!?! Это же Поветкин! Уникальный человек! Ему нужен собственный Центр“. С тем я и поехал, и уже в Новгороде разузнал кое-какие подробности <...>».

Дубовицкая, С. Поющая стрела Владимира Поветкина : Новгородскому Центру музыкальных древностей исполнилось 20 лет / С. Дубовицкая // Новгородские ведомости. – 2010. – 5 февр. – С. 12, 24.

«В 1978 году на фольклорном празднике новгородцы впервые услышали звучание реконструированных гуслей. <...> Возникла идея создать в Новгороде музыкально-реставрационный центр. Идею поддержали Институт русской литературы Академии Наук СССР (Пушкинский Дом) в Ленинграде и ряд известных учёных во главе с академиком Д.С. Лихачёвым, которые обратились в новгородские партийные и советские органы с предложением оказать содействие Поветкину. Но дальше вежливых ответов дело не двинулось.

В 1985 году тогдашний первый секретарь горкома партии В.А. Кондратьев, ознакомившись с вопросом, взялся помочь.

Архитектору И.И. Кушниру было поручено разработать проект центра».

Кузьмичёв, С. Быть или не быть в Новгороде музыкально-реставрационному центру / С. Кузьмичёв // Правда. – 1989. – 22 дек. – С. 4.

«Мы сели втроём в машину и поехали... выбирать место для Центра. Решили, что лучше строить на небольшом пустыре за кинотеатром „Октябрь“. На следующее утро Кондратьев призвал архитектора И.И. Кушнира, начальника стройтреста А.В. Крутова и объяснил им задачу. Оба сразу же загорелись, стали перебирать варианты. Проект словно материализовался из воздуха.

Поветкин сидел тут же, слушал и не верил своим ушам. Как, оказывается, всё просто, думал я. <...>

...Не прошло и года, как двухэтажный дом площадью почти 240 квадратных метров был построен. Придирчивому Владимиру Ивановичу, однако, захотелось его тут же после ухода строителей реконструировать. И в этом деле ему взялся помочь местный фонд культуры, у которого появилась теперь отдельная программа – „Музейный Центр Поветкина“. <...>

29 мая 1991 года на благотворительном концерте фольклорных коллективов В.И. Поветкин сообщил:

– С этого дня наш Центр начал действовать».

Власов, С.М. «Чего же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев : сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«<...> торжественной церемонии разрезания ленточки не было, а Центр музыкальных древностей работает, и, значит, открыт. <...>

<...> Ведь что понимать под открытием и с каким временем в истории Новгорода его соотносить?

То ли с 1951-м годом, когда при археологических

раскопках в древнем Неревском конце Новгорода были обнаружены обломки музыкальных инструментов – металлического варгана, деревянных гудка и гуслей <...>.

То ли открытие Центра связывать с 1968-м и последующими годами, когда... <...> Под руководством Б.А. Колчина – выдающегося деятеля новгородской археологии – были проведены первые опыты по восстановлению внешнего облика гудков – струнных смычковых музыкальных инструментов и гуслей – струнных щипковых.

Или же открытие Центра искать в середине 1970-х годов? В те поры, занимался я реконструкцией древних деревянных вещей <...>

Зарокотавшие в 1978 году лирообразные гусли, на обломке которых уцелела сделанная в XI веке надпись «СЛОВИША», были ответом на мнение некоторых зарубежных исследователей о русской культуре как о культуре великого молчания».

Поветкин, В.И. С поклоном к уважаемому читателю / В.И. Поветкин // Звезда. – 1994. – 23 апр. – С. 2.

«Наши друзья, созидатели Центра, подают вести из медвежьих углов и из мировых столиц. Бывают вести в виде тридцатимиллионных переводов, как, например, в 1997 году от Сергея Михайловича Власова – Командора Российского отделения Международного ордена Святого Константина Великого. (И неважно, что эти деньги «подгорели» вскоре в Славянбанке). Вести бывают в виде музыкальных археологических каталогов из Японии, записей народной музыки, скажем, из Аргентины, простых поздравительных открыток. <...>

В курской школе № 7 имени А.С. Пушкина, где я когда-то проходил педагогическую практику, нынче на уроках истории Варвара Викторовна Сапожкова рассказывает о музыкальной культуре древних новгородцев, о нашей работе».

Поветкин, В.И. «Свет мой трепетный, Мама» / В.И. Поветкин // Вера. Надежда. Любовь. – 2000. – дек. – С. 3.

«– Хор, который существует в Центре, я не раз называл нашим национальным сокровищем. Уже дети его участники смогут научиться тому, чему их не научила бы ни одна академия. Этот коллектив уникален. <...>

<...> наша Наталья Николаевна, которая имеет и консерваторское образование, и в то же время Бог одарил её потрясающим ощущением народной традиции.

Наталья Попова – руководитель хора, одна из постоянных обитательниц этого удивительного дома».

Пианский, А. Первопроходец : К 60-летию Владимира Поветкина / А. Пианский // Новгород. – 2003. – 27 февр. – С. 5.

Гуслир XX века

«В пропитанном влагой шести – восьмиметровом культурном слое земли в Новгороде археологами с начала 1950-х годов среди бесчисленного множества бытовых вещей, чаще всего деревянных, стали попадаться предметы непонятного назначения, точнее, их обломки. Первым в конце 1960-х годов признал в них части или отдельные детали музыкальных инструментов выдающийся учёный, сыгравший важную роль в становлении постоянно действующей Новгородской археологической экспедиции – Борис Александрович Колчин. Его публикации о древних гудках, гусях, сопелях, варганах буквально ошеломили отечественных и зарубежных музыковедов. <...>

Под руководством Б.А. Колчина были осуществлены первые опыты по восстановлению внешнего облика гудков – струнных смычковых музыкальных инструментов и гуслей – струнных щипковых. <...> тогда ещё не ставилось задачи восстановления звуковых качеств инструментов. Честь изучения их с этой точки зрения выпала на мою долю.

В 1978 году зарокотали струны лирообразных гуслей, построенных полностью из современной древесины, согласно обломкам инструмента, изъятых из слоя XI века. Гусли такого типа, с одной стороны, свидетельствуют о преемстве древними новгородцами конструктивных идей, доставшихся в наследство от древнейших цивилизаций – Античной Греции, Древнего Египта, Месопотамии».

Поветкин, В.И. Заиграйте гусли-мысли / В.И. Поветкин // Крестцы. – 1994. – 13 апр. – С. 4.

«Владимир Поветкин – по образованию не учёный и не музыкант. Он художник. Но вся жизнь его оказалась связана с историей и звуками. Он создавал из дерева скульптуры, которые звучали на ветру, и копировал для музея древние миниатюры, в том числе – с изображением музыкальных инструментов и гуслиров: «Потом нечаянно в 1973 г. я реконструировал боевой лук для экспозиции исторического отдела и лишь потом, занимаясь уже музыкальными инструментами, я вспомнил об этом и подумал, что лук – это тоже музыкальный инструмент с одной струной. Музыковеды считают лук прародителем струнных инструментов».

Прокопьева, С. Владимир Поветкин: «Если народ перестанет петь свои песни, он исчезает как народ» / С. Прокопьева // Псковская губерния. – 2003. – 30 апр.

«В 1975 году на Троицком раскопе были найдены обломки гуслей. Это был один из древнейших в

Фото А.Р. Виснапа

новгородском собрании инструмент такого рода. Обнаружен он был в культурном слое 70-80-х годов XI века. <...> На основе найденных обломков удалось построить древние пятиструнные щипковые гусли, на которых стало возможным играть. <...>

<...> вырезанная на его корпусе надпись «СЛОВИША». Это не просто надпись, она – отражение языковой культуры. <...>

<...> Словиша – это, вероятнее всего, личное имя инструмента, а не владельца. Кстати, о европейской средневековой традиции именовать инструменты свидетельствует, например, рог Роланда из «Песни о Роланде».

Поветкин, В.И. Самая первая музыка: интервью с художником-реставратором / В.И. Поветкин; интервью взял сб. корп. газеты // Вече. – 1989. – № 12. – С. 6–7.

<...> самым знаменитым открытием <...> до сих пор остаются гусли XI века с надписью «СЛОВИША».

– Это совершенно никому прежде не знакомый инструмент, – рассказывает Владимир Иванович, – он узкий, продолговатый, длиной почти 85 сантиметров. В верхней части вырезано окно, сквозь которое музыкант касался струн во время игры. Чтобы его «озвучить», нам пришлось обратиться к более поздним инструментам и увидеть, в какой мере они были связаны с этим, самым древним в нашей коллекции. Выясняется, что в слоях XIV века были очень похожие по конструкции гусли, но уже не имевшие игрового окна в верхней части. И держали их, в отличие от лирообразных гуслей, горизонтально, на коленях».

Комаров, А.Л. Мир звуков, разбуженных через тысячу лет / А.Л. Комаров // Новгород. – 1998. – 30 июля. – С. 10.

«Уникальная находка буквально перевернула устоявшееся представление о древней русской музыкальной культуре. Гусли XI века оказались гораздо скромнее поздних и по размеру, и по количеству струн. <...>

Восстановить найденные и изготовить аналогичные для музеев взялся сотрудник Новгородской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ художник Владимир Иванович Поветкин.

– Задача была очень сложной, – рассказывает руководитель экспедиции В. Янин. – Надо было не просто, определив породу дерева, придать обломкам осязаемую форму, но и, раскрыв секрет древнего мастера, создать действительно музыкальный инструмент. Сведения о древних гусях пришлось собирать по крупицам, скрупулёзно изучая рукописи. Сколько чертежей и моделей было отвергнуто, прежде чем после многомесячного

труда появилась точная копия инструмента, созданного народным умельцем в XI веке!»

Зуева, Л. Ожившие струны / Л. Зуева // Лесная промышленность. – 1985. – 3 сент.

Битва за церу

«13 июля 2000 года в древнем Людине конце Великого Новгорода на Троицком XII раскопе (руководитель А.Н. Сорокин) в слое первой четверти XI столетия была обнаружена необычная книга с текстами, написанными на воске.

Она состоит, согласно исследованию Джона Хатера (английского специалиста по определению пород археологической древесины), из трёх липовых створок <...>

На тот миг, когда книге выпала неожиданная участь тысячелетнего пребывания под толщей земли, в ней, согласно христианской нумерации псалмов, были записаны 75 и 76 псалмы Асафа, а также в конце четвёртой страницы уцелели незаглаженные 4–6 стихи 67 псалма Давида».

Поветкин, В.И. Обретение Новгородской псалтири / В.И. Поветкин // Чело. – 2003. – № 1. – С. 3–11.

«Летом 2000 года на Троицком раскопе в слоях рубежа X–XI веков была найдена ни больше ни меньше как древнейшая книга. Не только русская, но и вообще славянского мира! <...> самое страшное – не существовало абсолютно никаких технологий реставрации подобных вещей <...>

– Все были застигнуты врасплох, и я в том числе, – вспоминает Владимир Иванович. – Это очень сложное соединение: воск на деградировавшей мокрой древесине, которая по мере высыхания начинает разрушаться и, естественно, тянет за собой воск. А он дробился на сотни обломочков. Холодный пот был для меня обычным явлением...

Работа была адской. <...> Потом наступил момент, когда опустились руки: Поветкин позвонил Янину и сказал, что ничего не выходит <...>

– На самом деле книга до сих пор в работе, и неизвестно, сколько работа еще продлится, – продолжает Владимир Иванович. – Но одно уже можно сказать определённо: в целом памятник спасён».

Пианский, А. Первопроходец: К 60-летию Владимира Поветкина / А. Пианский // Новгород. – 2003. – 27 февр. – С. 5.

«Владимир Поветкин – легенда реставрационного мира России и Северной Европы. Личность, в равной мере известная и уважаемая, в петербургской консерватории, МГУ и Академии наук. Он восстанавливает не только

письменную, но и разговорную речь многовековой давности. И даже музыку».

Арьева, Ю. Шифрвальщик геной памяти. Владимир Поветкин слышит созвучие времён / Ю. Арьева // Общая газета. – 2000. – 12 окт.

«<...> сегодня слава и престиж Новгорода, возможно, выше, чем когда-либо со времён его торгового расцвета. Причины? Новгород стал подлинной Меккой европейских археологов. Благодаря наступившему после Средних упадку, его фундаменты лежат непо потревоженными. Каждый сезон раскопки приносят новые сюрпризы, некоторые из которых совершенно сенсационны: от первой находки берестяных грамот в 1951 году до извлеченных из-под земли изображений св. Варвары начала XI века и самого раннего восточно-славянского текста псалмов (на покрытых воском деревянных табличках), найденных летом 2000 года».

Франклин, С. Новгород : погребенные сокровища / С. Франклин // Чело. – 2000. – № 2. – С. 53–54.

Знаете, каким он был...

«Ещё в восьмидесятых, когда Поветкин открыл для себя мужскую косоворотку – традиционную народную рубашку – и понял, что лучшего покроя мужской одежды просто не бывает, он попросил свою маму, Марию Фёдоровну Байбакову, между прочим, отличную швею, дочь профессионального портного, сшить такую же. Так вот, мастерица просто зашла в тупик: настолько непривычен и непонятен был народный покрой для профессионала, привыкшего шить европейскую одежду».

– К примеру, мы все уже давно забыли, что русская одежда не может существовать без пояса, привыкли к такому положению дел. А ведь раньше выйти на люди, не подпоясавшись, означало потерять честь: отсюда и пошло выражение „распоясался”.

Клапатнюк, М. ЗаПОВЕТная тропа / М. Клапатнюк // Новгородские ведомости. – 2009. – 18 июля. – С. 8–9.

«Во время нашей беседы Поветкин был одет в льняную рубашку-косоворотку, украшенную тесьмой. В этой одежде он читал свой доклад, так же пришёл и на открытие международной конференции. Владимир Иванович объяснил, что это его обычная, повседневная одежда:

– Многие говорят: „главное – в душе быть русским”. Но быть по-настоящему русским в душе – значит и снаружи быть русским, хотя бы по праздникам одеваться в традиционную одежду, как это делают уважающие себя народы. В Норвегию приезжаешь – у них в гардеробе есть традиционный костюм, в Японии императорская семья появляется перед фотокамерами в национальной одежде, Индира Ганди, глава государства, практически всегда была в национальной одежде. И таких примеров множество. Народ, который помнит свои традиции, непобедим. Если он перестаёт петь свои песни, он исчезает как народ. Я говорю о тех песнях, которые исполнялись во время свадьбы, Масленицы, Троицы, купальские песни».

Прокотьева, С. Владимир Поветкин: «Если народ перестает петь свои песни, он исчезает как народ» / С. Прокотьева // Псковская губерния. – 2003. – 30 апр.

«Внутри помещения всё обшито светлым деревом,

повсюду искусно расшитые полотенца, плетёные дорожки. На обитателях этого дома русская традиционная одежда – всегда, а не только в честь гостей, фестиваля или праздника».

– Нам иногда говорят: ну, конечно, вырядиться в сарафаны да косоворотки проще всего, – посетовал Владимир Иванович. – Остаётся ответить: что ж, попробуйте. Иной раз вижу – девушка улыбается, красуется, а сарафан на ней задом наперёд. Или распоясана, что вообще считалось неприличным. Незнание традиций приводит к утрате и моральных ценностей, и ощущения красоты».

Пианский, А. Первопроходец : К 60-летию Владимира Поветкина / А. Пианский // Новгород. – 2003. – 27 февр. – С. 5.

«Владимир Поветкин, так же, как и абсолютно непохожая на него молодая эстетствующая богема, недолюбливает фольклорных исполнителей. Песни они поют не те, двигаются не так – девушки пляшут мужские пляски, одеваются неправильно <...>. На молодой девушке кокошник замужней женщины – обычное дело, даже на обложках журналов».

Прокотьева, С. Владимир Поветкин: «Если народ перестает петь свои песни, он исчезает как народ» / С. Прокотьева // Псковская губерния. – 2003. – 30 апр.

«А некоторые <...> увидев случайно в городе этого «не от мира сего» странного человека в одежде старинного покроя, с изрядной бородой и длинными седеющими волосами, перетянутыми вокруг головы тесьмой, и вовсе молот обнаружить (и обнаруживали) следующую реакцию: „чудак”, „юродивый”, „ряженный”, „Дон-Кихот”, ну и тому подобное».

– Да хоть горшком назови... – допускаю я возможную ответную реакцию Владимира Ивановича Поветкина <...>

Серёгин, И. Не отрекись / И. Серёгин // Звезда. – 2006. – 4 авг. – С. 5.

«Дверь мне отворил человек среднего роста, аскетически худой и оттого кажущийся высоким, с лицом откровенно одухотворённым. Большие яркие глаза глядели настороженно (кто ты? с чем пришел?) <...>

Узенький коридорчик ведёт в комнату, где всё необычно и где почти всё сделано руками хозяина: кровать, половики, лавки, плетёная из бересты посуда – хлебница, солонка, подносы, подстаканники, сухарницы и прочая утварь».

Власов, С.М. «Что же Поветкин хочет?» / С.М. Власов // Школа гениев : сб. / С.М. Власов. – М., 1992. – С. 151–157.

«В солнечное мартовское утро <...> я вновь увидел несколько сутулую фигуру человека среднего роста, с лицом, укрытым небольшой бородкой и усами, с длинными прядями тёмных волос, на которых уже появилась изморозь седины, с традиционным поветкинским ремешком на лбу, каким древние русские мастера стягивали свои волосы. Не сразу увидев меня, в минутном молчании, вдруг Владимир Иванович тихо произнёс: „Я узнал вас, Владимир Борисович!”, хотя прошло после наших встреч более трёх десятков лет».

Я провёл замечательные минуты и часы, сначала рассматривая коллекцию древних русских музыкальных инструментов из собрания Владимира Поветкина. Позже,

полный восхищения, слушал его увлекательную лекцию. Куда девалась скованность молодого Поветкина? Перед небольшой молодёжной аудиторией выступал очень артистичный, наделённый юмором страстный пропагандист возрождения древней русской музыкальной культуры, директор первого в стране Новгородского Центра музыкальных древностей.

Лекция сопровождалась музыкальным поветкинским исполнением, а также танцами ассистентов из Новгородского Центра музыкальных древностей Н. Поповой и С. Васильевой».

Степанов, В. Владимир Поветкин в Курске / В. Степанов // Курская правда. – 1999. – 13 мая.

Постскриптум

«Кто-то осуждал его (Д. Балашова – **А.Л.**) за ношение одежды традиционного народного покроя и видел в этом факте вызов всему обществу. Но не является ли вызовом всей нашей истории, всему сонму наших предков то, что мы, разучившись шить себе портки, почти все облачились в американские одежды? О традиционной народной рубахе Балашов кому-то ответил: „Может быть, у меня от Родины моей кроме этой рубахи ничего больше и не осталось. Никто её с меня не снимет!“ И действительно, не страшнейшее ли это горе, что за многие последние десятилетия на необъятной земле российской в русской рубахе похоронен всего лишь один человек – Дмитрий свет Михайлович Балашов!»

Поветкин, В. Украсный мир Балашова / В. Поветкин // Дмитрий Балашов. Писатель. Историк. Фольклорист : материалы первых Балашовских чтений. 7–9 нояб. 2001 г. – Великий Новгород, 2002. – С. 47–55.

«<...> журналисты не упустили случая поинтересоваться у Поветкина, как он оценивает перемены, что про-

изошли в Новгороде в канун его 1150-летнего юбилея. На что у нашего собеседника было своё особое мнение:

– Более всего из того, что появилось в городе в последнее время, мне понравился „Ганзейский фонтан“. Оригинальное решение, лучшее из всего, что сделано. <...>

<...> поздно вечером на огонёк заглянул губернатор Сергей Митин и поинтересовался, как идут дела, руководитель Центра попросил у руководителя области единственное – наградить трёх его сотрудников медалями в честь 1150-летия Великого Новгорода».

Дубовицкая, С. Поющая стрела Владимира Поветкина : Новгородскому Центру музыкальных древностей исполнилось 20 лет / С. Дубовицкая // Новгородские ведомости. – 2010. – 5 февр. – С. 12, 24.

«<...> я не ушёл от Владимира Ивановича угнетённым печальными во многом темами. Это не получилось ещё и потому, что человеком он оказался весёлым. Вот что „предъявил“ В. Поветкин в конце нашей встречи: „Прибабашки. Род крылатых выражений с глупинкой“. Его самого изобретение. <...> Прочитирую лишь несколько „прибабашек“ из немалого их числа (Присоветовал Владимиру Ивановичу выпустить некую книжицу – было бы крайне любопытно). И так..

„Остаюсь при собственном мозаключении“.

„У меня была большая неприятность – я был пойман на мысли“.

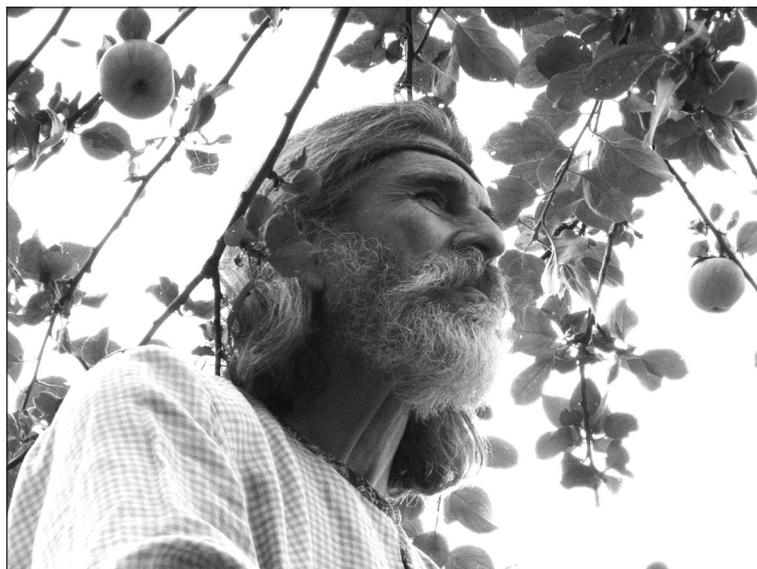
„Я не дурак, но тщательно скрываю это от окружающих“.

„Сознательно считая себя ограниченным, вы близки к истине“.

И, наконец:

„Лучше один раз увидеть, чем два“.

Серёгин, И. Не отрекись / И. Серёгин // Звезда. – 2006. – 4 авг. – С. 5.

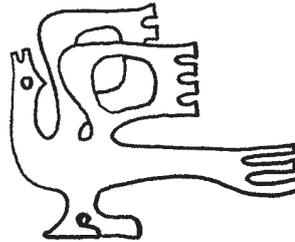

ДУЮТ ВЕТРЫ

сл. А.В. Кольцова

муз. В.И. Поветкина

♩ = 60

ду - ют вет - ры, ду - ют вет - ры, ду - ют вет - ры, вет - ры буй - ны -

е. да хо - дят ту - чи, хо - дят ту - чи, хо - дят ту - чи, ту - чи тём - ны - е.

Дуют ветры, (3 раза)
 Ветры буйные,
 Ходят тучи, (3 раза)
 Тучи тёмные.

Не видать в них (3 раза)
 Света белова;
 Не видать в них (3 раза)
 Солнца краснова.

Во сырой мгле,
 За туманами,
 Только ночка
 Лишь чернеется...

В эту пору,
 Непожую,
 Одному жить –
 Сердцу холодно.

Грудь другую
 Ему надобно:
 Огонь-душу –
 Красну девицу!

С ней зимою –
 Лето тёплое;
 При бездолье –
 Горе – не горе!

1840 год

Информация об авторах

Барканова Елена Владимировна, главный редактор альманаха «Чело», заместитель директора ГОБУ «Общественно-аналитический центр», член Союза журналистов России, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Гаврилова Любовь Алексеевна, учитель русского языка и литературы, преподаватель Новгородского духовного училища, г. Великий Новгород.

Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842), русский поэт.

Ларская Галина Германовна, поэт, музыкант, художник, друг В.И. Поветкина, г. Москва.

Лукин Александр Андреевич, краевед, офицер запаса, член литературного объединения при НовГУ им. Ярослава Мудрого, д. Витка, Новгородский район.

Малютин Сергей Дмитриевич, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, член

Союза журналистов России, друг В.И. Поветкина, г. Курск.

Поветкин Владимир Иванович (1943–2010), Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Великого Новгорода, создатель Новгородского Центра музыкальных древностей.

Попова Марина Николаевна, музыкант, Заслуженный работник культуры РФ, сотрудник Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина, г. Великий Новгород.

Попова Наталья Николаевна, Заслуженный работник культуры РФ, директор Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина, действительный член НОЛД, г. Великий Новгород.

Федина Людмила Васильевна, историк-архивист, Заслуженный работник культуры РФ, сотрудник Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина, г. Великий Новгород.

*Перепечатка материалов и использование их в любой форме разрешается по согласованию с редакцией, ссылка на «Чело» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов*

Адрес редакции:

173003, Россия, Великий Новгород, ул. Саши Устинова, д. 1, каб. 6507
Телефон: (816-2) 62-75-85, e-mail: chelo@list.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.
Подписано в печать 17.12.2013. Заказ № 1018068. Бумага 80²г/м.²
Тираж отпечатан в ООО «Печатный двор „Великий Новгород“». Телефон: (8162) 502-233

**В номере представлены фотографии из личных архивов авторов и архива
Центра музыкальных древностей В.И. Поветкина**

Художественное оформление — В.И. Поветкин

Техническая обработка материалов, вёрстка — Э.Н. Белоножка

**Над номером работали:
Главный редактор — Е.В. Барканова
Редактор отдела — Е.М. Ипатова
Редактор — М.К. Кулиничева**

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ВЕЛИКОМУ НОВГОРОДУ

Слова и музыка В.И. Поветкина

Солнце-Конь в закат умчался,
Гривы алмаз забыв на Луне,
Звёзды в лодиях качаясь,
Шлют сиянье нам извне.
Звёзды в лодиях качаясь,
Приплывают к нам во сне.

Спи, наш Новгород украсный,
Спи, Софийская сторона —
Станут Волхова русалки
Сладки песни вспоминать.
Станут Волхова русалки
Звонким струнам подпевать.

Спи, пресветлый древний город,
Спи, Дворище и причал —
Будет Месяц косорогий
Колокольчиком брнчать.
Будет Месяц косорогий
Колыбель твою качать.

Спите, реки и дубравы,
Спите, яблони в цвету,
Утром рано Конь проскачет,
Отряхая с вас росу.
Утром Солнце-Конь проскачет,
Рассыпая красоту.

Ясным днём на крыльях песни
Облетим родные края
И найдём ночи предвестье,
Где багрянится земля,
И найдём огонь-невесту —
Вся в румянах свет-Заря.

1. Сол-нце-Конь в за-кат у-мчал-ся, гри-вы ал-маз за - быв на Лу-не, звёз-ды,
2. Спи, наш Нов-го - род у-крас-ный, спи, Со-фий-ска - я сто-ро-на — ста-нут
3. Спи, пре-свет-лый древ-ний го-род, спи, Дво-ри-ще и при-чал — Бу-дет
4. Спи-те, ре-ки и дуб-ра-вы, спи - те, я-бло - ни в цве-ту, ут-ром

в ло-ди-ях ка - ча - ясь, шлют си - я - нье нам из - вне. Звё-зды,
Вол-хо-ва ру - сал-ки слад - ки пес - ни вспо - ми - нать. Ста-нут
ме-сяц ко-со - ро - гий ко - ло - коль-чи - ком брен - чать. Бу-дет
ра-но Конь про - ска-чет, от - ря - ха - я с вас ро - су. Ут-ром

в ло-ди-ях ка - ча - ясь, при - плы - ва-ют к нам во сне.
Вол-хо-ва ру - сал - ки стру - нам звон-ким под-пе - вать.
ме-сяц ко - со - ро - гий ко - лы - бель тво-ю ка - чать.
Сол-нце-Конь про-ска - чет, рас - сы - па-я кра-со - ту.

